

REDDETONATOR

ЛИЦЕДЕЙ
МРАЧНЫЙ ДЕБЮТ

1 апреля 2022 года — день, когда мир не на шутку изменился. Те, кто был всем, стали ничем, а те, кто был ничем, стал чем-то ещё меньшим. И лишь единицы, сумевшие проявить волю и характер, получили билеты на лучшие места в этой кровавой постановке безумия, жестокости и смерти.

Главный герой: Дмитрий Верещагин, драматический актёр и восходящая кинозвезда, только-только начавшая вкушать "последствия популярности".

Место действия: город Санкт-Петербург.

Ключевое мероприятие: зомби-апокалипсис и ещё кое-что особенное.

Глава 1. Синее пламя

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Театр на Васильевском/

— Как-как, простите? — переспросил я, поправляя откровенно неудобный пояс с бугафорским мечом.

Интервьюер, рыжеволосая девушка, примерно моего возраста, то есть где-то в интервале между двадцатью пятью и двадцатью семью, перелистнула свой чёрный блокнот и с неловким видом кашлянула.

— Я спросила, могу ли обращаться к вам просто по имени? — повторила она вопрос, подняв на меня взгляд своих зелёных глаз.

А она ничего, с какой стороны ни посмотри.

— Да, конечно, Ирина. — кивнул я.

Думаю, я ещё не настолько большая величина, чтобы ко мне обращались по имени-отчеству...

— Итак, — приготовила журналистка карандаш. — Самый главный вопрос, который чаще всего задают наши читатели и, в первую очередь, читательницы — насколько правдивы слухи о том, что вы имеете романтические взаимоотношения с Анфисой Демиденко?

Ложь и провокация, созданная руками жёлтой прессы. Демиденко — птичка высокого полёта, у неё на следующие три года проекты, а ещё «Кинотавр» за лучшую женскую роль. Я же... Я выстрелил удачно парой последних проектов, критики меня очень любят, без шуток, поэтому все пророчат мне большой успех, но в будущем.

«Нельзя обоссаться...» — подумал я, вспоминая очень мудрые строки очень жизненной песни Михаила Елизарова.

— Если я скажу, что ничего нет — мне не поверят, если я скажу, что что-то есть — это будет неправдой. — нашёл я отличный, по моему мнению, ответ.

Симпатичная Ирина кивнула, записав ответ в блокнот. Честно, не понимаю, почему она пишет — включён диктофон и мои ответы записываются.

— Дмитрий, у многих интересующихся новостями шоу-бизнеса возникают вопросы, связанные с вашим отчеством, — продолжила опрос Ирина. — Если не секрет, как же так получилось, что у вас отчество Ибрагимович?

Можно было бы разглагольствовать об этом вечно, начать с самого начала, с казахских степей, с сороковых годов, с довольно романтических обстоятельств знакомства моего деда с моей бабушкой, но у меня нет на это времени.

— Это потому, что так зовут моего отца, — ответил я. — Имя это ему дал мой дед, в честь своего лучшего друга, работавшего с ним на Целине, в пятидесятые годы и позже. Тогда не было большой проблемой дать ребенку любое имя, причём Ибрагим — это не самый плохой из возможных вариантов.

— Да, — согласилась Ирина, чуть подумав перед этим. — Вам очень повезло, что ваш отец не решил назвать вас Остапом.

Избитая шутечка, преследовавшая меня в любой школе, где моё отчество становилось достоянием общественности. До сих пор смешно, правда-правда...

— Да, очень повезло, — дежурно улыбнулся я. — Ещё какие-то вопросы? У меня через тридцать минут выступление, поэтому прошу вас поторопиться, Ирина.

В драмтеатр на Васильевском я попал, можно сказать, через постель — безалаберно проспал пробы в Большом, за что корю себя каждое утро, стоя перед зеркалом в ванной бабулиной квартиры. Мне этого не простили, поэтому я там персоне нон грата. И не горю желанием его посещать, потому что всё здание служит свидетельством моего сокрушительного провала.

Это не значит, что драмтеатр на Васильевском какой-то плохой, но перспектив больше у... кхм... Большого. Вот Демиденко с Большого начинала, смотрите, где она теперь.

Впрочем, худа без добра не бывает — ведь именно в этом драмтеатре, после седьмой по счёту постановки, меня пригласили сыграть третьестепенную роль в «Менты: Криминальный город». Деньги неплохие, пусть и роль незаметная. Но зато дальше попёрло!

Роль второго плана в «Бесе» 2020 года, а затем и в «Бесе 2» — там я играл друга главного героя, который вроде как хороший, но, в середине первого фильма, предаёт, за что заслуженно получает срок в тюрьме, а во втором фильме встаёт на путь искупления. И в продолжение вообще ввели роль моего персонажа только потому, что я отыграл на все деньги и сильно понравился публике.

И сейчас продюсеры уже нашли бабки на спин-офф «Беса» с главной ролью для меня. В самом конце этого или в начале следующего года стартуют съёмки, потому что события спин-оффа будут происходить зимой, посреди Магадана. И снимать будем прямо там, в Магадане, если всё не переиграют. А ещё ходят слухи, что черновик сценария — полная дрянь, но...

«Нельзя обосраться», — словно мантру, мысленно повторил я. — «Не-е-ельзя обосра-аться...»

— А сейчас вы кого играете? — спросила Ирина.

Газета у них, конечно... Никогда не выписывал «АиФ», но, вроде бы и как бы, кто-то ещё читает бумажные газеты, презрительно игнорируя онлайн-ресурсы. От одного интервью хуже не станет, ведь популярность среди бабушек и дедушек — это тоже популярность. Макс не даст соврать.

— А по мне не видно? — спросил я, приняв горделивую позу и сунув руку в наполовину расстёгнутый китель.

— Нет. — ответила Ирина.

— Совсем не видно? — спросил я, поправив шляпу-двууголку.

— Наполеон? — с неловкостью улыбнувшись, уточнила журналистка.

Я тяжело вздохнул.

— Совсем не похож? — спросил я разочарованно.

— Похожи, просто я не сразу узнала этот... — Ирина покрутила кистью в воздухе, вспоминая слово.

— Образ, — подсказал я. — Ещё какие-то вопросы или я могу идти?

— Да, расскажите, пожалуйста, о своей жизни. — попросила интервьюер от «АиФ».

— Родился в Казахстане, в глухой деревеньке, название которой вы едва ли сможете правильно произнести, — вновь тяжело вздохнув, начал я. — По национальности русский, но до девяти лет очень плохо говорил на русском языке...

— Это как? — невежливо перебила меня Ирина.

Она начинает нравиться мне всё меньше и меньше.

— Это так, что в селе было только две русских семьи, — всё же, снизошёл я до объяснения. — Верещагиных и Родионовых. Среда была казахоязычная, мой отец тоже вырос

в такой же среде, а дедушка с бабушкой хорошо владели разговорным казахским, поэтому дома мы очень редко говорили на русском. Ну, знаете, когда все твои друзья говорят на казахском, друзья родителей говорят на нём же, очень сложно взять и выучить русский. В школе, конечно, я освоил родной язык, но казахский не забыл.

Фанбаза в Казахстане у меня одна из самых мощнейших, потому что «Бес» и «Бес 2» выстрелили не только в России, но и в странах СНГ. И я навсегда "наш человек в России" для казахстанцев — это греет душу.

— Скажите что-нибудь на казахском, пожалуйста, — попросила Ирина.

— Это обязательно? — вздохнул я недовольно.

— Просто я думаю, что... — начала интервьюер.

— Димитрий! — вошёл в кабинет Антон Маркович, заведующий труппой.

Антон Маркович Журавлев — это дядечка лет шестидесяти, настоящий живчик, потому что только благодаря его активности эта богадельня продолжает давать спектакли.

Седовласый мужчина, не скрывающий, одержавшую решительную победу в битве за голову, плешь, обычно носил твидовый костюм и какой-нибудь необычной расцветки рубашку. Это очень старомодно, но зато, по-своему, стильно. Когда стану пожилым, думаю, резко сменю гардероб на что-то вроде того.

— Да, Антон Маркович? — спросил я у него.

— Полина сегодня не приедет, поэтому её роль исполнит Валентина. — сообщил заведующий труппой.

Проклятье. Но почему? Опять будет работать не по сценарию, пытаюсь «лучше раскрыть роль»...

Выходит, что Жозефину де-Лерм будет играть Валентина — с этим уже ничего не поделаешь. Хороших сторон в этом я найти не могу, потому что Валя из «болота», то есть актёрского таланта у неё нет, но зато есть богатый папа, потакающий её прихотям и «отучивший» её в РГПУ имени Герцена.

— А что с Полиной? — спросил я, сильно не желая взаимодействовать на сцене с Валентиной.

— У неё трудности, которые я бы не хотел обсуждать при... — Антон Маркович мельком посмотрел на журналистку. — И закругляйте интервью, тебе скоро на сцену.

— Да-да, — ответил я, возвращаясь взглядом к журналистке. — Ещё какие-нибудь вопросы?

Заведующий труппой покинул кабинет режиссёра-постановщика, выделенный для короткого интервью. Руководство относится с пониманием, поэтому идёт на встречу, чтобы разрешать «последствия популярности».

— То есть, у вас родня в Казахстане? — продолжила опрос Ирина.

— Родители, — без особого желания ответил я. — Не захотели ехать в Петербург и возиться с документами. Им и там нормально.

— Но бабушка... — нахмурила брови журналистка.

— Как дед умер, это было в две тысячи восьмом году, она увидела, что дети устроены и её мало что держит в Казахстане, поэтому она вернулась в Ленинград, то есть уже в Санкт-Петербург, — объяснил я. — И что, ваших читателей интересуют только подробности моей биографии? А планы на будущее? А ожидаемые роли? Нет?

Это интервью уже начало меня раздражать. Я очень часто давал интервью, поэтому разбираюсь в вопросе. Это интервью раздражает некомпетентностью интервьюера. Или

интервьюерши? Или интервьюерки? Или интервьюерэссы?

— И вы, выходит, переехали в Петербург, к бабушке, после чего поступили в СПбГУ, так? — проигнорировала мои озвученные и неозвученные вопросы Ирина.

— Так всё и было, — вздохнул я. — Думаю, наше интервью можно считать состоявшимся, потому что мне нужно перепроверить грим, скоро начнётся спектакль. Рад был побеседовать.

— Но я ещё хотела спросить... — начала Ирина.

— Увы, но вынужден огорчить вас невозможностью продолжения интервью, — начал я настраиваться на своего персонажа и переходить на французский акцент. — Направление к выходу, знаете. Арёвуар, мадмуазель.

Я встал со стула, поправил китель, двуголку, после чего поклонился Ирине и покинул кабинет.

Прохожу сквозь узкие и полутёмные коридоры, пропустив мимо себя стайку технических работников, которым предстоит занять свои места.

Сегодня играем «Вмешательство Наполеона». (1) Станислав Пешков играет Ландрю, а я, соответственно, Наполеона. Жозефину играет, к сожалению, Валентина...

Почему сабля или что там Наполеону положено, такая тяжёлая? Надо сказать бутафору, чтобы сделал лёгкое оружие, ведь мне даже вынимать этот меч, по сюжету постановки, не нужно. Или вообще, пусть отвинтит лезвие и оставит только рукоять — оружие тянет пояс и это выглядит нелепо. Это у нас в раздел «Не забыть», а не в раздел «Как обычно, забыл».

Рискованная тема, финал дырявый, как дуршлаг, но худрук, Иван Абрамович, решил попытать удачу — население у нас притязательное, но хорошо забытое старое имеет повышенные шансы на успех только потому, что это уже классика, пусть и не очень успешная при своих современниках.

В зале играла французская музыка 30-х годов — так Иван Абрамович собирается настроить уже ожидающих начала спектакля зрителей «на атмосферу».

— Non, je ne regrette rien... — пропел я тихо, подпевая Эдит Пиаф.

Стоп.

— Вот Александр Владимирович... — прошептал я, меняя курс к кубрику звукорежиссёра.

Не люблю лезть в чужую работу, но Эдит Пиаф, которая исполнила свою самую знаменитую песню в 60-е годы, это совершенно точно не в атмосфере пьесы 30-х годов.

Простой зритель, может, не заметит несоответствия, но если в зале критики, то есть риск, что завтра в околотеатральных кругах будут глумливо посмеиваться над нами, потому что важно всё — от музыки до спектакля, до выдачи шуб с куртками, после.

Но я не успел решительно подпортить отношения со звукорежиссёром, потому что там уже был Иван Абрамович, распекающий всех причастных и не причастных. Он услышал мои шаги и резко развернулся.

— Верещагин! — воскликнул слегка полноватый дяденька. — Ты почему ещё не на сцене!? Живо дуй туда, скоро начало! А у нас тут с музыкой трагедия... С кем я работаю?! Кто все эти люди?! Почему мне нельзя вам ничего доверить?! Следить должен, за руку вести вас, бестолочи! Да вы понимаете вообще, как сильно подпортили нам репутацию? Эх, вы...

«Нельзя обоссаться», — мысленно настраивал я себя.

Музыка, пока я шёл по коридору, сменилась на некий популярный когда-то, в тридцатые, французский шлягер. Несомненно, он рвал чарты во Франции, поражая сердца и

души уже давно мёртвых людей.

Я уже был на сцене и стоял на отметке, замерев как восковая фигура, в горделивой позе, с высокомерным выражением лица, когда снова случилась заминка.

— Да что ещё? — спросил я, перекрикивая громкую музыку.

— Володя куда-то пропал, — ответил механик сцены, вроде бы, Вадим.

Он стоял вне поля зрения зрителей и отвечал за передвижение всего, что должно двигаться, а также за полёт всего, что должно летать.

— Кто-нибудь может отвлечься ненадолго и раздвинуть грёбанный занавес? — донёсся до меня экспрессивный риторический вопрос Пешкова.

Этот вопрос был хорошим и своевременным.

Наконец, появился право имеющий, а не тварь дрожащая, и дёрнул за рычаг импортного электродвигателя.

Занавес разъехался и обнажил актёрам яркий свет и самое страшное, что может увидеть актёр театра... зрителей.

Свет слепил и не позволял разглядеть, что именно происходит в зале, но я быстро понял, что происходит что-то неправильное. Потому что музыка затихла, а из зрительского зала раздавались вопли, топот, хрипы и испуганная ругань.

Я приставил ладонь к глазам, чтобы избавиться от влияния верхнего освещения, и вгляделся в зал. Выпучив глаза, я отступил назад.

— Всем не двигаться! — крикнул я остальным участникам постановки. — Тут что-то не так!

Зрители ломались в двери, а наша знаменитая на весь Питер железная лестница отчаянно скрипела, ведь по ней спешно взбирались десятки людей.

Но самое ужасное, что на выход ломались не все. Некоторые из зрителей колотили и кусали лежащих и вопящих людей, раненых и беспомощных.

Вот один из зрителей, нависнув над жертвой, схватил её за голову, после чего впился зубами в шею, сразу же оторвав клочок плоти. Кто-то включил освещение зала — стали видны шокирующие подробности.

Страх. Я оцепенел, хоть и считал себя крепким парнем, не только физически, но и ментально.

Парализовавший всё тело ужас резко схватил всего меня и начал медленно, будто бы демонстративно, сжимать. Ни вдоха, ни выдоха — полное оцепенение.

— ... — кажется, кто-то со мной говорит.

Словно пробиваясь сквозь плотную пелену, заставил себя повернуть голову к источнику звука и увидел пятящегося Пешкова, тычущего указательным пальцем куда-то вперёд.

Зрение будто работало как камера с низкой частотой кадров, то есть часть картинки я просто терял, будто просматривая очень чёткий диафильм.

Оцепенение никак не отпускало... А у меня ведь был веский повод взять себя в руки и сбежать, но это, сейчас, было сильнее меня.

«Веский повод» врезался ногами в край подмостков и рухнул на лакированный дощатый настил. Из рта ненормального зрителя плеснуло кровью и ошмётками плоти. Человеческой.

И это послужило последней каплей. Тут уже омерзение преодолело лёд оцепенения и я был вынужден бороться с рвотным позывом. Комок чего-то кислого и неприятного поехал вверх по пищеводу, но я удержал завтрак при себе и понял, что теперь могу думать — страх никуда не делся, но чуть отпустил.

— Димон! — крикнул из-за моей спины Стас. — Ты чего стоишь?! Беги! А-а-а, сука!

Короткий взгляд через плечо позволил увидеть, что на коллегу напал другой нездоровый зритель. М-м-матерь божья! Да что тут происходит?!

Ненормальный зритель медленно поднялся на ноги, а я, ни на секунду не уверенный, что совершаю правильный поступок, завозился с извлечением сабли из ножен.

Когда сабля оказалась у меня в руке, бежать уже было поздно. Ненормальный пошёл на меня.

Лицо его было окровавлено, но кровь была, точно, не его. Из рта его осыпаются лоскуты кожи, которые этот ублюдок продолжал жевать. Сейчас блевану, точно...

Удержался. Во рту появился неприятный привкус. Очень неприятный. Но я так и не решил, что делать — бить человека мечом по голове, прямо на сцене, но взаправду или бежать.

Отступать некуда, кажется, Стас зовёт меня жалобным голосом. Проклятье, да что это за безумие?!

Решаю, что надо брать себя в руки и действовать.

Мысли мелькают, словно молнии, заставляя чуть не окочурившийся от бывшего оцепенения организм действовать.

Замахиваюсь на психически долбанутого зрителя мечом, но тому хоть бы хны — даже не отшатнулся. Зато он вновь пошёл на меня, а я отступил. Вообще ничего не боится, будто откуда-то знает, что я не ударю. Надо бить, иначе тут не выжить.

Вырубить его ударом плашмя? Вариант. Потому что не хочу потом сидеть за превышение чего-то там, или за что сажают в тюрьму.

«Нельзя обоссаться». — посетила голову мысль.

Железяка у меня в руках — это красивая бутафория, кусок стального прута, художественно превращённый во внешне похожее на оружие нечто. Надеюсь, не проломлю зрителю череп, а также не сломаю свою единственную защиту.

Да это же зомби!

Мысль озарила меня лишь тогда, когда сабля летела прямо в череп не уклоняющегося зрителя. Хруст, м-м-м, мама не горюй...

Во все стороны брызнуло мозгами и кровью. Железяка в моих руках чуть погнулась, но не сломалась.

Я неловко отступил на шаг и упал на задницу.

Зомби упал вперёд, скорее всего, мёртвый. Кино учит нас, что их надо сильно бить по голове, чтобы разрушить мозг, но я ни в чём не был уверен, поэтому начал отползать назад.

Но не успел я проползти и десятка сантиметров, как что-то ударило об мой... мою ногу. Да, будем считать, что это была нога. Опустив взгляд в ту область, я увидел серебристого цвета шарик. Это точно не из нашего реквизита, иначе бы я опознал эту штуку.

Не знаю, зачем, но я схватил этот шарик и сунул его в карман брюк.

— Димон, помоги! — воскликнул Стас Пешков, пытающийся отбиться от навалившегося на него зомби.

Я вскочил на ноги и подлетел к борющимся. Взяв зомби за плечи, я скинул его с собрата по сцене, после чего посмотрел на погнутый меч. Этой железякой сейчас даже не ударить...

— Берись за руку! — крикнул я коллеге. — Уходим отсюда!

Но зомби уже встал на ноги и пошёл на меня, протягивая руки для захвата.

Выхода нет.

Замахиваюсь бутафорским мечом и наношу удар, метя в голову. Погнутая железяка попала в цель, но окончательно сломалась о череп зомби, не нанеся достаточно ущерба — зомби взял меня за грудки и попытался вцепиться зубами в моё лицо. Пытаюсь отпрыгнуть, одновременно нанося колющий удар прямо в раскрытый рот зомби.

М-м-м, мерзость... Металл скрипнул по зубам, а затем я ощутил сопротивление плоти, передаваемое рукоятью меча — это было уже слишком, поэтому я не смог удержать позыв и блеванул струёй рвоты прямо на, вроде бы убитого, зомби.

Резко стало плохо и я почувствовал вкус шавермы с курицей, съеденной утром, по пути в театр.

Хватаю коллегу за руку и тащу его за кулисы.

— Бля... — просипел Пешков. — Димон, он погрыз мне лицо...

Чёрт. Если это зомби, как в кино, то... А если нет? Надо затащить его в безопасное место и оказать первую помощь!

Железную бутафорию, сломанную пополам, я взял с собой — это хоть какое-то оружие.

В коридорах к гримёркам горел свет, но людей и зомби не было. Остальные члены труппы смылись сразу, когда началась эта нездоровая кутерьма, поэтому мы остались здесь одни. Но как зомби пробрался на задник?

— Это же Сёма... — сказал Стас, поднявшийся на ноги и ведомый мной по коридору. — Из осветителей... Значит, если кусают — становишься таким же? Я умру, Дим?

— Мы не знаем наверняка, поэтому давай зайдём в гримёрку, там точно была аптечка, — ответил я, стараясь сохранять спокойствие.

Дверь гримёрки была заперта. Я постучал, но в ответ тишина.

— Какого чёрта? — спросил я. — Там кто-то есть?

Даже если там кто-то есть, они напуганы и молчат. Ясно.

— В туалете дверь не закрывается... — подсказал Стас, поморщившись от боли.

— Идём. — решил я.

Как бы цинично это ни звучало, но остальные зомби пошли вслед за зрителями, поэтому их мало интересует сцена и всё, что за ней — это даёт нам время, чтобы спрятаться и подлатать Пешкова.

До туалета, одного из самых чистых и аккуратных помещений нашего театра, без шуток, кстати, мы дошли спустя минуту. Кровь Стаса капала на ещё советский линолеум, под шарканье нашей старомодной и не очень удобной обуви.

— Я сейчас отключусь... — прошептал Стас. — Ох, как же мне паршиво...

— Прорвёмся, Стасян, — попытался я его прибодрить. — Сейчас подлатаем тебя. Как новый будешь, но не сразу.

Но тупая шутейка не помогла, потому что Пешков обессилено упал, а я не успел вовремя перехватить его.

В туалет его пришлось затаскивать, схватив под плечи.

— Я могу идти... — произнёс он.

— Не болтай, — покачал я головой. — Где тут аптечка?

Ящик с красным крестом был обнаружен на стене у входа, но там были только бинты, пустая бутылочка из-под зелёнки, а также стерильные перчатки, кажется, советских времён или около того — и всё. Ваты нет, спирта, разумеется, тоже нет, жгута нет. Дело дрянь.

— Не отключайся, — потормошил я коллегу за плечо. — Очнись!

Пешков открыл глаза и уставился на меня усталым взглядом человека, который уже не

совсем понимает, что происходит вокруг.

Бутылочка с зелёной была совсем пустой, поэтому я бросил её в урну у раковины и занялся перематыванием лица Стаса стерильным бинтом. Коллега лишь вяло хлопал глазами. Погрызли его сильно, укусы глубокие — человек, находясь в здравом уме, не сумел бы так сильно покусать другого человека.

— Так, надо набрать сто три... — начал я хлопать карманы и нащупал только металлический шарик.

Но у меня же нет телефона, он в гримёрке, в шкафчике. Проклятье... Как же всё неудачно.

— У тебя нет мобильного? — спросил я у коллеги.

Тот ничего не ответил, поэтому я зашарил по его карманам и не нашёл ничего, кроме пачки сигарет и зажигалки.

— М-м-м, зараза... — с отчаянием произнёс я.

Из туалета мне выходить никуда не хочется, там опасно и могут сожрать. А ещё непонятно, как укусы влияют на людей — Джордж Ромеро показывал, что после укусов люди обращаются в зомби и нападают на родных и близких...

— Димон, лучше уходи... — просипел обессиленный Стас. — Я, кажется, умираю...

Я не могу его бросить. Просто сожру себя сам, потом, если выживу.

— Нет, — покачал я головой. — Надо вызвать помощь или дождаться прибытия полиции.

— Ерунда-а-а... — сипло протянул Стас. — Не только у нас...

— Почему? — спросил я с искренним удивлением.

— Чувствую... — ответил коллега. — Как в кино... И когда я подохну, тебе придётся убить меня, Димон... А лучше...

— Это не может быть, как в кино, — нервно выдохнул я. — Кино — это фантастика, это не по-настоящему. Это не может быть правдой...

Он не ответил. Голова его бессильно упала. Почему-то я сразу понял, что он умер.

Но ведь не может человек так быстро умереть от укусов?! Он не потерял много крови, он должен быть жив!

Я осторожно приблизился к нему, но потом передумал. В кино зомби кидаются внезапно.

Это, наверное, очень глупо, но мне захотелось закрыться в туалетной кабинке и ждать там помощи...

Если Стас «восстанет», то услышит или почувствует меня — я понятия не имею, что могут эти зомби. Может, лучше поместить его в кабинку? Или привязать к...

Чёрт, точно!

Я набрался решимости, крепче сжал обломок бутафорского меча и подошёл к телу Стаса.

Ногой я толкнул его в бок, но он не кинулся на меня, как я подспудно ожидал, а просто завалился в противоположную сторону.

Поняв, что он просто мёртв, с щелчком отвыкших от подобного суставов, я быстро присел на корточки, после чего расстегнул его ремень и быстро извлёк его из ременных петель.

Дальше я, ненавидя себя за это, за ногу перетащил тело Стаса к окрашенной в серое чугунной батарее. После этого я привязал его правую руку к толстой трубе, сняв с покрытия

трубы облупившуюся краску.

Когда я отошёл, тело коллеги неестественно зашевелилось. Выпучив глаза и приоткрыв рот в потрясении, я упёрся спиной в кремового цвета кафельную стену. Я ждал этого, но ждать и увидеть — это разные вещи.

— Ы-ы-ы-х-х-х... — донеслось от Пешкова. — Хр-х... Хр-х...

Сейчас мне захотелось оказаться где-нибудь подальше, а ещё лучше было бы проснуться от этого кошмара. Но я не спал. Ещё когда тащил Стаса по коридору, я сильно ущипнул себя несколько раз и это не помогло.

Приподняв меч, я следил за действиями Стаса. Он, в это время, попытался встать. Правую руку ему использовать не удалось, поэтому он провалил первую попытку.

Тут я не выдержал и бросился в туалетную кабинку. Опустив крышку, я закрыл дверь и взобрался на унитаза, после чего замер.

Телефона нет, из оружия — кусок железяки, я в проклятом костюме Наполеона, на унитаза, внимательно и испуганно слушаю, как мой коллега, ставший зомби, пытается встать на обе ноги и выдернуть свою руку из ремня. У меня нет ничего. Разве только шарик... Но какой в нём смысл?

Я медленно вытащил серебристый шарик из кармана и посмотрел на него.

Он не гладкий, как мне показалось в самом начале — на нём есть некие выпирающие кольца, пространство между которыми было плотно усеяно чёрными значками. Я вгляделся в них, потому что мне показалось, что я, будто бы, понимаю, что это некий текст или... не знаю, как это объяснить...

Ощущение, будто в них есть какой-то смысл, не давало мне и шанса оставить это, на первый взгляд, бесполезное занятие, поэтому я проморгался и начал отдалять от себя шарик. Вроде бы я вижу что-то. Внезапно, я понял, что вижу понятный текст.

Тип: Магия проклятых масок

Потенциал: эпический

Краткое описание: сложный, но разнообразный тип магии, требующий от своего владельца как высокого самоконтроля так и больших творческих возможностей.

Позволяет использовать и реализовывать художественные образы персонажей театральных постановок, используя дарованные им способности и характеристики.

Внимание! Использование предмета оказывает сильнейшее воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте крайне осторожны.

Меня удивило, что эти знаки на шарике, каким-то непонятным образом, передают цвет некоторых слов. Безумие, конечно, но более безумно выглядит то, что эти символы внезапно стали мне абсолютно понятны.

Хм... И что я...

А-а-а... В голове у меня возникло чужеродное ощущение, холодное и властное, ультимативно спрашивающее у меня одобрения некой... «активации»?

Психоэмоциональное состояние объекта — это, как я понял, речь обо мне. Или кто-то ещё может быть объектом?

Эпический, магия проклятых масок — это всерьёз? Это больше похоже на бред. Может, я сошёл с ума? Каковы шансы на то, что я просто чокнулся и убил двоих зрителей,

пытавшихся остановить разбушевавшегося драматического актёра, а теперь спрятался в туалете с заложником?

Но это ведь не сон, а я в своём уме!

— А, знаешь, гори оно всё синим пламенем, — произнёс я. — Одобряю активацию.

Примечания:

1 — «Вмешательство Наполеона» — пьеса Вальтера Газенклевера, повествующая о восковых фигурах Наполеона и Анри Ландрю, серийного убийцы, убивавшего одиноких вдов по корыстному умыслу. Суть в том, что в 30-е годы две восковые фигуры мистическим образом оживают, прямо в паноптикуме, сразу после завершения очередной экскурсии. Перед этим, две девицы обсуждают и сравнивают Наполеона с Ландрю, а потом начинается «Ночь в музее», где две восковые фигуры смываются из паноптикума и живут так, как могут.

Наполеон, каким-то образом, попал на чаепитие европейских бизнесменов и дипломатов с американским бизнесом, диктующих там свои неприятные условия, толкнул речь, познакомился с ветреной профурсеткой Жозефиной де-Лерм и понеслась... к невнятному и псевдофилософскому финалу, где Наполеон говорит «Быть никем непонятым — вот бессмертие». Финала, как такового нет, что удивительно. Вышло нечто смазанное, невнятное...

Тут кто-то может сказать, что-то ты, RedDetonator, расп№%делся, а самому слабо написать пьесу? Да, слабо, уважаемые дамы и господа, хе-хе-хе.

В общем-то, произведение вышло с острой политической заявкой, учитывая то, что издано оно было в 1929-м году, но замах был на рубль, а удар вышел на копейку. Все ожидали, что выйдет перчёная сатира, но получилась беззубая комедия, смешная, конечно, но без претензии. Наполеон в ней вызывает, скорее, симпатию и сопереживание, что не соответствовало тогдашней политповестке — войнами Европа, как тогда казалось, наелась досыта. Поэтому предполагается, что публика и критики ожидали, что Наполеон будет омерзительным военным людоедом, а не идейным романтиком с горячим сердцем, хотя автор, как я полагаю, умышленно поставил его в паноптикуме рядом с серийным убийцей Ландрю.

Может быть, задумка автора изменилась по ходу написания, это не узнать, потому что никто долгое время автора не спрашивал, а потом, в 1940-м году, Газенклевер совершил самоубийство в лагере для интернированных во Франции, опасаясь выдачи нацистам. Сейчас бы такое, возможно, зашло, идея достаточно настоялась, но «Вмешательство Наполеона» не особо популярно среди дымов Отечества, потому что в 1930-ом году адаптация потерпела сокрушительный провал во МХАТе II-м. В театральной среде быстро забывают успехи, но очень долго помнят неудачи, поэтому об этом произведении стараются лишний раз не говорить.

А вообще, некоторые критики говорят, что пьеса исполнена блестяще, но совокупность недостатков её убивает. В Европе, к слову, она тоже никому не зашла и даже не могла зайти. Дело в том, что в сюжете описывается, в том числе, как европейские державушки покорно стелются под американский капитал — европейцам слышать такое со сцены, как минимум, неприятно... И пусть всем ясно, что Газенклевер пишет это об ущербном положении Европы перед США с сожалением, но европейские дипломаты показаны у него никчёмными тряпками, а представитель американского бабла циничной и хитрой мразью, обладающей непререкаемой силой. И осадочек для европейцев, от всего этого, остаётся неприятный.

Глава 2. Кровавый брюмер

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Театр на Васильевском/

Шарик исчез.

Буквально испарился, против всех известных мне законов физики и здравого смысла.

Вот был, а потом «фьють!» и исчез.

А затем у меня в голове возникло осознание. Ощущение, будто на тёплую руку резко положили кубик льда, но только это произошло прямо внутри черепа. И этот резкий «холодок» принёс с собой знания напололам с мудростью...

Шучу.

Просто я теперь знал, что вот эта маска, внезапно оказавшаяся на моём лице — это не лицехват из Чужого, а вещь, которая позволит мне, буквально, стать кем угодно, начиная от величайших полководцев, заканчивая легендарными героями.

Да, сделать это будет не так-то просто, на пути будут тяжёлые испытания и опасности, но даже величайшие жертвы будут вознаграждены с лихвой.

И совершенно нормально, что маска впилась мне прямо в кожу, став неотъемлемой частью лица. Снять её можно, но тогда образ спадёт, и я лишусь сил, дарованных персонажем.

И этим персонажем является не какой-то, никому не известный, человек, а сам император Французской империи, амбициозный и победоносный Наполеон Бонапарт. Человек, чьи достижения дошли до нас даже спустя века. Проигравший, но от этого не менее великий.

Внезапно, на голове моей появилась тяжесть — двууголка стала аутентичной, в точности соответствуя той, какую любил носить император Наполеон I.

Но больше меня удивило то, как потяжелела железяка в моих руках. А потом я удивился ещё сильнее, ведь я сразу понял, что это не просто «железяка», а шпага 18 брюмера, которой я, как оказалось, теперь прекрасно владею. Глядя на шпагу, я практически видел перед глазами, какие фехтовальные приёмы могу исполнить в любой момент. Это больше не обломанный кусок бутафории, а настоящая боевая шпага, предназначенная для убийства людей и только для этого.

Плечи мои утяжелил серый наполеоновский сюртук, тёплый, зараза, но сработанный из качественной шерсти...

— Как я оказался здесь? Что это за замызганная каморка?! — поддавшись негодованию, воскликнул я. — Гурго, (1) что здесь происходит?!

— Ы-ы-ы-хы! — донеслось из-за двери нечто неопределённое и приглушённое.

— Как ты посмел что-то говорить мне, императору Франции, мерзавец?! — взъярился я, схватившись за шпагу.

Без раздумий скинув с себя сюртук и вытащив из ножен шпагу, я пинком выбил дверь туалета и, к своему удивлению, сбил с ног тело Стаса. То есть зомби.

Мертвец встал на ноги, посмотрел на меня бессмысленными глазами, после чего поднял руки перед собой и пошёл напрямиком на меня.

— Дерись, подонок! — процедил я сквозь зубы и нанёс колющий удар в грудь.

Острая шпага пропоролла плоть как лист бумаги, но зомби было всё равно. Я попятился

обратно в туалетную кабинку, после чего сменил тактику. Нет, я прекрасно понимал, что надо целиться в голову, но тело действовало будто бы по заложенным годами тренировок алгоритмам.

— Мьёрде! — ругнулся я, заставляя себя действовать не по правилам фехтования.

Любой нормальный фехтовальщик знает, что если проткнуть голову противнику, то оружие может застрять и это чревато гибелью от рук соратников жертвы.

Шпага сверкнула в холодном электрическом свете и молниеносно поразила голову Стаса.

Ощущения двойственные: одна часть меня испытывает стыд и отвращение за то, что я делаю, а вторая пребывает в боевом азарте и наслаждается лёгкой победой. Вдобавок, было одно новое ощущение. Слабое покалывание во всём теле, свидетельствующее о росте могущества.

Я знал это из посетившего меня осознания, вызванного металлическим шариком. Убивай зомби — станешь сильнее. Чем больше убьёшь, тем сильнее станешь. Всё просто и понятно.

Сильнейшее воздействие на психоэмоциональное состояние? Да это оно и есть!

Так, надо успокоиться и взять себя в руки!

— Проклятье... — процедил я, переступив через тело коллеги и взглянув в зеркало. — Успокойся, размазня!

В большом зеркале над раковиной я увидел очень странную картину. Человек, то есть я, был в белой рубашке, тёмно-серой жилетке, в органично сидящих штанах, высоких сапогах, с большой двууголкой, которую, почему-то, хочется называть бикорном, обязательно с французским акцентом. А на лице его была маска, очень плотно прилегающая, словно часть лица. И маска эта улыбалась глумливо-недобро. Мрачное зрелище.

Я опустил взгляд на покойного коллегу. Пешков лежал с аккуратным отверстием посреди лба — удар был неожиданно мастерским, будто я проделываю такое каждый день по десятку раз.

— Император Франции должен быть и императором фехтования! — произнёс я, после чего развернулся к зеркалу и отсалютовал себе шпагой.

Спохватившись, намереваюсь закинуть шпагу в ножны, но останавливаю себя и резким взмахом стряхиваю на кафель пола кровь с клинка, после чего извлекаю из кармана белый платок, которого там раньше не было, и вытираю им лезвие.

Что делать дальше? Я понятия не имею!

Если всё это не зомби-апокалипсис, а первоапрельская шутка, во что мне совсем не верится, то у меня большие проблемы! Я убил, минимум, троих! Холодным оружием, как жестокий убийца!

— Не время для рефлексии! — одёргиваю я себя. — Империя ждёт своего императора!

Ох, у меня плохие предчувствия... Я не хочу всё это говорить, но не могу с собой ничего поделаться, потому что я хочу это говорить! Это будто часть меня!

Безумие...

— Моя грон-мэр... — с холодящим душу беспокойством вспомнил я о бабушке. — Надо позвонить ей!

Но телефон в гримёрке.

— Вперёд! На прорыв! — воскликнул я, подняв шпагу.

Но тут же одумался, отступив к телу Стаса Пешкова. Склоняюсь над трупом и

вытаскиваю из его кармана пачку сигарет и зажигалку. Пара штук осталась.

— Спасибо тебе, мон ами, — поблагодарил я бывшего коллегу, с искренним сожалением склонив голову. — Ты не заслужил такой смерти...

Вставив сигарету в прорезь маски, я подпалил её импортной зажигалкой, после чего сделал глубокую затяжку.

— Бьен... — удовлетворённо киваю я, после чего тушу сигарету о край мусорной урны. — Теперь в атаку! Ан гард!

Решительным рывком вылетаю из туалета и вижу нескольких зомби, без особого рвения идущих куда-то в сторону гардероба. Две женщины и один мужчина, все из зрителей, если судить по одежде.

— Деритесь, трусы! — кричу я им и принимаю боевую стойку.

Зомби развернулись ко мне. Их трое, но они не идут строем, а движутся с произвольными интервалами — они не военные и не знают истинной цены боевого порядка. Да и откуда им?

— Глупцы, вы даже не знаете, с кем связались, — презрительно процедил я. — Защищайтесь!

Шаг вперёд, выпад!

Укол шпагой поразил колено ближайшего немертвого, мужчины в синем костюме и окровавленной, но некогда белой, рубашке, навсегда оставив его калекой. Это даже нечестно, ведь они безоружны!

Двое оставшихся ускорились и побежали на меня, а на фоне, в конце коридора, появилось ещё пятеро-шестеро.

— Я убью вас всех, мерзавцы! — сообщил я им. — Ан гард!

Зомби практически не защищались, решив любой ценой добраться до меня. Их беда, не моя.

Короткий укол — холодный металл пронзил левую глазницу блондинки, одетой в чёрное платье с не очень глубоким декольте. Это гарантированная смерть, ведь шпага 18 брюмера не знает сбоев!

Прилив сверхъестественной энергии на долю секунды помутил сознание. Приятно, конечно, чувствовать, что стал на крупицу сильнее, но всё равно странно.

Следующий укол поразил вторую женщину, пожилую, одетую в строгий деловой костюм, в шею. Можно подумать, что мертвецу такая травма сродни укола булавкой в руку, но я знал, что мне нужно, поэтому довёл остриё до шейного отдела позвоночника. Это тоже надёжная и всегда верная смерть. Откуда я это знаю? Понятия не имею! Эти знания, будто бы, всегда были со мной...

Добиваю покалеченного немертвого рубящим ударом в затылок. Шпага не очень подходит для такого, но больно уж момент подвернулся удачным. Позвоночник противника был повреждён, поэтому я ощутил прилив крупицы могущества. Опасно приятное чувство.

Небольшой завал из трёх тел не сможет остановить семенящих ко мне мертвецов, поэтому я спешу отступить обратно в туалет — встречу их всех в узком проёме.

Бросаю короткий взгляд на Стаса, который лежит ровно так, как и лежал. Это нужно было, чтобы удостовериться в его смерти наверняка. Мало ли.

Первый зомби, спортивного сложения парень в зеленоватом костюме, залитом кровью с ошмётками плоти, сунулся в дверной проём, после чего завалился на спину, потому что его голова была стремительно поражена моей шпагой. Неудобно бить только в голову, ведь это

противоречит рефлексам, забитым мне в подкорку, но мастерский фехтовальщик тем и отличается от обычного, что способен гибко адаптироваться к любой боевой ситуации.

Упавшее тело заставило следующего зомби, паренька субтильного телосложения, одетого в джинсы и футболку, скорее всего, это кто-то из техперсонала, упасть на четвереньки. Я не был бы собой, если бы позволил себе упустить такой потрясающий момент для атаки. Шпага пробила белобрысое темечко паренька, а я отступил на полшага, чтобы быть готовым к следующему нападающему.

Остальные слегка запаздывали, но это легко объяснялось тем, кто это был — толстый плешивый мужчина, которому кто-то откусил нос и левое ухо, явно не потрясал человечество мировыми рекордами в спринте, а старушка в твидовом платье, при жизни дышавшая на ладан, вообще удивляет меня такой оперативностью и прытью.

Первый укол был смазан, потому что толстый мужчина неожиданно оступился и начал падать раньше, чем я прогнозировал. Острое лезвие располовинило лысину, но я умею принимать неудачи, предпочитая не рефлексировать, а устранять оплошность. Второй укол пришёлся аккурат в темечко, гарантированно убив супостата.

Старушка, вопреки врождённому в любого человека инстинкту самосохранения, полезла на тушу теперь уже точно мёртвого толстого мужчины, вследствие чего получила свои три дюйма острой стали в череп.

— Вы где там, трусливые шавки?! — крикнул я.

Но зомби не собирались отступаться от попыток достать меня и полезли на завал из тел. Укол. Укол. Укол. Блестяще.

Сильно поеденные зомби, взрослые мужчины и одна женщина, из-за травм неспособные перемещаться быстро, полегли все, как один.

Из-за столь быстрого убийства такого количества немёртвых, эффект возрастания личного могущества проявился сильнее.

Это и есть безумие? Хотеть убивать, чтобы вновь ощутить это чувство? Может, под психоэмоциональным воздействием имелось в виду именно это?

Не время размышлять об этом. Кругом враги, жаждущие откусить от меня кусочек. Как эти люди, ещё недавно спокойно ожидавшие начала спектакля.

— Глупцы, посмевшие посягать на Империю... — посетовал я, вытирая шпагу о белое платье последней жертвы, покрытое тёмными брызгами крови. — Мне бы пару пистолетов...

Разумеется, я имею в виду не модель 1813-го года, а современные магазинные пистолеты. Макаров, ТТ или что-то вроде того.

Перебравшись через импровизированную и, можно сказать, самозарождённую баррикаду, я направился к гримёркам.

Зомби, пока что, не видно, поэтому я перемещался свободно, утруждая себя лишь перешагиванием через трупы.

— Через скольких я ещё перешагну? — спросил я себя.

Через многих.

Гримёрка была, всё так же, заперта.

— Лицедеи, открывайте! — приказным тоном потребовал я.

Тишина в ответ.

— Я требую открыть мне дверь! — начал я злиться.

Они поработены своим страхом, как я тогда, на сцене. Только император Великой

Франц... Тьфу ты! Маска упорно лезет мне в сознание, влияя на мои мысли и подгоняя их под нужный образ.

С этим надо что-то делать, иначе есть риск, что, очень скоро, я просто не смогу выйти из образа, полностью потеряв собственную индивидуальность. Я уже чувствую растущие императорские амбиции, которые прорываются словно откуда-то извне.

В психушке положат в одну палату с Гитлером, Муссолини и собратьями Наполеонами...

— Дима, это ты? — раздался женский голос из гримёрки. — Что с тобой?

— У меня нет времени вести светские беседы, мадмуазель, — произнёс я. — Кругом враги Империи, моих сил не хватит, чтобы удерживать их вечно!

— Мы завалили дверь шкафа, поэтому не сможем быстро открыть тебе, — сообщил женский голос.

— Кто ты, милейшая? — спросил я.

— Это Валя, — ответил голос.

— Мне нужен мой телефон, — сказал я. — Полностью открывать дверь не нужно, но молю тебя, Валентина, передай мне мой телефон! От этого зависит судьба моей любимой грон-мэр!

За дверью началось копошение.

— А где твой телефон? — спросила Валентина.

— Секундочку, миледи, — я услышал топот, доносящийся со стороны входа за кулисы.

Вынув шпагу из ножен, я принял боевую стойку.

— Сука-сука-сука-сука-сука-сука! — тараторил пробежавший мимо Борис, гримёр.

Вслед за ним гналась толпа мертвецов, одетых по-разному, но явно из зрителей.

— Беги в туалет, любезный! — посоветовал я Борису. — Будь спокоен — за тебя постоит Империя!

Гордо вскинув голову, я вышел вперёд.

— Хр-хр-хр... — хрипели зомби, часто дышащие своими мёртвыми лёгкими.

Не знаю, нужен ли им кислород, но звучало всё это очень пугающе. Даже у меня, прошедшего кровопролитный ночной штурм Тулона, захватило дух.

Зар-р-раза, не было никакого Тулона! И в Москву я не входил! Я даже бывал в Москве всего-то три раза в жизни! Это всё ненастоящие, чужеродные воспоминания, случившиеся с другим человеком!

Мысли отрезвили, но, вопреки моему опасению, я не вышел из образа, а наоборот, ещё лучше проникся им, что словно придало мне дополнительных сил.

— Идите сюда, проклятые и ущербные! — приглашающе махнул я шпагой. — Живее! У меня нет на вас слишком много времени!

Зомби не заставили себя ждать, то есть, как шли на меня, так и шли.

— Умри! — пронзил я левую глазницу первого зомби.

Никакой необходимости в финтах и парировании не было, потому что эти чудовища даже не пытались защищаться. Так даже проще!

— Умри и ты, мерзавка! — ткнул я шпагой в хорошо поеденное лицо пенсионерки в красном платье.

Расправа была быстрой, но, от этого, не менее жестокой. Снова возникла небольшая горка из точно мёртвых тел.

— Спаси Господь ваши души! — я перекрестился слева направо, всеми пятью пальцами.

Католический метод, конечно, но это образ персонажа, поэтому простительно, я полагаю.

Вообще, никогда не был особо религиозным, потому что бабуля у меня до сих пор убеждённая коммунистка, а родители, в связи с распадом СССР и новыми веяниями в обществе, вдруг стали правоверными христианами, одновременно.

Я часть детства провёл у бабушки с дедушкой, поэтому впитал некоторую порцию научного атеизма, хоть и не стал от этого убеждённым атеистом. Я, скорее, агностик. Типа, да, возможно Бог есть, но я не уверен, что человек вообще в состоянии его познать и даже если он точно есть, мы, как ни постараемся, познать его не сможем. А вот образ Наполеона является убеждённым католиком и его не переубедить.

Из коридора выполз покалеченный зомби. Скорее всего, его поели свои же, судя по виднеющимся костям на ногах.

— Умри. — произнёс я безэмоционально, пронзая его темя клинком.

Странно, но шпага, будто бы, стала чуточку легче...

Вернувшись к двери гримёрки, я ритмично постучал.

— Мой телефон готов? — спросил я.

— Да-да, он здесь, Дима! — в чуть приоткрытую дверь вывалился мой мобильник.

— Осторожнее! — едва успел я его поймать. — Мьерде, это ведь Айфон Тринадцатый!

— Прости! — виновато извинилась Валентина.

Нет там никакой баррикады, как я вижу. Они просто боятся.

— Сидите там, а у меня ещё полно дел! — сказал я, помещая мобильник в карман брюк. — Борис, ты где? Я всех убил, можешь выходить!

Но гримёр всё никак не появлялся, поэтому я направился к туалету.

В секции с умывальниками и зеркалами было пусто, но одна из туалетных кабинок оказалась закрытой.

— Выходи, здесь почти безопасно, — произнёс я успокаивающим тоном. — Поторопись, иначе мы не успеем оказаться в безопасном месте.

Дверь туалетной кабинки тихо скрипнула, после чего Борис вышел.

Худой парень, светловолосый и сероглазый, лет двадцати пяти, может, тридцати, ростом ниже метра шестидесяти, вес не более пятидесяти с лишним килограмм — в гранадеры такого не возьмут, но ему нашлось бы место среди вольтижёров. (2)

Я отметил про себя, что он скрывает левую руку.

— Так... — произнёс я. — Покажи левую руку.

— Я порезался, когда бежал... — начал Борис, показав рану на запястье.

— Ложь, — заявил я. — Это точно укус от человеческих зубов. Ты обречён, Борис. Неприятно это осознавать, но будь мужчиной и достойно прими удар судьбы.

— Но... Должно же быть какое-то лекарство... Нельзя же вот так... — замямлил гримёр. — Должно же быть...

Он готов был расплакаться. Не знаю, как бы я повёл себя на его месте. Хотя нет, знаю. Я бы принял это. Сколько хороших солдат получали смертельные ранения и стойко ждали часа своей смерти...

— Возьми ремень, — приказал я Борису, — а затем привяжи себя к батарее отопления.

— Мне надо в больницу... — начал вяло сопротивляться гримёр.

— Ты не успеешь в больницу, — покачал я головой. — Слушай, я ведь пытаюсь быть с тобой любезным — безопаснее для всех было бы убить тебя на месте, но я даю тебе шанс

обезопасить окружающих от себя самого. Будь добр, ответь на любезность любезностью.

Борис, губы которого дрожали от ужаса и обиды на несправедливую судьбу, повиновался и, преодолевая страх, перешагнул через тело Пешкова и поднял погрызенный брючной ремень.

— Хорошо затянул? — спросил я, после чего подошёл поближе и проверил. — Молодец. Мне жаль, что всё закончилось именно так.

После этого я, забрав свой сюртук, так и лежавший в туалетной кабинке, покинул уборную. Борис остался мириться со своей печальной участью.

— Мьерде! — воскликнул я, увидев новую группу из четырёх зомби. — Когда же вы закончитесь?!

Меньше минуты спустя, на полу лежало четыре новых тела. Опасность этих чудовищ в численности, если верить тематическим фильмам. Надо лишь пользоваться узостью коридоров и не давать загнать себя в угол.

Теперь, когда я на деле удостоверился в том, что единичные зомби не представляют для меня особой опасности, ходить тут стало как-то увереннее.

— Мадмуазель, — вернулся я к двери гримёрки. — Всё-таки убедительно прошу вас отворить мне дверь.

Напряжённая тишина длилась секунд пятнадцать, после чего дверь осторожно приоткрылась, показав мне женское лицо, находящееся опрометчиво близко к щели.

— Имей я целью убить вас, мадмуазель, — заговорил я, — мне было бы очень легко осуществить это. Вы слишком близко к двери.

Валентина отпрянула назад.

Симпатичная мордашка, бюст второго размера, изготовленный в лучшей клинике пластической хирургии — это всё, что у неё есть. Ни актёрского таланта, ни выразительности мимики...

Волосы каштановые, очень ухоженные, глаза с зелёными линзами, потому что родные карие её чем-то не устраивают. Хотя, покажите мне женщину, которую устраивает в ней всё.

— А теперь вы очень напрасно отпустили дверь, — вздохнул я, проходя внутрь.

Кидаться к двери она не стала, лишь отступила на несколько шагов назад.

— Дима, что с тобой? — тихо спросила она.

— Со мной всё отлично, — ответил я. — Все целы?

Я оглядел присутствующих.

Две девушки, Инна и Светлана — они играли двух посетительниц экскурсии в паноптикум. Подумать только, Наполеон I Бонапарт — экспонат, как в цирке каком-то... П-ф-ф...

Ещё здесь имеется Антон Гаврилов, мужчина лет сорока, играющий Морриса, представителя Америки на чаепитии для конференции европейских дипломатов. Роскошная шевелюра, уложенная по американской моде тридцатых годов, сейчас растрёпана, лицо красное, а карие глаза смотрят на меня испуганно и потерянно.

Последний присутствующий представитель нашей труппы — Сергей Пишак, исполняющий роль рассказчика.

— Да, никого не укусили. — ответила Валентина.

Всё-таки, пока остальные трясли чечётку, она действовала наиболее решительно — даже дверь мне открыла. Воспитание или характер? Неважно.

— Это ведь зомби, да? — спросила она.

— Да, зомби, — не стал я спорить. — При мне восстал погибший Пешков. Это заняло немного времени, около пятнадцати минут, если считать с момента укуса, поэтому мы все в опасности.

— Что же нам делать? — спросил Сергей, рассказчик.

— Вы звонили в полицию? — задал я ему встречный вопрос.

— Все линии заняты, а сеть перегружена, — ответил тот. — Но интернет работает. И СМС ещё отправляются.

Грон-мэр!

Я лихорадочно быстро выхватил мобильник и попытался разблокировать его лицом. Ах, да, маска...

Пришлось снять перчатку и разблокировать его четырёхзначным кодом. Чаты ватсапа и телеги пестрели сотнями сообщений, а центр уведомлений слегка подвис, пытаясь показать мне всё, что набежало за время с начала постановки.

— Так-так-так, грон-мэр... — открыл я меню набора номера. — Быстрее, экьюм! (3)

Но сеть была занята.

Открываю меню СМС и начинаю набирать сообщение бабуле. Она у меня не признаёт всех этих «новомодных ватсапов», потому что не разбирается и не желает разбираться во всём этом. В её возрасте вообще чудо, что она пользуется телефоном. Если бы она никуда не уезжала из Казахстана, так бы и не освоила, вообще, мобильный телефон, ведь это ей было бы не нужно.

«Бабуль, не открывай двери, как бы тебя не умоляли...»

Нет, удалить к чертовой матери! Мьерде!

«Бабуль, дверь никому не открывай, даже если очень надо. В городе какая-то авария, поэтому на улице опасно. Закрой все окна, балконную дверь и сиди тихо».

Отправить.

В томительной тишине, испуганном молчании всех присутствующих, я ждал ответа.

«Ты чего трубку не берёшь, внучок? Тут чёрте что творится! В подъезде какие-то наркоманы шумят, по телевизору фильмы ужасов! Найди безопасное место и сиди там, пока всё не утихнет. Я всё сделала, как Шойгу по телевизору велел — дверь закрыла, окна закрыла и занавесила, тихо сижу».

Бабуля называет вообще всех министров МЧС «Шойгу», потому что было время, возможно, вы его помните, когда Шойгу всех спасал и был вообще везде, где люди и животные страдали от стихийных бедствий. А может, по телевизору, действительно, выступал Шойгу, тогда у нас есть шансы, потому что армия уже подключилась.

— Ф-у-у-ух, мон Дью, — выдохнул я с облегчением, а затем посмотрел на Валентину. — Моя грон-мэр в безопасности!

— Почему ты себя так странно ведёшь, Дима? — обеспокоенно спросила так и не состоявшаяся Жозефина де — Лерм.

— Слишком странно для зомби-апокалипсиса? — спросил я.

— Нет, но... — Валентина, видимо, чувствует, что основная опасность миновала, поэтому пришла пора кучи вопросов. — Откуда у тебя эта шпага?

— Откуда ты знаешь, что это именно шпага? — задал я ей встречный вопрос, чтобы сменить тему.

— У моего папы есть коллекция, — заговорила Валентина. — Но ты уводишь меня от вопроса. Что это за маска и почему она так плотно прилегает к твоему лицу? Этого точно не

было в реквизите, как и настоящей боевой шпаги.

— Ты такая умная девочка, а всё равно выбрала театр... — посетовал я. — Что ж, раз у нас есть тактическая пауза для недолгого разговора...

Примечания:

1 — Гаспар Гурго (1783–1852) — адъютант Наполеона Бонапарта. При Наполеоне заслуженно имел чин бригадного генерала. После свержения императора был с ним в ссылке, но затем вернулся в Европу, где жил в Англии, а с 1821 во Франции, где отношение к Наполеону и его людям стало теплее. Примечательно, что он не один раз спас Наполеону жизнь, однажды даже пристрелив казака, нашедшего отличную возможность, чтобы пристрелить императора. Умер Гурго в Париже, на генеральской пенсии, в 1852 году.

2 — Вольтижёр — фр. Voltigeurs, от voltiger — «порхать, производить искусные прыжки» — французская пехота времён наполеоновских войн. Как ясно из контекста, туда брали всех, кто не вышел ростом и не годился в гренадеры. Наполеон вдохновлялся древнеримскими велитами, то есть застрельщиками, начинавшими сражения обстрелом врага дротиками — нужны были металлической твёрдости яйца между ног, чтобы подойти к врагу настолько близко, имея при этом несколько дротиков, круглый щит и короткий меч. Собственно, вольтижёры очень быстро стали ассоциироваться с отвагой и стальными яйцами, потому что они первыми вступали в перестрелку с врагом, чтобы проредить его боевые порядки меткой стрельбой из стрелковых цепей. В случае, если противнику удавалось навязать ближний бой, что становилось возможным в случае былинных просчётов командования французов, вольтижёрам наступал неизбежный конец, потому что стрелковая цепь всегда пасует в ближнем бою перед плотным линейным построением.

3 — Экьюм — фр. écumе — грязь, мусор, мразь.

Шпага 18 брюмера:

Глава 3. Образ действия

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Театр на Васильевском/

— ... каждому найти такой шарик, как я полагаю, — закончил я свою короткую историю. — На этом всё.

Звучала она странно, откровенно стрёмно и фантастически, но выслушали её внимательно. Потому что и без этого хватает фантастики. Например, зомби.

— Звучит и выглядит очень небезопасно, — произнесла Валентина, посмотрев на моё лицо.

— Дело ваше. — пожал я плечами, после чего достал телефон.

Моя грон-мэр написала ещё два СМС — в одном спрашивала о том, где я нахожусь, а во втором сообщила, что мои родители не отвечают.

Холодящая душу мысль о родителях заставила меня крепко сжать рукоять шпаги.

Я, сделав глубокий вдох, открыл ватсап, где было 99+ сообщений.

Вбиваю в поиск маму. Последний раз была онлайн сегодня рано утром. Последнее сообщение: «Спасибо, сынок, получили», вчерашнее. М-м-м, как же тревожно...

У отца время онлайн тоже утреннее. Скорее всего, проверял ватсап перед выходом на работу. Последнее сообщение: «Посмотрю, как будет время. За бабкой присматривай», позавчерашнее.

Написал им обоим, что со мной всё хорошо и я жду от них вестей.

Сильно напрягает, что они не на связи...

— Но это не значит, что они мертвы, — вслух произнёс я. — Наверное, им сейчас не до телефонов. Я ведь тоже не сразу до своего добрался!

Связь, когда-нибудь, появится. Я созвонюсь с родителями и удостоверюсь, что с ними всё в порядке. Так всё и будет. А пока, посмотрим, что пишут в группах и других чатах.

Первый закреплённый чат — группа «Актёрская тусовка», там паника, испуганный срач, кто-то, в режиме «онлайн», долбит этот чат молитвами из писания. Ничего не разобрать, потому что этот парень, не добавленный в мои контакты, копировал и вставлял полотна текста.

Второй закреплённый чат — мой менеджер, Владимир Пахомович Ильюшин. Осведомлялся о том, что у меня там с интервью «АиФ», а затем обещал позвонить и рассказать кое-что новое о спин-оффе «Беса». Больше никаких сообщений. Он сейчас онлайн, но писать ему я не буду, ведь надо проверить всё остальное.

Третий закреплённый чат — Анфиса Демиденко. То, что мы не встречаемся, не значит, что мы совсем не общаемся. Она онлайн, но ничего мне не писала. Честно сказать, сейчас не до неё.

Следующий чат — мой друган, Гришка Сёмин. Спрашивал насчёт вечера, ведь мы должны были зависнуть в пивнушке «Двенадцать». Потом сообщения в духе «Чел, тут какая-то дичь по новостным лентам», а затем он написал, что его укусил какой-то потрёпанный чёрт из подъезда. Ещё сообщил, что скорая не отвечает, он закрылся дома и помазал рану йодом с зелёной. И всё...

— М-м-м, проклятая жизнь, ни та мер! (1) — прокричал я, чем испугал всех присутствующих.

Ещё кто-то стукнулся в дверь гримёрки и начал царапать фанеру ногтями или зубами. Надо поспокойнее как-то, а то сейчас опасно шуметь. Хотя, мне ли кого-то или чего-то бояться?

После Гришки идёт, как ни странно, чат с преподавателем сценической речи с кафедры театрального искусства, Перовской Зинаидой Сергеевной. Мы с ней как бы поддерживаем связь, то есть на праздники поздравления шлём и всё такое, поэтому удивительно, что она накидала мне десяток сообщений, в основном с просьбами о помощи. Она открыла кому-то дверь, а это оказались некие психи, поэтому она сейчас в ванной, сидит тихо, а по дому кто-то ходит. Просит прийти и спасти её.

— И император явится! — решительно воскликнул я, написав, что обязательно приду.

Но я был вынужден придержать свой благородный порыв, так как оставались другие чаты с непрочитанными сообщениями, а ещё «телега» постоянно уведомляла о новых сообщениях.

У левых людей моего номера не было, поэтому все, кто что-то писал, были, как минимум, знакомыми. Соседи, однокурсники, массажистка, стилист, тренер по фитнесу, коллеги по цеху и некоторые шапочные знакомые.

А ещё есть сообщения от Ани Пааволы, моей фанатки из Финляндии — она бизнес-леди, рыбный промысел и что-то ещё, вроде бы, ей очень нравятся мои работы в театре, а ещё она обожает фильмы «Бес» и «Бес 2». Забавно, но она думала, что я снимался в фильме «Бес» 2008 года, где играл Евгений Сидихин. Но я тогда ещё в девятом классе, в школе, учился. Потом, когда недоразумение было разрешено, она посмотрела оба «Беса» и они ей тоже понравились. В общем, странная женщина, решившая, что теперь она моя фанатка.

И Ани пишет, что у них происходит какой-то ужас с кидающимися на людей безумцами, по новостям просят сохранять спокойствие, а ещё какой-то человек хрипит и скребётся в дверь её квартиры.

Я написал, чтобы она ни в коем случае не открывала дверь, а сидела у себя дома тихо. Не ответила, потому что онлайн была около двадцати минут назад.

Неужели я настолько важный человек для всех, раз так много людей решило написать именно мне?

В «телеге» был настоящий ад — всякие развлекательные каналы, на которые я был, по дурости, подписан, пестрели роликами с нападениями зомби на людей. Каждый автор подумал, что он оказался в уникальной ситуации, поэтому посчитал, что обязательно надо поделиться шок-контентом со своими подписчиками. Ничего нового и полезного, ведь основная масса роликов демонстрировала сцены нападений зомби на ничего не подозревающих людей, снятые из окон многоэтажек.

Странно, но через «телегу» со мной пыталось связаться не так много людей, как по ватсапу, поэтому я лишь написал паре знакомых, что им надо сидеть дома, никому не открывать и приготовить оружие из подручных средств. Потому что у меня есть сильные сомнения насчёт того, что власти справятся с кризисом.

— Дамы и господа, — оторвал я взгляд от смартфона. — Я не могу отсиживаться здесь, как жалкий и бесчестный трус. Один человек нуждается в моей помощи, поэтому я оставляю вас тут, но обещаю, что отправлю к вам первый встреченный отряд жандармов.

— Не бросай нас, Дима! — попросила Валентина, загораживая собой дверь. — Зачем ты будешь рисковать? Лучше дождаться полиции!

Открыв свой шкафчик, я вытащил оттуда своё шерстяное пальто, из которого извлёк

портмоне, ключи от машины и пачку сигарет с зажигалкой.

— У меня есть долг, — отрезал я. — И я его исполню! С дороги, женщина!

Отодвинув Валентину, я отворил дверь и вышел в коридор.

Упокоенные мною мертвецы лежали на своих местах, как им и положено, а ходячих тут, пока что, не было. Тот зомби, что скрёбся в дверь, оказывается, уже ушёл.

Шпага в боевой готовности, я решительно настроен убить всякого, кто посмеет останавливать меня на моём праведном пути спасения Зинаиды Сергеевны. Я был ей благодарен за ценнейшие знания, благодаря которым я сейчас тот, кто я есть. И вообще, не пристало мужчине трусливо прятаться, когда дама в беде!

Без проблем добираюсь до сцены, где так и не состоялся очень важный для меня спектакль. Меньше двух часов назад всё было нормально, а теперь уже ничего из бывшего не важно.

— Ох, мон Дью... — тихо прошептал я, когда выглянул из-за кулис.

Почти все зрители на месте, нарядные и окровавленные. Ходят между посадочными местами, хрипят и стонут. Некоторое количество мертвецов отрешённо шатается по балконным ярусам. Всех, кого можно было сожрать, они уже сожрали, поэтому тут уже нельзя спасти никого.

Их слишком много даже для меня. Нужен другой план.

— Так, я больше не хочу выходить через холл. — прошептал я, вернувшись в узкий коридор.

В гримёрке нет окон, поэтому надо срочно найти помещение с окном, а, в идеале, что-то с пожарным выходом.

Память подсказала мне, что в кабинете, где я давал интервью Ирине из «АиФ», как раз было окно. Режиссёр-постановщик, Игорь Николаевич Болонский, думаю, не будет против, если я выйду через его окно.

Решительно направляюсь туда, но натыкаюсь на запертую дверь. Толкаю её — чуть поддаётся. Значит, завалена чем-то с той стороны. Толкаю её сильнее, сдвигая завал. Изнутри раздаётся панический всхлип.

— Кто там? — поинтересовался я. — Мне нужно воспользоваться окном, я вам не наврежу, не стоит беспокоиться.

Создав небольшой проём, я протиснулся внутрь помещения и увидел Ирину, держащую над головой статуэтку кинофестиваля «Кинотавр», за лучшую режиссуру.

— Пожалуйста, медленно опусти это крайне смертельное оружие, — попросил я журналистку, закрывая дверь и придвигая тумбочку обратно. — Я не причиню тебе вреда, мадмуазель.

— Дмитрий, это вы? — удивлённо спросила Ирина.

— Да, это я, — подтверждаю её догадку, после чего закрываю дверцу шкафа, за которой висела табличка с ключом. — Если не хотите, чтобы вас растерзали зомби, рекомендую закрывать дверь на ключ.

— Что с вами? Почему на вас эта странная маска? — частя, начала расспрос журналистка. — И это действительно зомби?

— Увы, — вздохнул я с сожалением, — не имею времени, чтобы объяснить всё. Но я могу отвести тебя к другим людям, которые спрятались в гримёрке. Всяко веселее, чем сидеть тут в одиночестве.

— Можете отвести меня домой? — взмолилась Ирина.

— Не уверен, что там сейчас безопасно, но, если ты настаиваешь... — произнёс я.

Я решил, что доведу её до ближайшего поста жандармерии, а дальше пусть сама выбирается. Ещё не забыто грубое и неумелое интервью.

— Идём, я сопровожу тебя до ближайших жандармов, — сообщил я Ирине, после чего подошёл к окну.

— В окно?! — удивлённо воскликнула журналистка. — Но там же нет лестницы!

Второй этаж — это не слишком высоко, если знаешь, как именно спускаться.

— Только что я видел около двух сотен мертвецов, алчущих свежей плоти, — снисходительным тоном сообщил я ей. — Если хочешь пройти к выходу через них — добро пожаловать. Я солдат, но я не самоубийца.

— Тогда я останусь здесь, — решила Ирина. — Там слишком высоко!

— Что ж, на этом мои полномочия исчерпаны, — развёл я руками и открыл окно. — Ох, мьёрде, москитные сетки убивают дух этого города...

Выломав сетку, я рассмотрел пространство под зданием. Внутренний двор пуст, машины стоят, конечно, но людей всего пара-тройка, причём они не похожи на зомби. Спускаюсь.

Справа от окна была труба дождевого слива, ржавая, даже выглядит ненадёжно. Можно было и так спрыгнуть, второй этаж всего, но есть риск подвернуть или сломать ногу, что превратит меня из смертельной угрозы в бесплатную закуску. Бесславная смерть в мои планы сегодня не входит.

Прохожу по очень узкому оконному отливу, балансируя на личных акробатических навыках и чуде, после чего вцепляюсь обеими руками в трубу.

В окне увидел ошеломлённое лицо Ирины. Наверное, не может поверить, что я настолько отбитый. Но я не отбитый — я отважный!

Аккуратно переставляя ноги с кронштейна на кронштейн, под душераздирающий металлический скрип, я быстро спустился на первый этаж, стряхнул с сюртука ржавчину и пыль, после чего помахал выглядывающей из окна Ирине.

— А ревуар, мадмуазель. — попрощался я с ней, приложив пальцы к ротовой прорези маски.

В кармане зазвонил телефон. Вытаскиваю его, вижу надпись «Бабуля» и сдвигаю слайд с иконкой зелёной трубки направо.

— Алё, — произнёс я.

— Внучок, ты где? — спросила меня бабуля.

Голос её был обеспокоенным.

— Я тут в городе, по делам. — ответил я.

— Что у тебя с голосом? — спросила бабушка. — И какие могут быть дела сейчас? Головой ударился, внучок?

— С голосом у меня всё в порядке, — ответил я, прикрыв глаза. — А дела непосредственно связаны с происходящей ситуацией — мой преподаватель сценической речи попал в беду, поэтому я должен спасти его. Сразу после этого я постараюсь приехать домой — вот тогда и поговорим, бабуль.

— Героем себя возомнил, Димка? — недовольно спросила бабуля. — Не дури, сосунок, езжай домой! Убьют — не было у меня внука! Даже горевать не стану!

Моя бабушка, Верещагина Агата Петровна — человек сурового воспитания, сформировавшийся в очень тяжёлых условиях. Это неизбежно наложило отпечаток на её

взаимодействие с окружающими. Поэтому у неё не очень хорошие отношения с моими родителями, с пенсионным фондом, с социальными службами, районной администрацией и всеми остальными. С дедом, конечно, она общалась совершенно иначе, но деда уже давно нет в живых... Эх...

А я знаю, что за жизнь она прожила, а ещё она моя бабуля — как я могу с ней ругаться? Так что, пусть хулит меня столько, сколько хочет, я ведь понимаю, что она не на шутку беспокоится.

— Не убьют, — заверил я её. — А связь как появилась?

— По телевизору передали, что подключили резервные мощности, — ответила бабушка. — Ты звонил родителям?

— Я думал, что связи нет, — ответил я. — Но теперь буду звонить. Спасибо, бабуль.

— М-м-м, всё-таки поедешь спасать чужого человека? — недовольно спросила бабушка.

— Не могу поступить иначе, — ответил я. — Всё, мне надо бежать. Сиди дома, никуда не выходи. Пока!

— Эх, пока... — вздохнула бабуля.

Завершив вызов, я побежал к своей машине. Камри 2020 года, 2,5 литра, брал с салона в тот же год. Цветом чёрная, как ночь.

— Та мер ля пют! (2) — выкрикнул я, увидев, что мою ласточку загородил некий серый внедорожник. — Ле кон! (3)

Осмотр показал, что это «Мерседес», старый, но в хорошем состоянии. Коробка для братков, позерский способ перемещаться по городу.

Ни объехать, ни проскользнуть — наглухо заблокировал. Пинаю внедорожник по колесу. И это было очень зря, потому что это вызвало срабатывание очень громкой сигнализации.

Не прошло и секунд десяти, как в служебный выход из театра застучали. Мертвецы, как я понимаю.

— Ты чего творишь, додик?! — крикнул мне какой-то мужик с балкона третьего этажа жилой части дома. — Не знаешь, что происходит?

Мужик лысый, обрюзгший, с щетиной, в майке-алкоголичке, с поддатым лицом — у кого-то пятница начинается прямо с утра.

— Убери свой поганый драндулет! — крикнул я ему. — Я не могу выехать!

— Толай пешком, мудила! — ответил мне мужик. — Ещё раз тронешь мою тачку — спущу и разобью тебе ебальник!

— А спускайся сюда, энфан де пют! (4) — позвал я его. — Живее, иначе я разобью твою тарантайку в металлолом!

— Ну всё, готовь жопу! — возмущённо воскликнул мужик и исчез.

Я ждал. Убивать его будет излишне, но проучить следует. Пару минут спустя, дверь подъезда открылась и оттуда вывалилось три личности, среди которых был владелец внедорожника.

— О, позвал своих распутных подружек, голубок? — усмехнулся я. — Давайте, повеселимся!

Вынимаю шпагу из ножен и делаю ею приглашающий жест.

— Ты что возомнил о себе, реконструктор херов?! — вытащил из кармана раскладную дубинку лысый.

Потёртая кожаная куртка, надетая поверх майки-алкоголички, туповатый взгляд «быка».

Он, как я предполагаю, даже не понял, что у меня в руках не реконструкторская поделка, а боевое оружие.

— Ты зря это начал. — вторил ему другой тип, вытащивший из кармана куртки кастет.

Этот дядя, стриженный под бокс, с надменным выражением незамысловатого лица и этакой ленцой, покрутил кастетом, мол, смотри, что у меня есть.

Похоже, придётся их покалечить, раз они настолько серьёзно настроены.

— Даю вам шанс уйти отсюда целыми и здоровыми, — произнёс я. — Впрочем, вижу, что вы уже выбрали свою судьбу. Ан гард!

Лысого я обезвредил уколом в бедро — он с воплем опал, потому что не ждал такой резкой боли. Боевое оружие — это не шутки.

— Э, ты чо?! — резко отпрянул тип с кастетом. — Ты чо творишь?!

— Возьми ключи у этого бедолаги, заведи эту машину и отгони в сторону, — приказал я ему. — Иначе мне придётся сделать новое отверстие и в тебе тоже.

— Сразу бы сказал, что машину отогнать хочешь, — сразу начал сотрудничать третий тип, у которого с собой ничего не было.

Но что-то больно он покладистый...

Ощущение меня не подвело. Пришлось отоварить мужика с кастетом ударом защитной дужки шпаги по недоумевающей морде, после чего нанести рубящий удар по правой руке покладистого типа. На асфальт внутреннего двора упал пистолет.

Рана получилась серьёзная, с обильным кровотечением. Но поделом.

— А-а-а, сука... — проскулил раненый и упал на задницу.

— Мьерде, — произнёс я недовольно, а затем перевёл взгляд на мужичка с кастетом. — Вы, животные, не способны понимать человеческое обращение, ведь так? Брось кастет.

Звякнула железяка.

— Ещё один фокус — останетесь тут остывать, — предупредил я. — А теперь действуй.

Внедорожник отъехал в сторону, освободив мне проезд. Я подобрал пистолет, но чуть было не выбросил его — травматическое дерьмо, бесполезное против зомби. Впрочем, пригодится и это.

— Убирайтесь в свою гейскую берлогу, — приказал я этой троице, помещая пистолет в карман. — Скорую можете даже не вызывать, никто не приедет. Живо бегите, ле коны!

— Так их! — крикнул кто-то с одного из балконов. — Красава, парень!

Я проигнорировал эту неуместную поддержку со стороны плебса, сел в машину, завёл движок, прогрел его немного, после чего выехал со двора.

Уму непостижимо! В театре настоящий ад, кровавая бойня, а тут люди спокойно выходят из домов, выясняют отношения и прочее!

Открыл окно и закурил. Нервы требуют.

— Ох, пюте! — дёрнул я руль в сторону.

Еле разминулся с безумцем, выбежавшим прямо на дорогу.

— Смотри куда бежишь, идиот! — крикнул я в окно.

Но причина выбегания на дорогу у паренька в зелёной униформе курьера была веской: из дворовой арки за ним быстро вышла группа из десяти-двенадцати мертвецов, покусанных, поеденных, помятых и алчущих мяса.

— Надо оно мне? — спросил я себя. — Вообще-то, надо.

Возрастание собственной мощи, которое я чувствую, убивая зомби — это приятно и полезно. Предполагаю, что если вся эта ситуация потеряет иллюзию государственного

контроля, убивать зомби станет жизненной необходимостью. И чем лучше ты будешь это делать, тем дольше проживёшь. Ты и те, кто тебе дорог.

Паркую машину, решительно выбираюсь из неё и иду прямо навстречу мертвецам.

— Давайте, моя шпага жаждет крови! — крикнул я, привлекая их внимание.

— Мужик, не иди к ним! — крикнул мне курьер. — Это зомби!

— Беги, куда бежал, — сказал я ему. — Я знаю, что делаю.

Парень последовал совету, побежав по тротуару, а я уже взял на шпагу первого мертвеца.

Обычный человек, в красной ветровке, синих джинсах и весенних ботинках, получил пять сантиметров стали в череп, после чего навсегда лёг на сырой асфальт.

Весна сегодня совершенно не радовала, потому что до сих пор прохладно, сыро, а ещё начинается раздражающий мелкий дождик.

И рингтоны смартфонов, в карманах мертвецов. Родные и близкие не оставляют попыток связаться с этими мёртвыми людьми. Противоестественное зрелище и очень грустное...

— Лъэнфан терибль! (5) — поразил я подростка в чёрном пуховике, протянувшего ко мне свои тонкие руки. — Умри!

Теперь у меня было практически безграничное пространство для манёвра, поэтому я активно двигался, отступая и атакуя наскоками.

На фоне, в окнах домов, я видел людей с мобильниками — снимают, бестолочи... Не понимают, что сами очень скоро будут заниматься чем-то подобным.

— Умри-умри-умри! — кричал я, нанося смертоносные удары.

Очень быстро мертвецы закончились. По асфальту начали растекаться тонкие ручейки тёмной крови.

— Во всех новостях: кровавый маньяк жестоко убил группу туристов, прибывших из ближнего зарубежья! — расправив плечи и расставив руки в стороны, воскликнул я. — Хладнокровно зарезал предметом, похожим на меч! После чего сел в машину, предположительно Тойоту Камри, и скрылся с места преступления!

Почему-то захотелось это сказать.

Вытерев шпагу о джинсовую рубашку ближайшего мертвеца, я бросил своё оружие в ножны, после чего вернулся в автомобиль.

Надо, кстати, пока продают, закупиться консервами, водой, солью и спичками. Знаю, что у бабули есть запасы на чёрный день, но чем больше у нас будет еды, тем дольше мы протянем. А там посмотрим, как будет.

— Алё, здравствуйте! — набрал я номер Зинаиды Сергеевны. — Вы по старому адресу проживаете?

— Дима, ко мне уже приехала полиция! — сообщила та радостным голосом. — Спасибо за беспокойство, но я уже в безопасности.

М-хм. Так даже удобнее.

— Я рад, что всё закончилось хорошо, — ответил я. — Что ж, тогда я поехал домой. Берегите себя.

— И ты себя береги, Дима, — пожелала мне Зинаида Сергеевна.

Завершив вызов, я бросил мобильник на переднее пассажирское сиденье и включил радио.

«... оставаться в своих домах. Возможно отключение электроэнергии и водоснабжения,

поэтому рекомендуется набрать воду во все доступные ёмкости. Если вы находитесь на рабочем месте, не следует покидать безопасные помещения и пытаться добраться до дома. Ситуация находится под нашим контролем, поэтому не следует поддаваться панике. Ни в коем случае не пытайтесь бежать из города — на улицах будет опасно до тех пор, пока силы Росгвардии не возьмут их под контроль...»

Обычно, когда правительство говорит, что всё будет хорошо и не надо паниковать, люди склонны считать, что самое время для паники, ведь ничего хорошо точно не будет.

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что ребята из правительства говорят дельные вещи. Не выходить, сидеть тихо, набирать воду и надеяться на лучшее. Только вот очень печально, что сегодня рабочий день, по домам сидит мало людей, а основная масса их находится на работе. Очень паршивая ситуация. Я не знаю, как бы поступил на месте правительства.

— Да знаю я всё! — воскликнул я, глянув на зеркало заднего вида. — Ввести самые надёжные батальоны Старой гвардии в город, приказать безжалостно истребить всю нежить, посмевшую покушаться на спокойствие добропорядочных горожан!

Меня это достало!

Развязываю узел маски и срываю её с себя.

Темнеет в глазах, после чего исчезает обмундирование и оружие. Я вновь в театральном образе Наполеона Бонапарта, со сломанной бутафорией в тонких деревянных ножнах.

Да, теперь я уже не так крут, как был секунду назад, зато сознание моё чисто и нет навязчивых мыслей о необходимости дорваться до власти хоть над чем-нибудь.

— Клара у Карла украла кораллы, — произнёс я вслух. — Ха-ха!

Исчез этот мерзкий французский акцент, который уже начинал меня подбешивать!

Так, теперь надо ехать домой, но, по пути, переодеться в нормальную одежду и прикупить запасов.

Тойота летела по полупустым улицам Васильевского острова, замершего в неопределённости.

Какого лешего я вообще пошёл спасать Зинаиду Сергеевну?!

Персонаж Наполеона — это да, он представлен в постановке как романтический герой, властолюбивый, но честный, а я-то вообще не герой ни на грамм! Я у мамы такой один, вообще-то!

Ох, мама...

Хватаю телефон и набираю номер мамы.

Гудки вызова.

— Алло? — спросил мужской голос. — Вы — сын Лидии Верещагиной?

— Это кто? — спросил я, а в душе у меня рос кусок льда.

— Старший сержант полиции Арыстанов, — представился полицейский. — С кем разговариваю?

— Дмитрий, сын Лидии Верещагиной и Ибрагима Верещагина, — представился я. — С ними всё в порядке?

Полицейский не отвечал секунд двадцать.

— Алло?

— Вынужден сообщить вам, что ваша мать и отец погибли, — произнёс полицейский. — Дорожно-транспортное происшествие. Если это хоть как-то может облегчить горечь утраты — смерть была мгновенной.

— Что именно случилось? — спросил я внешне спокойно, но внутри будто падая в пропасть.

Сердце словно остановилось. Я смотрел на дорогу, но не видел ничего.

— В управляемый вашим отцом автомобиль врезался грузовик, — сообщил мне полицейский. — За рулём грузовика находился, кхм...

Старший сержант Арыстанов замялся, будто не решаясь продолжать.

— Кто находился за рулём? — спросил я.

— У вас ведь происходит то же самое, да? — спросил он вместо ответа.

— Вы о зомби? — уточнил я.

— Да, — ответил полицейский и перешёл на не столь официальный тон. — Ты где находишься сейчас, Дмитрий?

— В Петербурге, — ответил я.

— Ох... — полицейский замолк, в его голосе было искреннее сочувствие. — Мы тела в морг доставим, но не думаю, что тебе сейчас надо лететь к нам. У нас тут с ночи бардак, брат, люди кидаются друг на друга, армию в столицу ввели, сейчас пытаемся что-то делать. Есть кто-то из родственников в Астане?

— Я сейчас продиктую номер. — открыл я контакты телефона.

Я продиктовал номер. Пал Дмитрич — хороший друг родителей. Надо связаться с ним, чтобы он обо всём позаботился. Проклятье...

— Мы позвоним ему, — заверил меня полицейский. — Держись, Дмитрий. Выражаю тебе свои соболезнования.

Завершаю вызов. Сосушая пустота в груди. Куда я еду? Зачем?

Ох, чёрт!

Снова чуть не задавил человека! Только это не человек, а зомби.

Объезжаю вяло плетущуюся по проезжей части тварь и даю по газам, параллельно набирая Павла Дмитриевича.

— Да? — раздался утробный бас из динамика. — Дима, ты как? Всё нормально? Ох, ты же в Петербурге... Ты с родителями связался?

— Здравствуйте, Пал Дмитрич, — заговорил я. — Я в безопасности, но родители...

Ком в горле. Хочется умереть или убить.

— Я дал ваш номер полиции, — стукнув кулаком по приборной панели, продолжил я. — На карту вам перекину триста тысяч рублей, на организацию похорон. Пожалуйста, сделайте всё как полагается...

— Дим... — заговорил Пал Дмитрич.

Завершаю вызов. Не хочу говорить ни с кем и ни о чём.

Открываю банковское приложение, которое продолжает работать, после чего перевожу триста тысяч на карту Пала Дмитрича.

Всё, хватит. Достаточно!

Беру маску и надеваю её на лицо.

Примечания:

1 — Ни та мер — фр. *nique ta mère* — в переводе с французского это означает «помогаю по хозяйству твоей мамке».

2 — Та мер ля пют — фр. *ta mère la pute* — в переводе с французского это означает «твоя мать — женщина с низкой социальной ответственностью».

3 — Ле кон — фр. le con — в переводе с французского это означает «мудак».

4 — Энфан де пюот — фр. enfant de pute — как интуитивно понятно, это значит «сын женщины с низкой социальной ответственностью».

5 — Лъэнфан терибль — L'enfant terrible — в переводе с французского «ужасный ребёнок».

Глава 4. Бабушкин чай

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

— Спас? — спросила бабушка из-за двери.

— Приехала жандармерия и всё испортила, — ответил я ей. — Открывай дверь.

— Как я могу удостовериться, что ты не укушен? — задала очень интересный вопрос бабуля.

— По телевизору разве не передавали, что человек обращается в зомби минут за пятнадцать? — поинтересовался я у неё. — Если бы я был укушен...

— Тогда стой там двадцать минут, — заявила моя грон-мэр.

— Издеваешься? — возмутился я. — Я убил тут восемь зомби, тут воняет кровью!

«Наркоманы» в подъезде, упомянутые бабушкой, оказались немёртвыми соседями. Кого-то укусили на улице и он не дошёл до собственной квартиры, оставшись в подъезде, а кто-то наоборот, стал зомби в квартире, но не сумел убить и сожрать всех близких, которые сбежали через подъезд.

И да, я тут немного почитал один канал в «телеге», более или менее адекватный, где уже установили, что зомби-эпидемия началась не с какого-то там «нулевого пациента», а сразу массово, во всём мире разом. Какое-то количество людей сразу стали зомби, после чего начали грызть всех, кто был поблизости.

Грешат на распыление каких-то химикатов или эксперименты теневого правительства — это неважно. Важно то, что это везде. В России, в Казахстане, в Европе, в Америке, в Японии, в Китае...

— Вытащи трупы на улицу, чтобы не стоять зря, — предложила мне бабушка.

Я уже говорил, что Агата Петровна — это сложный человек?

— Ох, ладно, — вздохнул я и оценил фронт предстоящей работы.

Действительно, если какие-то службы будут заниматься уборкой трупов, то я здорово облегчу им работу, если вытащу тела к подъезду. С другой стороны, если будут выходить люди...

— Мон Дью, я замараю мундир! — нашёл я контрагумент.

— Обойди дом, я скину тебе какую-нибудь фуфайку и перчатки, — нашлась бабуля.

— Не сломаешься, бабуль? — с усмешкой спросил я.

— Рот закрой, недоносок, — донеслось до меня из-за двери.

Я начал спускаться по лестнице.

— П-с-ст, сосед... — окликнули меня.

Разворачиваюсь и вижу выглядывающего из-за двери соседа, Михаила. Живёт в «98» квартире, жена, двое детей.

Михаил — упитанный дядя лет сорока, среднего роста, кареглазый и с шикарной чёрной шевелюрой, предметом моей зависти — он ничего не делает для этого, насколько я знаю, но она у него, несмотря на совершенно неправильный образ жизни, здоровая и блестящая. Генетика, как я полагаю.

— Да? — спросил я, повернувшись к соседу.

Михаил удивлённо уставился на мои маску и бикорн.

— А где «эти»? — поняв, что так пялиться неприлично, сосед отвёл взгляд и оглядел

подъезд.

— Они не придут, — понял я, о ком он. — Чего хотел?

— Да я так... — сосед крутанул кистью, словно изображая это самое «так». — Ты полицию не видел?

— Не видел, но уже несколько раз слышал, — ответил я, припомнив рёв сирен пролетающих по параллельным улицам экипажей жандармерии. — У них навалом работы. А что, тебе нужна помощь полиции?

— Нет-нет, просто, все эти люди в подъезде, по телевизору показывают какую-то дичь... — произнёс Михаил. — Ты что-нибудь знаешь о том, что происходит?

— Не сильно больше твоего, — слегка слукавил я. — Главное — слушай, что говорят власти. Скажут, что на улицу нельзя или будем стрелять... Думаю, они будут стрелять.

— Это всё всерьёз? — спросил Михаил.

— Думаешь, это какая-то первоапрельская шутка? — вздохнул я. — Нет, это не шутка. Всё всерьёз, поэтому лучше бы тебе вооружиться тем, что может проламывать черепа.

— Я лучше вернусь домой, — настороженно отодвинулся Михаил назад.

Моя откровенность явно напугала его, поэтому он предпочёл смыться от странного соседа.

— Не скучай, — пожелал я ему. — И береги своих близких.

Дверь хлопнула, а затем раздался щелчок замка.

Выйдя из подъезда, я обнаружил себя перед группой молодчиков, вооружённых трубами и арматурами.

— А ты чего такой нарядный? — спросил меня один из них, небритый и, в целом, какой-то неухоженный.

— Настроение такое, — ответил я.

— Француз, что ли? — спросил небритый.

— Вроде того, — произнёс я. — В чём причина вашего нескучного собрания?

Мужиков было около сорока человек, все настроены решительно. Неужто начались погромы казахстанцев, говорящих с французским акцентом?

— Ты что, только из дома вышел? — грустно усмехнулся небритый. — У нас тут зомби-апокалипсис начался, поэтому мы, в инициативном порядке, начали зачистку парадных. Раз ты так спокойно вышел из своего, значит, там нет зомби?

Парадный... Это он, конечно, сильно преувеличил. Как говаривал один человек из интернета: «Парадный — это когда арки, пилястры, колонны, торжественный пафос, скрипучая дубовая дверь. А когда железная дверь с надписью „x%й“ и рядом валяетсядохлый голубь с окурком в жопе — это подъезд». У нас подъезд.

— Больше нет, — поправил я небритого. — Сейчас грон-мэр скинет мне вещи, и я начну вынос тел из подъезда.

— Сколько их было? — спросил лидер инициативной группы.

— Восемь, — ответил я, скромно потупив взор. — В этом подъезде всё отлично, можете не переживать. Если кто-то и остался в квартирах — я займусь ими чуть позже.

Мертвецы шумят, поэтому в бетонной коробке лестничной клетки их отлично слышно.

— Ладно, тогда мы дальше пойдём, — вздохнул небритый. — А что у тебя за маска? Не самое лучшее время для карнавала.

— Это мой бзик, — развёл я руками.

— Семён, — небритый решил, что пришло время для представления.

— Дмитрий, — представился я. — Приятно познакомиться.

Мы пожали друг другу руки, для чего мне пришлось снимать свою белоснежную перчатку.

— Слушай, а тебе такие штуки не попадались? — вытащил Семён из кармана серебристый шарик.

— Попадалась одна, — ответил я. — Очень опасная штука. Кое-что даёт, но кое-что забирает. Цена может оказаться гораздо выше, чем задекларировано в довольно сухом описании.

— А, так ты тоже сумел прочитать текст! — обрадовался Семён. — Это значит, что ты уже применил шарик?

— Применил, — не стал я скрывать очевидное. — А вы всё никак не рискуете?

— Посмотри, — протянул мне шарик Семён.

Я принял этот сверхъестественный предмет и взгляделся в символы.

Тип: Магия исцеления

Потенциал: необычный

Краткое описание: несложный и ограниченный тип магии, требующий умеренного самоконтроля.

Позволяет исцелять травмы лёгкой и средней степени тяжести на себе и на других объектах.

Внимание! Использование предмета оказывает сильное воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте осторожны.

Ясно. Полагаю, чем выше потенциал шарика, тем сильнее он бьёт по мозгам.

— У тебя было что-то подобное? — спросил Семён.

Информация — это ценность. Особенно о таких вещах.

— Да, что-то вроде того, — ответил я. — Если хочешь исцелять травмы, то смело активируй этот шарик. Воздействие на психоэмоциональное состояние тем сильнее, чем выше потенциал шара.

— Думаешь? — неуверенно спросил Семён.

— В конце концов, решение принимать тебе, — ответил я. — Не думаю, что это сработает с исцелением укусов от зомби, ведь это было бы слишком легко, но я бы всё равно проверил, окажись на твоём месте.

Там так и написано, что дарованная шариком магия способна залечивать лёгкие и средние травмы, а укус зомби, убивающий за десяток минут, явно относится к травмам сверхтяжёлой степени тяжести.

— Мне пора идти, — произнёс я. — Удачи, господа.

— И тебе удачи, — задумчиво произнёс Семён.

Стихийные дружинники вразнобой пробурчали что-то вроде «бывай, не пропадай», после чего направились вслед за своим лидером, пристально смотрящим на свой серебристый шарик.

Не сомневаюсь, что они забили уже приличное количество мертвецов, поэтому почти у каждого из них есть свой шарик. И только им решать, принимать ли проклятый дар, способный сделать остаток их жизни незабываемым. Коротким, но незабываемым.

— Грон-мэр! Выбрасывай мне вещи! — позвал я.

— Я тебе клюкой огрею, если ещё раз так меня назовёшь, бестолочь! — донеслось с балкона. — Лови!

На чёрную весеннюю землю, в которой едва-едва успели проклюнуться первые ростки дикой травы, упала дедовская фуфайка, а также связка одноразовых рабочих перчаток.

— Спасибо! — крикнул я бабушке, после чего начал собирать рабочую экипировку.

— Тряпки возьми ещё, чтобы головы накрывать — негоже, чтобы мертвецы непокрытыми лежали! — в балконное окно начали вылетать куски ветоши.

Собрав всё, я направился в подъезд.

Два слоя перчаток на руках, дедовская фуфайка — выглядел я, наверное, очень странно и нелепо. Император Наполеон I Бонапарт на общественных работах, иначе и не назвать.

Работал быстро и без нытья — сельские парни, вроде меня, никогда не чураются работы. Это городские ребяташки, порой, не способны даже уроненный мимо урны мусор поднять.

Стало немножко стыдно, потому что я подумал о мусоре во время уборки тел из подъезда.

От мертвецов, вопреки опасениям, не воняло тухлятиной. Да и откуда бы? Зомби появились, если верить новостным лентам, недавно, но массово — они не успели подгнить, если у них вообще начнётся процесс гниения. Нигде не говорилось, что наш зомби-апокалипсис будет точь-в-точь по канонам Джорджа Ромеро.

У нас свой зомби-апокалипсис, самобытный, с отечественным колоритом...

Когда восьмое тело было вытащено к подъезду и накрыто последним куском ветоши, найденным бабулей на нашем балконе, я вернулся в подъезд и наткнулся там на Михаила, вооружённого скалкой.

— Очень плохое оружие для самообороны, — произнёс я. — Ты собрался обороняться от теста?

— Ну, ты же сам сказал, что надо что-то, что способно проломить череп... — очень неуверенно произнёс Михаил.

— У тебя дома нет топора или молотка? — поинтересовался я, проходя мимо соседа.

— Есть, но... — Михаил замялся.

Я знаю, что это за «но». Топор или молоток — это же реально убить можно! Эх, кто-то просто не предназначен для того, чтобы выжить в том аду на земле, который нам готовит судьба.

— Если ты не готов убивать, твоя семья не выживет, — произнёс я, после чего постучал в дверь своей квартиры. — Спрячь эту скалку подальше и вооружись чем-нибудь посolidнее. Ты ведь даже не насмешишь мертвецов, потому что они не понимают юмора.

Грон-мэр открыла дверь, впустив меня в квартиру. Михаил так и остался стоять на ступеньках, в нерешительности и смятении.

— Долго провозился, — недовольно произнесла моя бабуля.

Ей восемьдесят шесть, давно пора к праотцам или на больничную койку, чтобы грозить вычеркнуть всю родню из завещания. Но Агата Петровна Верещагина, вопреки статистическим прогнозам, всё ещё на ногах и деятельна.

Пусть у неё ноют кости, артрит и вообще, у стариков жизнь не сахар, но она не прекращает активно жить, скорее, вопреки, из принципа.

Абсолютно седая, с морщинистой кожей, покрытой старческими пятнами, но с признаками былой красоты — я не с пустого места обладаю актёрской внешностью, а

отчасти и от бабушки. Вообще, если посмотреть на фотографии из молодости моих дедушки с бабушкой, кажется, что это кадры из какого-нибудь фильма — настолько они там красивы и свежи. Может, это так действует очарование давно минувшей эпохи, может, это просто фотоаппараты тогда были не слишком совершенны, не знаю.

Ростом бабуля метр шестьдесят с лишним, весит мало, но это годы и повышенная старческая активность — я столько в день не хожу, сколько она носится по инстанциям, выбивая из буржуазного режима всё, ей причитающееся. Голубые глаза её, чуть поблеклые от прожитых лет, смотрят живо, бодро, с вызовом, ежедневно бросаемым смерти.

— Чай будешь? — спросила она.

— Когда бы я отказывался? — усмехнулся я.

— Что на тебе надето? — подозрительным взглядом осмотрела меня бабуля. — Не кажется ли тебе, внучок, что сейчас несколько неуместно шарахаться по улицам в образе Наполеона?

— Я объясню всё за чаем, — пообещал я.

— Дверь закрой, остолоп! — прикрикнула на меня Агата Петровна.

Щёлкнул замок, после чего я разулся и прошёл в ванную. Кровь мертвецов проникла через два слоя перчаток, поэтому пришлось отмывать руки хозяйственным мылом. Отмечу, что в ванне стоит десяток пятилитровых бутылей, по крышку заполненных водой. Бабушка, как я уже говорил, не любит сидеть без дела.

На кухне я увидел целые батареи солений — вероятно, это инвентаризация стратегических запасов. Думаю, даже если я не пойду скоро на закупку консервов, соли, сахара и прочего, мы можем протянуть тут очень долго.

Зашипел электрочайник, включенный бабушкой.

— Рассказывай давай, милоч, — села бабуля за кухонный стол. — И маску поганую своюними.

Я тут, год назад, провёл капитальный ремонт. Десять квадратных метров кухни сейчас блистали белым мрамором, немецкой бытовой техникой, а также пафосными светильниками итальянского дизайна — я, честно сказать, зажиточный актёр. За второго «Беса» мне отвалили столько, что хватило бы на приобретение квартиры в центре, но я решил, что с бабулей жить как-то комфортнее и выгоднее. Всегда есть, что покушать, а ещё я не хочу бросать её доживать старость в одиночестве. Это было бы как-то безответственно.

— Рассказ короткий, но насыщенный, — начал я, снимая маску. — Всё началось с того, что мы начали давать спектакль. Вышел я, значит, на сцену, звукорежиссёр налажал с музыкой, все нервничали...

— Давай без прелюдий, — попросила бабуля. — Что за приступ благородства и попытка спасения какого-то там педагога? И как ты убил тех восьмерых? Это вообще на тебя не похоже, ты у нас с детства трусоватый.

— Я бы попросил! — возмутился я, помещая маску на колени.

— Продолжай, — бабушка встала и прошла к плите, за чайником. — Только сразу к сути.

— Собственно, если бы ты меня не перебила, я бы уже перешёл к сути, — недовольно произнёс я. — Открылся занавес, а в зрительном зале уже много мертвецов, нападающих на других зрителей. Один из них кинулся на меня, я шарахнул его бутафорским мечом по голове и, судя по всему, убил. Потеряв точку опоры, я упал на спину, после чего ко мне подкатился серебристый шарик.

— Ага, — перебила меня Агата Петровна. — Уже говорили по телевизору. Сверхспособность получил, значит?

— Да, шарик дал мне некую «магию проклятых масок», — подтвердил я.

— И эта маска... — бабуля посмотрела на мою маску.

— Сценический образ Наполеона Бонапарта, — покивал я. — Надев эту маску, я овладеваю навыками фехтования и жаждой захватить побольше власти. Должно быть что-то ещё, потому что потенциал шарика был «эпическим».

— Что за «эпический» потенциал? — поинтересовалась бабушка, разливая чай.

— Точно не знаю, — признался я. — Тут ребята из соседних подъездов собрали дружину, чтобы выбить всех зомби из домов, у одного из них был шарик с «магией исцеления», потенциал «необычный». Там требования были пониже, но и давал он взамен сверхспособность поуже — исцеление травм лёгкой и средней степени тяжести.

— Не увидь я по телевизору женщину, мечущую сгустки пламени из рук, подумала бы, что у тебя бред, — произнесла бабуля задумчиво. — Хорошо, пока что допустим, что всё это не вышедшая из-под контроля первоапрельская шутка. Я полагаю, что шарик можно получить, только убив зомби. Сколько у тебя уже шариков?

— Ноль, — ответил я, отхлебнув из чашки чай без сахара. — Не выпадало больше никаких шариков.

— Значит, если ты уже получил сверхспособность, шариков больше не будет, — пришла бабушка к выводу. — Странно всё это...

Вот что значит математик по образованию и по жизни — я даже думать в этом направлении не начинал! А она, просто сидя с чашечкой чая, вычленила очень важную деталь, влияющую много на что. Нельзя просто взять и накопить шарики, чтобы раздать всем желающим. Шарик сверхспособностей, назовём его, пока что, так, надо заработать. Купить пролитой кровью.

— Мне нужен такой шарик, — Агата Петровна произнесла это таким тоном, каким судьи оглашают приговоры. — «Эпический», говоришь?

— Постараюсь раздобыть, — пообещал я. — Но это будет сложно.

— Так понимаю, нужно, чтобы зомби убил человек, у которого нет сверхспособностей? — спросила бабушка. — Найди такого человека.

— Отнять у него шарик? — недоуменно спросил я у неё.

— Зачем отнимать? — удивилась она. — Скажи, что дашь ему убить несколько зомби, после чего заberi один из шариков. Заодно и узнаешь, может ли человек без способностей получить несколько шариков.

— Что с тобой, бабуль? — спросил я настороженно. — Почему ты спокойна, как удав и рассуждаешь так, будто уже несколько месяцев живёшь в зомби-апокалипсисе?

— Во мне сейчас восемьдесят капель настойки пустырника, — ответила она. — Я уже смирилась с тем, что мой сын и сноха мертвы, а мир больше никогда не будет прежним. Но внука я себе потерять не позволю.

Значит, она уже знает. Скорее всего, Пал Дмитрич позвонил и рассказал всё, как на духу.

Эх, до сих пор не могу принять... Сильно захотелось вновь надеть маску, чтобы скрыться за ней от этого поганого и бессердечного мира.

— Ты с детства малость туповат, плохо разбираешься в окружающем мире, поэтому думать за нас двоих буду я, — продолжала бабушка.

— Это почему я малость туповат? — возмущился я.

— Просто признай, что твой успех в жизни — это череда роковых случайностей, — вздохнула бабуля. — Ещё и на актёра отучился, а не на нормальную специальность. Но дело не в этом, а в том, что у меня больше жизненного опыта, а ты только и делал, что прожигал незаслуженно большие гонорары и жил в своё удовольствие.

Это она о том, что я не купил квартиру и не съехал от неё. Ну и новая тачка, отпуска в тропических странах, сомнительная тусовка, в которой я крутился... Да, я признаю, что успех ударил мне в голову и я бездумно потратил часть заработанных на кино денег. Но, извините меня, я зарабатываю дохрена и имею право распоряжаться всем этим так, как мне вздумается!

— Да что спорить? Хочешь думать — думай, — вздохнул я. — Но делать будем так, как я скажу. Первым делом надо, пока ещё принимают деньги, закупиться консервами и всем, что необходимо для долгого существования взаперти.

— А ты не такой пропащий, как я о тебе думала, — похвалила меня бабуля. — Допивай чай и езжай.

— Это потому, что я так решил, — усмехнулся я, делая глоток из чашки.

— Если тебе так удобнее, — махнула рукой бабушка.

Допив чай, я надел маску, вновь ощутил тяжесть шпаги 18 брюмера на поясе, поправил бикорн и направился на выход. Открываю дверь и...

— ... надо что-то делать, нельзя же вот так...

— ... власти должны прислать кого-то, я уже написала на экстренный канал...

— ... ходят слухи, что это американцы всё...

— ... это всё наши, точно говорю! С лаборатории утечка или на объекте каком-нибудь авария...

Соседи, по примеру Михаила, вышли на лестничную клетку, посчитав, что теперь тут безопасно, после чего начали активно обсуждать происходящее.

— Так! — вышел я из жилища бабушки. — Граждане-соседи, прекратите шуметь! Мертвецы могут находиться в незапертых квартирах! А ну быстро разбежались все по домам!

Кто-то открыл рот, чтобы начать возмущаться ущемлением свободы, но я, сугубо для демонстрации, немного приподнял шпагу из ножен. Этого хватило, чтобы все вопросы отпали и люди начали расходиться по своим квартирам.

— Не высовывайтесь из дому без достаточно убойного оружия, — дал я бесплатный совет. — Но главное, что вам нужно — это решимость убивать.

Подъезд был быстро освобождён от лишних людей, после чего я решил прогуляться по этажам и посмотреть наличие открытых квартир.

Мы живём на четвёртом, последнем этаже, на каждом этаже по три квартиры, поэтому соседей не так много, что очень хорошо. Меньше соседей — меньше проблем. А я ведь предлагал бабуле купить таунхаус или что-то вроде того, в пригороде, подальше от городской суеты, но она наотрез отказалась покидать свою престижную, во все времена, сталинку.

На третьем этаже никаких открытых квартир, значит, мертвецы отсюда если и выйдут, то очень не просто так.

А вот на втором этаже была одна квартира, дверь которой оказалась слегка приоткрытой. Бронированная штука, с массивной наружной ручкой, с навершием в виде головы льва, не смогла защитить своих хозяев, потому что угроза пришла не снаружи.

Чужие квартиры мне не нужны, но соседей-мертвецов я не потерплю.

— Если ты там, то выходи! — крикнул я, распахнув бронированную дверь.

Обычная такая прихожая, потрёпанный линолеум, старые обои, ворох верхней одежды, лежащий на полу, следы крови, а также сломанный молоток для отбивания мяса. Низкокачественная поделка с Алика сломалась в области сразу под головкой молотка, не выдержав контакта с чьим-то черепом. Примечательно, что мертвец не был обезврежен этим ударом, раз в прихожей не видно тела. Зато я припоминаю, что у одного из мертвецов, уничтоженных мною в подъезде, был висящий на черепе лоскут скальпа. Скорее всего, он жил именно здесь. Надо проверить тут всё.

Войдя в квартиру, я быстро обошёл все помещения, включая уборную и балкон — никого нет. Пожав плечами, взял ключи с вешалки в прихожей, запер дверь на оба замка и продолжил исследование подъезда.

Второй этаж не стал преподносить сюрпризы, все двери закрыты, хотя кто-то смотрел на меня через глазок. Это я понял по тому, что когда я уставился на глазок, в этой стекляшке мелькнул свет, что свидетельствовало о том, что кто-то убрал свою головушку от глазка, испугавшись ненормального, шатающегося по подъезду в такое беспокойное время.

На первом этаже тоже всё тихо и спокойно, поэтому я вышел из подъезда, направившись сразу к своей ласточке.

— Ну, давай, родимая! — нажал я на автозапуск.

Моргнули габариты и рыкнул движок. Новая машина — это песня! Пусть ей два года, но для меня, который исторически недавно гонял по сельской местности на полумёртвой «Жиге», два года — это практически только что с салона. И теперь, как я понимаю, купить новую тачку будет проблематично. Если режим рухнет, то начнётся анархия и вообще будет не до обновок.

Думать об этом не хотелось.

Пока грелся движок, решил послушать, что там по радио. В телефоне зависать не хочется, потому что можно залипнуть надолго.

«... район блокирован силами Росгвардии, нахождение на улицах небезопасно. Повторяем! Центральный район блокирован силами Росгвардии, нахождение на улицах небезопасно. Задействованным в операции силам разрешено открывать огонь на поражение. Жители Санкт-Петербурга, для вашей же безопасности — не покидайте свои жилища и безопасные помещения».

А я как раз хотел сейчас в центральный... Там все супермаркеты, а у нас рядом только один, но там практически ничего нет.

— Прекратить думать так, словно сейчас мирное время! — гневно выкрикнул я, взглянув на себя в зеркало заднего вида. — Идёт война!

Думаю, двигатель достаточно прогрелся, поэтому самое время ехать.

В Центральном, скорее всего, ситуация вышла из-под контроля, раз жандармы устроили оцепление и получили разрешение стрелять во всё, что они видят. Первый звоночек, свидетельствующий о том, что печальный конец города очень близок.

— Надо торопиться с покупками, — произнёс я вслух и направил свою ласточку к выезду из двора.

Глава 5. Долгий день

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

— Мьёрде! — выкрикнул я с досадой, давя на тормоз.

Без особых трудностей доехав до улицы Нахимова, я уже был уверен, что спокойно доеду до супермаркета, чтобы закупить там всё на год вперёд. Увы, но прямо на пересечении Нахимова с Наличной, опрокинулась здоровенная фура. И ладно бы с картошкой или с гречкой, это дело можно было объехать, а с маслом или чем-то вроде того — по улице расплескалась маслянистая жидкость, в которую мне бы не хотелось въезжать.

Несколько машин уже заехали в жидкость, поэтому стоят в столбах и на тротуарах.

— Проклятье... — прошипел я, сдавая назад.

За мной ехало машин двадцать, поэтому мне уже недовольно сигналили. Пусть утрутся.

Пришлось поворачивать, чтобы заехать во дворы, что есть риск, но оправданный.

Проезжаю через чужой двор, где необычайно пустынно и тихо. Единственное, встречаются уже подсыхающие пятна крови у подъездов. Либо тут тоже сформировались стихийные дружины, либо орудуют зомби, уже ушедшие в другие места, в поисках бесплатной еды.

До «Алфавита гурмана» всё-таки доехал, но тут уже творится бардак: на парковке битком автомобилей и людей, а ещё тут, как я понимаю, происходит настоящее мародёрство. У входа лежат тела, скорее всего, зомби, а люди тащат вообще всё, что содержалось в супермаркете. Тележки у людей забиты всякой всячиной, от туалетной бумаги до подсолнечного масла. Есть пара вооружённых гладкоствольными ружьями индивидов, охраняющих грузовик, куда уже закидывают ящики с едой некие шустрые ухари.

— Нам здесь не рады, — решил я, сворачивая в сторону.

Открываю приложение карты и вбиваю «супермаркет».

— Супермаркет, помогите! — воскликнул я, после чего глупо хохотнул.

Рядом есть «Тикси» и «Перепутье». Причём «Тикси» в том направлении целых два, но оба небольшие.

Пока объезжал опрокинутую фуру, заметил продуктовый магазинчик. Продуктовый магазин «Земфира», с уже успевшей выцвести лентой «Мы открылись!»

Паркуюсь поближе, после чего выхожу из машины и решительно иду к магазину, где может быть хоть какая-то часть из списка покупок.

— Э, друг, туда не ходи... — тихо шепнул мне из-за угла дядька лет сорока.

Внешность кавказская, взгляд грустный и, в то же время, испуганный. Одет в кожаную куртку и серые брюки. Для полноты образа не хватало кепки-аэродрома. Волосы его чёрные, глаза тёмно-карие, кожа смуглая. Бороды нет, но есть густые свисающие усы.

— А что там? — спросил я.

— Там продавщица, это... — мужик запнулся. — Зомби.

— Тогда ясно, — вздохнул я разочарованно. — Спасибо, что предупредил.

Поднимаюсь по ступенькам и пинком раскрываю дверь.

— Умри, отродье Дьявола! — воскликнул я и нанёс рубящий удар в шею мертвячке.

Женщина в синем фартуке не умерла сразу, а попёрла прямо на меня, будто это не ей сейчас располовинило горло шпагой. Наношу второй удар туда же, на этот раз, точно достав

до шейного отдела позвоночника, после чего ощущаю лёгкий прилив сил — значит, надёжно убита.

Работа ещё не завершена, поэтому прохожу вглубь помещения и осматриваю всё. Нет, больше тут никого.

Начинаю сбор всего, что может пригодиться. Консервы по двести девять рублей, триста двадцать пять грамм, девятнадцать банок — м-м-м, говядина... Сумка спортивная, явно, не на продажу, но я оцениваю её в две тысячи рублей. Грузу тушёнку в сумку.

Следующим лотом шли консервы с курицей, триста двадцать пять грамм за сто пять рублей, всего девять штук, то, что надо.

Маслины без косточек, триста грамм за двести пятьдесят два рубля, ананас в сиропе, три консервы по пятьсот восемьдесят грамм за триста рублей, сгущённое молоко, белорусское, по двести рублей за банку...

Когда с выбором было покончено, подошёл к кассе, после чего самостоятельно вбил сумму на аппарате и оплатил через телефон. Ещё вчера я верил, что когда-нибудь, в светлом будущем, мы доживём до магазинов, где не нужен продавец. Судьба предоставила мне возможность оплатить всё без продавца, правда, сделала она это очень иронично и мрачно.

— Эй, онкль! (1) — позвал я, вытаскивая тело продавщицы наружу. — Иди сюда!

Кавказец выглянул из-за угла, но затем резко спрятался обратно.

— Я не собираюсь убивать тебя! — крикнул я ему. — У меня есть к тебе выгодное предложение делового характера!

— Точно не будешь? — вновь высунулся мужик из-за угла.

— Точно-точно, — заверил я его. — Готов слушать?

Кавказец подошёл, с очень неуверенным выражением лица. Я же приволок тело продавщицы до газона, после чего накрыл её одеялом, прихваченным в бытовом помещении. Если всё, что власти говорят по радио, правда, то я занимаюсь тушением пожара с помощью чайной ложки — трупов скоро появится очень много и может статься, что некому их будет забирать и хоронить.

— А полиция? — спросил кавказец.

— Тебя как звать? — посмотрел я на него.

— Зауркан, — представился тот.

— Дмитрий, — назвал я своё имя. — Зауркан, ты слышал о том, что можно получить сверхспособность, если удастся добыть серебристый шарик?

— Слышал, на ютубе говорили, — кивнул кавказец. — Но я не хочу убивать зомби. Если укусит — верная смерть. Опасно слишком, поэтому если хочешь предложить идти убивать зомби вместе с тобой — сразу говорю, что я не согласен.

— Моё крайне выгодное предложение состоит в том, чтобы ты просто добивал зомби, — сказал я ему, доставая из кармана пачку сигарет. — Полученные шарики делим пополам.

— Угости сигареткой, — попросил Зауркан. — А чего сам-то?

Он отлично говорит на русском, даже без тени акцента. Это не странно, но клише, транслируемые кино, заставляют ждать чего-то вроде «есь жи, брат, есь жи» или «вай, вах, трах-бабах» и прочего. Обдумывая это, подкуриваю сигарету.

— Если принял сверхспособность, шариков больше не дают, — ответил я, передавая Зауркану пачку и зажигалку. — Потому мне нужен кто-то, кто готов проломить пару-тройку черепов, а лучше пару-тройку десятков. Они всё равно уже мертвы, а нам польза.

— Пятьдесят на пятьдесят? — переспросил Зауркан. — Как я могу тебе доверять?

— Никак, — пожал я плечами. — Я считаю себя порядочным человеком, даже товары, взятые в этом магазине, оплатил.

Кавказец крепко задумался.

— Эй, люди! — окликнули меня с балкона второго этажа.

Я поднял взгляд. Из открытого балконного окна выглядывал светловолосый парень лет шестнадцати-восемнадцати.

— Чего хотел? — спросил я у него.

— Я согласен на такие условия! — крикнул парень.

— Ты в каком подъезде? Там есть зомби? — задал я серию вопросов.

— Э, я тоже согласен, — спохватился Зауркан.

— Вот и отлично, — усмехнулся я.

— Второй подъезд, да, там несколько ходит! — ответил парень.

— Тебя как звать? — спросил я у него.

— Аркашей, — представился тот.

— Жди, Аркаша, — сказал я ему, поправляя пояс. — Скоро мы будем. Зауркан, тоже подожди, я скоро.

В магазине не было пожарного щита, что являлось злостным нарушением правил пожарной безопасности. Или не являлось? Ну, во всяком случае, меня это очень расстроило.

По соседству с продуктовым магазином была парикмахерская, правда, закрытая наглухо.

И тут я вспомнил, что у меня в машине был молоток.

Открыв багажник, я закопошился, сдвинул всякий хлам, который давно следовало выкинуть, после чего добрался до ящика с инструментами и вытащил из него чёрный молоток с прорезиненной рукоятью. Заодно ещё сходил за сумкой и положил её в салон, чтобы два раза не бегать.

— Держи, — передал я инструмент Зауркану. — Следуй за мной.

Мы обошли здание и вышли к подъездам. Мертвецов поблизости не было, поэтому мы спокойно встали у подъездной двери и задумались. Номера квартиры я не спросил. Ох... Грон-мэр права — я тупой...

К счастью, на стене слева от двери была табличка с интервалом номеров квартир в подъезде. Если первый номер двадцать второй, то, учитывая, что в сталинках обычно по три квартиры на этаж, надо набирать с двадцать пятой по двадцать седьмую.

Набираю двадцать пятую.

Характерные домофонные гудки.

— Да? — спросил встревоженный женский голос.

— Меня зовут Дмитрий, я пришёл, чтобы убить зомби в вашем... — начал я.

Но заканчивать фразу было бессмысленно, так как неизвестная женщина быстро положила трубку.

— Эх...

Набираю двадцать шестую.

Снова домофонные гудки, но уже подольше. Не берут-с...

— Кто? — наконец-то поднял трубку некий мужчина, скорее всего, курящий или болеющий.

— Меня зовут Дмитрий, я пришёл, чтобы... — вновь начал я.

И опять прерывание сеанса связи.

Набираю двадцать седьмую.

Эти гудки начинают меня раздражать. Хорошо, что я не начал работать на почте — высока вероятность того, что я бы начал убивать уже через два-три посещённых подъезда.

— Твоя мама говорит, что нам не по пути... — тихо пробурчал Зауркан.

— Очень, сука, смешно, — посмотрел я на него неодобрительно. — Тихо!

— Да? Это вы? — раздался голос того самого паренька с балкона. — Я открываю!

— Оу-оу, погоди! — выкрикнул я. — Сначала скажи, сколько там мертвецов!

— Я не знаю, — признался Аркаша. — В глазок видел троих, может, четверых.

— М-хм, ясно, — хмыкнул я. — Ладно, теперь открывай.

Домофон звякнул, сигнализируя о разблокировке магнита, после чего я дёрнул дверь и отпрянул на пару шагов назад.

Как и ожидалось, мертвецов привлекли все эти гудки и диалоги, поэтому все беспокойные покойники были тут, на первом этаже. И было их шесть, может, семь.

— Заур, отходи! — крикнул я. — Не приближайся до тех пор, пока я не скажу!

Уговаривать Зауркана не пришлось, он лихо пробежал метров двадцать, до детской площадки, после чего перемахнул через низкую ограду и встал там, ожидая исхода неравной схватки зомби и блистательного фехтовальщика.

Плохо, что шпагой не получается достаточно эффективно рубить, а то было бы гораздо проще, но и колющими ударами можно много чего натворить. И я начал.

Итак, их шестеро, теперь мы точно это знаем. Главное, не дать себя окружить и действовать решительно.

Постоянно отступая от зомби, выбравших меня первым блюдом, я наносил удары по конечностям — если правильно ударить в сустав, то можно надёжно «выключить» хоть руку, хоть ногу. Даже если противник не чувствует боли, физический разрыв связи в сочленении — это гарантированное «отключение».

Зомби были в повседневной одежде, но некоторые в нижнем белье или домашних халатах.

Осложняло всё то, что у меня была задача не дать мертвецам разбрестись, поэтому я почти непрерывно орал, чтобы держать себя в центре их внимания.

— В прямом эфире! — выкрикнул я, нанося укол в колено зомби, одетому в треники и майку-алкоголичку. — Выступление весьма гипотетического кандидата в народные артисты Российской Федерации!

Пространство для манёвра было великолепным, поэтому покалечить всех зомби оказалось гораздо легче, чем я думал. Правда, в ползучем состоянии они были ненамного безопаснее. Всё-таки, кусаться и цепляться в штанины они всё ещё могут...

— Твой ход, Зауркан! — крикнул я. — Бей самого крайнего!

Но дядька так и стоял, глядя на происходящее неуверенным взглядом.

Тут из подъезда выскочил Аркаша, вооружённый плотницким топором.

— А-а-а!!! — закричал он, после чего подлетел к ближайшему зомби и обрушил топор ему на голову.

Раздался отвратительный хруст, после чего на асфальт, со звяканьем, упал серебристый шарик.

— Работает! — воскликнул я. — Работает! Убивай остальных, Аркаша!

Но парень, отпустивший топором, отступил, в ужасе выпучив глаза.

— Эй, мы отлично начали! — крикнул я ему, пятясь от упорно ползущих ко мне

мертвецов. — Бери топор и продолжай рубить!

Аркаша был не готов продолжать, поэтому взвизгнул испуганно и забежал обратно в подъезд.

Я обежал скопление мертвецов по большой дуге и рывком выдернул топор из головы упокоенного Аркашей зомби.

— Зауркан, не расстраивай меня! — посмотрел я на своего ненадёжного напарника.

— Я не смогу, Дима... — произнёс кавказец, отступая назад и роняя молоток. — Я просто торгую бытовой техникой...

— Всем плевать, чем ты там занимался раньше! — гневно выговорил я. — Бери топор и убивай! Я приказываю тебе!

Тут что-то изменилось. Взгляд Зауркана ожесточился, а поза обрела твёрдость. Это диссонировало с его выражением лица — он, явно, не понимал, что заставило его обрести решительность и желание убивать. А я понял ещё одно свойство образа Наполеона Бонапарта. Наполеон — полководец, причём очень успешный. Из шестидесяти битв он проиграл лишь двенадцать. И я, почему-то, помню каждую победу и каждое поражение.

Пребывая в задумчивости, передаю топор Зауркану. Тот, ступая твёрдо и уверенно, подходит к ближайшему зомби и наносит неуклюжий рубящий удар по голове. Топора он в руках, как я понимаю, никогда не держал, но даже такого нелепого удара хватило, чтобы упокоить мертвеца.

Серебристый шарик звонко прокатился по асфальту и упёрся в бордюр.

Но Зауркан не собирался останавливаться, продолжив рубить мертвецов.

Только вот, за следующих зомби больше ничего не дали. Досадно, но я и не ожидал, что будет легко.

— А ты боялся! — ободряюще похлопал я Зауркана по плечу.

Дядька выглядел опустошённым. Воздействие приказа прошло, поэтому бедолага смотрел теперь на дело рук своих и искренне недоумевал от того, что вообще оказался на такое способен.

— Итак, посмотрим, что у нас тут есть... — собрал я шарики.

Вглядываюсь в шарик, добытый Аркашей, позорно бежавшим с места знаменательной битвы.

Тип: Антропометаморфизм

Потенциал: простой

Краткое описание: позволяет объекту вносить изменения, не более 15 % от массы объекта, в собственное тело.

Внимание! Использование предмета оказывает воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте внимательны.

Выглядит любопытно, но как-то слабовато. Пятнадцать процентов — это ведь ерунда, если подумать. Боевые качества у такой способности никакие, поэтому смысла в ней особого нет. Зато можно до неузнаваемости изменить собственное лицо и внешность, чтобы стать похожим на другого человека. Нет, потенциал какой-то есть, но я не вижу ему применения в нынешней обстановке неопределённости и тревоги. Ещё и неизвестно, насколько глубокие изменения позволяет вносить эта сверхспособность.

Зато второй шарик был гораздо более впечатляющим и перспективным.

Тип: Магия гидрокинеза

Потенциал: редкий

Краткое описание: требующий высокого самоконтроля тип магии, позволяющий управлять водой в широких пределах.

Внимание! Использование предмета оказывает сильное воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте осторожны.

Как я понял, эта штука позволит стать Катарой из «Аватара», то есть пафосно крутить водные шары и с философским выражением лица чесать всем, кто готов слушать, о мудрости и спокойствии воды.

И что-то мне подсказывает, что если у пользователя этой сверхспособности потечёт фляжка, так оно и будет.

Я передал шарики своему временному напарнику.

— Какой из них мой? — спросил Зауркан.

— Я бы выбрал гидрокинез, — произнёс я.

— Я тоже хочу гидрокинез, он же редкий, — прочитав надписи, решил Зауркан.

— А я? — вышел из подъезда Аркаша.

И тут я вспомнил, что есть ещё один участник славной битвы у второго подъезда. Отнимать у него шарик не хотелось, я не такой человек, поэтому так и быть, отдам ему то, что он заслужил.

— Ты бежал с поля боя, как бесчестный трус, — произнёс я. — По-хорошему, тебе следовало бы ничего не давать, ведь я рисковал жизнью, чтобы вы получили своё.

— Но... — расстроено начал парень.

— Вот твой шарик, — бросил я антропометаморфизм в Аркашу. — Я щедр себе во вред, но так и быть.

Предприятие по получению прорвы шариков накрылось блестящим медным тазиком.

— Что ж, раз наше сотрудничество неспособно принести плодов, вынужден попрощаться с вами, — вздохнул я.

— Ты подожди! — остановил меня будущий маг воды, Зауркан. — Мы же почти ничего не сделали. Может, денег тебе дать?

Аркаша, уже было собравшийся валить обратно в дом, остановился и развернулся. Видимо, чувствует себя неблагодарным.

— Скоро деньги не будут стоить ничего, — покачал я головой. — Мне бы не помешало огнестрельное оружие и патроны, но, думаю, будь у тебя что-то такое, ты бы не ходил по улице вообще без ничего.

— Из еды тебе что надо? — нашёлся кавказец. — У меня есть знакомый на Гаванском рынке, можем съездить. Я всё оплачу сам, ни рубля не потратишь!

— А вот это уже похоже на дельное предложение! — усмехнулся я. — Аркаша, счастливо оставаться, а мы с Заурканом поехали. Береги себя и своих близких, завтра будет хуже, чем вчера.

Парень, не нашедший, чем может отплатить за мою щедрость, вернулся в свой подъезд. Скорее всего, больше не увидимся.

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров, Гаванский рынок/

— Фрукты-овощи, мясо, что хочешь! — Зауркан вышел из машины и обвёл руками уличные прилавки.

Вроде бы зомби-апокалипсис сегодня, а люди всё ещё торгуют. Где-то, возможно даже недалеко отсюда, жрут людей, а продавцы за прилавками, водители везут свежие фрукты и овощи, мясо, всякую всячину...

Не понимаю. Решительно не понимаю.

— Мне нужны консервы, много, — ответил я. — Конина, говядина, хоть свинина — главное, чтобы свежее и с долгим сроком хранения.

— Всё будет! — заверил Зауркан и побежал внутрь рынка.

Я последовал за ним.

Внутри мы быстро нашли какого-то паренька, сильно похожего на Зауркана, после чего они заговорили на своём языке, а я смотрел на окружающих людей, продолжающих жить вчерашним днём и недоумевал. Очевидно, что зомби появились далеко не везде, поэтому во многих местах люди просто не видели, что сейчас происходит в городе. А сообщения правительства... «Мне деньги зарабатывать надо, а вы тут со своими зомби лезете!»

По итогам переговоров, откуда-то появилось трое ребят кавказской наружности, которые начали таскать консервы ко мне в машину. Багажник был забит полностью, как и задние пассажирские сиденья. Заманяюсь потом перетаскивать домой, но это приятный груз.

— Ты бы сделал здесь что-нибудь, — обвёл я рукой рынок. — Ты ведь понимаешь, что это всё не шутки и случилось почти везде?

— Я поговорю с директором, — покивал Зауркан. — Спасибо тебе, Дмитрий.

— Да не за что, — махнул я рукой. — Ладно, бывай...

Сажусь в машину и уезжаю. Зауркана, думаю, тоже уже не увижу. Предчувствие у меня такое.

Ласточка замурчала и повезла меня домой.

М-да, денёк сегодня, конечно...

Но он ещё не закончился.

Ехать тут два километра — грон-мэр по выходным пешком на Гавану ходит. Ну, то есть ходила. Сейчас это будет очень опрометчивым решением — гулять по городу пешком и без оружия.

По улице Наличной на Шкиперский проток, после чего сворачиваю в арку. Во дворе практически нет машин, видимо, не послушались соседи, рванули все прочь из города.

Я тут поразмышлял немного. В Питере оставаться безопаснее. В пригороде сейчас целая прорва людей, с машинами, с вещами, а тут спокойно и тихо. Кто-то, конечно, морем ушёл, это обязательно, но, так получилось, что у меня нет яхты. Да и человек я, сугубо, сухопутный.

И что я надумал-то? А то, что мы сейчас на острове. Потому что этот район буквально Василеостровский. Будь я на месте городских властей, я бы согнал всех жителей на Васильевский и соседние острова, а мосты подорвал к чёртовой матери. Сообщение с окружающим миром только посредством барж и кораблей, а по берегам поставить крепкие полки, чтобы отстреливали зомби на том берегу. Так и победили бы.

Но это я. Что творится в голове у администрации — это большой вопрос. Возможно, они пытаются удержать остальные районы, что я искренне не понимаю. Центральный уже

потерян, несмотря на то, что действовать начали очень оперативно, а за остальные можно даже не переживать — точно не удержат.

На чём я основываю свои утверждения? А на том, что укус зомби — это верная смерть в течение короткого времени. Один зомби может покусать несколько людей, а потом эти люди убегут, скроются, спрячутся... чтобы выйти к людям минут через пятнадцать-двадцать, но уже с иным содержанием в безнадёжно мёртвой голове. И всё повторится.

Даже по моим прикидочным расчётам выходит, что всё очень и очень плохо. Нет такой силы, которая способна удержать город, когда зомби буквально везде. Ну, почти везде.

И самое странное — я ещё не видел ни одного полицейского или военного. Где они все? Паркуюсь у подъезда.

Выхожу из машины и оглядываю двор. Люди есть, не зомби, но трупы никто ещё не убрал. На лавке у подъезда сидят пятеро.

— Э, парень! — позвал меня один из них.

Смотрю на него внимательно. В мотоциклетной куртке, в хоккейных перчатках, рядом лежит мотоциклетный шлем. К лавке прислонена обитая алюминием бейсбольная бита. Я видел этого парня среди стихийной дружины.

На земле за лавкой пустые бутылки из-под пива и водки. Да они тут нахерачиваются!

— Чего хотел? — спросил я у него.

— Пожрать закупил, да? — усмехнулся бухой «мотобейсболист». — У нас уже кишка кишку давит.

— Это не для вас, — ответил я.

— Э, сука-на! — резко вскочил этот тип. — Мы тут район защищаем-на! Ты что, сука, не благодарен нам?! Не уважаешь нас?!

— Не благодарен и не уважаю, — честно ответил я. — За то, что вы убили зомби? Я и сам такое могу.

— Ну, всё, ты попал, клоун! — решительно пошёл на меня «мотобейсболист», хватая свою биту.

Он, зачем-то, отвёл левую руку назад, что меня очень сильно насторожило. И не зря, потому что я увидел за его спиной едва видный всполох пламени.

Остальные дружинники тоже повскакивали и похватали оружие, но в драку не лезли.

— У тебя есть шанс отступить и сохранить себе жизнь, — предупредил я, пока дистанция была ещё приличной.

— Я тебе колени и локти поломаю, клоун херов! — процедил «мотобейсболист».

— Ты сам виноват в своей смерти, — произнёс я и выхватил травматический пистолет.

ИЖ-79-9Т «Макарыч» — пришлось загуглить, чтобы понять, что за штуку мне «подарил» тот идиот, которого я порезал у театра.

В общем-то, вскинув травматический пистолет, я выстрелил навскидку, но попал удачно — прямо в лоб «мотобейсболисту». Он завалился назад и выпустил то, что скрывал за спиной, куда-то влево. Это оказалось что-то вроде полупрозрачного сгустка пламени.

Этот пламени кусок врезался в красную Хонду Сивик, стоящую у соседнего подъезда. Пламя расплавил лобовое стекло и проникло в салон, что вызвало быстрое и мощное возгорание.

В несколько больших шагов приближаюсь к своей жертве, на ходу извлекая шпагу, после чего наношу добивающий удар в шею.

Остальные вскинулись, решив, что надо меня валить, поэтому я не стал медлить и

атаковал.

Три выстрела — три резиновые пули достигли своих адресатов, сложив их пополам.

Мимо пролетело что-то красное и яркое, вызвавшее ожог на левом плече. Стреляю в ушлёпка, посмевшего применять против меня магию. Прямое попадание в лицо, с кровавым переломом носа.

Противники боятся, ведь сложно догадаться, что у меня не боевой пистолет, поэтому использую эффект неожиданности на всю наличную сумму, порезав и покалечив всех присутствующих.

Сильно большой разницы нет, кого убивать, если у этого кого-то нет нормального холодного оружия. У этих идиотов были только дубинки, арматура и биты, но они даже воспользоваться этим нормально не сумели, потому что пистолет, даже травматический, это непрекаемый аргумент.

— Пожалуйста, не надо... — взмолился тот тип, что посмел кидаться в меня некой ярко-красной магией. — У меня семья...

— Нет у тебя больше семьи, — покачал я головой. — Кто-то другой будет обнимать твою жену, кто-то другой будет заботиться о твоих детях. И ты сам в этом виноват.

Вонзаю в глотку бедолаге несколько сантиметров покрытой кровью стали.

Собрать трофеи после битвы — это почётное право победителя.

Шарю по карманам убитых, нахожу деньги, золотые и серебряные украшения, будто это теперь не бесполезный металлолом напололам с бессмысленными бумажками, ей-богу, а также серебристые шарики. Шариков было всего два, но это ровно на два больше, чем у меня было. Вот это интересно, но посмотрю дома.

Разбросав украшения и деньги по асфальту, я стащил тела своих жертв к тем зомби, которые были убиты ещё утром.

— После победы нет врагов — все люди! — произнёс я.

Поразмыслив немножко, всё же произвёл «контроль», то есть проколол черепа трупам, чтобы не восстали. Я не уверен, что убитые могут восстать просто так, но сериалы и фильмы учат нас, что вирус или что там вызывает зомби-апокалипсис, может находиться внутри нас. Так что...

Можно спросить: жаль ли мне этих людей? Нет, не жаль.

Вместо того чтобы делать что-то полезное, они расселись на лавке и нажрались. Вместо того чтобы позволить мне нормально вернуться домой или даже помочь с переносом еды, они предпочли грабануть меня. А я такой человек, что от проявления благородства имею склонность размякать и щедро одаривать безусловно благородных людей.

Нет, дорогие мои. Собакам — собачья смерть.

Закончив с покойницкими делами, начал выгружать консервы.

Перетаскал всё к подъезду, а уже оттуда внутрь. Блин, теперь всё это поднимать на четвёртый этаж...

Спустя пару десятков минут, затраченных на подъём честной добычи, я постучал в дверь. Бабуля открыла почти сразу.

— Долго ты топтался, Дима, — произнесла грон-мэр недовольно.

— Это был долгий денёк, но он, к счастью, подошёл к концу, — произнёс я и устало вздохнул. — Я тут не с пустыми руками, грон-мэр, а с богатой добычей!

— Заноси давай, французик, — фыркнула бабушка, отходя от двери.

Примечания:

1 — Онкль — фр. oncle — дядя.

Глава 6. Ан гард!

/1 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

— И что, лучше ничего не было? — спросила всё ещё недовольная тем, что я весь день проторчал в опасном городе, бабушка.

Она разбирала консервы, которые нам предстоит есть в будущем. Зауркан распорядился передать мне самое лучшее, что у них было, но это даже близко не сравнить с тем, что просто так отдал ему я. Грøn-мэр об этом лучше не знать...

— Сними ты эту проклятую маску! — потребовала Агата Петровна. — Выглядишь как клоун.

— Кое-кто расстался с жизнью меньше часа назад, прямо у нашего подъезда, — заговорил я. — Он назвал меня клоуном.

— Хорошо, буду всегда держать это в голове, — поморщилась бабуля. — Но ты маску, всё равно, сними. И акцент этот мерзкий...

Я снял маску, после чего моё оружие полегчало, как и бикорн. Оригинальный наполеоновский бикорн весил существенно больше.

— Есть ещё кое-что, — полез я в карман. — Вот эти два красавца.

Я вытащил два серебристых шарика под электрический свет ламп прихожей.

— Что они могут? — деланно безразлично спросила бабушка.

Тип: Физическое усиление

Потенциал: простой

Краткое описание: позволяет незначительно усиливать физические характеристики тела объекта.

Внимание! Использование предмета оказывает воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте внимательны.

— Зачем мне физическое усиление? — спросила бабушка. — Если по улицам будут ходить всякие метатели огня и льда, просто сильным быть недостаточно.

— Тогда смотри следующее, — протянул я ей второй шарик. — Он тебе точно понравится.

Тип: Магия левитации

Потенциал: необычный

Краткое описание: тип магии, позволяющий объекту поднимать себя на высоту до пяти метров от точки опоры.

Внимание! Использование предмета оказывает сильное воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте осторожны.

— Ерунда, — покачала головой Агата Петровна. — Нужно что-то другое.

— А что? — удивлённо спросил я. — И как? Я не готов убивать людей ради шариков!

— Не надо никого убивать, — вздохнула бабуля. — Просто притащи мне зомби, я убью его сама. Если будет хороший шарик — приму его, не будет — будем думать дальше.

— А чего сразу не сказала? — недовольно спросил я. — Теперь только завтра, потому что темнеет, а у меня нет ночного видения. И покушать бы чего мне сильно не помешает.

— Ужин надо только разогреть, — сказала бабушка. — Иди к себе, переоденься, как раз готово будет.

Было бы ещё отлично ванну принять. Я до сих пор не могу нарадоваться здоровенной ванне, которую поставил вместо чугунки. Поем — обязательно приму ванну, с пеной и расслабляющей музыкой. Ох, ненадолго с нами, чувствую, все блага цивилизации...

Переоделся в домашнее, так как действительно, никаких планов на вечер у меня нет, после чего пришёл на кухню, откуда уже отлично пахло борщом.

Сел за стол и начал с аппетитом есть. Высочайшая физическая активность, которой я подверг себя с самого утра, давала о себе знать, поэтому желудок аж урчал, поглощая спасительные порции наваристого борща.

— Жениться тебе надо было давно, — проворчала бабушка.

— И сейчас я был бы с беззащитной женой и, возможно, детьми, — хмыкнул я, разламывая кусок вчерашнего хлеба пополам. — Нет, всё правильно я сделал — как чувствовал.

— Чувствовал он... — вновь поморщилась бабушка. — Что дальше делать будем? Где воду брать, когда отключат?

— Вот предлагал тебе давно, — вздохнул я. — Надо было покупать дом на земле и жить себе спокойно.

— Сожрали бы меня уже тогда, — ответила на это Агата Петровна. — Репортаж был утром, что в пригородах их даже больше.

«Их» — это, надо понимать, мертвецов.

Надо, кстати, посмотреть новостные источники, чтобы разобраться, что да как сейчас в Питере и вообще, что там с обстановкой в мире. Но сначала ужин.

Бабуля включила кухонный телевизор. Там передавали репортаж из Кремля.

Президента не видно, но министр обороны заверяет, что всё под контролем, войска берут города под контроль, введено военное положение, что проявится в комендантском часе, ограничении на свободное передвижение и полный запрет авиаперелётов и железнодорожных поездок. Ничего нельзя, но снабжение городов провизией из резервов будет происходить без сбоев, поэтому переживать не о чем. Единственное, выдаваться еда будет бесплатно, до тех пор, пока кризис не минует.

— Когда эти буржуи говорят, что не о чем переживать, надо начинать переживать, — произнесла бабушка. — Как понимаю, идея с повторным получением шариков не сработала?

— Не сработала, — ответил я. — При мне один доброволец добил шестерых мертвецов, но дало только один шарик, первый.

— Мало статистики, — произнесла бабушка. — Завтра, как только придумаем что-нибудь с водой, надо найти ещё одного добровольца, чтобы убил больше десяти-двадцати мертвецов. Лучше, конечно, чтобы это сделала я, так надёжнее, но завтра посмотрим.

— Хорошо, — кивнул я, продолжив есть. — Вкусный борщ.

— Ешь-ешь, — впервые за день улыбнулась бабушка.

Доужинав, я прибрал посуду и направился в свою ванную. Было лень набирать ванну, как я хотел изначально, поэтому я просто принял горячий душ.

Свежий и чистый, я пошёл в свою комнату.

У меня тут двуспальная кровать, здоровенная, с трёхслойным матрасом, ЖК-телевизор

на полстены, две приставки, самый мощный компьютер из тех, которые можно купить за деньги — всё, чего не было в детстве.

«Если у тебя в детстве не было велосипеда, а сейчас есть Бентли, то всё равно в детстве у тебя не было велосипеда», — вспомнил я одну сетевую мудрость.

Закрыв дверь, включил телевизор и завалился на кровать.

— Ютуб, — громко сказал я.

Можно хоть заораться — стены покрыты толстой шумоизоляцией, поэтому могу врубить всё, что захочу, на какой захочу громкости, а соседи и бабуля ничего не услышат. Но чтобы меня можно было дозваться, установил по всему дому пульта связи — нажимаешь на кнопку нужной комнаты и можешь спокойно передавать своё сообщение.

На экране телевизора возникло нужное приложение и лента самых новых роликов.

Меня заинтересовал ролик некоего блогера «Энигма-G», обещавшего обозреть последовательность событий и рассказать свою теорию о неких аномалиях.

Отвалившись на кровать и накинув на себя одеяло, я приготовился получать полезную информацию.

Но этот чудак на букву «м» пихнул в свой ролик рекламный блок на две с половиной минуты. Наушники купи-купи, доставка теперь ещё и в Казахстан! Ну, отлично! Бегу заказывать!

Вот это чувство, наверное, называется синдромом Кассандры. Когда ты понимаешь, что всё катится в пропасть, но даже не пытаешься никому об этом рассказать, потому что знаешь, что тебя никто не послушает. И даже не услышит.

Наконец, начался ролик.

Сначала были кадры из различных городов мира. Первыми были кадры с уличных камер в Пекине, если верить титрам: улицы набиты людьми, то есть зомби, через эту толщу пытается ехать тяжёлая бронетехника, взрывы, военные на крышах зданий, вертолёты, пожары и чёрный дым. Следующим был Токио: тоже уличные камеры, тоже толпы зомби, массой движущиеся по широким главным улицам, но бронетехники не видно, зато в толпе постоянно происходят взрывы — мертвецов пытаются уничтожить. Дальше кадры с вертолёта, но уже в Мумбаи, Индия: бесконечная толпа мертвецов, берущая начало где-то среди плотной застройки, движется к пирсу, а на пирсе стоят баррикады, с которых ведут огонь из автоматического оружия. У причалов стоят набитые людьми яхты и рыболовецкие суда, но пирс ещё полон, места точно не хватит на всех. Вертолёт летит дальше и снимает панораму города, который окончательно пал и уже перешёл под полную власть мертвецов — пожары, улицы, на которых не протолкнуться, брошенные машины и бронетехника, которой оказалось недостаточно для противодействия неожиданной и смертельной угрозе.

Долго вгонять в мрак зрителей этот Энигма-G не стал, показав себя, сидящего на фоне панорамы Кремля.

Упитанный черноволосый бородач, лицо его усталое, смотрит на камеру с некоторой долей обречённости. Одет он в чёрный худи с белым принтом, рекламирующим образовательные онлайн-курсы.

— Здравствуйте, уважаемые зрители, — заговорил он бас-баритоном. — Хороших новостей сегодня не будет, но зато будет ценная информация, которая, возможно, поможет хоть кому-нибудь. Начать я хочу с того, что всё происходящее — это не шутка. Самые крупные города уже, большей частью, пали, а чума зомби продолжает стремительно распространяться по всему миру.

Новые кадры, без комментариев: Нью-Йорк, самая популярная и распиаренная улица на Манхэттене, то есть Бродвей. Улица полна мертвецов, но подробных деталей рассмотреть не удаётся, потому что камера стоит у панорамного окна, что создаёт засвет от пылающих повсюду пожаров. Лучший кадр — пролетевший мимо окна военный вертолёт и дрожь, создаваемая взрывающимися бомбами и ракетами.

— Я сумел точно установить, что началось всё около 12:00 утра по московскому времени, резко, без каких-либо предпосылок или признаков, которые можно было бы заметить, — продолжал Энигма-G. — Точных данных нет, но собранная информация говорит нам, что просто какой-то процент населения вдруг стал заражённым, возможно, речь о вирусе, возможно, о чём-то ещё, но факт — это произошло повсюду, одновременно. Крупные города под большим риском, поэтому, если живёте в крупном городе, например, в Москве, можете даже не сомневаться: заверения властей о том, что они держат ситуацию под контролем — ложь. Примеры Джакарты, Нью-Йорка, Шанхая, Пекина, Мумбаи — это свидетельство того, что крупные города невозможно удержать.

Снова кадры из-за рубежа: оператор стоит на какой-то вышке или башне, очень высокой, и снимает вид на огромный город. Это Каир, Египет. Ничего о городе не сказать, потому что оператор очень высоко, но затем раздался громкий рокот и на город осыпались бомбы или что-то вроде того, потому что очень плотно стоящие друг к другу дома исчезли во взрывах. Оператор упал и камера завалилась назад, после чего запись прекратилась.

— Трансляция Абдула аль-Хуми была прервана в этот момент, но мы всё сохранили, — сообщил Энигма-G. — Это была самая масштабная бомбардировка Каира за всю его историю, но она не изменила ничего. Город потерян, большая часть зданий разрушена или сожжена, а почва отравлена, потому что египетские власти решили, что химическое оружие должно быть эффективно против мертвецов. Они били на поражение, рассчитывая, что смогут опустошить город и снизить угрозу для пригородов, но всё было напрасно. Власти Египта фактически нет, страной никто не управляет и каждый действует сам за себя. Нас, уважаемые зрители, ждёт то же самое.

Ничего нового он мне не рассказал, разве что показал плачевную ситуацию в других странах. Любопытно, что он не освещает события в государствах, где сумели справиться с кризисом. Почему-то я уверен, что такие есть, но, по каким-то причинам, Энигма-G не показывает их.

Дальше он вещал о том, что надо делать, чтобы выжить, а-ля диванный выживальщик домашнего копчения, отчего я уже начал, потихоньку, засыпать.

— Теперь о сферах суперспособностей, — заговорил блогер после очередной вставки картинок с набором необходимого для первого дня выживания.

— Так-так, — подобрался я.

— Их можно получить только через убийство зомби, — продолжал Энигма-G. — Если вы уже активировали сферу, они перестают выпадать с убитых зомби, а даже если вы получите, каким-то образом, новую сферу, она вам всё равно не пригодится, потому что вторую суперспособность вы получить не сможете. Тщательно выбирайте сферу, ведь их потенциал...

Следующие минут десять были рассуждения о потенциале шариков, возможной их опасности, о воздействии на психоэмоциональное состояние — я об этом много думал, поэтому не узнал из слов блогера ничего, до чего не додумался сам.

— ... мечтать о фарме сфер, чтобы выдать их всем и каждому, — выхватил мой

засыпающий мозг ключевые слова.

Я снова проснулся и сфокусировался на ролике.

— В интернете пишут много слов о том, что дают только один шарик, — продолжал вещать блогер. — Но что если я скажу, что можно получать их в огромных количествах?

— Так скажи, — произнёс я.

— Надо просто собрать побольше людей, которые ещё не обзавелись суперспособностями, после чего давать им убивать зомби, — сказал Энигма. — Если моя теория верна, то если человек не принял сферу, каждый следующий убитый должен давать ещё одну и ещё...

— А-а-а, идиот, — вздохнул я. — Ясно.

Вырубая телевизор, откидываюсь на кровать и быстро засыпаю.

/2 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

Проснувшись в девять, я посетил уборную, тщательно побрился, почистил зубы и оделся в свой фирменный костюм Наполеона. Если держишь марку, то держи её до конца.

— Драники с мясом, — сообщила бабуля.

Вот что-что, а готовит она как настоящий профессионал. Есть версия, что дед бы и ушёл от неё нафиг ещё сильно задолго до собственной смерти, но он, видимо, чувствовал, что без её готовки ему долго не протянуть.

— Благодарю, — принял я тарелку и вилку.

— Приведи сюда мертвеца, — сказала бабуля.

— Приведу, — ответил я.

— Чай пей, — подвинула бабушка пиалу. — И осторожнее там. По телевизору передают, что стрелять начали и взрывать.

Чем отчаяннее ситуация, тем активнее военные прибегают к тяжёлому вооружению — это факт.

— Спасибо, — принял я пиалу. — Вчера ролик смотрел на Ютубе, перед тем как уснуть. Как я понимаю, никто вообще ничего не понимает. Ни военные, ни гражданские — вообще никто. Делают, что могут.

— Ты же сам военный, — напомнила мне бабуля.

— Это срочная служба, вообще не считается, — вздохнул я.

— В моё время считалось, — покачала головой бабушка. — Что-то же в голове должно было остаться — вспоминай.

Служил я в Казахстане, в 645-м артиллерийском полку в Семипалатинске, но всего год. Весёлое и интересное было время. Восемнадцать лет, считай, недавно было...

— Толку от моих знаний, если я гражданский? — спросил я. — Армия — это, в первую очередь, управление войсками. Какой толк от солдат, если ими никто не будет управлять? Там сейчас другие люди всем занимаются, поэтому от меня толку будет что-то около нуля. Нет, бабуль, мы будем выживать в одиночку, самостоятельно.

— Обязательно, если не дураки, сформируют добровольческие подразделения, — произнесла Агата Петровна. — И ты, если не дурак, пойдёшь добровольцем. В армии кормят, в армии у тебя будет оружие, а ещё там безопаснее.

В казахстанскую армию я завербовался по её же наущению. Дед до этого не дожил, поэтому я не знаю, что бы он сказал по этому поводу, но хватило и бабушки — родители

были против, но я добровольно явился в военкомат, потому что уважал мнение бабушки, после чего очень быстро отправился в действующие войска. Потом была ругань с родителями, из-за того что я целый год пропустил, хотя мог бы учиться в каком-нибудь приличном заведении, но я ни о чём не жалею. Это было не зря, хотя бы потому, что теперь я умею стрелять, потому что стреляли мы часто, а ещё умею управляться с 2С3 «Акацией». Всё это без большой практики, неуверенно, но многократно лучше людей, которые вообще с оружием и военной техникой дела не имели.

Однополчане все, правда, в Казахстане остались, хоть мы и поддерживали связь до всего этого...

Вариант с добровольчеством следует тщательно обдумать. В Петербурге пять миллионов населения, я это точно установил сегодня, пока сидел в сортире. Воинских частей в Ленинградской области как блох на собаке, поэтому личного состава хватает, но эффективность их применения сильно зависит от волевых качеств командования.

Моего разума не хватает, чтобы выработать эффективный план по удержанию многомиллионного города, поэтому надо «включать» Наполеона. Когда на мне маска, становятся предельно понятными до этого неочевидные вещи. Причём никаких откровений и озарений извне — я прекрасно понимаю, что знал всё это, но не мог сопоставить факты вместе и сделать правильные выводы. Тактика и стратегия — это то, чему нужно учиться всю жизнь. Нет, это то, чем надо жить. Наполеон жил этим, а я нет.

Съев обалденные драники с мясом, и допив чай, я поблагодарил бабушку и встал из-за стола. Время действовать.

— Будь осторожен, — попросила бабушка, кажется, тревожно.

Нечасто от неё получаешь даже такой «всплеск» эмоций.

Кивнув, я посмотрел в глазок — на лестничной клетке пусто, после чего надел маску и вышел. Шпага приятно потяжелела, как и одежда. Самое оно. Император вернулся!

Моей целью было добыть ещё больше консервов, а также решить проблему с водой. Но самое главное, нужно где-то достать зомби и сопроводить его сюда. И с зомби лучше расправиться первым делом.

Во дворе пусто, машин почти нет, кроме моей и нескольких иномарок, стоящих тут уже очень давно. Я подозреваю, что эти тачки давно в угоне, поэтому стоят тут, в ожидании лучших времён или чего-то ещё. Не будет лучших времён.

А ещё кто-то куда-то дел тела убитых дружинников с зомби. Ну, тем лучше. Если бы они начали тут гнить, пришлось бы самому заниматься их вывозом.

Ночью я ничего не слышал, но и не мог, ибо божественного уровня шумоизоляция, поэтому удивительно осознавать, что соседи рванули куда-то в неизвестность, не в силах сидеть дома в ожидании ухудшения ситуации в городе.

Подхожу к своей ласточке и...

— Проклятое мьёрде! — воскликнул я, увидев, что мою красотку кто-то сильно коцнул. — Да как ты посмел, пютэ!

Передний бампер сел на землю, смят так, что я начинаю беспокоиться о целостности двигателя.

— Придётся убрать бампер, - пришёл я к выводу. — Иначе я далеко не уеду...

Вытащив из багажника инструменты, я приступил к работе. Из-за сильной деформации, снятие бампера было затруднено, поэтому я применил силу и местами просто выдрал бампер вместе с креплениями.

— Машину нужно сменить, — произнёс я. — Нужно что-то вроде БМП-2 или БТР-80, чтобы безопасно перемещаться по городу.

Рассмеявшись своей незамысловатой шутке, которая не совсем шутка, если подумать, я сел в машину и поехал по адресу ветеринарной службы, что на Кадетской линии, что недалеко от набережной Макарова, что рядом с Тучковым мостом.

Выруливаю на Средний проспект и еду по нему до самого конца острова. Вижу первые признаки военных и полиции: местами есть блокпосты, но они никого не останавливают, бронетехника и средства для подавления митингов перегораживают некоторые улицы, а в небе пару раз пролетали боевые вертолёты. Питер не сдаётся без боя, хоть и не совсем понятно, как вести бой против такого.

По радио крутят песни, в режиме нон-стоп.

— Тебя, весна моя, увидеть надо! — подпевал я через несколько минут. — Будет теплей!!!

Наконец, я доехал до указанного в поиске адреса.

— Это что, шутка какая-то?! — посмотрел я на вывеску «Хинкали и вино». — Где ветеринария?

Выхожу из машины и оглядываюсь по сторонам. Рядом со зданием красивое сооружение некой церкви. За спиной у меня РГПУ Герцена, почта России, кафе, магазин по продаже каминов, но никакой ветеринарии!

— Так, — глубокомысленно изрёк я, после чего пошёл обходить здание с хинкали.

Есть шанс, что ветеринария находится с другой стороны. Это Питер, детка, поэтому если тебе нужно куда-то, то это именно тебе нужно, а владельцы этого места не обязаны облегчать тебе поиски. Но местные как-то живут и им нормально.

Огибаю здание и вижу, что пока я там зевал, звуки моей потрёпанной ласточки уже слышаны заинтересованными ушами. Двенадцать с лишним зомби, идут ко мне со всего двора.

— Ан гард! Деритесь честно, ёнкюлес! (1) — выкрикнул я, вынимая шпагу из ножен.

Не забываю следить за спиной, поэтому отмечаю, что из других дворов тоже идут мертвецы. Неужели вообще никто о них не позаботился? Почему они не ходят по улицам, чтобы я заранее знал, что здесь лучше не останавливаться?

Ответ последовал необычный, но доходчивый — где-то за спинами мертвецов раздалась музыка, кажется, из блютус-колонки. Точнее, не музыка, а рэп, причём современный, хренового качества. Некоторые из мертвецов, идущие позади, сочли этот шум более интересным, поэтому развернулись и пошли назад.

— Мужик, ты зачем сюда приехал? — донеслось до меня с крыши двухэтажного жилого здания, к которому я припарковал свою ласточку.

Голос мужской. Короткий взгляд — лохматый тип, в жёлтом пуховике, выглядывает из-за торцевой части крыши.

— Ветеринарию ищу, — сказал я, двигаясь к мертвецам. — А ты чего на крыше?

— Тут зомби полно! — сообщил мне мужик с крыши. — Какая ветеринария? Ты с ума сошёл?

— Не мешай мне работать, — поморщился я. — Сейчас убью всех этих мертвецов, после чего поговорим. Тут вообще есть ветеринария?

— Есть, но с той стороны, — ответил мужик. — Ты всерьёз собрался...

Я же начал истребление мертвецов. Уколы, удары, уклонение, на, тварь!

Двоих положил наглухо, у них даже шанса не было!

Уклоняюсь от неловкого выпада зомби обеими руками, после чего срезаю ему часть шеи рубящим ударом — голова опадает назад, а затем происходит перелом позвоночника. Готов!

Когда есть манёвр, зомби предсказуемы и просты в истреблении. И я успел прикончить свою группу раньше, чем подросла вторая группа, идущая от соседнего здания.

Будь у меня бесконечное время, я бы очистил этот город, не делая ни единого выстрела!

Думаю, надо просто скоординировать всех людей, вооружить их нормальными мечами, топорами и копьями, после чего перебить всех зомби, вместе!

— Мужик, сзади! — крикнул тот тип с крыши.

Разворачиваюсь и вижу мчащуюся на меня здоровенную псину. Только с псиной что-то не так, потому что у собак не должно быть таких здоровенных пастей и настолько безумных глаз.

Едва успеваю развернуться и встретить бросок собаки выставленной шпагой. Животное нанизалось на мою шпагу пастью, поэтому острое вышло откуда-то из спины. Мгновенная смерть, но из-за этого броска я не устоял на ногах и упал на спину.

— Мьёрде! — воскликнул я, после чего быстро вскочил, пытаясь стряхнуть с сюртука собачью кровь. — Фильс де щен! (2)

Это буквально был сын собаки, ну или дочь собаки, нет времени разбираться в половой принадлежности этой твари!

— Мужик, заходи к нам, тут безопасно! — позвал меня тип с крыши. — Мы ждём подмоги, потому что зомби тут слишком много! Мы скинем тебе лестницу, иди сюда!

— Вот уж нет! — ответил я, взглянув на приближающуюся группу зомби. — Меня не могут остановить какие-то там зомби! Ан гард!

Примечания:

1 — Ёнкюле — фр. *encule* — грубое обращение к лицу нетрадиционной сексуальной ориентации, которое у нас тоже пишут одним простым, но ёмким словом.

2 — Фильс де щен — фр. *fil de chien* — сын собаки.

Глава 7. Жить настоящим

/2 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

— Н-на, мразь! — прокалываю череп предпоследнему мертвецу.

Полегло их уже штук тридцать, не считая собаки. Пришлось неплохо побегать, но зато я нашёл-таки ветеринарию!

Последнего зомби колю в ногу, после чего отскакиваю в сторону, чтобы позволить гравитации сделать своё дело. Мертвец не удержался на ногах и упал, сразу получив два укола по локтевым суставам. Завершающий удар пришёлся в последнее колено, чтобы тварь не смогла эффективно перемещаться.

Бедняга раньше работал баристой или кем-то вроде того, потому что поверх повседневного кэжуала (1) на нём чёрный фартук, на котором пятна крови и кофе.

Теперь надо попасть в ветклинику, чтобы добыть там средства для отлова диких животных. Не знаю, как эти штуки называются, но представляют они собой металлический шест с полуобручем и петлёй. Видел какой-то фильм, где с помощью такой штуки отлавливали зомби. Вот я и подумал — а зачем изобретать велосипед? Буду отлавливать одиночек, притаскивать их к бабуле, а она будет убивать их. Безопасно, быстро, необременительно.

Этого бывшего баристу надо обмотать полиэтиленом и запихать в багажник. В ветеринарке может найтись и полиэтилен в том числе.

— Му-у-ужик! — поражённо воскликнул тип с крыши. — Во даёшь! Ты что, реконструктор или типа того?

— Я артист, — ответил я. — А тебе бы я не рекомендовал торчать на крыше. Военные вертолёты летают и сверху непонятно, это мертвецы по крыше ходят или живые. Сидите дома или занимайтесь полезным делом — убивайте ходячих мертвецов. Их ещё, местами, не так много, но у меня есть предчувствие, что так будет не всегда.

— Давай к нам! — предложил тип с крыши. — Будем вместе выживать!

— А зачем? — спросил я, обведя руками окружающие меня тела. — У меня и так всё прекрасно!

Он не нашёл, что ответить на такое заявление.

Я направился к ветеринарии. Дверь была заперта на ключ, но я отставил сантименты в сторону и выбил её ударом ноги. Не знал даже, что вообще был способен на такое. Хотя дверь пластиковая, даже на вид хлипкая и несерьёзная.

— Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит! — продекламировал я, входя в ветеринарную клинику. — Приходи к нему лечиться, и корова, и лисица! И жучок, и червячок... Ой, здравствуйте!

— Зачем ты выбил дверь? — спросил парень в медицинском халате, вооружённый металлическим копьём.

Металлическое копьё было примитивной самоделкой, изготовленной из, кажется, штатива для капельниц и широкого скальпеля.

— Затем, что мне нужна штука, которой вы, ветеринары, отлавливаете животных. — честно назвал я свою цель визита.

— Зачем тебе это и почему ты не мог просто постучать? — спросил парень, возможно,

ветеринар. — Не говоря уже о маске и твоём странном прикиде...

Лет ему было около тридцати, если на вид, лицо умное, явно обременённое, порой непосильной, ношей интеллекта. Волосы русые, глаза серые, на лице лёгкая щетина человека, который не брился уже пару дней. А ещё он давно и хронически устал, что видно по синим мешкам под глазами и чуть сероватой коже лица.

— Если ты не знаешь, то я тебе расскажу, что в городе происходит настоящий зомби-апокалипсис, — сообщил я ему. — Поэтому большая часть заведений закрыта и приходится импровизировать. А маска и прикид — считай это частью моего образа.

— Я не могу отдать тебе закреплённое за мной оборудование. — сообщил парень.

— Я заплачу трёхкратную стоимость, — заверил я его, после чего достал телефон. — Как называется эта штука?

— Петля для отлова животных, — сообщил гипотетический ветеринар. — Но я не буду тебе ничего продавать.

— Слушай, парень... — опустил я телефон и поднял взгляд на ветеринара. — Мир стремительно катится в пропасть, а ты цепляешься за какие-то там формальные правила и всё остальное. Беги и спасай своих близких, набирай побольше консервов, медикаментов и раздобудь оружие для самозащиты!

— А, ты из этих... — хмыкнул он.

— Из каких? — насторожился я.

— Ну, которые верят в то, что это настоящий зомби-апокалипсис, — усмехнулся ветеринар. — Ясно всё.

— А-а-а, мне тоже всё ясно, — произнёс я.

Вчера, когда я читал комментарии к видео Энигмы-G, там тоже было много людей, утверждавших, что это всё обман и заговор, а на людей нападают актёры. Кто-то утверждал, что это масштабный пранк, целью которого является сокрытие всех социальных проблем и отвлечение граждан от реальных угроз. Да, звучит как лютей бред, если учитывать, что зомби реальны и реально едят людей, но есть такие люди, которые сейчас насмеются над остальными и сидят по домам, «не ведясь на государственное кидалово».

— Продай петлю для отлова животных за, скажем, двадцать тысяч рублей, — сказал я. — Хотя нет, сначала покажи, та ли это петля, которая мне нужна.

— Ничего не трогай и стой на месте, — предупредил меня ветеринар и быстро сбегал за петлёй. — Двадцать тысяч — это мало. За сорок продам.

Штука оказалась длинной, но петля была не на полуобруче. Впрочем, мне и такая сойдёт.

— Диктуй карту, — сказал я.

Денег у меня много, гонорар за «Беса 2» гарантировал безбедное существование ещё на пару лет, но скоро эти циферки в телефоне и хрустящие бумажки в портмоне радикально обесценятся.

Парень продиктовал свою карту, а я дождался СМС с кодом и скинул ему сорок тысяч рублей. Банковская сеть ещё работала, как и интернет, поэтому транзакции проходили без проблем.

— Ещё мне нужен полиэтилен, здоровенный такой, и верёвка, — перечислил я требуемое. — Есть такое?

— Странный набор, — прокомментировал запрос ветеринар. — Зачем тебе это?

— Хочу взять одного зомби живьём, для важного дела, — честно ответил я. — Ну,

знаешь, госразвод, госкидалово — я ведь, на самом деле, актёр, которого наняли для массовки в этом глобальном мероприятии. Хех.

— Серьёзно? — принял все мои слова за чистую монету парень.

А ведь он, поначалу, показался мне умным.

— Да шучу я! — определённо, критичность мышления у него близка к нулю.

Но ветеринар не знал, чему верить, поэтому смолчал, отправившись искать требуемое — это ведь лёгкие деньги, как ни крути.

Спустя минуту, он притащил рулон полиэтилена, применяемый здесь непонятно для чего, а также моток верёвок.

— Пять тысяч. — назвал он цену.

Дорого, как ни крути, потому что это, явно, столько не стоит. Хотя мне плевать. Оплачиваю на ту же карту.

— Было приятно иметь с тобой дело, — я улыбнулся, хоть через маску и не видно. — Когда ты будешь вынужден осознать, что это всё не шутки и не государственный обман, вспомни меня и вот эту маску. Удачи.

— А дверь? — спросил он. — Кто мне её восстановит?

— Если ты не веришь во всё это, то чего сидишь здесь, заперев дверь? — усмехнулся я. — Сомненье гложет, да?

Платить за дверь я не стал, потому что был раздражён уровнем сервиса. Подумать только: посетитель должен самостоятельно пробивать себе проход, чтобы получить услуги этой ветклиники!

Если серьёзно, то имеется шанс, что теперь бедолага поймёт всю бесперспективность сидения на работе с открытой дверью, и вернётся домой. Дома, если не учитывать возможных зомби в подъезде или во дворе, шансов выжить больше, чем тут.

— Второй день зомби-апокалипсиса, а люди до сих пор не могут смириться с мыслью, что всё резко изменилось. — посетовал я, начав обматывать зомби-баристу полиэтиленом.

Бариста не успел уползти далеко, потому что повреждённые конечности его совершенно не слушались. Примечательно, что он и не пытался свалить подальше, а наоборот, продвинулся на пару метров поближе к ветклинике. Как удобно...

Замотав и связав этого бедолагу, который виноват-то только в том, что ходячий мертвец, я затолкал его в багажник, после вчерашнего слегка пахнувший тушёнкой — одна банка не вынесла нагрузки и деформировалась, выплеснув немного своего содержимого на обшивку. Карпет не пропитался, но стал жирным. Уже неважно, конечно, потому что у меня сейчас ощущения типа «горит сарай — гори и хата». Машина-то всё равно разбита и нужна какая-то альтернатива, более вместительная и бронированная.

— Не скучай там. — пожелал я мертвецу и захлопнул багажник.

Пришлось помещать щуп для зомби в салон, как и рулон полиэтилена, потому что зомби занял весь багажник.

«Валим, валим, валим, валим на гелике...» — донеслось из включённой магнитолы.

— А-а-а, мрак! — быстро переключил я волну. — Когда это было допущено на радио?

Полагаю, зомби-апокалипсис внес свои коррективы и диджеи ставят то, что им больше по душе. Или вообще не заморачиваются и гонят всё, что у них есть.

Еду по Среднему, соблюдаю все правила, но тут вооружённый автоматом ГАИшник вдруг замахал жезлом и указал мне на обочину.

— Гражданин, выйдите из машины. — велел мне он.

Качать права и выделываться в такое неспокойное время — это вершина безрассудства. Как я уже говорил, я солдат, а не самоубийца.

— Какие-то проблемы? — спросил я, медленно выйдя из машины.

— Старший лейтенант Никоненко, — представился ГАИшник. — Предъявите документы и снимите маску.

— Техпаспорт в бардачке, поэтому я... — решил я сместить акцент с маски.

— Меня интересует паспорт, — покачал головой автоинспектор. — И маску снимите.

Вступать в схватку с органами правопорядка? При том, что в отдалении стоит УАЗик с обязательно вооружёнными ментами? Снимаю маску.

И закономерно, моё обмундирование плавно изменяется, отчего ГАИшник отшатывается и скидывает автомат.

— Спокойно! — попросил я, опуская маску. — Это так моя способность работает! Я не собираюсь причинять вам вреда или как-либо препятствовать вашей работе!

— Развелось тут Суперменов... — пробурчал старлей Никоненко, опуская автомат. — Паспорт.

Я медленно достал из нагрудного кармана свой вид на жительство. Вообще-то, я более привык к удостоверению личности, которое удобно ложится в портмоне и вообще более практичная штука, но в России в ходу паспорта, а мне вообще выдали вид на жительство иностранного гражданина. Гражданство-то получить не так просто, как кажется. Надо прожить пять лет, после чего отказаться от гражданства Казахстана, но теперь всё это неважно. Скоро оружие будет твоим паспортом, справкой с места работы, проездным и социальной картой москвича...

— Дмитрий Ибрагимович Верещагин? — посмотрел на меня старлей Никоненко. — Гражданин Республики Казахстан?

— Да, — ответил я. — В чём причина остановки?

— Проверка документов, — объяснил ГАИшник. — Служили в вооружённых силах Республики Казахстан?

— Да. — не стал я скрывать этого факта биографии.

— Какой ВУС? (2) — поинтересовался он.

— Наводчик САУ 2С3. — ответил я.

— В Ленинградском зоопарке собирают добровольцев для вступления в ополчение, — сообщил Никоненко. — Артиллеристы лишними не будут. С техникой проблем нет, подвозят отовсюду, но не хватает личного состава.

— Я всерьёз рассмотрю такую возможность, — ответил я. — А оружие дают?

— Только на время кризиса. — сообщил Никоненко.

— Я крепко подумаю над этим предложением, — вздохнул я. — Могу быть свободен?

— У вас противотуманки не работают, — сообщил мне ГАИшник.

Я посмотрел на отсутствующий бампер.

— А ведь и правда, — хмыкнул я. — Как только не заметил? Клянусь отчимом, прямо сейчас еду в СТО!

— Ха-ха, — хохотнул старлей и хитро прищурился. — Осторожнее на дороге. Кстати, в «Бесе» отлично сыграли.

— Моя слава бежит впереди меня! — воскликнул я, садясь в машину и надевая маску. — Прощайте, старший лейтенант Никоненко! Берегите себя!

Багажник проверять он не стал, даже не проверил, моя ли это машина. Странные

времена. Хотя, если подумать, это, скорее, рекламный пост ГАИ — рекламируют ополчение Ленинградской области, чтобы завербовать побольше людей для противостояния мертвецам.

Поехал дальше, но больше меня не останавливали. Единственное, увидел колонну бронетехники, проехавшую по параллельному мне Среднегаванскому проспекту. Преимущественно танки, но есть ещё и БМП-2. Полагаю, въехали в город через Западный скоростной диаметр, а сейчас едут на Балтийский завод, где крайне удобно размещать кучу бронетехники и личный состав. Просторные помещения, малонаселённый район, отличный вид на Неву...

Доезжаю до дома, вытаскиваю баристу, который вообще никак не должен был оказаться в этом дворе, после чего волочу его к подъезду.

Мельком гляжу на окна, вижу женщину, стоящую за занавеской. Она увидела, что я её заметил, поэтому быстро скрылась. Бежали не все — у кого-то просто нет машины, а кто-то боится разменивать нашу тревожную городскую неопределённость на ещё более тревожную неопределённость пригородную.

Открыв подъезд, тащу хрипящего зомби-баристу по ступенькам, что непросто и мучительно. Кажется, проще было спустить бабулю, а не поднимать к ней мертвеца... Но она старый человек, а я не сломаюсь притащить сюда хоть сотню зомби.

— Грон-мэр, открывай, это я! — постучал я в дверь.

Бабушка отворила дверь — полагаю, одно из окон открыто, и она внимательно следит за тем, что происходит снаружи. На фоне гнетущей тишины, накрывшей этот город, действие не лишено смысла.

Вспомнился мой беспечный сон. Эх, вот жаль, что на сигнализации для своей ласточки сэкономил. Будь это не дешёвка, которая попиликала и утихла, а «девайсина» с мощным динамиком на брелке, я бы проснулся и отомстил за свою красотку, чей бампер так варварски повредили!

— Вот этот мертвец, — показал я на прислонённого к стенке зомби-баристу. — Лучше убей его здесь, чтобы домой не заносить.

— Сейчас приду, — сказала бабушка, направившись на кухню.

Она вернулась с керамическим кухонным ножом. Я отдал за набор этих ножей пять с половиной тысяч рублей, они германского качества, чёрные и пафосные, но бабуля предпочитает использовать проверенные стальные и прибегает к керамике крайне редко. И я не удивлён, что запятнать кровью она решила именно керамический нож, его ведь не так жалко.

— Я никогда не убивала людей. — призналась бабушка.

Этому я тоже не удивлён, потому что знаю, что она выросла в тяжёлое время, но мирное. Убивать ради выживания не приходилось ни ей, ни деду, ни моим родителям. Теперь придётся всем. Убей сам и дай убить другим, ха-ха!

— Это уже не совсем человек, — пояснил я. — Если я освобожу его, он набросится на тебя или на меня, чтобы отгрызть от нас кусок мяса. Его не разжалобят слова и эмоции, но остановят действия — убей его и сделай этот подъезд по-настоящему безопасным. Помни — это чудовище, которое хочет убить тебя и меня.

Бабушка колебалась несколько минут. Сделав серию вдохов-выдохов, она собралась с решимостью и нанесла укол ножом в висок зомби-баристы. Острая керамика преодолела сопротивление и вошла на четверть лезвия. И этого хватило, чтобы уничтожить мертвеца. Об этом свидетельствовал шарик, появившийся из ниоткуда. Он сразу же покатился прочь по

коричневой подъездной плитке, изготовленной ещё во времена Сталина.

Хватаю шарик и смотрю на него пристальным взглядом.

Тип: Магия гамма-лучей

Потенциал: эпический

Краткое описание: крайне опасный для объекта тип магии, требующий очень высокого самоконтроля и некоторой доли воображения.

Позволяет направленно испускать гамма-излучение, губительное для всего живого и неживого.

Внимание! Использование предмета оказывает сильнейшее воздействие на психоэмоциональное состояние объекта. Будьте крайне осторожны.

Гамма-лучи? Это точно магия?

— Я беру это, — решила бабушка, взяв шарик с моей ладони. — Опасно, конечно, но выглядит очень перспективно.

— Надо не забыть найти счётчик Гейгера... — сделал я заметку, снимая маску. — Уверена, что это тебе нужно?

— Эпический потенциал — это ведь выпадает далеко не каждому, как я догадываюсь, — произнесла Агата Петровна. — Слишком роскошно, чтобы я могла пренебречь этим даром. Как мне... А, вот как.

Шарик в её руке исчез.

— Я чувствую, что у меня ладони покалывает и в голове будто шарик с холодной водой взорвался, — поделилась ощущениями бабушка. — Надо переварить информацию. Пойдём попьём чаю.

Ощущение знакомое — только я бы сказал, что это больше похоже на прикосновение кусочка льда к тёплой коже.

— А труп? — указал я на покойного зомби-баристу.

— Никуда не денется, — махнула на него рукой бабуля. — Идём. И дверь закрой.

Спустя минут пять, я сидел и флегматично жевал печеньки и пил чай, а бабушка с задумчивым видом ходила по кухне. Туда-сюда, туда-сюда.

— Может, сядешь? — спросил я.

— Слишком большой объём знаний о предмете, — выставила руку в пресекающем жесте бабушка. — Не шуми, мне нужно всё обдумать.

Я налил себе чай, добавив немного мёда, потому что ощущал недостаток углеводов. Махать шпагой — это не мешки ворочать. Это тяжелее.

Пошла вторая пиала чая. Третья. Четвёртая.

— Я всё поняла, — вдруг произнесла остановившаяся бабушка. — Меня не хватит надолго, если я буду бездумно бить всех гамма-радиацией. Должны быть какие-то люди, получившие способность к исцелению других. Нам нужен кто-то такой.

— Пойди, найди таких... — скептически пробормотал я.

— Пойдёшь и найдёшь, — сказала на это бабушка. — Потенциал моей сверхспособности действительно огромный — гамма-радиация, как ты знаешь, смертельна, потому что проникает даже через очень плотные объекты. Но у меня нет иммунитета от неё,

поэтому она смертельна и для меня. Я могу направлять её достаточно точно, но часть дозы неизбежно будет возвращаться обратно ко мне.

— Свинцовый бронекостюм? — предложил я.

— Посмотри на меня, — вздохнула Агата Петровна. — Я уже нашла решение — кто-то с исцеляющей сверхспособностью.

— И насколько убойна твоя гамма-магия? — поинтересовался я.

— А вот сейчас и узнаем, — решила бабушка. — Допивай чай.

Минут десять спустя, когда бабушка приготовилась, мы вышли из дома на прогулку.

— Дружина зачистила все ближайшие подъезды и у них было навалом времени, чтобы разобраться со всеми зомби, обитавшими в соседних домах, — поделился я своими мыслями, после чего надел маску. — Поэтому этот район такой спокойный.

— Идём в Шкиперский сад, — решила бабушка. — Там всегда кто-то есть.

— Идём, — кивнул я, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

— И мне дай, — решила бабушка.

— Чего? — удивился я. — Тебе нельзя курить! Тебе уже семьдесят шесть!

Вообще-то, я знаю, что она курила всю свою молодость, тогда это не считалось чем-то плохим, но, после выхода замуж, бросила. Теперь вот решила, видимо, возобновить старые привычки.

— Скоро я буду работать с радиацией, — вздохнула бабушка. — Курево будет меньшей из моих проблем. Не дерзи и не указывай мне, сопляк, а дай сигарету!

— Нечем крыть. — развёл я руками и протянул ей пачку с зажигалкой.

Я, перемещающийся, преимущественно, на машине, не замечал все эти признаки апокалипсиса, отчётливо видные при пешей прогулке. Например, засохшие пятна крови, фрагменты тел, явно оставленные после применения неких сверхспособностей, а также мусор, который бросали бегущие из города, но его никто не убрал.

— Вон там. — указал я на группу мертвецов, бредущих в сторону Шкиперского сада.

Почему-то, я даже не подумал, что в этом саду могут быть зомби. А на деле тут берёзки, лавки, кустарник — не очень умным зомби будет тут легко потеряться и потерять цель существования.

И эта группа из восьми мертвецов упорно двигалась, со стороны улицы Шевченко, прямо в сад.

— Надо подойти поближе. — сказала бабушка.

Ну, я тут больше как наблюдатель и охрана на случай ЧП.

Зомби увидели нас и решили, что мы станем отличным перекусом на пути к более сочной добыче. Впрочем, думаю, они не соображают, поэтому никаких мыслей и планов в их гниющих головушках нет. Живут настоящим, истинно свободные и независимые.

«А ведь именно к этому призывают людей все эти бизнес-коучи и коучи по личностному развитию, когда говорят, что надо научиться жить настоящим», — подумал я, медленно идя навстречу мертвецам. — «Будь зомби — живи настоящим!»

Бабуля, когда дистанция сократилась до десятка метров, подняла обе руки и... что-то началось.

Первые два зомби, идущие быстрее всех, вдруг остановились, в их мертвенных взглядах было, как мне показалось, недоумение. Нет, показалось. Но они стояли, а затем просто рухнули. От их голов, как я вижу, начал исходить лёгкий дымок.

Бабушка тяжело вздохнула, а затем вскинулась, улыбаясь.

— Почему ты не сказал, что после убийства зомби такой подъём сил? — спросила она у меня.

— Потому что ты не спрашивала, — пожал я плечами. — Что сейчас произошло?

— Я сожгла их мозги направленным гамма-излучением, — ответила бабушка. — Это трудно на такой большой дистанции, но ближе я их подпускать боюсь.

— Я прикрою, грон-мэр! — заверил я её. — Будь спокойна!

Бабушка хмыкнула и навела руки на две следующие цели.

И я понял, что она, всё-таки, верит в меня, потому что теперь она подпустила мертвецов на пять метров.

Сейчас дело пошло гораздо быстрее, а эффект был намного нагляднее: я увидел, как макушки целевых мертвецов начали дымить, а затем даже загорелись, но это было уже неважно, потому что они, однозначно, погибли, потому что бабушка вздрогнула, ощутив прилив могущества.

— Это работает! — воскликнула она. — Я не могла поверить, но теперь я верю! Это работает!

— Ура-ура-ура... — пробормотал я. — Убей остальных и идём домой.

Остальные приближались последовательно, потому что зомби не умеют ходить строем, поэтому у бабушки было достаточно времени, чтобы прицелиться и спалить именно мозги.

Когда последние двое мертвецов навсегда легли на тротуар, бабушка развернулась ко мне.

— Спасибо, Дима, — поблагодарила она меня. — Идём домой.

— Не за что, грон-мэр, — ответил я. — Идём.

С радиацией надо что-то делать, потому что я не хочу словить себе лучевую болезнь только из-за того, что живу со своей бабулей.

Мы быстро вернулись домой, благо, не прошли и километра. Бабушка двигалась бодро, будто скинула пару десятков лет, но это, скорее всего, её воодушевление от успехов и обретения сверхспособности.

Ах, как же я устал сегодня...

Похоже, что сбор статистики по поводу шариков сверхспособностей придётся отложить, поэтому я, можно сказать, зря носился там, у ветклиники.

Нет, не зря. Я ведь убил кучу немертвых, то есть увеличил личное могущество. Я прямо чувствую, что близок к чему-то. Но не понимаю, к чему. Ощущение нечёткое, на краю сознания. Надо поразмыслить об этом.

Но сначала то, чего я хочу уже несколько часов.

Надо в сортир.

— Я в туалете, если что. — предупредил я бабушку.

Засев в туалете, достаю телефон и включаю Ютуб. Теперь это не просто развлечение, а возможный источник полезной, можно сказать, стратегической информации.

Поэтому я решил для себя, что буду серьёзно подходить к изучению всего, что там увижу.

Например, вчера я преступно пропустил информацию о неких аномалиях — ролик Энигмы-G в просмотренных, поэтому надо не забыть пересмотреть его. Но сейчас хочется чего-то нового, без этой унылой рожи человека, делающего вид, что знает обо всём на свете.

Включаю ролик Юлия Гая «ОТВЕТ НА ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ЭТОЙ ЖИЗНИ!!! ЗОМ И ВСЬ СТАФФ — У МЕНЯ ЕСТЬ ОТВЕТЫ». В трендах Ютуба, очень быстро набирает

популярность.

Едва ли человек с таким выражением лица и прикидом может хоть что-то знать, скорее всего, он какой-то раскрученный блогер для малолеток, но я никуда не тороплюсь, поэтому включаем.

— Многие из вас, скорее всего, задаются вопросами, что же это такое вокруг происходит?! Откуда взялись зомби?! Откуда появляются изменённые животные и подозрительные пространственные аномалии? Ну и, конечно же, откуда взялись падающие с убитых мертвецов сферы?!

Вот это, мать-перемать, очень интересно!

— И я знаю ответ! На самом деле мы в... самом настоящем реал-рпг! Да-да-да! Возможно, некоторые из вас не знают, что такое реал-рпг. А ведь реал-рпг — это жанр книг, в котором авторы описывали ровно то, что сейчас происходит! Но самое главное то, что в реал-рпг у людей всегда есть возможность стать сильнее благодаря Системе. И именно этим мы сегодня займёмся!

— Звучит как бред, конечно, — вслух произнёс я. — Но что бредовее — зомби или некая Система?

В студенчестве увлекался слегка чтением художественной литературы, в основном классики, но иногда находил что-то вроде романов о попаданцах в компьютерные игры — похоже, этот Юлий Гай толкует именно об этом.

Тем временем, Юлий Гай продолжал.

— ... во всех этих книжных мирах люди получали Систему и могли управлять своими характеристиками и навыками, прямо как в компьютерных играх! И для этого всего-то и надо было сказать специальное слово, чтобы активировать визуальный интерфейс Системы!

— А теперь главное. Нужно всего лишь активировать одну из тех сфер, о чём я говорил ранее, — тут блогер поднял руку и над его ладонью закружились кристаллы льда. — После чего сказать «Статус!»

— Та-а-ак... — заинтересовался я. — Статус!

Хренатус. Ничего не произошло. А вот блогер стоит, смотрит в никуда и шевелит руками.

У меня появилось такое чувство, что это жестокий развод. Я актёр, я чувствую, когда кто-то плохо играет.

— Статус! СТАТУС! — всё же, совершил я ещё несколько попыток.

И ничего.

Смотрю комментарии — это самый лучший способ развеять или подтвердить свои смутные подозрения.

V.Bobkov: Что за нафиг? Я уже десять минут сижу и сгибаю по-разному слова и словосочетания! Это развод, ребята, расходимся!

RogueVlooper01: Меня зажали в туалете, помогите! Я в Макдаке на Пушкинской! Кто-нибудь!

007IVAN007: Посоны, не работает ничего! Развод, походу. Э, слыш, Юля, чо ты порожняк гонишь?!

Lazy_Rita: WTF, man? Where are the subtitles?

Barbaris69: Считается, автор.

И таких комментариев многие сотни.

Ладно, не прокатило, давай-ка посмотрим тот ролик об аномалиях. Но перед роликом включился блок непропускаемой рекламы. Пятнадцать секунд — пропустить.

— ...Ты ему про аномалии он тебе про хабар, ни о чем думать не хотят кроме бабок... — проворчал я, возвращаясь к ролику Энигмы-G.

Примечания:

1 — Повседневный кэжуал — также известен как смарт-кэжуал — стиль одежды для повседневного использования. В смарт-кэжуал можно одеться чисто случайно, взяв обычную одежду из своего шкафа. В отличие от бизнес-кэжуала, смарт-кэжуал более свободный: джинсы с пиджаком, водолазкой, кардиганом, рубашкой без пиджака или футболкой без пиджака и так далее.

Следует сказать, что в кругах, где вращаюсь я, если надеть футболку с пиджаком, можно прослыть модным дегенератом, потому что у нас так не одеваются. Если уж решил надеть пиджак, то будь добр надеть рубашку и брюки. Полагаю, в столицах влияние европейской моды сильно, как больше нигде, поэтому не надо удивляться, что люди там одеваются в смарт-кэжуал, бизнес-кэжуал, ол-аут-кэжуал, а не в «короче, открыл я шкаф...» Думаю, мода на всё европейское у нас пройдет ещё нескоро. Хотя, вспоминая чёрно-белые фото моего деда, работавшего в колхозе зоотехником, европейцы нихрена нового не изобрели — мой дед ходил в прикиде бизнес-кэжуал задолго до того, как это стало мейнстримом.

2 — ВУС — военно-учётная специальность.

Глава 8. Тревожные вести

/3 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

— Какое прекрасное утро... — без особой радости пробормотал я, выйдя на балкон и закурив.

Открываю окно и впускаю внутрь свежий воздух.

Утро выдалось прохладное, но солнечное. Вспоминаются, почему-то, деньки из детства, когда надо было ходить в сельскую школу, вот в такие утра, прохладные, свежие. Очень не хотелось вылезать из тёплой постели, умываться, одеваться, собирать портфель — тогда это казалось обременительным времяпровождением, а сейчас я готов отдать всё, что имею, чтобы всё это оказалось обычным детским кошмаром, после которого ты просыпаешься и помнишь его несколько дней...

Но это не сон.

Не дают покоя сведения, полученные из ролика Энигмы-G.

Аномалии — это очень странное явление, наблюдаемое по всему миру.

Я потом пробежался по ссылкам, оставленным блогером для удостоверения в том, что он это всё не придумал и это не CGI и не монтаж.

Было видео из Варшавы — покрытый копотью танк «Тигр» возник прямо посреди центрального района города. Судя по пробоинам, его долбили из чего-то крупнокалиберного и мощного. Оператор, записавший ролик, экспрессивно вещал что-то типа «О-о-о, кур-р-р-р-р-р-р-р-р!» и тыкал пальцем в танк, который не производил впечатления макета. Сразу как-то понятно, что это боевая машина, прямо с поля ожесточённого сражения. Но больше всего меня поразил обрезанный круг асфальта, на котором стоял «Тигр» — асфальт сильно отличался от того, из которого состояло дорожное покрытие городской улицы. Адский ад... Не так удивительно, как полчища зомби, но, всё равно, это ненормально и пугающе.

Впрочем, хитом в трендах Ютуба было видео из Лондона — Биг-Бен вдруг украсился красным флагом с серпом и молотом. В комментариях под видео был знатный срач, потому что англичане искренне недоумевали, как это возможно и вообще, почему он до сих пор висит. Основная масса комментариев содержала требования убрать флаг, потому что это противоречит линии партии. Увы, но флагу там висеть ещё очень долго, потому что тот район потерян и живых там, судя по всему, нет. А если и есть, то они, раз флаг ещё там, придерживаются коммунистической идеологии или им сейчас не до этого.

Ещё один танк, только советский, был в видео из Анкориджа, что на Аляске. Танк этот тоже был подбит, но смущало всех то, что он был в снегу и обледенел, хотя сейчас весна. Формы он был странной: корпус напоминал летающую тарелку, у него было четыре гусеницы, а ещё у него была здоровенная длинноствольная пушка с дульным тормозом. Я подумал, что это нечто из фантастического фильма, но в комментариях написали, что это некий «Объект 279», (1) реально существовавший танк 50-х годов XX-го века.

Также примечательным был рухнувший в окрестностях Минска реактивный истребитель Мессершмитт, обломки которого засняли военные, оборонявшие пригород.

И таких случаев странных происшествий полным полно. Иногда посреди улиц городов возникают фрагменты примитивных зданий, а в Риме рухнул Колизей, основание которого,

как говорят, внезапно «изменилось».

«Покуда Колизей неколебим, великий Рим стоит неколебимо, но рухни Колизей — и рухнет Рим, и рухнет мир, когда не станет Рима», — вспомнил я когда-то слышанные слова. — «И Колизей пал, а в падении Рима уже почти никто не сомневается».

Грустно это всё. Интернет позволил нам всем с выпученными от ужаса глазами наблюдать за разрушением нашей цивилизации. Все панически вопят, но никто ничего не делает.

Ладно, хватит об этом думать. Что там за окном?

А за окном балкона вид на Шкиперский проток, здание напротив имеет большую надпись «АПТЕКА». И это одно из тех мест, которые я должен посетить. У бабушки есть серьёзные запасы медикаментов, но нет ничего против радиации. В интернете пишут, что нужен Б-190, также известный как индралин, который нужно пить за 15–20 минут до того, как окажешься под облучением.

В случае бабули это самое оно, так как только она решает, когда применять свою способность.

Ещё нужны какие-нибудь средства измерения, чтобы понять безопасность моего нахождения рядом с ней. Лучевая болезнь — это не то, с чем я хотел бы провести остаток Конца Света.

А вообще, с острой лучевой болезнью, вызванной гамма-излучением, медицина ничего особенного сделать не может, насколько я понял из интернет-статей. Просядет иммунитет, начнётся малокровие, токсины, инфекции, а потом смерть. Переливание крови оттянет неизбежное, но это не выход.

Если бабуля захочет активно применять свою сверхспособность, то ей нужен противорадиоактивный костюм или некий человек со сверхспособностью, который может лечить лучевую болезнь. Первый вариант видится более реалистичным.

Докурив сигарету и вдавив окурок в чёрную пепельницу, я вышел со своего небольшого балкона обратно в гостиную. Работает телевизор, где показывают какого-то дядьку в костюме, сидящего на фоне флага России.

— Бабуль, я тогда, наверное... — начал я, закрывая балконную дверь.

— Тихо ты! — прервала меня бабушка. — Слушай!

Дядька, которого я где-то видел, кажется, это кто-то из администрации города, выглядел очень неуверенным и усталым. Ну да, управлять городом, когда происходит настоящий кризис, смертельно опасный и с каждым часом набирающий всё более серьёзные обороты, это тебе не в картишки на интерес играть...

«... напряжённой обстановкой, вынужден сообщить, что предпринятые меры не возымели должного эффекта. Эпидемия неизвестного науке заболевания продолжает распространяться на всё большее и большее число людей, поэтому нами было принято решение полностью передать контроль над городом командующему Западным военным округом генерал-лейтенанту Грозникину».

— Всё это время они телились и не могли передать дела военным?! — воскликнул я в изумлении. — Ох, бабуль, я, несмотря ни на что, был лучшего мнения о правительстве!

— Буржуи... — пренебрежительно хмыкнула Агата Петровна.

Лысый мужчина в генеральской форме дождался, пока дядька в костюме уступит ему место перед камерой, после чего сел в кресло и поправил китель. Уставившись прямо в камеру, он заговорил:

«С сегодняшнего дня всё будет иначе. Наши учёные установили, что нет и не может быть средств для исцеления заражённых, потому что невозможно исцелить мёртвого. С этого дня, моим приказом по военному округу, считать всех заражённых боевой единицей противника. До командиров подразделений доведено, что запрещается предпринимать попытки нелетального задержания заражённых или захвата их в плен. Гражданскому населению, как глава военной администрации Ленинградской области и города федерального значения Санкт-Петербург, приказываю оставаться в безопасных помещениях, вплоть до окончания зачистки города. Эвакуация в безопасные места определённых районов будет проводиться в отдельных случаях. Самостоятельное бегство из города строго запрещено — мы потеряли Кировский район только потому, что беженцы из других районов города погибли в пробках и присоединились к силам противника. На этом у меня всё. О любых изменениях статуса операции будет сообщено отдельно, через этот же канал вещания».

— Почему-то, я ему доверяю, — произнесла бабушка. — Настоящий военный.

— Они потратили слишком много времени впустую, — вздохнул я. — Возьмись военные за дело сразу, можно было бы спасти целую прорву живых людей.

— Может и так, но теперь я думаю, что всё будет в порядке, — сказала бабушка. — Удержат Ленинград — будем жить. Не так, как раньше, но будем. Но если город падёт...

Нам не жить, если город падёт. Мертвецы заполонят улицы, а голодающие граждане будут биться за остатки съестного, которое кончится очень быстро. И всё это на фоне отключения электричества, воды и средств коммуникации. Каменный век, конечно, не настанет, но сладко не будет никому.

И мой долг, как жителя этого города, отвратить или задержать наступление коллапса.

— Надо вербоваться, — произнёс я. — Но сначала съезжу кое-куда и достану для тебя всё необходимое из медикаментов и экипировки.

— Хорошо, — кивнула бабушка. — А с водой что делать будем?

— Найду нормальный грузовичок, куплю или достану бочки для воды, — ответил я. — Но всё это будет неважно, если город падёт быстро.

— Не должен, — не очень уверенно произнесла бабушка. — Раз военные взялись, то какое-то время у всех нас есть. Иди уже, я буду следить за новостями и, если будет что-то важное, позвоню тебе или напишу.

— Ладно, счастливо оставаться, — усмехнулся я, надевая маску. — А мне пора на прогулку.

/3 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Васильевский остров/

Моя потрёпанная ласточка рыкнула двигателем и повезла меня в направлении Покровской больницы.

Сразу проявились разительные отличия от вчерашнего дня: в городе военные, которые ходят отрядами по дворам и отстреливают мертвецов, которых, к слову, стало ещё больше. Но так только у нас, судя по всему, а в остальном городе происходит форменный бардак, который никто, абсолютно никто, не контролирует. В Центральном это началось ещё в первый день, потому что концентрация мертвецов выросла очень резко, что не вывезли

власти, тогда вообще не понимавшие, что делать.

В итоге у нас больше нет Центрального, Красногвардейского и Фрунзенского районов. Остальные городские районы под очень условным контролем властей, но может сложиться и так, что их, постепенно, отобьют обратно. Вряд ли, конечно. Пять миллионов населения, стремительно обращающегося в зомби — это фактор, делающий неэффективным любые попытки удержать город.

Печальные мысли начали меня «грузить», поэтому я включил радио, чтобы заполнить тишину хоть чем-то.

♪ На Заре-е-е-е! ♪

♪ Голоса зовут меня! ♪

Оригинал. Божественно.

— Солнца свет и сердца звук!!! — начал я подпевать. — Робкий взгляд и сила рук!!! Звездный час, моей мечты... в небеса-а-а-ах!

♪ На Заре-е-е-е! ♪

♪ Голоса зову-у-у-ут меня! ♪

— Ох, мьёрде! — увидел я скопление мертвецов, стоящих за оградой больницы.

На калитке из стальных прутьев, обмотанной цепью с замком, висит табличка с планом-схемой больницы, на которой кто-то написал чёрным маркером: «Внутри заражённые, вход воспрещён».

Ну, да, очень оптимистично было надеяться, что место, куда первым делом тащили всех укушенных и где так много незащищённых людей, не станет опасной зоной.

— Эй, ты что там делаешь?! — окликнули меня с крыши противоположного здания.

Поворачиваюсь и смотрю на неуместный источник шума. Мертвецы, привлечённые звуком, увидели меня и прильнули к ограде, пытаясь дотянуться до возжеленной плоти своими потрёпанными и посиневшими культиками.

— В больничку приехал! — ответил я. — А ты что там делаешь?!

На крыше стоял дядька лет пятидесяти, вооружённый двуствольным ружьём и одетый в камышовый камуфляж. На седой голове его была камуфляжная кепка, только расцветки давно уже неиспользуемого армией пагтерна «Флора». Усат, но безбород, ростом около метра семидесяти, комплекции чуть полноватой. Видимо, охотник, раз у него есть ружьё.

— Я больницу охраняю и предупреждаю всех, чтобы не лезли туда — там тысячи заражённых, — сообщил охотник. — Их медики сюда сами доставляли, когда только началось, а потом менты свозили сюда отловленных задержанных.

— Но зачем? — удивлённо спросил я.

— А не знал никто, что это не буйные, а мёртвые, — объяснил дядька-охотник. — Не ходи туда, заклинаю, там только смерть. Толпой навалются и сожрут. Кости только останутся, как вон от того.

Он указал куда-то за ограду, я развернулся и увидел большое пятно запёкшейся крови на чёрной земле, в котором лежали обрывки одежды, кости, а также что-то вроде рюкзака. Ошмётков плоти нет — мертвецы всё подмели, даже землю руками изрыли, стремясь извлечь из обеда максимум пользы.

— Наркоман какой-то, — сообщил охотник. — Я его предупреждал, что сожрут, но он всё равно хотел быстренько добраться до больничной аптеки. Теперь даже не восстанет.

— И вообще медиков не осталось? — спросил я у дядьки-охотника.

— Тебя как звать? — спросил он.

— Дмитрием, — представился я.

— Меня Геной можешь звать, — разрешил охотник. — Тебе врачи зачем нужны?

Нет, надо было предвидеть, что на медучреждения все забьют, но надежда оставалась. Да и ничего я не потерял от этой поездки, просто потратил несколько минут.

— Хочу найти что-нибудь, что сможет экранировать от гамма-излучения, — не стал я врать. — Думаю, должно же быть что-то такое у медиков.

— Думаешь, ракеты пускать будут? — уточнил дядя Гена. — Так не помогут тогда никакие экраны. Лучше простыней сразу накрывайся и ползи в сторону кладбища.

— Ясно, — вздохнул я. — Ладно, поеду по аптекам прошвырнусь...

— Закрыты все аптеки, — сообщил мне дядя Гена. — Телевизор не смотришь, что ли?

— А как медикаменты получать? — удивился я.

— Никак, — ответил охотник.

— А что делать-то? — спросил я.

— Сидеть дома и терпеть, — сказал дядя Гена, после чего нахмурился и начал цитировать чьи-то слова. — Общественные учреждения, включая относящиеся к учреждениям первичной важности, закрываются. Всем гражданам обязательно находиться в безопасных местах и не издавать шум. До тех пор, пока обстановка не стабилизируется.

— А добровольцем вербоваться как? — задал я следующий вопрос.

— Добровольцам, желающим вступить в ополчение, перемещаться по городу разрешено, но по разрешённым военной администрацией маршрутам, а также на личном транспорте, — ответил охотник. — Вообще телевизор не смотришь, да?

— Нет, — честно ответил я. — А вы как телевизор смотреть успеваете?

— А он у меня с собой, — усмехнулся дядя Гена. — Портативный.

— Портативный... — пробормотал я. — Ладно, поехал я. Счастливо оставаться!

Значит, Покровская больница — это памятник первым ошибкам правительства. Пытались изолировать заражённых, полагая, что от заразы будет разработано лекарство и убийство заражённого будет равно убийству обычного гражданина. Я бы, будь на месте правительства, тоже колебался. Но военные, как выяснилось, таким гуманизмом не страдают и открывают огонь на поражение.

Большой проспект, судя по всему, зачистили, но каждая проклятая многоэтажка может служить источником новой вспышки эпидемии. Сколько там людей сидит в квартирах? Да никто не знает!

— Тогда едем в зоопарк, ласточка моя! — завёл я машину.

/3 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Петроградский остров/

Оставил машину припаркованной на Кронверкском проспекте. Любопытно, что в городе осталось очень мало машин — все, кто был на колёсах, когда власти бездействовали, уже уехали.

— Давненько я не бывал в зоопарке, — пробормотал я и двинулся к арке с вывеской «Террариум».

У входа стояла группа вооружённых людей в сияющей новизной военной форме, имеющей раскраску паттерна «Цифра». Оружие у них, правда, не новое — АК74 и АК74М.

Когда служил, за мной закрепили АК74. Даже до сих пор помню серийный номер: 62568557, восемьдесят восьмого года выпуска. Союза нет давно, а его автоматы продолжают верно нести свою службу.

— Привет служивым! — помахал я рукой этим ребятам.

— О, здоров, Наполеон! — помахал мне рослый рыжеволосый парень с избыточным весом, окладистой бородой и носом-картошкой.

— Где здесь можно записаться в ряды доблестного ополчения города-героя Ленинграда? — поинтересовался я, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

Вот вечно забываю, что надо закупить курева на месяцы вперёд, самого качественного и герметично запакованного.

— В террариум заходи, — сказал мне этот упитанный парень. — Там комбат сидит с писарем, запишут тебя и оружие дадут.

— Угощайтесь, товарищи, — предложил я.

Открой пачку сигарет, и люди к тебе потянутся. Пачка стала полной только наполовину, после чего я подкурил свою сигарету и сделал глубокую затяжку. Эх, хорошо!

— Что говорят о снабжении? — поинтересовался я у рыжего.

Некурящих было всего трое, хотя один из них, судя по лицу, колебался. Видимо, бросил недавно.

— Да пока ничего, — пожал плечами рыжий здоровяк, после чего протянул руку. — Илья.

— Дмитрий, — пожал я его руку. — Сам здесь сколько?

— Часа полтора, — ответил Илья. — Кое-как прорвался сюда из Калининского. Пришлось вплавь похерачить, потому что мертвяки почти на спине у меня сидели...

Калининский район — это на северо-восток отсюда. Выходит, его тоже потеряли?

— Как там? — спросил я.

— Жопа, — ответил Илья. — Слишком долго я сидел у себя в квартире, боялся выйти. А надо было сразу, тогда бы без проблем здесь оказался. Чуть не сдох там, на Гренадерской.

Гренадерская улица ведёт к Гренадерскому мосту, одному из самых заурядных питерских мостов.

— И там поплыл? — поинтересовался я.

— Ага, его ведь развели в самом начале, — покивал Илья. — Хорошо, что плавать умею. Ты сам откуда?

О маске и наряде он не спрашивал, что удивительно. Или мышление людей уже настолько изменилось, что всем уже плевать, кто во что одет?

— С Васильевского, — ответил я. — Ладно, пойду я вербоваться.

— У нас и половины батальона нет, поэтому к нам вернёшься, монопенисуально, — усмехнулся Илья.

Всегда поражался, как питерцы умеют придавать даже ругательствам высокопарные звучание и форму.

Пребывая в задумчивости, я прошёл через арку и пластиковую дверь с остеклением. Рекламные брошюры плотно облепляют стекло, зазывая людей посмотреть на жирафов,

тигров, львов, белых медведей и прочих зверей-невольников. А что будет с ними, когда мы все выйдем?

В террариуме куча мужиков в форме.

Ха-ха, невольно вспоминается знаменитый и резонансный обзор от Евгения. Я ведь мог сыграть в этом фильме, менеджер ведь даже начал договариваться с продюсерами о роли лейтенанта Арбузова, но роль уже была забита неким подающим надежды и талантливым актёром, а у меня ещё не было признания критиков, ведь я ещё не снялся в «Бесе». Тогда я ещё не считался талантливым актёром, но это сыграло мне на руку. Да, там были какие-то деньги, но на таких, кхм-кхм, продуктах, очень сложно сделать карьеру. Фильм ведь облили все, кроме тех, кому заплатили деньги, чтобы они похвалили. Можно сказать, что мне повезло быть никому не известным актёром.

— Где я могу записаться в добровольцы? — поинтересовался я у ближайшего военного.

Военный пристально смотрел в террариум с тарантулом или тварью, похожей на тарантула.

— Ты кто такой? — спросил военный, развернувшись ко мне.

Лычки полевой формы говорят мне, что это целый майор. Высокий, крепкий мужик, но с выдающимся вперёд брюшком, видимо, натёртым о письменный стол. Лицо суровое, карие глаза смотрят на меня с неудовольствием и подозрением.

— Гражданский, который желает записаться в ополчение, — ответил я. — Дмитрий Верещагин.

— Иди к тому столу, там тебе скажут, что подписывать, — указал военный на группу людей, стоящих у стола.

Прохожу в указанном направлении и вижу развернувшегося ко мне полковника, одетого в повседневную форму. Похоже на какой-то бардак: каждый ходит в том, в чём хочет, что создаёт ощущение отчаянья и тревоги. Военные должны держать форму в порядке и в точности соответствовать уставу. Если этого нет, то у них явно что-то не в порядке.

— Дмитрий Верещагин, — представился я.

— Полковник Краснодубов, — представился в ответ полковник. — Доброволец?

Этот точно провёл последнюю часть жизни за бумагами, потому что по нему видно, что он не сдаст даже свои возрастные нормативы — избыточная масса тела, голос хриплый и с одышкой, нос сизый, а под усталыми серыми глазами тяжёлые мешки. Стрижка короткая, но небрит уже несколько дней, как минимум.

— Так точно, — ответил я.

— Служил? — заинтересовался Краснодубов.

— Служил срочную в Вооружённых Силах Республики Казахстан, — сообщил я. — Наводчик самоходной артиллерийской установки 2С3 «Акация». Боевого опыта не имею.

— Нам бы хоть кого-то, кто умеет обращаться с техникой! — процедил полковник. — Стрелял из орудия хоть раз?

— Стрелял, — ответил я. — Практика богатая, но, исключительно, полигонная.

— Тогда ты нам очень нужен, — заулыбался Краснодубов. — А что за маска и наряд?

— Сверхспособность, — ответил я.

— Та-а-ак... — напрягся полковник, медленно опуская руку к кобуре.

Все остальные тоже сильно напряглись, а кто-то уже вскинул оружие.

— Да что происходит? — удивлённо огляделся я. — Что не так?

— Мыслишки у тебя уже появлялись? — спросил полковник.

— Какие мыслишки? — искренне спросил я, не понимая, о чём он толкует.

— Ну, что ты теперь не просто человек, а одарённый богом или чем-то ещё, поэтому остальные — это жалкие твари, не достойные человеческого обращения? — уточнил формулировку Краснодубов.

Вот это интересно.

— Нет, конечно! — ответил я. — А должны?

Полковник пристально смотрел мне в глаза, то есть в затемнённые прорези маски, за которыми не видно моих глаз.

— Сними свою маску, — потребовал он.

Мне крышка, если они решат открыть огонь. Да и я не хотел бы портить отношения с военными, поэтому лучше подчинюсь.

— Ох ты ж... — увидел метаморфозы моей экипировки полковник. — Это что за?..

— Так работает моя сверхспособность, — сообщил я ему. — Могу воплощать образы персонажей театральных постановок. В этом случае Наполеон Бонапарт. Но с чем связано ваше напряжение? Почему вы все хотите меня пристрелить?

— Уже был ряд эксцессов с нашими людьми, получившими сверхспособности из сфер, — поделился Краснодубов. — Они не перенесли психоэмоциональное воздействие, как мы понимаем, поэтому сошли с ума и начали действовать необдуманно. Один раз это привело к жертвам среди личного состава.

— Ясно, — вздохнул я с сожалением. — У меня с головой всё в порядке, насколько я знаю, поэтому не думаю, что создам проблемы.

— Это мы ещё увидим, — произнёс полковник. — Игорь, оформляй.

— Может, ну его? — спросил подполковник у стола, на нагрудном шевроне которого было написано «Бирючинин». — Супер, ещё и не нашенский...

— У меня девять «Коалиций», но расчётов только на три! — вдруг вскипел Краснодубов. — Грозников сказал, чтобы хоть рожали, но наши — вот перед тобой стоит артиллерист! Когда служил, боец?

Он уставился на меня так, словно у меня в кармане лежит шесть артиллерийских расчётов.

— С тринадцатого по четырнадцатый год, — ответил я.

— Забыл, наверное, уже всё... — вздохнул полковник. — Ладно, по ходу наверстаешь! Ты, главное, с ума не сходи.

Зашипела рация на его поясе.

— «Седьмой», у нас ЧП, я «Капкан», приём.

— «Седьмой» на связи, «Капкан», приём, — откликнулся майор, стоявший у тарантула.

— Нужен вооружённый отряд у вольера с тигром, — запросил «Капкан». — У нас тут нападение... Жёсткий замес, «Седьмой»!

На фоне слышался рык и крики людей.

— «Эскадрон», живо к вольеру с тигром, это «Седьмой»! Приём! — приказал кому-то майор у тарантула.

— Понял вас, «Седьмой», — раздался из рации чуть прокуренный голос. — Выдвигаемся.

— Я могу помочь, — предложил я, надевая маску.

— Нет, дуй к остальным ополченцам, — покачал головой полковник Краснодубов.

— А он ведь супер... — вдруг произнёс Бирючинин.

— Он артиллерист, поэтому остаётся с остальными ополченцами, — сказал полковник. — Иди на улицу.

Кивнув, направился на выход, а военные продолжили напряжённые переговоры по радиосвязи.

— Узнаю родную армию, — усмехнулся я, выйдя на улицу. — Не успел вернуться, а уже какие-то приключения!

Примечания:

1 — Объект 279 — реально существовавший танк, разработанный в 1957 году. Первый и единственный опытный образец был создан в 1959 году. Предназначался танк для прорыва подготовленной обороны, обладал очень толстым бронированием и мощным вооружением. Тогда предполагалось, что не обойдётся без ядерных ударов, поэтому танк был оснащён противорадиационной защитой и соответствующей вентиляцией. Вооружение представляло собой 130-миллиметровую пушку М-65, способную пробить бронейным снарядом около 280 миллиметров гомогенной стали, под прямым углом, на дистанции до километра, а также 14,5-миллиметровым КПВТ, спаренным с орудием.

Любопытно, что пушка М-65 обладала выдающейся настильностью, так как дальность прямого выстрела у неё (бронейным снарядом) была 1360 метров, то есть почти полтора километра снаряду абсолютно плевать на какой-то там воздух, ветер и прочие мало волнующие обстоятельства.

Четыре гусеницы, вкупе с движком на тысячу лошадок, как я понимаю, предназначены для уменьшения удельного давления на грунт, чтобы танк мог применяться в труднопроходимых участках местности, где обычные танки завязнут и останутся на века. В Европе таких мест настолько мало, что создавать ради них производственные линии было бы бессмысленно, зато, скажем, на Аляске таких мест полно...

И всем было чётко ясно, для каких целей разрабатывали этого монстра, но совокупность его недостатков сделали невозможным его принятие на вооружение.

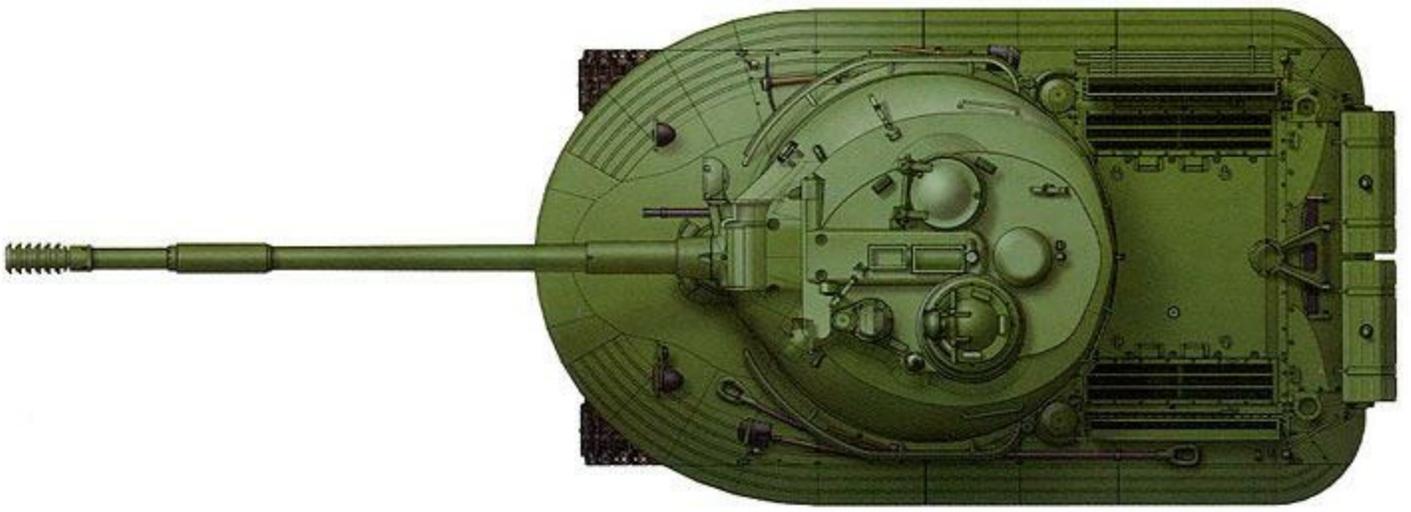
Во-первых, сложное обслуживание, отчасти вызванное экстравагантной компоновкой, которая, конечно, сохраняет принципы классической, но, всё-таки, не классическая и крайне неудобная.

Во-вторых, у этого танка, из-за четырёх гусениц, очень сильное сопротивление повороту — в двенадцать раз больше, чем у любого его «одноклассника» и современника, выполненного по классической схеме общей компоновки.

Ну и в-третьих, появились новые типы бронейных снарядов, толкающие военную мысль в сторону более дешёвых и лёгких основных боевых танков.

Опытный образец Объекта 279 до сих пор существует и пребывает в рабочем состоянии — экспонируется на Кубинке.

<https://www.youtube.com/watch?v=4Q54OJn9oPo> — ходовые испытания Объекта 279.

Глава 9. Книга джунглей

/3 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Петроградский остров, Ленинградский зоопарк/

— И снова здравствуйте! — вышел я к ополченцам.

Но никто не успел и слова сказать, как где-то за мной раздался громкий скрежет жести. Звук доносился сверху. Я резко обернулся, после чего в ужасе выпучил глаза и попятился.

На крыше, прямо над аркой входа, стоял здоровенный тигр, скалящийся окровавленной пастью.

— Ох, твою мать... — прошептал я, после чего замер.

Слышал когда-то, что, если не двигаться, то хищное животное не атакует, но что-то у меня нет особой уверенности на этот счёт. Медленно, чтобы не создавать лишних звуков, извлекаю шпагу из ножен. Шансов против мощного тигра у меня мало, но есть люди с автоматами, правда, ошеломлённые и оцепеневшие.

— Стреляйте по нему, — тихо произнёс я.

Тигр смотрел прямо на меня, а я смотрел прямо на него. Не знаю, что он сделал у своего вольера, но это было нечто крайне кровавое и жестокое, потому что кровь покрывала не только его морду, но и лапы, а также переднюю половину туловища.

И эта тварь, решив, что банкет надо продолжать, прыгнула на меня. Страшно? Да, страшно. Только вот не на того напала, скотина шерстяная!

Прыжок был длинным, с выставленными вперёд когтистыми лапами, чтобы прижать меня к брусчатке тротуара и растерзать. Когда мне стало понятно, что тигр уже точно не может сильно изменить траекторию падения, я сделал рывок влево и начал извлекать из кармана «Макарыч».

Тигр, ещё в полёте осознавший, что сокрушительный удар лапами безнадёжно провален, а я задумал что-то нехорошее, приземлился и совершил кувырок, чтобы погасить инерцию и уйти от возможной атаки.

— Жри резину, ле кон! — воскликнул я, отстреливая последние четыре патрона в туловище тигра.

Животное зарычало с нотками гнева и болезненности, после чего резко развернулось и кинулось на меня. Прыжок мощный, в чём-то пафосный, но я был к нему готов.

— Н-на! — вложил я в укол вес собственного тела.

Шпага вошла в грудь тигра по самую гарду, но иначе и быть не могло, ведь произошло сочетание двух противоположенных импульсов — одна тигриная сила против одной человеческой. И я не удержался на ногах, ведь это чудовище весило килограмм триста или около того, поэтому рухнул на спину.

Правда, тигр ещё со мной не закончил, поэтому я ощутил, как мои плечи рвёт на лоскуты когтями.

— А-а-а-а, пютэ!!! А-а-а!!! — завопил я против своей воли, после чего оказался погребён под обмякшей тушей тигра.

Из лёгких выбило весь воздух, а вдохнуть я уже не мог. Грудь сдавило так, словно на неё положили гриф штанги с тремя сотнями килограмм чугунных блинов.

Тигр, к счастью, всё-таки умер, поэтому не пытался порвать меня на британский флаг, но всё равно хорошего в этой ситуации было мало. Я чувствовал, как моя кровь пропитывает

рубашку и сюртук, а руки жжёт ослепительно болезненным огнём.

Внезапно, тягучую вечность спустя, груз с груди сняли, а я, наконец-то, сумел сделать вдох.

— Врача сюда, живо! — донеслось до меня.

Мир словно в тумане, вокруг смутные силуэты, всё болит, становится холодно, а затем сознание меня покинуло.

/Неизвестное время спустя/

Повторное «включение» сознания происходило постепенно.

Первое ощущение — будто меня высушили в промышленной сушилке для древесины. Жутко хотелось пить.

Глаза я сумел открыть только со второй попытки.

Пришёл в себя я в комнате с побеленным потолком и выкрашенными в светло-серое стенами. Большое окно делает эту комнату очень светлой и какой-то, так сказать, умиротворённой. Правда, я не могу насладиться аурой умиротворения, царящей в этом помещении, потому что при попытке сглотнуть слюну я ощутил, будто по глотке от души прошлись наждачной бумагой.

Лежу я в кровати, застеленной белой простыней, а слева от меня серая тумбочка, совсем как в армейском госпитале, расположенном в далёком-предалёком Семипалатинске... Одет я в шерстяную пижаму коричневого цвета.

На тумбочке графин и стакан, а ещё ваза с весенними цветами.

Больше в помещении ничего нет, кроме деревянной двери и окна, занавешенного полупрозрачным тюлем.

С кряхтением поворачиваюсь на левый бок и хватаю стакан, наполовину наполненный водой. Глядел я на него, как Голлум на кольцо, так сильно мне хотелось пить.

— Ах, каеф... — прохрипел я, опорожнив стакан.

Живительная влага оросила мой пищевод и придала сил, чтобы сесть на кровати и наполнить стакан из графина.

Только на четвёртом стакане, когда графин показал сухое дно, я остановился. Так бы и пил, будь ещё. Я даже начал серьёзно поглядывать на вазу с цветами.

Нет, пока достаточно воды.

Ощупываю себя — вроде бы, насколько я помню, у меня была схватка с тигром, где я, кажется, выиграл. Нет, точно выиграл! Иначе не объяснить, почему я не в сырой могиле или не труп, лежащий в отвале, постепенно превращающийся в перегной.

Самочувствие, после утоления жажды, просто отличное, хотя плечи зудят так, будто их стекловатой обтёрли.

Встаю с кровати и обнаруживаю тёплые тапочки с эмблемами «Boss». Шикарно...

Погружаю ноги в тапки и встаю с кровати — надо выяснить, какого, собственно, произошло и что делать дальше.

Выхожу в коридор — а там люди. Люди в белых одеждах, не особо спешащие по своим делам.

— Он проснулся, — флегматичным тоном констатировала пожилая женщина, сидящая за школьной партой.

На парте аккуратно разложены папки с номерными делами, а также стоит графин с

водой и стакан.

Женщина была полновата, а одета она была в гражданскую одежду, поверх которой был надет белый халат, местами заляпанный кровью, уже давно засохшей. Жизнеутверждающая картина — окровавленный медицинский халат.

— Дмитрий Верещагин, — произнёс другой врач, мужчина лет сорока, носитель короткой бородки.

— Собственной персоной, — кивнул я. — С кем имею честь?

— Григорий Модестович Негуляев, — представился он. — Я ваш лечащий врач. Спешу сообщить, что вы подверглись экспериментальному лечению, завершившемуся полным успехом — ваши травмы устранены, и вы возвращены к исходному состоянию, то есть вашему состоянию до встречи с тигром.

— Что за «экспериментальное лечение»? — спросил я настороженно.

— Вы сами обладаете сверхспособностью, правда, мы так и не поняли, в чём именно она заключается, поэтому вы не должны быть сильно удивлены тому, что сверхспособностями обладает кто-то ещё, — сообщил мне Негуляев. — У нас есть Семён, обладающий магией исцеления, с необычным потенциалом. Вот, кстати, он.

Это он о приближающемся к нам парне, одетом в хирургический костюм. И я его знаю.

— О, это ведь тот самый Семён! — радостно помахал я ему. — Привет! Рад тебя видеть!

Да, это был один из стихийно собравшихся дружинников, решивших «зачистить» подъезды нашего двора. Правда, неизвестно, как он относится к тому, что я «зачистил» его напарников, решивших, что меня можно просто так ограбить...

— Привет, — пожал мне руку Семён.

Апокалипсис пошёл ему на пользу, потому что он заметно посвежел и, наконец-то, побрился — в прошлую нашу встречу он выглядел как человек, который уверенно движется к статусу эталонного питерского алкоголика.

— Спасибо за то, что спас, — поблагодарил я его.

Благодарить людей — это нетрудно, особенно, когда искренне благодарен. Организм не сломается, если озвучить слова благодарности, но некоторые гордые особы пренебрегают этой вежливостью, за что считаются окружающими мудаками.

— Да я, как бы, не спасал, — ответил Семён. — Ты бы не умер, если верить Григорию Модестовичу, но пролежал бы у нас пару-тройку недель.

— А сколько времени прошло? — спросил я.

— Около четырнадцати часов, — ответил Григорий Модестович. — Мы вас прооперировали, очистили раны, после чего Семён зарастил их своей сверхспособностью.

А-а-а, теперь я понимаю, почему они никуда не спешат и откровенно скучают — если раненых обрабатывают по такой схеме, то надолго тут люди не задерживаются.

— Ваши одежда и оружие находятся в моём кабинете, — сообщил мой лечащий врач. — Ещё, насколько я знаю, вас ждёт торжественное вручение медали за ваш подвиг. Весьма заслуженное, как я считаю.

— А в фильме такого подонка играл... — заметила женщина за партой.

— Это льстит, — произнёс я. — Где я могу поговорить с полковником Краснодубовым?

— Явитесь в террариум, — сказал врач. — Вас ожидают. Пройдёмте за мной, я покажу, где лежат ваши вещи.

С благодарностью кивнув, я направился за Негуляевым.

В кабинете, на тележке, лежала российская военная форма, а поверх неё моя маска. На

полу стояли берцы, даже на вид дорогие. Не пожалели, ценят.

— Ваша одежда пришла в негодность, поэтому мы решили запросить у военных комплект формы, — сообщил Григорий Модестович. — Вы же не передумали вступать в ополчение?

— Нет, не передумал, — ответил я.

— Переодеться можете за ширмой, — указал врач на медицинскую ширму, скрывающую кушетку, обшитую искусственной кожей.

Переоделся я быстро, но берцами доволен не был. Вообще, никогда не встречал берцы, которые можно просто так взять и надеть сразу. Надо их долго изнашивать, подвергать хитрым и нудным манипуляциям... А когда речь идёт об армейских берцах, то это не они изнашиваются, а нога носителя. Если не знать всех «приколов», то можно на неделю или две выйти из строя, потому что мозоли.

Когда служил в казахстанской армии, ребята, плохо говорящие на русском, жаловались контрабасам на «мазёл». Я тоже жаловался на «мазёл», потому что в душе даже не представлял обо всех этих армейских хитростях, предусматривающих особую подготовку обуви. Как всегда, есть два способа: правильный и через жопу. Способ «через жопу» я уже испытывал, поэтому буду всё делать по науке. Но дома.

Недовольно поморщившись от давления на ступни в неожиданных местах, я поправил поясной ремень, пожал руку лечащему врачу и покинул больничку.

Как оказалось, это была ветеринарная клиника при зоопарке, поэтому далеко меня не увозили. Столкнулся с тигром у арки, потерпел сокрушительную победу, после чего был перенесён на сто пятьдесят метров южнее и оказался в ветклинике.

С грустью посмотрев на не работающие карусели, направился к террариуму.

— О, Наполеон! — помахал мне рукой один из ополченцев.

А, это тот самый Илья, с которым мы познакомились вчера. Вот вроде меньше пятнадцати часов назад всё было, а ощущение, будто два-три дня прошло...

Ополченцы сидят на лавках у входа в террариум. Их пятнадцать часов не могут куда-то определить или распустили вчера по домам, в связи с ЧП? Кстати, надо выяснить, что же, всё-таки, произошло.

— Здоров, — помахал я ему рукой. — Как тут обстановка?

— Здоров! — приветствовал меня Илья. — Да нормально всё, пока что. Из-за вчерашнего нас в казарме решили придержать. Слышал, да?

Подожли остальные ополченцы, все при оружии, но с неуверенными взглядами и слегка уставшие. Естественно, каждому надо было пожать мне руку, ха-ха. Хорошо, что автографы не просили.

— О чём я не слышал? — не понял я.

— Да этот тигр, Амадеем его звали, шесть человек порвал, — ответил Илья. — Если бы ты его не встретил, нам бы тоже амба. Я вот остолбенел, когда увидел эту махину на крыше...

— А как эта тварь вообще выбралась? — недоуменно спросил я.

— Никто точно не знает, — пожал Илья плечами. — Я видел клетку — её будто тараном долбанули. Некоторые говорят, что диверсия.

— В натуре диверсия, я говорю, — вступил в разговор низкорослый парень с АКМ. — Вова.

Пожал ему руку, в связи со знакомством. У нас такие ритуалы, ведь мы люди...

— Да кому надо сейчас диверсии устраивать? — скептически спросил я, посмотрев на него. — Нет, я заметил, что некоторые животные сходят с ума. Одна псина, накануне, чуть не загрызла меня — пришлось зарезать.

— Не ты один это заметил, — хмыкнул Илья. — Военные уже пристрелили всех крупных хищников. Львов, тигрицу, бегемота, белого медведя — они все, кстати, тоже чокнулись и пытались продолбить решётки. Видимо, дичи с зомби и аномалиями с нас недостаточно...

— Ладно, пойду я, поговорю с начальством, — решил я не задерживаться.

— Да давай покурим, — предложил Илья. — Вован, дай сигарет.

— Угощайтесь, конечно, — заулыбался тот и вытащил упаковку с сигарами.

Не какая-то там китайская подделка, а настоящий «Боливар», старая марка, высокое качество. Курил такие лишь единожды — угощал мой менеджер, Владимир Пахомович. Дорогие, заразы.

— Ого, — под впечатлением, произнёс я. — Откуда богатство?

— Не знаю, — пожал плечами Вован. — Вместе с ужином выдали. Сказали, что вернули табачное довольствие, поэтому нам положено.

Что-то это не очень похоже на армию. Сигары, стоящие около сорока штук рублей за упаковку, выдают бесплатно, потому что солдату положено? Как там говорил Станиславский?

— Я знаю, откуда это, — вступил в разговор ещё один ополченец. — Тут рядом с зоопарком пять табачных магазинов — скорее всего, добровольно поддерживают армию сигаретами. Или недобровольно.

— Да говно эти сигары, — недовольно пробурчал Илья. — Не курятся, а если раскуришь, то взятят горло дерёт...

— Ты просто не умеешь их курить, — произнёс я. — Есть нож у кого?

В общем, как учили компетентные люди, надо аккуратно срезать кончик, ведь от ширины разреза зависит, насколько интенсивно будет исходить дым.

Аккуратно срезаю самый кончик сигары, после чего принимаю зажигалку и начинаю подкуривать табак, причём это сделать не так просто, как в кино — надо крутить сигару и медленно тянуть дым, чтобы поджиг проходил равномерно. Непростой ритуал, но технологию его я знаю.

Раскуриваю сигару, после чего начинаю мерно её курить.

— Вот так это и делается, товарищи, — сообщил я внимательно следящим за моими действиями ополченцам. — Взятят курить сигары нельзя, потому что это, со временем, прикончит ваши лёгкие, а ещё вы будете страдать при каждом затяге. И привыкнуть к этому нельзя. Фишка сигары — аромат. Но я предпочитаю нормальные сигареты.

— А-а-а, значит, остальным военным эти сигары не в себя пришлись, поэтому их можно ополченцам отдать, пусть давятся? — возмутился Илья.

На фоне произошёл слитный залп, минимум, шести пушек. Слышно отчётливо, но орудия незнакомые. Не знаю, что именно, но точно не «Акация». Разберёмся по ходу.

— Илья, мы теперь тоже военные, — вздохнул я. — Одно дело делаем. Ладно, пошёл я.

— Ты погоди! — придержал меня Илья. — Покажи ещё разок, как там надо сигару-то...

Пришлось задержаться на полтора десятка минут. Зато теперь они будут знать, как правильно курить сигары. Будет отличительной чертой ленинградских ополченцев, ха-ха!

Вошёл в террариум с сигарой в зубах.

— Ещё вчера полуубитого в лазарет относили, а сейчас, поглядите-ка, с сигарой в зубах рассекает! — увидел меня полковник Краснодубов. — Дмитрий, давай сюда подходи, побыстрому оформим тебя, а потом на награждение.

— Доброго дня, — улыбнулся я. — А что за награждение?

— На «боевые отличия» тебя представили, — ответил полковник. — Ты давай поживее, у нас работы непочатый край, ещё журналисты будут.

— А я бабуле своей... — вспомнил я, нащупав телефон в кармане.

— Да мы уже позвонили и всё рассказали, — махнул рукой Краснодубов. — Знает она, что ты в порядке, не переживай. Давай-давай, репортёры скоро приедут!

— Какие репортёры? — удивился я.

— Нет времени, — поторопил полковник. — Вот здесь и здесь подпиши, потом иди фото делать.

— А зачем эти формальности? — не понял я.

— Если погибнешь, не дай Бог, потом родственники как пенсии и пособия получать будут? — резонно спросил полковник.

Ну, логично. Только вот сильно сомневаюсь я, что надо думать настолько далеко...

Впрочем, по барабану. Подписал документы в нужных местах и пошёл фотографироваться.

— Сигару отложите, — попросил фотограф, когда я сел на стул.

— А, да, — спохватился я и опустил сигару. — Хотя с сигарой пафоснее как-то.

— Не по регламенту, — покачал головой фотограф. — Замрите и лицо посерьёзнее.

Вышел я уже с распечатанными фотографиями, 3×4, три штуки.

Сигара дымила одуряющим ароматом, прямо чувствовал, как мою одежду пропитывает запахом Кубы.

На фоне слышна приглушённая стенами здания канонада. Артиллеристы вкалывают как проклятые.

— Всё, оформлен и сегодня же будешь занесён в картотеку, — заулыбался полковник, лично вклеив мою фотографию в личный лист. — После обеда будь готов — поедешь на артиллерийский остров, там у нас «Коалиции» стоят. И держи своё оружие. АК74М, подсумок с четырьмя магазинами.

— А сейчас куда? — спросил я, принимая своё оружие.

Чёрный автомат прислонил к стенке, а затем снял ремень. Вдеваю ремень в петли подсумка, с которого уже сорвали пластилиновую печать и наполнили боеприпасами, после чего надеваю изрядно потяжелевшую конструкцию обратно на пояс.

— Как куда? — удивился полковник. — На обед!

По дороге в кафе, где развернули столовую, я позвонил бабушке.

Сказал, что всё в порядке. Она отреагировала сдержанно, хотя посетовала, что зря уговорила меня идти к военным — теперь, после моего противостояния с тигром, эта идея уже не казалась ей выигрышной. Но я ответил, что сам принял это решение и ни о чём не жалею. Тут как-то побезопаснее, чем шастать по городу в одиночку.

Женщина на раздаче блюд посмотрела на меня как-то странно и недоверчиво, но выдала тарелку с тремя котлетами и пюре.

— Эй, это же он! — воскликнул некий женский голос, когда я уже пошёл к ближайшему столу.

Опять эти последствия известности...

— Дмитрий! — окликнули меня.

Поворачиваюсь в сторону раздаточной. За соседними столами сидят военные, мужчины и женщины, они тоже удивлены нештатной ситуацией.

Источником звука была та самая женщина на раздаче. Рядом с ней стоит девушка в поварской униформе.

— Да? — спрашиваю я, отрезав ложкой кусок котлеты и погрузив его в рот.

Котлеты, если быть честным, приготовлены недурственно.

— Вы же Дмитрий Верещагин, да? — спросила девушка-повар.

Ростом она около метра шестидесяти, стройная, я бы даже сказал, что спортивная, с карими глазами, маленьким прямым носом, чёрными волосами, закрытыми сеткой, а также с таким вечно удивлённым выражением лица. Или она сейчас реально удивлена меня увидеть.

По глазам её вижу, что она меня узнала, но, видимо, ей трудно поверить, что таких как я можно просто так встретить во время зомби-апокалипсиса. Творческие личности умирают первыми, ибо не приспособлены ни к чему... За редким исключением.

— Он самый, — прикрыв глаза, кивнул я.

— Можете дать автограф? — умоляюще уставилась на меня девушка.

— Да, конечно, — ответил я и со вздохом встал из-за стола.

Вновь подхожу к раздаче и ожидающе смотрю на фанатку. Та быстро сбегала на кухню и принесла дневник с красной обложкой и чёрный маркер.

— Кому? — спросил я.

— Даше, — пискнула повар.

— Даше, от Дмитрия Верещагина, с наилучшими пожеланиями... — написал я, проговаривая слова вслух. — Котлеты — полный улёт.

В конце нарисовал сердечко.

— Спасибо большое! — счастливо заулыбалась повар Даша. — Я смотрела все ваши постановки! Ваша игра безукоризненна!

О, а вот это было очень приятно. Не за насквозь коммерческий «Бес», а за театр — нет большего признания для актёра. Кино — это работа огромной команды, а в театре — лично твоя.

— Я признателен вам за столь высокую оценку моей работы, — изобразил я полупоклон. — К сожалению, временно не выступаю.

— Будет ещё спокойное время! — уверенно произнесла Даша. — Приятного аппетита!

— Спасибо, Дарья, — улыбнулся я и пошёл обратно к столу.

Санкт-Петербург — это особый город. Здесь театр на равных конкурирует с футболом.

Сажусь за стол и начинаю, наконец-то, есть. Но не успел скушать и половины пюрешки, как вновь подошла Дарья.

— Мы совсем забыли, — произнесла она. — Положено сигареты выдавать как табачное довольствие. Но сигарет не осталось, поэтому только сигары, вот.

Она положила на стол упаковку «Монтекристо Эспешл». Мир решительно сошёл с ума. Пятьдесят штук рублей за упаковку — я покупал такие на день рождения своего менеджера. Он очень их хвалил. И я до сих пор считаю, что курить такие сигары — это беситься с жиру.

— И много у вас этого добра? — поинтересовался я, подвигая упаковку к себе.

Двадцать пять сигар, в деревянной коробке. И они выдают их упаковками, мать их жена Рокфеллера...

— Да, КамАЗ целый отгрузили, — ответила Даша. — На складе нашли, говорят, пока южная окраина города ещё была нашей... Бросать было жалко, поэтому вывезли всё, что там было.

— Ясно, — вздохнул я. — Чтобы тебе веселее жилось: вот за такую коробку, ещё четыре дня назад, Даша, пришлось бы отдать пятьдесят тысяч рублей.

Вновь я сумел вызвать её удивление.

— Сколько?! — воскликнула она.

Окружающие люди и так без стеснения слушали наш разговор, поэтому её восклицание не вызвало никакой реакции. Но, как я заметил, мои слова вызвали нешуточное удивление вообще у всех.

— Вот за это? — она ткнула пальцем в упаковку сигар. — Их же курить невозможно!

— Уметь надо, — усмехнулся я, посмотрев на тлеющую сигару в пепельнице.

— Ох, жаль, но мне надо работать, — вздохнула Даша.

— Увидимся на завтраке, — улыбнулся я ей.

Но дообедать мне, всё равно, не дали.

Появились некие журналисты, с оператором. И они сразу увидели меня, начав съёмки сходу.

— Дмитрий, здравствуйте! — заговорила со мной девушка в военной форме, но явно гражданская.

— Здравствуйтесь...

И понеслась.

Оператор и журналистка неотрывно следовали за мной вплоть до момента торжественного награждения.

Стране отчаянно нужны герои, а тут я очень удачно подвернулся, вместе со своим подвигом.

Вручение происходило торжественно, но без оркестра — нет больше никакого оркестра, все под ружьём.

На сцене, где раньше проходили культурно-массовые мероприятия, мне на грудь повесили медаль «За боевые отличия», старшие офицеры, включая полковника Краснодубова, пожали мне руку и поочерёдно толкнули вдохновляющие речи перед личным составом и ополченцами, после чего был организован короткий фуршет. Без изысков, но очень трогательный, потому что напомнил мне уже фактически утраченный образ жизни. Всего три дня, но они изменили абсолютно всё.

А после фуршета, когда журналисты уехали, мне дали УАЗик и отправили на Артиллерийский остров.

Тут идти-то было меньше шестисот метров, но у армии свои порядки. Сказано пешком — идёшь. Сказано на машине — едешь.

А на Артиллерийском острове была своя атмосфера. Сюда ехали полные грузовики, а уезжали пустые. Снаряды и порох, порох и снаряды.

— Ты кто такой? — спросил меня измазанный пылью старший лейтенант Грабов А.А.

— Рядовой Верещагин, — представился я. — ВУС — наводчик САУ 2С3 «Акация».

— С «Коалицией» работал когда-нибудь? — спросил старлей.

— Никогда, — ответил я.

— Тогда будешь по ходу действия учиться, — ничуть не расстроился Грабов. — Стрелял из орудия когда-нибудь?

— Так точно, — ответил я.

— Значит, ещё лучше, — хмыкнул старлей. — Идёшь в распоряжение сержанту Бусину.

Ты один?

— Так точно, — ответил я.

— Вот же... — процедил Грабов с остервенением. — Мне десять надо, а не один. У нас тут пи...

Остаток слов он договаривал, уже возвращаясь к своей батарее.

— Да уж, — произнёс я и пошёл вслед за ним.

Орудия хреначили почти непрерывно, но я не вижу горки из гильз.

— Ага, картузное зарядание, — догадался я, увидев ящики с полыми тубусами.

Картуз — это артиллерийский метательный заряд, отправляющий снаряд адресату, полностью сгорая в процессе. Смутно припоминаю теорию, данную мне в армейской учебке: придумали, вроде бы, ещё во времена дульнозарядной артиллерии, использующей чёрный порох, потом сменили это дело на гильзы, а теперь опять возвращаются к истокам.

— Кто здесь сержант Бусин?! — спросил я, подойдя к ближайшей САУ.

— Последняя машина, — ответил изнемождённый артиллерист, выглянувший из боевого отделения.

— Понял, спасибо! — козырнул я и побежал к краю батареи.

Эти штуки, как я понимаю, «Коалиции-СВ», то есть самые новые и передовые артиллерийские системы. Я о них только слышал, но слышал, в основном, хорошее. Что они максимально автоматизированные и фактически являют собой артиллерию будущего, что там надо только три человека, которые почти никак не участвуют в процессе перезарядки, а сидят в корпусе от танка Т-90, переоборудованном под комфортную среду для ведения огня, без пороховых газов, духоты и тесноты.

— Ты тот самый новичок? — вылез из рубки САУ сержант с шевроном «Бусин Д.Д.».

Лет ему, если на вид, что-то около двадцати пяти, форма потрёпана.

— Так точно, — ответил я.

— Нормально разговаривай, — попросил сержант. — Как звать тебя?

— Дмитрий, — представился я.

— А меня Денисом зови, — назвал своё имя сержант. — И всю эту уставню даже не вспоминай — заманало меня уже.

— Понял, — кивнул я.

— Ты же Наполеон, типа? — поинтересовался Бусин. — А ещё в фильме каком-то играл, так?

— Да, — не стал я скрывать. — Автограф-сессия по окончанию инструктажа.

— Короче, — сержант достал из кармана пачку «Бонда». — На чём работал?

— «Акация», — ответил я ему.

— Значит, вообще в душу не рубишь, что за «Коалиция-СВ»? — спросил он, закуривая.

— Только слышал, — вздохнул я.

— Ну, нам не в контрбатарею играть, а отрабатывать по предсказуемым и малоподвижным мишеням, — махнул рукой сержант. — Но работа предстоит тяжёлая, больше, чем ты можешь вывезти, поверь. У нас, как раз, затишье, поэтому есть время для инструктажа. Айда за мной.

Мы направились к отдельной батарее САУ, рядом с которыми крутилась пара военных.

— Это Трофим, такой же, как ты, доброволец и служил непонятно где, — представил

Бусин усатого парня в кепке набекрень.

Одет Трофим был в «цифру», но из-под кителя выглядывала полосатая футболка. Наблюдался в нём лишний вес, но мужиком он был крепким, судя по тому, как легко он тягал немаленькие снаряды, передаваемые из КамАЗа. Лицо простоватое, усы чёрные, а на голове нет волос — выбрит наголо. Видимо, плешь одолевала, поэтому Трофим решил применить тактику «выжженной земли».

— Не непонятно где, а в ВДВ! — возмутился он, помещая снаряд в приёмную люльку орудия.

— Неважно, — сказал на это Денис Бусин. — Трофим уже усвоил, что да как у нас устроено, поэтому работать будешь с ним. Сейчас введу тебя в курс дела.

Сержант запрыгнул на борт САУ.

— «Коалиция-СВ», — указал он на машину. — Калибр 152 миллиметра, знакомый тебе габарит. Но дальше идут отличия. Перезарядка условно автоматическая, но это не совсем так, хотя это я позже объясню... Перезарядка, как я только что сказал, условно автоматическая, наведение по координатам, то есть целиться не надо: вбиваешь координаты и долбишь до победного. Это значит, что все твои навыки прицеливания из орудия здесь никому нафиг не сдались...

— Так поставили бы случайных людей, — удивлённо предложил я. — По координатам, думаю, любой дурак сможет.

— Дурак-то сможет, — не стал спорить Бусин. — Но оперативно принять координаты и скорректировать то, что не сможет мозг «Коалиции» — вот это и есть твоя работа. Ты же писю не теребил во время подготовки?

— Не теребил, — усмехнулся я. — Кое-что помню.

— Значит, останешься с нами надолго, — заключил сержант. — Когда пехота возбудится, начнётся жара — всякий раз, когда они лезут на землю мертвяков, начинается наша работа. Вчера, например, долбили по сотням координат с утра до ночи. Здоровый сон — забудь. Перерывы — забудь. Перекуры — только без отрыва от производства.

— А сейчас что за затишье? — поинтересовался я.

— Снаряды везут, — пожал плечами Денис Бусин. — Как приедут первые грузовички, начнём работать, поэтому давай-ка полезай в боевое отделение — буду просвещать тебя, нести светлое, нефилърованное.

Юморист, значит.

— Я маску надену, — сообщил я. — Мне так удобнее.

Надеваю маску и военная форма на мне преобразуется в привычный наряд Наполеона Бонапарта. Правда, шпаги 18 брюмера нет. Непорядок. Надо будет найти какой-нибудь аналог, чтобы не быть совсем безоружным.

Инструктаж занял около тридцати минут.

Правильно говорят, что технологии нас изнеживают. Допплеровские радары позволяют «Коалиции-СВ» производить выстрелы без пристрелки, так называемым огневым налётом, то есть корректировкой следующих выстрелов ещё в процессе полёта первого снаряда. И этот метод позволяет накрыть цели почти одновременным падением снарядов. А на «Акации» мы пристреливались, считали траектории...

Скорострельность у этой штуки около шестнадцати выстрелов в минуту, что вообще форменное безумие. Сокрушительное оружие, предназначенное для ультимативного подавления вражеской артиллерии и живой силы. Фугасы «Коалиция» отправляет на сорок

километров, а ведь есть ещё управляемые снаряды, летящие на все семьдесят. Но мы только фугасами можем достать до любого уголка Петербурга, потому что Артиллерийский остров выбран командованием не просто так.

Но самое интересное: в боевом отделении у наводчика есть монитор с картой, на которой надо просто нажать на нужные координаты и «мозг» САУ сам произведёт все расчёты и тебе останется только открыть огонь. И перезарядится орудие само... Зачем я здесь?

— Теперь о том, почему эта машинка условно автоматическая, — вспомнил Бусин. — Потому что боекомплект тут всего семьдесят снарядов, больше аппарат не принимает. И когда заканчивается бэка, вот тогда-то и начинается секс. Грузовиков с автоподачей на всех не хватает, а боевые задачи выполнять надо, поэтому приходится грузиться вручную. Мой тебе совет: спину держи прямо, иначе отправишься в лазарет, а тамошний кудесник не умеет лечить повреждения позвоночника.

— Буду помнить твой совет, — кивнул я. — Да, не этого я ожидал, когда подписывался на артиллерию.

— Ещё не раз пожалеешь, что не пошёл в пехоту, — усмехнулся Трофим.

— Бэка на подходе, — донеслось из рации сообщение от старлея Грабова. — Пять минут, ориентировочно. Всем приготовиться к физкультминутке.

— Ох, ядрёна вошь... — пробурчал сержант, разминая руки.

Глава 10. Богиня войны

/6 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Артиллерийский остров/

«Говорит „Буерак-7“! Квадрат 316-3, 317-3, 318-3! Крупное скопление, разбомбите, нахрен, всё! Без вас нам кранты, пацаны!»

— «Карамба-4» на связи. Принял, «Буерак-7», — устало ответил я. — Отработаем.

Сержант Бусин не соврал — артиллеристам, несмотря на всю хваленую автоматизацию «Коалиции-СВ», живётся несладко.

Я, чисто умозрительно, представил картину, как мы выстреливаем такое же количество снарядов из «Акации» или даже из более современной «Мсты-С»... Мы сломались бы гораздо раньше машин.

А тут, пока снаряды в боеукладке, не работа, а сплошное удовольствие — наводишь по координатам, выстреливаешь серию, получаешь новые координаты, выстреливаешь серию. И пока у нас относительно спокойная обстановка, на местах творится ад. К нам прислали отделение с разведывательными дронами, чтобы мы могли ещё и сами выбирать себе цели, поэтому результаты работы мы видели наглядно.

В дополнение к видению результатов артобстрелов мы видели истинную картину происходящего шиздеца. Ходячих мертвецов уже миллионы, мы даже близко не побеждаем, а наоборот, сокрушительно проигрываем, несмотря на все наши сверхусилия.

У нас нет оружия, рассчитанного на реальное уничтожение миллионных орд противников. Пехота упорно наступает, бронетехника крутит мертвецов в фарш, но победы всё не видать. И не будет её, судя по всему...

Вчера и позавчера было лучше, потому что ещё имелись штурмовики и вертолёты, но их перенаправили на Москву, потому что там ситуация десятикратно хуже, чем у нас — население Москвы что-то около двенадцати миллионов, а у нас «всего» пять. Не считая, конечно, Ленинградской области, которая даёт ещё два миллиона потенциальных зомби.

И даже если не было бы Москвы, склады бомб и ракет показали дно, потому что мы хоть иногда спим, а лётчики вообще не спят. Я думаю, их пичкают «веществами», потому что иначе такую продуктивность не объяснить.

Командование расплывает силы, потому что задача стоит спасти как можно больше гражданских, что достигается интенсивным истреблением мертвецов.

И было бы шикарно, если бы зомби умирали от любых осколков, перерезающих кровеносные сосуды или разрывающих внутренние органы...

Но практика показала, что большая часть осколочных ранений для зомби несмертельна, поэтому они поднимаются после огневых налётов и продолжают брести к позициям пехоты.

Радует, конечно, что близкие разрывы, благодаря фугасным эффектам, надёжно уничтожают любого мертвеца, потому что задевают мозги. И всё равно, эффективность артиллерии слишком низка, чтобы надёжно отсекал орды мертвецов. Приходится утюжить квадраты троекратно, но даже так гарантий никаких.

Впрочем, лучше так, чем никак.

— Квадрат 316-3, — пробормотал я, ожидая, пока «мозг» начал выставлять прицел. — Посылочка... пошла!

Орудие сделало первый выстрел — автоматика зарядила новый снаряд и картуз, о чём

оповещала в режиме реального времени. Следующий пошёл, за ним ещё один, потом ещё один.

— Квадрат 317-3, — вбил я новые координаты. — Поехала!

Снаряды отправились по адресу.

— Квадрат 318-3, — внёс я очередные координаты. — Понеслась!

Пушка, ресурс которой, судя по всему, уверенно движется к исчерпанию, ведь нельзя так интенсивно палить, без нареканий отправила серию осколочно-фугасных снарядов на семь километров. Цели на юге, идут к Обводному каналу, заполонив своей массой железнодорожный узел, что у вагонного депо № 8.

— Илья, что там по результатам?! — крикнул я в люк.

Тот упитанный ополченец, как оказалось, увлекался гражданскими дронами, поэтому был определён в отряд дроноводов, приданных к нашему маленькому, но очень затраханному коллективу артиллеристов.

Трофима, с которым я начинал день, отправили в соседнюю батарею, оставив меня одного. Мотивировали это тем, что со мной дронвод Илья, поэтому мы должны справиться и так.

— Есть поражение! — донеслось до меня снаружи. — Упало кучно, как всегда! Только бестолку! Баррикаду прорвали!

— Сука!!! — заорал я, в бессилии шарахнув кулаком по броне, а затем ещё и ещё. — Сука!!! Сука!!!

Какой вообще смысл стрелять?!

Группа «Буерак-7» должны были прикрывать «Фалангу-2», направленную на подрыв ЖД-мостов через Обводной канал. Мы пытались долбить их из артиллерии, без особого эффекта, поэтому командование сочло, что единственный шанс — отправить инженерную группу, ведь снаряды в дефиците, а артиллерия ещё нужна вообще везде. Обещали решить что-то с помощью самолётов, но, видимо, не получилось.

Это наша тактика — рвать мосты и снижать давление на островах. Мы вынесли все мосты на Фонтанке и истребили всех мертвецов в Летнем саду — трофейные отряды сейчас ищут боеприпасы и съестное, чтобы поддержать армию и гражданских. Мы, словно падальщики, копошимся в теле умирающего города...

Также специальные отряды вытаскивают гражданских из их убежищ, чтобы доставить на условно-безопасную территорию, где есть пища и медикаменты.

Если бы мы подорвали все мосты на Обводном канале, это значило бы изоляцию Центрального района, а также части Фрунзенского и Московского районов, но теперь об этом не может быть и речи.

Тысячи людей, хороших солдат, погибают ежедневно, отстреливая миллионы патронов, поступающих отовсюду — от городских запасов и трофейных команд до поставок морем и воздухом.

Централизованного командования, как выяснилось, нет, поэтому каждый регион сам отвечает за собственное выживание. Генерал-лейтенант Грозников получил от губернатора карт-бланш, но золотые первые дни, когда всё ещё можно было спасти город, оказались безнадежно упущены. Питер в агонии и в преддверии неотвратимой смерти. Только реки удерживают мертвецов от живых.

И так всегда — во мне вспыхивает гнев, а затем плавно переходит в отчаянье и депрессию...

— Илья, укладка на исходе, будь готов поддержать руками и позвоночником, — усилием воли заставив себя не думать о нынешнем положении, предупредил я дронавода.

— Жрать хочу... — пожаловался Илья.

— Скоро что-нибудь принесут, — обнадёжил я его, после чего посмотрел на часы. — Обед близок.

— И спать хочу, — продолжил ныть ополченец.

— На этот счёт обнадёживающих слов у меня нет, — вздохнул я. — Сам бы не отказался прилечь часов на десять.

«На связи „Лодырь-23“, „Карамба-4“, требуется поддержка кассетными по квадрату М229-1 и М229-2» — донеслось из рации.

— Это «Карамба-4», никак нет, «Лодырь-23»! — ответил я. — Кассетные кончились ещё вчера!

«Хоть чем-то дайте, у нас тут орда!» — последовал ответ. — «Они заблочили нас в автодилерском центре!»

Тут важно знать условные обозначения.

«Орда» — это свыше десяти тысяч заражённых. Но есть ещё «Тьма» — больше пяти тысяч, но меньше десяти, а также «Толпа» — больше тысячи, но меньше пяти тысяч. Остальные скопления мы за скопления не считаем, потому что пятьсот-шестьсот мертвецов может опрокинуть даже рота мотострелков или одна БМПшка.

Открываю карту города на планшете и сличаю указанные квадраты с расположением ближайшего автодилерского центра.

— Это «Карамба-4», никак нет! — зажимаю я тангенту рации. — Слишком близко — вас точно посечёт осколками.

«Центр сделан из говна, они шатают его!» — донёсся до меня ответ. — «Рухнет — нас и так сожрут. „Карамба-4“, не выёживайся, нам нужен коридор!»

«Карамба-4», это «Зоопарк» — включилось в переговоры руководство. — «Исполняй запрос! Приём».

— «Карамба-4», есть исполнить запрос, — ответил я. — Конец связи.

Они, похоже, не понимают, что их ждёт. Для крупных осколков и кирпичная стена не всегда преграда, а автодилерские центры делают из стального каркаса и обшивают его металлопрофилем с гипсокартоном. Это вообще ни о чём для осколков.

Пацаны запаниковали, хотят вырваться, но я-то понимаю, что им безопаснее оставаться там. Если зомби сумеют повалить здание, стоящее на железобетонных сваях, то мы вообще зря сопротивляемся...

«Это „Зоопарк“, „Карамба-4“, отставить огонь по квадратам М229-1 и М229-2!» — вновь донесла до меня рация.

— «Карамба-4» на связи, есть отставить, — ответил я, прекратив вносить координаты.

Вот такие отвлечения на паникующих — это жутко бесит.

«Промокашка-1». Мы всё», — раздался из динамика усталый голос. — «Квадрат Л56-4, похороните нас».

На фоне звучала интенсивная стрельба, хлопки гранатных разрывов, а также многоголосый хрип мертвецов. Смотрю на карту — Л56-4 — это квадрат на берегу Охты, там из зданий только заправка. Раньше таких вытаскивали, но на сегодня кончились вертолёт, а по суше деблокировать их просто некому.

«Карамба-3» на связи, «Промокашка-1», — последовал ответ. — «Сожалею, что так

получилось... Есть похоронить».

Полагаю, отряд был послан подрывать Комаровский мост. Результатов, судя по всему, нет. Вчера пробовали подрывать мосты по воде, на лодках, но мертвецы начинают прыгать с моста, потому что не думают о том, что же будут делать дальше. И некоторые из этой массы прыгунов попадают на лодки. Так мы потеряли три отряда. Но самое паршивое — некоторые упавшие мертвецы добираются до противоположного берега, что очень сильно напрягает вообще всех. От лодок пришлось отказаться и действовать с суши, пробивая коридоры до мостов артиллерией и танками. Но мертвецов слишком много.

А там, в оккупированных мертвецами районах, тысячи людей. Испуганные, запертые в своих квартирах, голодающие и изнывающие от жажды.

«Говорит „Мамалыга-8“, кто-нибудь из „Карамб“, организуйте по одному хорошему прилёту по квадратам С306-2 и С306-3», — поступил новый запрос.

— «Карамба-4», понял вас, «Мамалыга-8», — ответил я. — Скоро будет.

Вбиваю координаты и открываю огонь. Серия уходит в небеса.

Соседние САУ тоже работают непрерывно, каждая по своим целям. Концентрированный огонь командование посчитало избыточным, потому что у нас есть куча маленьких отрядов, выполняющих свои задачи, и каждому такому отряду нужна артиллерийская поддержка.

И да, первый мой день на позиции мы работали батареей, по одинаковым координатам, потому что тогда казалось, что лучше тщательно и качественно дезинтегрировать крупные скопления, а не задерживать их ненадолго. Лучшее — враг хорошего, поэтому мы теперь действуем точно.

«Птичка-3» на связи! Контра в квадрате Ш90-1!" — донеслось из рации.

Контрой военные называют людей со сверхспособностями, выступающими против всех. Банды суперов, у которых уже окончательно протекли фляжки, воюют и против мертвецов, и против нас. Перестрелки ожесточённые, ведь для нас эти ублюдки хуже мертвецов. Мертвецы хотя бы тупые, а эти неплохо соображают, несмотря на общую долбанутость.

— «Карамба-4» на связи, отрабатываю! — ответил я. — «Карамба-2», бэка на исходе, поддержи огнём!

«Это „Карамба-2“, принято!» — последовал ответ от коллег по цеху.

Шесть снарядов в укладке, поэтому надёжно прижечь задницы контре мне не удастся.

— Дрона вешай на «стенд-бай», скоро пойдём грузиться, потормоши чернораба! — крикнул я Илье.

Чернорабы — это мы так называем бойцов, приезжающих с грузовиком с РАВ-склада.
(1)

— Понял, сделаю! — ответил Илье.

Грузовик приехал минут двадцать назад — пацаны попросили дать хоть чуть отоспаться, потому что они уже четвёртый день на ногах. Я не начальник, мне по барабану, пусть спят.

Шесть снарядов ушло. Посыльный со склада сообщал, что на нашу крошку снарядов больше нет, но в трёхстах метрах стоят орудия «Мста-Б», к которым есть порядочно боекомплекта.

И, вроде бы, калибр тот же у пушек, но «Коалиция-СВ» имеет одну особенность, препятствующую унификации боеприпасов. И особенность эта называется СВЧ-взрывателем. Да, в этой САУ стоит настоящая микроволновка, позволяющая метательному

заряду детонировать одномоментно, что позволяет выгореть ему полностью и передать снаряду максимум кинетической энергии. Ещё это сильно минимизирует образование нагара в стволе, потому что несгоревшего пороха попросту не остаётся. Именно эта особенность требует особых зарядов, которые, увы, закончились.

— Ходу! — крикнул я, рывком выпрыгивая из боевого отделения. — Время не ждёт!

В темпе фламенко начали грузить тяжеленные снаряды и метательные заряды в конвейер.

Изначально у нас был аппарат, позволяющий кантовать снаряды из кузова на конвейер без физических усилий, но они, как оказалось, очень быстро выходят из строя, когда ты долбишь из орудия почти без продыху. Поэтому мы уже второй день работаем ручками. Зато семьдесят снарядов загрузил — «отдыхай» при стрельбе, а затем снова ручками-ручками.

Конвейер жужжал, поглощая снаряд за снарядом, а я чуть ли не подпрыгивал в нетерпении. Если контры зашевелились, значит, жди беды. Они не ходят и не подставляются просто так.

Нам дали чёткий приказ — нелояльных суперов валить всеми доступными способами. Если у тебя есть задачи, но где-то вылезла контра, бросаешь всё и фокусируешься на полном уничтожении ублюдков. Там такие фрукты попадают, что жопа покрывается испариной. Точно знаю об одном мразише, поднимавшем мертвецов. Причём от зомби они не отличаются, зомби их принимают за своих, но команды эти поднятые выполняют именно поднявшего их супера.

Прозвали ублюдка Некромантом, пытались кончить его всем, что у нас есть, но мразиш слишком умён, чтобы подставляться под артиллерию и нехитрые засады.

А ещё у него, помимо послушных мертвецов, есть взрывчатка с дистанционным подрывом. И он хорошо понял концепцию дронов-камикадзе. Только его дроны были, скажем так, мясными.

Потеряли два танка и сорок девять человек.

И эта скотина всё ещё где-то в городе...

— Всё, готово! — выкрикнул я, когда шестьдесят седьмой снаряд ушёл по конвейеру. — Пацаны, везите снаряды к «Мсте-Б».

— Понял, — кивнул чернораб и запрыгнул в кузов. — Поехали!

Я вернулся в боевое отделение и отжал тангенту рации:

— «Птичка-3», это «Карамба-4», статус заказа!

«Говорит „Птичка-3“! Размазали контру по асфальту!» — последовал ответ. — «Мертвяки всё доделали! Отличная работа!»

Так и живём.

Следующие двадцать минут отработывали по бесконечным «заказам».

За артиллерийское уничтожение мертвецов прироста могущества нет, я не знаю точно, в чём именно дело, но, видимо, надо либо стрелять, либо резать, лицом к лицу, с намерением.

И с этим связано одно открытие, очень интересное. Ребята, валящие мертвецов из автоматов и пулемётов, тоже чувствуют прирост могущества. Узнал я об этом случайно, ненароком подслушав один разговор, происходивший ночью, когда я «отбился» (2) на пару часов.

Люди, даже не получая сверхспособность от шарика, всё равно становятся сильнее и быстрее, убивая массы мертвецов. Причём некоторые из солдат, особо преуспевшие в деле истребления зомби, уже приблизились по физическим характеристикам к олимпийским

атлетам — для кого-то стало ерундой подтянуться на перекладине семьдесят-восемьдесят раз, хотя до всех событий их пределом было раз двадцать, а кто-то вообще перестал задыхаться при беге на сверхдальние.

— А я, тем временем, сажаю алюминиевые огурцы... — пробурчал я, вбивая новые координаты.

Нет, КПД у меня выше, чем у любого стрелка, хоть с автоматом, хоть с пулемётом, но это не идёт в зачёт, поэтому от гибели мертвецов я получаю моральное удовлетворение и только.

Двадцать минут — ровно на столько хватило нашей боеукладки. И это ещё нормально получилось, растянул удовольствие, можно сказать.

— Прощай, красотка... — похлопал я «Коалицию-СВ» по бронированному корпусу. — Прощай навсегда.

«Коалиция-СВ» отработала сполна, до последнего снаряда. А теперь пришла пора вспоминать свои полузабытые навыки наводчика.

Помчались к «Мсте-Б», ожидающей своего часа с огромным боекомплектom.

«Мозгов» у этого орудия нет, потому что это классическая пушка-гаубица, где роль мозгов играет живой человек.

— Наконец-то отработали! — оглянулся на меня сержант Бусин. — Вы только вдвоём, потому что у меня нет лишних людей. Справишься?

Два человека в расчёт дивизионной пушки-гаубицы — это несмешная шутка. Мы сдохнем от усталости и не добьёмся никаких особых результатов.

— Ты хочешь, чтобы мы поскорее затрахались? — спросил я.

— Могу вызвать кого-нибудь из левых людей, — предложил Денис Бусин. — Только сам будешь его дрессировать. Втроём справитесь?

— А куда деваться? — вздохнул я. — Илюха, к аппарату! Деня, зови человека, хотя бы заряжать будет! А мы, пока что, так постреляем...

Заряжаем осколочно-фугасный, с пятью мешочками пороха в гильзе. Получаю информацию о новой цели, спешно вспоминаю всё, чему учили в армии, после чего навожу орудие.

— Готовь на старт следующий снаряд! — предупредил я Илью. — Готов? Выстрел!

Херакнуло так, что аж уши заложило. Орудие же лягнуло землю, врыв противооткатные упоры во влажный грунт. Вчера был лёгкий весенний дождик, а сегодня с утра туман и мрачная непогода, но без дождя, и то спасибо.

Бусин позвал кого-то, но обещали найти человека в течение часа. Людей не хватает вообще везде, поэтому есть шансы, что никого так и не пришлют.

Воняет артиллерийским порохом — я его уже нанюхался на всю жизнь, но продолжаю им дышать. Уже тошнит от него...

Илюха пребывает в обалдении, потому что «Коалиция-СВ» так не «бумкала», как это делает «Мста-Б».

Да уж... «Мста-Б» — это суровая мадмуазель, требующая к себе особого отношения.

За час сделали лишь тридцать выстрелов, потому что сильно не хватало ещё одного, а лучше двух человек в расчёт.

— ... стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы... — бормотал я текст военной присяги, заталкивая снаряд, весящий сорок три килограмма, в приёмник. — Давай метательный!

Илья, одуревший от усталости, передал мне метательный заряд в гильзе. Вкладываю заряд в приёмник и досылаю его банником.

— Какие координаты были? — не смог я вспомнить.

— Я ни хрена не слушал вообще... — признался Илья. — Блин, хочу сдохнуть...

— Успеешь ещё, — грустно усмехнулся я. — Отвались пока на перекур, я сам постреляю.

— Э, не, я ещё могу... — вскинулся Илья.

— Делай, что дядя говорит, — покачал я головой. — Отвались на ящик, двадцать минут тебе на перекур.

И никого, мать их, не прислали. За час мы вдвоём полностью заманались тягать тяжести, я-то ещё пару-тройку часов так могу, а Илюха уже сейчас почти никакой...

— «Карамба-4» на связи, — произнёс я. — «Буерак-7», повтори координаты. Приём.

«Это „Буерак-7“ говорит», — заговорила рация. — «Повторяю: координаты — Ш75-4, контры».

Меня чуть шатает от усталости, смотрю на Илью — отключился сразу же, как упал на ящики. Что ж, надо работать.

Смотрю на планшет, вбиваю координаты и начинаю считать. Калькулятор в мобиле сильно помогал, хотя формулы я вспомнить смог не сразу, обратившись за подмогой в интернет.

После перехода на «Мсту-Б» качество накрытия целей резко упало, потому что мне нужно было приноровиться и отвыкнуть от комфорта «Коалиции».

И всё равно, цели были настолько огромными, что промахнуться по ним сложно. По четвертям квадратов попадать, конечно, не получается, но накрытие я обеспечиваю. Маска помогает — Наполеон прирождённый артиллерист, оказавшийся в собственной стихии.

Любопытно, что, в последние дни, слегка ослабло воздействие маски на мой разум.

Возможно, это связано с тем, что я дал то, что ей было нужно: я оказался в комфортной для Наполеона среде, то есть в вооружённых силах, но не просто в вооружённых силах, а в артиллерии, столь обожаемой императором Франции. И это чувствовалось даже в том, что я до сих пор не выбился из сил. Должен был давно, потому что сделал слишком много для простого смертного, но продолжаю упорно засылать тяжеленные снаряды в казённую часть «Мсты-Б», получая эстетическое удовольствие оттого, что пушка-гаубица стреляет и попадает в цель.

— «Карамба-4», посылка ушла, приём... — прошептал я в рацию.

«Есть попадания!» — донеслось из рации. — «Накрыл всех! Респект, „Карамба-4“, от всех нас!»

Волна позитива, исходящая от этого человека, радующегося тому, что контру в квадрате порвало на куски, заставила меня сдержанно улыбнуться.

Это придало мне сил и я начал отрабатывать по новым координатам. Там были мертвецы, жмущие танкистов, поэтому пришлось потеть и стараться, ведь был высок риск поразить своих. Знаю, что танковой броне ничего не будет, но если разобьёт гусеничные траки или раздолбает двигательное отделение, то танкисты окажутся в ловушке.

— Илюха, подъём! — крикнул я. — Нужен дрон на квадрат Г44!

Ополченец вскочил ещё в состоянии сна, но быстро проснулся и вылупил на меня удивлённые глаза.

— Дрона, говорю, тащи на квадрат Г44! — повторил я приказ.

— Понял, — кивнул Илюха, который явно не уложился в отдых за двадцать три минуты. — Сейчас сделаю.

— «Карамба-4» у микрофона, ожидаю прибытия дрона на место действия, — сообщил я по радиации. — Как принял «Спица-1»?

«Это «Спица-1», — раздался приглушённый голос. — «Понял, ожидаем!»

Приехал новый грузовик со снарядами, поэтому пока Илья гнал дрона в нужное место, я помогал солдату с РАВ-склада тягать ящики из КамАЗа.

— Это сраная шрапнель, — открыл я один из ящиков. — Зачем вы это привезли?

— Грузим то, что дают, — развёл руками солдат.

— А, ладно, хрен с ним, — махнул я рукой.

— Я на локации! — сообщил Илья.

— Давай сюда, — подошёл я к нему и взял планшет.

Так, колонну танков обжали у Планетария, на набережной Обводного канала. Мне не докладывают, но, похоже, что командование решило раздолбать Царскосельский железнодорожный мост бронетехникой, раз не получилось диверсантами.

— Надо пристреляться, — пробормотал я, подходя к прицелу. — Четыре с половиной километра до цели, ветер...

Смотрю на метеоданные с развёрнутого на крыше артиллерийского музея и начинаю высчитывать траекторию. Сейчас надо по-особому тщательно, поэтому трачу больше времени.

— Херак! — дёрнул я за трос и принял планшет с трансляцией.

Шесть секунд спустя, в толще мертвецов, облепивших головной танк, разорвался снаряд, разметав в стороны кровавые ошмётки, асфальт и грунт. Только сейчас обращаю внимание, что за танками, по линии их движения, стелется шлейф из крови и костей. Мертвецы, если уж какие-то соратники безвременно покинули этот мир, не брезгают их плотью, поэтому догрызают всё, что оставили снаряды и танковые гусеницы. Мерзко, но таковы наши реалии.

Нет, всё-таки, красиво положил пристрелочный, поэтому надо внести лишь незначительные корректировки.

Отправляем снаряд за снарядом и выносим мертвецов крупными партиями. Пусть максимальный ущерб лишь в радиусе трёх-пяти метров от разрыва, но даже так, ломая кости осколками, мы делаем мертвецов более безопасными.

Пришлось потратить двадцать снарядов, каждый из которых лёг ювелирно, не задевая бронетехнику, но зато из блокады телами освободилось целых три танка, а дальше в ход пошли осколочно-фугасные снаряды и пулемёты.

«Это „Спица-1“, „Карамба-4“, спасибо за концерт!» — донеслось до меня из радиации.

— «Карамба-4», всегда пожалуйста! — ответил я. — Берегите себя, «Спица-1».

И так весь день.

Хвалёная мощь армии оказалась бессильна против орд мертвецов.

Получалось, конечно, не как в фильмах о зомби-апокалипсисе, где армия резко куда-то девалась или выпиливалась мертвецами за считанные часы, но наши организованность и огневая мощь всё равно не способны пересилить численное превосходство противника.

Есть дезертиры, которые не вывозят окружающего нас кошмара, но основная масса знает, зачем мы здесь и почему продолжаем держать в руках оружие. Ради людей.

Не ради некоего метафизического человечества, а ради конкретных людей, жителей Ленинградской области, Питера и сопредельных областей, куда направятся мертвецы сразу

же, как последний автомат последнего солдата перестанет отправлять в их сторону смерть.

— Ох, моя спина... — простонал я, опускаясь на ящик из-под метательных зарядов.

«Нужна огневая поддержка в квадрате Б33-4, „Карамба-4“, „Карамба-3“ и „Карамба-2“ — окажите содействие» — донёлся из рации приказ.

— Вот теперь я начал уставать... — пробормотал я, совершая сверхусилие, чтобы подняться на ноги.

/7 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Артиллерийский остров/

— ... сдох? — донеслось до меня.

Открываю глаза и вижу двоих ребят в свежей и чистой форме. На вид им по восемнадцать-двадцать, а может и по шестнадцать — плохо разбираюсь в сортах молодёжи.

— Вы кто такие? — спросил я, садясь. — Илюха, ты где?

А, Илья лежит в паре метров, на трёх коробках, укрытый ватником, найденным ещё пару дней назад внутри нашей «Коалиции-СВ».

— Мы? — спросил один из них, вооружённый АКМ. — Нас отправили сюда помочь с артиллерией.

— Вас? — скептическим взглядом осмотрел я долгожданных помощников.

Увы, эти ребята не выглядели крепкими. Тощие зумеры, катающиеся на самокатах, слушающие во дворах Блютус-колонки, вот кого мне прислали.

— Снаряд поднять сможете? Хотя бы вдвоём? — спросил я с сомнением. — Сука, который час?

Поднимаю руку и вижу, что семь утра. Сколько я спал? Час? Два? Хочу верить.

— Сможем, — не очень уверенно ответил один из «подкрепления».

— Как звать? — спросил я у него.

— Вадим, — представился он.

Ростом где-то с меня, то есть около метра восьмидесяти, но по массе сильно уступает, поэтому я сомневаюсь, что эти тонкие ручонки способны поднять сорок три с половиной килограмма. Голубоглазый, русоволосый, взгляд наивный, совершенно не уверен, что находится сейчас на своём месте.

— Игорь, — представился второй парень из «подкрепления».

Этот ниже меня ростом и, кажется, худее, чем Вадим. В этом я даже не сомневаюсь — он точно не сможет поднять снаряд в одиночку. Этому даже не подстригли, поэтому из-под форменной кепки торчат чёрные патлы. Глаза карие, кожа смуглая и физиономия отдаёт чем-то азиатским — то ли из обрусевших татар, то ли из моих родных краёв.

— Так, ребята, — поднялся я на ноги. — Есть что-нибудь пожрать?

— У меня чипсы есть в рюкзаке, — произнёс Вадим.

— Давай, — протянул я руку. — Нам так и не привезли ничего перекусить, Илюха вон, опух от голода и лежит без сил.

Захрустел любезно предоставленными чипсами. От соблазнительного хруста пришёл в себя Илья, поэтому пришлось делиться.

— Ох, убить готов за котлеты из столовки... — произнёс ополченец, активно работая челюстью.

— Надо разобраться, а чего это нас с ужином прокатили, — устремил я взор в сторону зоопарка. — Игорь, слетай туда, заодно и на вас двоих чего-нибудь прихвати.

— Что мы будем делать? — спросил Вадим, когда Игорь пошёл к мосту с Артиллерийского острова.

— Как только привезут снаряды, будем стрелять, — ответил Илья. — И так до тех пор, пока не сдохнем.

— А потом? — спросил Вадим.

— А потом рай или ад, — усмехнулся я. — Илюха не шутит, единственная наша задача — вести огонь по передаваемым координатам. Наводить буду я, Илюха на дроне, а вы будете тягать снаряды. Работёнка потная, но вас двое.

— Да, лучше такие, чем никакие, — произнёс Илья, оглядев Вадима с ног до головы. — Ты бы знал, как мы тут...

«На связи „Барабан-9“, нужна огневая поддержка у станции Спасская!» — донеслось из радиации.

— Умный самый, сука? — процедил я гневно, зажимая тангенту. — Уронил рацию и побежал от неё, роняя кал, а то сейчас по твоим координатам зажигательных огурцов накидаю!

— Это он чего? — спросил Вадим, с опаской посмотрев на меня.

— Это контра, — ответил Илья. — В сетке координат не шарят совсем, позывной несуществующий — значит, сняли рацию с кого-то из наших. Думают, что мы тут клейнюхаем и нас можно так легко обмануть.

Вытаскиваю сигару из подсумка и срезаю с неё кончик. Ещё со мной поделились мощной зажигалкой, будто специально сделанной для прикуривания сигар.

— М-м-м, ништяк... — прошептал я, выпуская облачко дыма.

— Ты садись на ящик, успеешь ещё постоять, — указал Илюха Вадиму.

Игоря не было минут пятнадцать. Но зато он приволок прозрачный контейнер с наваристым борщом.

— Коллеги, прошу к столу! — крикнул я ребятам из соседних орудий. — Столовые приборы иметь свои!

Два раза говорить не надо. Пришёл даже сержант Бусин, выглядящий как ходячий мертвец. Никто не говорил, все были в том состоянии, когда снаряд в казённый затолкать легче, чем связать пару слов.

Разливаю пищу богов по котелкам. Контейнер быстро показал дно, но я наклонил его и соскрёб половником картофель, лаврушку и листья капусты с луком, после чего распределил всё это по ожидающим котелкам. Теперь можно есть.

Вот так навернёшь борща — всё нипочём. Борщ насыщает тело и согревает душу.

— Вера в человечество восстановлена, — произнёс я, допив остатки борща в своём котелке.

Силы действительно восстановились, но не так, чтобы как в исходном состоянии.

Тем не менее, я почувствовал, что снова готов к труду и обороне. Только вот снаряды всё не везут и не везут...

— Говорит «Карамба-4», — активировал я рацию и переключил её на двенадцатый канал. — Где снаряды, мать вашу?

«На связи «Зоопарк», — сообщило радио. — «Не будет больше снарядов. Личному составу расчётов явиться в штаб».

Примечания:

1 — РАВ — ракетно-артиллерийское вооружение. Вопреки аббревиатуре, подразумевающей хранение только ракет и снарядов, на РАВ-складах хранят патроны, гранаты, гранатомётные выстрелы и прочий военный мерчендайз.

2 — «Отбиться» — словечко из армейского сленга, означающее лечь спать после команды отбой или, в более широком смысле, вообще лечь спать.

Глава 11. Марсово поле

/7 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Ленинградский зоопарк/

В конференц-зале, где администрация зоопарка когда-то проводила брифинги и прочие собрания, скопилась вся наша артиллерийская камарилья и почти все представители штаба. Вопрос обсуждался крайне важный, потому что от наших орудий зависела мобильность всех действующих подразделений.

— РАВ склады опустели, а те, что не опустели — подорваны диверсантами контры, — огорошил нас полковник Краснодубов. — У вас есть то, что осталось, больше ничего не будет.

— Да как так-то?! — возмутился я. — Контра совсем охренела!

Они совсем охренели! Как можно быть такими неблагодарными скотами?!

— Что у вас по боекомплекту? — спросил полковник, проигнорировавший мой спич.

— Привезли шрапнель, её хватит на пару часов обстрела, — ответил старлей Грабов. — Потом автоматы и штыки.

Полковник прошёл к проектору и сдвинул его шторку.

На белом полотне проявилась картинка с видом с высоты птичьего полёта: я, за последние дни, вдоволь насмотрелся на карту города, поэтому легко узнал Обводный канал. И то, что я видел, меня совсем не радовало. Более того, это меня пугало.

— Вчера ночью мы подорвали мосты и изолировали всё к северу от Обводного от потока мертвецов, — сообщил полковник. — Но теперь мы столкнулись с проблемой, решения которой я не вижу. И никто не видит.

Дрон, транслирующий вид с неба, позволял нам в деталях разглядеть орды мертвецов, заполонившие канал и перебирающиеся на северный берег. Столько людей погибло, чтобы взорвать эти мосты...

— Канал оказался слишком узким, чтобы остановить передвижение противника, — продолжал Краснодубов. — Есть надежда, что Неву они форсировать не смогут, но вот за Фонтанку я ручаться не берусь. Нам не хватает времени на эвакуацию всех гражданских, поэтому вы идёте на зачистку Летнего. Там ещё много людей.

— А куда гражданских? — спросил я.

— Баржами везём в Кронштадт, — ответил полковник. — Оттуда, если всё получится, морем повезём в Готланд.

— Готланд? — недоуменно спросил я.

— Это крупный остров в Балтийском море, — ответил Краснодубов. — Там, если верить сведениям от авиаразведки, полно местных, но они будут вынуждены потесниться.

Первая хорошая новость за всё время — нам есть, куда бежать. Правда, я понятия не имею, что делать на острове, население которого настолько резко увеличится. Еды там, однозначно, мало, а организацией снабжения будут заниматься военные, которых обстоятельства заставят часто высаживаться на континент и вступать в бой с ордами зомби. Перспектива, честно сказать, так себе.

Впрочем, если сравнивать с нынешней ситуацией, то перспективы Готланда выглядят даже как-то обнадеживающе.

— Два расчёта, Грабов, держи на острове, — продолжал полковник. — Сколько

сможете поддерживать контратаки?

— Если только два расчёта, то бэка хватит до конца дня, — ответил старлей Грабов, а затем оглядел всех подчинённых. — Татаринов, Бурин — ваши расчёты остаются, остальные — за мной.

Значит, шрапнелью пострелять мне не суждено. Впрочем, не сильно-то и хотелось, потому что мы уже надёжно установили её низкую эффективность против мертвецов. Шанс на то, что чугунная стрелка попадёт в голову зомби, как ни крути, довольно низок, а основной ущерб мертвецы получают от бризантного действия (1) близко взрывающихся снарядов, которые взбивают мозги мертвецов в заготовку для омлета.

Нет, бывает, что осколки срезают немёртвые головы, но, в основном, они либо повреждают конечности, либо бессмысленно застревают в туловищах. Последнее вообще никак не сказывается на боевой эффективности мертвецов. Хотя нет, иногда у них вываливаются кишки и бедолаги спотыкаются о собственную требуху, падая под ноги равнодушных попутчиков по орде.

В общем, шрапнель делалась против живых и эффективна она именно против них. Вообще, концепция готовых поражающих элементов призвана увеличить итоговый ущерб жертве, чтобы она точно сдохла на месте от болевого шока (2) или истекла кровью — мертвецы таких недостатков лишены.

Мертвецов лучше всего сжигать, но ничего зажигательного у нас нет. Были зажигательные бомбы, но лётчики уже своё отвоевали, израсходовав вообще всё, что было доступно.

Страшно подумать, сколько гражданских было убито случайно... И мной, и остальными...

Выходим из террариума и движемся вслед за старлеем Грабовым. Так и не узнал, как его зовут по имени, потому что обращался к нему исключительно «товарищ старший лейтенант».

Иду и чувствую атмосферу отчаяния, царящую вокруг. Три-четыре дня назад были хоть какие-то смутные надежды на то, что мы пересилим и одолеем, но теперь ничем таким и близко не пахнет.

Склад размещён в здании кружка юных зоологов, а выдача осуществляется из киоска с мороженым. Мороженое там больше не продают, зато можно бесплатно получить оружие и боеприпасы...

— Чем порадуешь? — Грабов обратился к интенданту, старшине Воробьёву Г.Л.

Это был крупный дядя, годов сорока, в выгоревшей и потрёпанной форме, с красными лицом и руками — скорее всего, проводил много времени под солнцем. Только где он нашёл солнце в Питере? Видимо, с юга прислали.

Кепка у него висит набекрень, а ремень почти на яйцах, но сейчас всем плевать на соответствие формы уставу.

— Боекомплектom загружу так, что ходить не сможете, — ответил старшина Воробьёв. — Но из серьёзного есть только РПГ-7, три штуки, двадцать «карандашей» к ним, а также четыре ПГ-7В.

Если не ошибаюсь, «карандаш» — это осколочная граната для РПГ-7, прозванная так за характерную форму, отдалённо напоминающую писчую принадлежность. Но мне непонятно, почему противопехотные гранаты лежат у интенданта невостребованными, тогда как кумулятивных гранат осталось всего четыре.

— Вижу немой вопрос на твоём лице, старлей, — невесело улыбнулся Воробьёв. — Но не советую брать «карандаши», потому что ребята на них очень громко и матерно жалуются.

— Бракованная партия? — поинтересовался Грабов.

— Если бы... — вздохнул старшина. — «Карандаши» плохо убивают заражённых, даже если бить прямо в толпу. Оказалось, что кумулятивные гранаты эффективнее, поэтому спрос основной на них.

— Совсем плохо? — спросил старлей.

— Не совсем, но плохо, — ответил Воробьёв. — Я сам не видел, но говорят, что если попадает в толпу и детонирует, то убивает максимум двадцать-тридцать, а это вообще ни о чём, не думаешь?

— Тогда в топку эти РПП, — махнул рукой Грабов. — Есть что-то ещё?

— Пока вы там снаряды метали, у меня тут проходила ярмарка оружия, — произнёс старшина Воробьёв. — АГСы разобрали за полчаса, за боеприпасы к ним чуть ли не дрались, за старый КПВ времён Сталина тут два майора чуть дуэль не устроили. Офицерский корпус, мать его ети... Пулемётов нет, гранатомётов нет, о реактивных огнёмётах я и не говорю даже. Зенитные снаряды 23×152 мэмэ должны были привезти вчера, но по дороге всё спёрли. Подпол мотострелковый приходил с утра, говорит, чтобы я рожал его заказ — а где я их возьму теперь?! Ворьё кругом сраное...

— То есть мы можем рассчитывать только на бэка к личному оружию? — спросил старлей.

— Чем богаты... — развёл руками интендант. — Зато их порядочно, по десять магазинов и по тысяче патронов в пачках на брата.

— Неси, — сказал Грабов.

— И РДшки сразу примете, — добавил Воробьёв, посчитав нас пальцем и скрывшись в киоске.

У него были заранее заготовлены рюкзаки десантников, набитые патронами.

Принимаю свой рюкзак и закидываю его на спину. Тяжёлый, но эту тяжесть с лихвой компенсировало осознание, что патронов у меня теперь навалом.

— Идём на карусель, — приказал старлей, когда все члены подразделения получили боекомплект.

На деревянной платформе, среди выкрашенных в яркие цвета коняшек и фиалок, не так давно катавших детей, мы расселись и начали набивать магазины патронами.

Когда остальные заряжали без разбора, лишь бы побыстрее расправиться с задачей, я подошёл к делу со всей ответственностью — первыми заложил пять трассирующих подряд, а дальше каждый третий патрон трассирующий. В неразберихе боя так будет легче корректировать прицел, а ещё я точно не пропущу момент, когда магазин покажет дно.

— Закончили? — оглядел нас старлей. — В колонну по двое, становись!

Всего нас тридцать четыре человека, все измотанные, половина вообще не до конца даёт себе отчёт в том, что происходит вокруг, но других людей нет.

Как-то подходил к нам с Ильёй сержант Бусин, просил показать технологию курения сигар. От него-то я и услышал, что у военных была своя история встречи зомби-апокалипсиса, сильно отличающаяся от той, которую пришлось пережить мне.

Началось всё у них во время четвёртого часа теоретических занятий, то есть в помещениях был максимум личного состава. Вот тогда-то и погибла основная масса военнослужащих. Даже если ты военный, ты не можешь быть готов к тому, что твои

сослуживцы, которых ты уже неплохо знаешь, вдруг резко превратятся в чудовищ, алчущих плоти.

Сценарии дальнейшего развития событий несколько отличались, но везде приводили к одному итогу — личного состава оставалось мало. Кто-то бежал, кого-то убивали случайно, а кто-то напрасно гиб, пытаясь образумить или остановить ходячих мертвецов. Там, где сразу начинали стрелять, как правило, удавалось сохранить больше боеспособных солдат.

Бусин утверждал, что были части, которые погибли почти в полном составе и на связь больше не выходили — это была работа для специальных групп, задачей которых было вывезти максимум оружия и техники из потерянных частей.

Может показаться, что уж военных никак не должно было так потрепать, но потрепало, потому что их не учили противостоять чему-то подобному.

— «Карамба-1» на связи, «Зоопарк», — нажал на тангенту рации старлей Грабов. — Поездом выдвигаемся на «Теплоту». Приём.

«Поездом» — условное обозначение «в полном составе», а «Теплота» — это остров Летний сад. Контры точно слушают эфир, поэтому пусть думают, что всё это значит.

«Это „Зоопарк“, „Карамба-4“, приняли», — сообщил динамик рации.

И мы пошли.

По Мытнинской набережной, мимо деревянного корабля.

— Как думаешь, можно свалить отсюда на этой штуке? — спросил у меня Илья.

— Это ресторан, — вздохнул я устало. — Там можно только поесть, но уже несвежее.

— Ха-ха, — хохотнул Илья, после чего вытащил из кармана пачку сигарет. — Будешь?

— Спрашиваешь, — усмехнулся я, принимая пачку и зажигалку.

Пересекли Биржевой мост. Удивительно было идти по проезжей части пешком. Брошенные тут автомобили были сдвинуты по сторонам, чтобы не мешали проезду бронетехники. На дороге валяются раздавленные гусеницами чемоданы, одежда, обувь — грустно видеть такое...

Прошли мимо здания Биржи.

— Голодай, чтоб они пировали, — пробормотал я. — Голодай, чтоб в игре биржевой, они совесть и честь продавали, чтоб глумились они над тобой...

— Чего говоришь? — не расслышал Илья.

— Да так, ничего, — ответил я, затягиваясь сигаретой.

Через дворцовый мост на дворцовую площадь, где находится Зимний, в котором Эрмитаж.

Правда, Зимний, судя по предупреждающим табличкам, ещё не освобождён от мертвецов. Полагаю, командование не увидело смысла зачищать общественное здание, где нет никаких условий для долговременного нахождения людей.

На дворцовой площади некогда был развёрнут палаточный лагерь для личного состава, обнесённый колючей проволокой и уставленный баррикадами. Отсюда оперативно отправляли группы для зачистки ключевых объектов и улиц, а потом, когда территорию севернее Мойки полностью зачистили, лагерь был разобран и заброшен.

— Бывал там? — спросил у меня Илья.

— Конечно, — ответил я.

— А я вот всё никак... — вздохнул он с сожалением.

— Ты что, не питерский? — удивился я.

— Питерский, — покачал головой ополченец. — Просто в Новом Девяткино жил.

Стоит отметить, что он сильно похудел с момента нашего знакомства. Прошло меньше недели, а он уже мало напоминает того упитанного добряка, которого я встретил в зоопарке. Резкое похудение, конечно, не очень хорошо, но зато задыхаться при беге будет меньше. И чувствую я, что побегать нам придётся немало...

Когда пошли по Миллионной улице, сразу стали видны признаки зачистки. Тела никто не хоронил и не убирал, поэтому мертвецы вповалку лежали на тротуарах, куда их сдвинули бульдозером. Улицы были залиты кровью, засыпаны подсохшими ошмётками плоти и гильзами. Гильз было так много, что они забили перфорированные канализационные люки, куда их смыло позавчерашним дождём.

Через два перекрёстка к группе зачистки Миллионной улицы присоединилась скорострельная зенитка. Я поднял снарядную гильзу — 23×152 миллиметра, точно такие же, какие спёрли у интенданта. Только предполагаю, что это была ЗСУ «Шилка». Интенсивность обстрела была лютой, потому что ошмётками плоти и кровью забрызгало стены зданий, а ещё видны легковые машины, изрешечённые и сгоревшие. Тела оттолкали бульдозером в сквер между Мраморным дворцом и давно закрытым Техническим университетом, к конному памятнику императору Александру III. Мужик в папаше, сидящий на коне, едва виден за горой из гниющих тел. Мрак.

Дальше было Марсово поле, где располагался полевой штаб командования мотострелков и танкистов. Офицеров тут порядочно, как и бронетехники. Вокруг танков снуют механики, пытающиеся устранить неисправности и хоть как-то смыть кровь и кишки.

— Мы пришли, — сообщил Грабов, до этого говоривший с кем-то по мобильнику. — Слушайте боевую задачу.

Собираемся вокруг него.

— Выдвигаемся в сквер Ломоносова, — заговорил Грабов, закурив. — Там есть длинный жилой комплекс, в котором могут быть мирные жители. Наша задача — найти их и вывести сюда, на Марсово поле. Оружие проверить, морально подготовиться к тому, что придётся много стрелять. В колонну по трое, становись!

/7 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Ломоносовский сквер/

— ... сука! — выкрикнул Илья.

Раздалась длинная очередь, после чего до меня донеслись звуки падения тела.

— Ты как там?! — спросил я, вдавливая лезвие шпаги в череп некой немёртвой старушки.

Чувствую крошечный прилив могущества, уже привычный и почти незаметный, после чего отступаю назад по коридору и выхожу к кухне.

Илья лежит на спине в узком коридоре и пытается оттолкнуть от себя немёртвого старика, пытающегося прогрызть казённую часть АК74 и добраться до глотки паникующего ополченца.

— Держи его, — спокойно произнёс я. — Сейчас разберёмся...

Кровь пускать нельзя, потому что она зальёт лицо Ильи, а там слизистые, что чревато заражением и смертью минут через десять. Я бы не хотел такого для своего боевого товарища, поэтому хватаю мертвеца за плечи и отпихиваю обратно на кухню. Перепрыгнув через Илью, падаю на грудь мертвеца и тут же вбиваю шпагу в левый глаз противника.

— Мьёрде, я просил тебя быть внимательнее! — недовольно высказал я Илье, заходя на

кухню.

— Я запаниковал, — начал оправдываться ополченец, вставая на ноги. — Не повторится.

— Будем надеяться, — вздохнул я. — Мне нужен надёжный человек за спиной, а не паникёр.

— Не повторится, — Илья встал и отряхнулся.

— Укусов нет? — оглядел я его внимательно.

— Нет, я ему автомат в зубы упёр, — ответил ополченец. — Всё нормально.

— Эй, двое! — позвал я подносчиков снарядов, Вадима и Игоря. — Идите сюда!

— Всё чисто? — спросил заглянувший через дверь Вадим.

— Стал бы я тебя звать? — усмехнулся я. — В этой квартире пусто, как в голове у Георга Третьего! Поищите припасы и оружие — ничего не прикарманивать, всё сдаём интенданту. Илья, идём в следующую квартиру.

Этот подъезд исключительно наш, то есть, зачищаем его мы вчетвером. В подмогу нам только болгарка и длинный кабель, тянущийся с первого этажа.

— Ах да, стоняйте за кабелем и переподключите его в этой квартире, — приказал я заряжающим.

За всё время, с начала работ, нам удалось вытащить лишь двоих — парня и девушку, голодных, ослабленных, но зато живых.

Хоть в подъезде было всего восемь мертвецов, с которыми я легко справился, причём без применения огнестрела, не нашлось человека, который смог бы справиться с угрозой и открыть для остальных путь к спасению. Впрочем, это для меня восемь мертвецов не представляют особой проблемы, а вот для обычных гражданских это непреодолимая преграда.

Пока Вадим и Игорь переставляли удлинитель, мы с Ильёй перекуривали и стучали в дверь.

Инструкции, доведённые до нас старлеем Грабовым, требовали, чтобы мы стучали и звонили, чтобы избегать неловких ситуаций, когда в квартире кто-то жив, а мы начинаем взлом двери.

— Не, тут точно нет никого, — вздохнул Илья, бросая окурок в пепельницу из банки консервированной кукурузы.

— Тогда начинаем... — взялся я за болгарку.

Срезать надо петли, чтобы не возиться долго с замком, но петли доступны не на всех дверях, поэтому иногда мы возимся слишком долго. В этот раз, дверь была старой, поэтому я начал резать выпирающие петли, изготовленные из не самой прочной стали.

Пять минут — убираю болгарку и рывком выламываю дверь. Замок оказался крепким, достойно сопротивлялся, но не выдержал напора и треснул.

И из образовавшегося проёма на меня уставилась воронённая двухстволка.

— Ты зачем это сделал, дебил? — спросил меня дед лет восьмидесяти.

— спасаю людей, — пожал я плечами. — Вы не отвечали на наш стук.

— И кто тебе сказал, что меня надо спасать? — спросил дед.

— Я действую по приказу командования, — ответил я.

— Какого командования? — спросил дед. — Нет никакого командования!

Старик был в синих трениках и серой майке, которая, когда-то, была белоснежной. Но он не похож на члена сообщества хронических алкоголиков, в чьих цветах сейчас ходит.

Борода у него полностью седая, длинная, но ухоженная, а сам он причёсан и свеж. Удивительно и необычно в наши смутные времена...

— Опустите ружьё, — попросил я его.

— Дверь мне почини! — потребовал старик.

— Нет смысла, — покачал я головой. — Происходит эвакуация гражданских лиц с острова Летний сад. Реки не являются достаточно серьёзной преградой для мертвецов, поэтому нужно спешить.

— Я никуда не пойду, — заявил дед.

— Как пожелаете, — хмыкнул я и направился к двери следующей квартиры.

— Ты куда? — удивился дед.

— Вскрывать квартиры дальше, — ответил я ему и нажал на звонок.

— А я? — спросил старик.

— Вы только что сказали, что никуда не пойдёте, — повернулся я к нему. — Эвакуация — дело добровольное. Хотите идти — идёте. Не хотите идти...

— Какие у вас гарантии для меня? — перебил меня дед.

Я задумался.

— Место на барже, которая идёт в Балтику, на Готланд, — произнёс я. — Может даже на яхте, если повезёт. Но, думаю, не повезёт, потому что там депутаты и бизнесмены уже в таких концентрациях, что невольно пропитываешься аурой власти и важности всех этих выдающихся персон.

— Почему Готланд? — спросил старик.

— Командование, — пожал я плечами. — Не мне обсуждать их решения и приказы. Сказали в Готланд — значит в Готланд.

Дед крепко задумался. Настолько крепко, что аж начал поглаживать бороду.

— Как мне попасть в порт? — спросил он.

— Сначала на Марсово поле, там транспорт, — ответил я. — Вы приняли какое-нибудь решение?

— Да, я согласен, — кивнул старик.

— Вадим, отведи этого товарища в пункт эвакуации, — сказал я заряжающему, после чего вновь повернул голову к старику. — А вы, думаю, больше не нуждаетесь в ружье.

— Я не отдам, — сразу понял, к чему я веду.

— Меняю на пять банок тушёнки, — сделал я предложение.

— Десять! — назвал свою цену старик.

— Идёт, — кивнул я. — Илья, выдай этому товарищу требуемое.

Илья не стал спорить и сходил за нашим общим рюкзаком, куда мы сложили все свои нехитрые пожитки, в основном провизию.

— Ох, хорошая... — обрадованно прошептал старик, подслеповато прищурившись и разглядывая этикетку. — Держи ружьё.

Станный дед. Подозреваю, что у него начинается деменция, а ещё он очень голоден.

— Благодарю, мсье, — изобразил я полупоклон и принял ружьё.

Вадим повёл деда по лестнице, а я ещё раз позвонил в дверь.

Когда я уже собирался братья за болгарку, звякнул замок и приоткрылась дверь.

— У вас есть еда? — спросил женский голос.

— Есть, — ответил я. — Вам нечего опасаться, мы пришли, чтобы помочь, мадам.

Примечания:

1 — Бризантность — от франц. *brisant* — «дробящий» — способность взрывчатых веществ производить при взрыве разрушение (дробление) прилегающей среды в результате резкого удара продуктов взрыва. В отличие от осколков, которые накрывают далеко не всю площадь в зоне поражения артиллерийского снаряда, бризантное действие имеет сплошное покрытие, но в существенно меньшем радиусе. Следует отличать от фугасности, которая есть работа расширяющихся газов и ударной волны, возникающей вследствие этого расширения. Если взять в качестве примера человека, попавшего в зону поражения, то бризантное действие раздробит его плоть и кости на мелкие кусочки, а фугасное действие оторвёт ему всё, что можно оторвать и откинет как можно дальше. В чистом виде эти вещи не встречаются, потому что это неотъемлемые характеристики взрывчатого вещества и работают они вместе, причём там присоединяется ещё и термическое воздействие. Спешу заметить, что не следует делать ложный вывод о том, что осколочные боеприпасы неэффективны. Они достаточно эффективны, потому что человек хрупок и достаточно одного маленького осколка, чтобы оборвать чью-то жизнь, но иногда встречаются такие люди как Эрнест Хемингуэй, из которого вытащили 26 осколков.

2 — «Болевой шок» — нет такого понятия в международной классификации болезней 10 пересмотра. В быту это понятие, конечно, используется нередко, но к медицине это суеверие отношения не имеет. Есть только травматический шок, вызванный резкой потерей крови. Причём ключевое значение имеют не абсолютные значения объёмов, а скорость кровопотери. Как это вообще работает? Так совпало, что вы уже это читаете, поэтому сейчас я всё объясню. Есть два «состояния» крови — циркулирующая в кровотоке и та, что хранится в костях, печени и селезёнке. Организм человека никогда не ждёт от окружающей среды ничего хорошего, поэтому имеет свойство хранить часть крови в резерве, чтобы, если что-то вдруг, возместить внезапную кровопотерю. И живёт он так, словно человека за каждым углом ожидает мокрушник с финкой. А финка такая говорит: «*Rahat pöydälle!*» Но не будем отвлекаться. Вот произошло то, что произошло — кровь безнадёжно потеряна. Рецепторы давления раздражаются, после чего происходит впрыск депонированной крови, чтобы возместить недостаток. В случае если удалось всё возместить, всё становится нормально, можно жить дальше. Но вот если впрыснутого объёма недостаточно, то начинается тяжёлое время, когда периферические сосуды сужаются, а кровь концентрируется только в самых жизненно важных органах. И тут есть неразрешимая проблема, которая и позволяет случиться травматическому шоку. Если организму не удастся компенсировать нехватку крови каким-либо способом, спазм периферических сосудов усиливается, что вызывает их истощение и резкую дилатацию, читай, расширение. В результате этого существенная часть крови, сконцентрированная в центральных органах, возвращается в периферические отделы, создавая дефицит там, где эта кровь больше всего нужна. Усугубляется всё тем, что кровопотеря инициирует повышенную свёртываемость крови, это естественный процесс, когда организм узнаёт, что у него пробоина. И тут мы вспоминаем, что сосуды в спазме, местами сужены, местами расширены — раздрай и шатание, никакой дисциплины, настоящий шок. И начинается ДВС-синдром, то есть, чтобы, ха-ха, было лучше понятно — синдром диссеминированного внутрисосудистого свёртывания. Если простыми словами, то это когда кровь свёртывается прямо в сосудах и образует кучу тромбов. На это расходуются свёртывающие агенты, совершенно напрасно, поэтому свёртываемость крови падает и может вновь начаться уже, в первом приближении, остановленное кровотечение из вызвавшей весь

этот анал-карнавал пробоины, что только увеличивает градус неадекватности. Как будто этого было мало, надпочечники охреневают от нехватки кровоснабжения и не могут дать достаточно кортизола, чтобы выкрутить артериальное давление, которое упало. А ещё ведь есть боль! И чтобы справиться с болью, организм увеличивает норму выделения эндорфинов, что влечёт дальнейшее падение артериального давления, так как эндорфин — это аналог опиоидов, но отечественного производства, то есть вырабатываемый организмом и, как заправский опиоид, но пропахший дымами Отечества, он вызывает вялость и апатию. Самый лучший момент, чтобы вырубиться и истечь кровью к хренам собачьим, не так ли?! Самостоятельно с тяжёлым травматическим шоком организм справиться не может, поэтому в дикой природе это была гарантированная смерть. В случае со средним или лёгким травматическим шоком шансы выкарабкаться есть, но без каких-либо убедительных гарантий. А всё потому, что травматический шок — это значит, что организм уже основательно обосрался с оперативной компенсацией кровопотери и теперь терпит жестокие последствия.

Глава 12. Верность

/7 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Юсуповский сад/

— А когда спать?! — с отчаяньем воскликнул Илья.

— Ещё один подъезд и пойдём на боковую, — ответил я. — Мы тут не зарплату отработываем, а спасаем людей, Илюха.

— Я вообще не помню, когда нормально спал... — пожаловался ополченец.

Вадим и Игорь, так и продолжающие участвовать в наших отчаянных и смелых акциях по штурму подъездов, тоже имели вопросы по поводу нормирования рабочего дня.

— Ладно, завтра, — решил я, после чего снял рацию с крепления. — «Карамба-4» у микрофона, танцуем твист. Приём.

«Принято, „Карамба-4“, действуйте», — ответил старлей Грабов.

Это тоже условные обозначения, чтобы контры не догадались. Хотя я сомневаюсь, что у них есть полная картина нашей организации, но подстраховка никогда не бывает лишней.

Два подъезда мы полностью зачистили, побывали во всех квартирах и вытащили девятнадцать человек, слишком боящихся выходить, несмотря на голод.

В основном, женщины с детьми и старики, но были также взрослые мужчины, морально не готовые бороться за собственное выживание.

Я, кстати, обдумывал этот вопрос, пока резал двери. Вот что было бы, окажись я не в центре событий, на сцене, как омар в тарелке, а дома, рядом с бабушкой? Да сидел бы тихо, пока не придёт помощь! И обычные люди, застигнутые зомби-апокалипсисом в своих домах, продолжают сидеть дома. Но я не могу сказать, что это нерабочая тактика. Рабочая, причём даже очень, ведь те, кто вышел на улицу, уже присоединились к ордам мертвецов, создающим нам неразрешимые или трудноразрешимые проблемы...

— Слушай, Дим, — обратился ко мне Илья, когда мы шли к пункту временной дислокации.

Пункт временной дислокации — это дорогой отель, где люкс стоит пятьдесят тысяч рублей в сутки, без питания, а премьер номер обойдётся во все сто пятьдесят тысяч. Надо быть безумно богатым мажором, чтобы тратить в сутки столько, сколько иные зарабатывают за три-четыре месяца.

Но теперь, в условиях зомби-апокалипсиса, апартаменты достались нам совершенно бесплатно, за счёт исполнительного директора отеля. Мой тёзка, Дмитрий Перевалов, которого в первые дни военные вытащили из банка, где он был заблокирован вместе со своими ассистентами, любезно предложил размещать личный состав в отеле, истинные владельцы которого едва ли будут предъявлять какие-то претензии.

— Слушаю, — посмотрел я на Илью.

— А вот сферы сверхспособностей... — заговорил он. — Могу ли я достать хотя бы одну?

— Ты уверен, что осилишь психическое влияние? — спросил я. — Это не шутка какая-то, а серьёзная тема — можно чокнуться, как контры. И тогда ты обратишь оружие против своих бывших товарищей.

— Но ты-то не чокнулся, — не очень уверенно парировал Илья.

— Уверен? — спросил я.

— Ты тысячу раз мог убить сотни военных, — ополченец достал сигареты. — Но не сделал этого. Ты не чокнулся, Дим.

Насколько я знаю, он ещё не убивал немёртвых. По крайней мере, не при мне. Значит, у него есть шанс получить шарик со сверхспособностью. Психологический барьер не позволяет ему нажать на спусковой крючок, это ведь не так просто, как кажется. Да, это зомби, да, это не люди нифига, но подсознание видит двуногое и двурукое существо, одетое как человек и выглядящее как человек, поэтому резко убавляет решимость. Я сам колебался в свой первый раз, но тогда ситуация была критической. Илья же мог пристрелить того мертвеца на кухне, но колебался. Не будь меня, там бы ему и настал конец. Кто-то просто не предназначен для нашей хреновой жизни.

— Я, думаю, не могу убивать... — признался Илья.

— Тогда зачем тебе шарик сверхспособностей? — спросил я.

— Ну, типа, исцеление какое-нибудь или невидимость — это было бы неплохо, — ответил ополченец.

— Так подпишись на предложение Краснодубова, — сказал я.

Полковник собрал целую коллекцию сфер, с совершенно разными сверхспособностями. Они хотят создать своих суперов, чтобы сформировать особые группы, предназначенные для самых поганых участков фронта борьбы с мертвецами. Правда, это ещё только проект, то есть окончательное решение не принято.

Иронично, но сферы сейчас вполне реально, абсолютно безвозмездно, найти среди тел мертвецов, потому что их, поначалу, никто не собирал. И ещё, подъехала статистика, которой со мной поделились — сферы, всё-таки, можно выбивать даже после получения первой. Просто первая даётся почти каждому, но есть элемент случайности — кому-то надо убить одного, а кто-то получает только после десятого или двадцатого мертвеца.

В общем-то, стало известно, что если не примешь сверхспособность, то судьба может дать тебе ещё один шанс на двадцатом, тридцатом или ещё каком-то мертвеце. Зависимости не установлено, возможно, это просто случай. Если бы Зауркан был более решительным, а я применил подход естествоиспытателя, мы бы узнали об этом гораздо раньше.

Впрочем, я не знаю, зачем мне много сфер, потому что доподлинно известно, что вторую сверхспособность не принять. Когда держишь сферу в руках, появляется ощущение, что ещё не пришло время и ничего не получится. Это значит, что надо развиваться и в будущем, если продержишься достаточно долго, можно будет получить и вторую сверхспособность.

Страшно представить кого-то вроде моей бабушки, которая обзаведётся сверхспособностью регенерации тканей или невосприимчивости к радиации. Сейчас её ограничивает лишь то, что радиация убивает её, но с обретением новой способности это ограничение будет снято и она станет кем-то ультимативным. Не знаю, что можно противопоставить гамма-излучению. Самые крутые ублюдки из контры не имеют абсолютно никакой защиты от радиации, поэтому встреча с моей бабушкой, сверхспособность которой никак не проявляется внешне, может закончиться для них очень плохо. Ведь радиация тем и паршива, что ты ходишь и не знаешь, что уже мёртв. А если она решит прожечь кому-то мозги...

Кстати, раз вспомнил о ней. Надо не забыть позвонить, как окажусь в номере.

— Не, не хочу зависеть от полковника и делать то, что прикажут, — покачал головой Илья. — Я вообще думаю, как закончится эвакуация, завязывать с армией. Ну его, не моё.

— Как знаешь, — пожал я плечами. — Надеюсь, для нас уготовано место в Готланде.

— Вот уж не знаю, — вздохнул ополченец. — Хотелось бы, конечно. Если Вадик правильно услышал, буча с моряками добром не закончится.

Вадим, когда ходил за пополнением боекомплекта, поговорил с ребятами из мотострелков, отдыхающими у зоопарка.

Оказалось, что Балтийский флот не кончился, как о нём все думали, а, когда шарахнуло зомби-апокалипсисом, справился с кризисом на палубе, вышел в море и даже вступил в схватку с охреневшими шведскими моряками, вдруг открывшими огонь. В ходе морского боя был потерян малый ракетный катер и повреждён флагман, то есть эсминец Настойчивый, но от шведской эскадры не осталось вообще ничего.

Взять на нож Готланд и поселиться там — это, как оказалось, идея вице-адмирала Пинова, который единолично командует балтийской морской группировкой.

И вот тут намечается раскол. Мореманы сухопутных обычно в хрен не ставят, что верно и в обратном направлении, а вице-адмирал сам с усами, поэтому бывшего единения армии и флота больше нет.

Пока что, решения принимаются коллегиально, но если что-то не нравится Пинову, то он этого просто не делает, такой уж он человек. Своенравие в подобных экстремальных условиях — это, конечно, сильно, но у него корабли и ракеты, а ещё большие десантные баржи, которые можно использовать для эвакуации гражданских. Это значит, что он практически единственная надежда на благоприятный исход, и он это прекрасно осознаёт. Ещё у него есть бригада морской пехоты, 336-я отдельная гвардейская, поэтому в вопросе сухопутных операций он ничем не ограничен, что сильно понижает нашу ценность в его глазах.

Гражданских они, пока что, перевозят, а ещё разрабатывают план по захвату Готланда, если верить слухам, конечно же. Но нет никаких гарантий, что они не прокинут нас через колено, когда придёт время для эвакуации сухопутных войск.

Как бы поступил я? Я бы не потерпел в своей вотчине каких-то левых командиров, поэтому предложил бы личному составу мотострелков и танкистов перейти под моё командование, а от старшего офицерского состава избавился доступными способами. Этого требует принцип единоначалия, а генерал-лейтенант, коим является Грозников — это эквивалентное вице-адмиралу звание, поэтому налицо кризис подчинённости. Старшего командования нет, министр обороны полностью передал все дела и проблемы Западного военного округа в руки командования на местах, поэтому нет никого, кто разрешит этот кризис.

И все чувствуют эту напряжённость между нами и мореманами. Моряки-то точно, если что-то вдруг, поддержат своего вице-адмирала, а наши будут, безусловно, стоять за генерал-лейтенанта.

Ситуация пахнет плохо, потому что я не люблю запах крови, но мы люди маленькие, ни на что не влияем.

— Тогда решай свои внутренние проблемы и начинай, наконец, истреблять мертвецов, — посоветовал я Илье. — Даже если ты не собираешься заниматься войной, она решительно настроена заниматься нами. Если какую-нибудь молнию или пламя из рук ухватишь, то это будет неплохим козырем в рукаве, мон ами.

— Ты, конечно, прав, но... — ополченец замолк, потому что мимо прошёл патруль из мотострелков. — Не знаю, в общем.

— Узнай поскорее, это в твоих же интересах, — усмехнулся я.

Дошли до Мариинского дворца, бывшей резиденции российских самодержцев. Через дорогу от этого дворца находится «Монкфиш отель Санкт-Петербург», где у меня есть «небесный номер», что бы это ни значило. Площадь 41 метр квадратный, двуспальная кровать, столики, шкафы, телевизор, сортир и душ. Что ещё надо?

Илье достался номер «супериор», который, как мы установили, считается чуть более кучерявым, чем «небесный», потому что есть балкончик.

Обслуживающего персонала, естественно, нет, поэтому предлагается справляться с заправкой постели самостоятельно. Еду готовят наши штатные повара — котлеты с пюрешкой, борщи, харчо, тефтельки. Общедение. Без шуток.

Электричество и вода есть, потому что электростанции и водонасосные станции под контролем военных. Интернет, правда, ослаб и ютуб барахлит, но все этого и так ждали.

Кстати, более крутые номера достались офицерам и чиновникам из гражданской администрации, а также всяким важным и уважаемым людям. Болтают, что у нас в президентском люксе живёт некий олигарх, вместе с охраной. Друг губернатора или вроде того.

— Вообще насрать, если честно, — пробормотал я, заходя в свой номер и включая свет.

Снимаю рюкзак и закидываю его в шкаф, где висят махровые халаты белого цвета и стоит ружьё, купленное у того странного старика.

Разуваюсь, снимаю разгрузку и китель, а затем маску.

Сегодня в обед я рассматривал свою маску со всех сторон, потому что мне показалось, что с ней случилось нечто странное. Она, вроде бы, несколько изменилась. К этому следует добавить, что ощущение чего-то грядущего, туманного, но с нетерпением ожидаемого мною, стало ещё сильнее.

Полагаю, это связано с тем, что я убил много мертвецов. Возможно, это и есть развитие моей сверхспособности. Но это не точно.

Снимаю пропотевшие носки и закидываю их в корзину для белья — надо не забыть достать где-нибудь сменную форму и нормально постираться.

Также скидываю с себя поясной ремень, оттягивающий поясницу подсумком с патронами и «славным оружием императора».

И «славное оружие» есть причина, почему в список «to do» нужно добавить поиск нового холодного оружия. Эрзац-шпагой сейчас выступает каминная кочерга, после надевания маски, превращающаяся в шпагу 18 брюмера, только в очень паршивую её версию. Острота лезвия совсем не та, но колет хорошо и хрен бы с ним.

Хорошей идеей будет посетить Эрмитаж, конкретно рыцарский зал, где есть множество образцов оружия, часть которых относится к XIX веку. Не помешает добыть какую-нибудь кирасу и латные рукавицы, чтобы можно было уверенно бить супостатов кулаками.

На самом деле, потребность в защитной экипировке можно решить почти в любом магазине экипировки для мотоциклистов и страйкболистов, все эти налокотники, наколенники, кевларовые перчатки и прочее, но хотелось немного аутентичности и... у меня было ощущение, что маска придаст элементам экипировки какие-нибудь особые свойства. Мотивирую я это тем, что шпагу-то она преобразует, причём из любой ерунды. Правда, если используешь совсем ерунду, то и качество конечного продукта выходит ерундовым.

Сажусь в кресло и достаю телефон, одновременно расстёгивая верхние пуговицы кителя.

— Алё, бабушка? — дождался я ответа.

— Как у тебя дела, внучок? — сходу спросила она.

— Я в порядке, — ответил я. — Устал, как собака, но зато не зря — спасли девятнадцать человек.

Некоторые этого совсем не хотели, с ужасом ожидая, как в их дом ворвутся режущие двери болгарками маньяки-убийцы, но это неважно. Сейчас время такое, что никому нельзя доверять. Даже себе. Мне можно, ха-ха!

— Это хорошо, что ты, наконец-то, занялся полезным делом, — усмехнулась Агата Петровна. — А то все эти фильмы бесполезные, спектакли...

— Не бесполезные, — недовольно произнёс я. — У тебя квартира обустроена по последнему слову техники исключительно благодаря «бесполезным фильмам и спектаклям».

— И толку-то от всего этого сейчас? — спросила бабушка пренебрежительно.

— Никакого, — вздохнул я, а затем услышал в динамике порыв ветра. — Ты это где сейчас?

— В порту я, — ответила она. — Говорят, в Кронштадт отправляют беженцев, но там уже народу битком, не протолкнуться. Не пойду я туда.

— Ты зачем вышла из дома, бабуль? — недоуменно спросил я. — В городе небезопасно.

— Это ты просто не знаешь, где я была до порта, — усмехнулась бабушка.

— Где ты была? — спросил я, внутренне холодея.

— В переулке Климова, что у Египетского моста, — сообщила она. — Навестила свою старую подругу. Она, как оказалось, не просто так не отвечала на звонки — съели её.

— И ты, как я догадываюсь, перебила всех мертвецов в подъезде? — спросил я.

— Не вы одни занимаетесь спасением людей, — ответила Агата Петровна. — Вами там и не пахло, а люди сидели в квартирах, страдали и голодали. Вот, привела их в порт, а теперь думаю, идти ли в Кронштадт или нет.

— Мы же обсуждали это, — произнёс я. — В Готланде можно будет жить нормально...

— А надо ли мне жить «нормально»? — спросила меня бабушка. — Я упокоила сегодня семнадцать мертвецов — чувствую, будто лет на пять помолодела. На этом вашем острове будет такая возможность? Думаю, нет. Я решила — я остаюсь в Ленинграде.

— Бабушка, я прошу тебя, уезжай, — попросил я. — Тут скоро будет невозможно выжить.

— Я всё продумала, выживу, — уверенно сказала на это бабушка. — Не переживай на мой счёт, всё будет хорошо.

— Вот в том-то и дело, что переживаю, — вздохнул я. — Насчёт нас неизвестно наверняка, может, не будет никакой эвакуации на Готланд, а может и будет.

— Если будет совсем тяжело, возвращайся домой, — сказала бабушка. — Я налаживаю дела с едой, у нас тут кооператив намечается с оставшимися соседями. Будем выживать совместно, на крыше устроим большую теплицу, а зиму переживём на запасах консервов и солений. Кто-то сунется к нам за нашим добром — повезёт, если живым уберётся.

У неё, как я понимаю, всё серьёзно.

Переубеждать её, как знаю из богатого личного опыта общения с ней, бесполезно. Она уже решила, поэтому в Готланд её удастся увести только силком, а я сейчас не в том положении.

Эх, вот была бы личная яхта...

Но даже так есть риск, что бабушка разберётся в управлении яхтой и вернётся домой.

Потому что она так решила. Суровый и сложный человек.

И, как мне кажется, влияние сферы сверхспособности есть — в последнее время она стала более активной и категоричной в суждениях. Например, вот это высказывание о том, что она не хочет жить нормально, а лучше будет убивать зомби и выживать самостоятельно.

Не знаю, что делать. Она старая женщина, это важно всегда помнить. И пусть она никогда не жаловалась на целостность рассудка, но теперь есть фактор, влияющий на психоэмоциональном уровне, поэтому ждать можно чего угодно. Даже я сам под угрозой, о бабуле даже говорить нечего.

Медики исследовали нескольких пленных контр и чокнувшихся ребят из добровольцев — сверхспособности очень сильно бьют по мозгам, в прямой зависимости от потенциала сферы. Если простой или необычный потенциал ещё можно сравнительно легко перебороть, то всё, что выше, требует серьёзных морально-волевых усилий.

У каждого процесс проходит уникально, поэтому нельзя, пока что, установить каких-то закономерностей.

Один из пленных контр, тощий мужик лет сорока, обладающий способностью телекинеза, то есть метания физических объектов силой мысли или неким силовым полем, при общении с исследователями очень быстро приходил к навязчивой мысли, что кто-то из них трахал его жену. Да-да, просто, в ходе разговора, убеждал себя, что исследователь путался с его «потаскухой».

У второго контры, обладателя способности к созданию некоего силового поля, отклоняющего пули, была навязчивая идея, что он избран для миссии по спасению человечества, а мы, военные, ему сильно мешаем.

Добровольцы показали разные отклонения, но в основном на почве того, что их беспокоило и при жизни. Начальник медицинской службы Григорий Негуляев проводил тщательное анкетирование подопытных, поэтому, по итогам опытов, выдвинул гипотезу, что психоэмоциональное воздействие оказывает наибольшее влияние на те склонности, которые уже были присущи объекту. Были проблемы с гневом — это обострится и станет выражаться ещё сильнее. Сильно волновала возможная неверность жены — будешь подозревать всех окружающих особей мужского пола или даже женского. Было огромных размеров самомнение, осознание некой важной жизненной цели в этом мире — синдром мессии практически гарантирован.

Но это всё гипотеза и в эту гипотезу не очень укладываюсь я. Впрочем, посмотрим, что будет дальше.

Если эта гипотеза верна, то бабушка имеет риск стать ещё более сложным в обращении человеком. Но плевать, это всё ещё моя бабушка.

— Ты у меня одна, бабуль, — произнёс я. — И какой бы ты сложной личностью ни была, я тебя всё равно люблю. Береги себя, пожалуйста.

— За меня можешь не переживать, — ответила бабушка.

Чувствовалось, что она хочет сказать что-то ещё, но затем она кашлянула и положила трубку. М-да.

Перед тем, как лечь спать, лучше принять душ. Я потел как собака в корейском ресторане, активно работал физически, на мне металлическая и керамическая пыль, поэтому даже как-то жалко ложиться на эти белоснежные простыни.

Принял горячий душ, со всеми этими отельными гелями для душа и шампунями в маленьких тубиках, после чего надел махровый халат и тапки, улыбнулся себе в зеркало и

понял, что надо бы побриться. Но это утром.

Хоть сейчас только вечер, но я так устал, что готов лечь и не просыпаться до самого конца зомби-апокалипсиса. Правда, что-то мне подсказывает, что он не закончится так просто.

Надо посмотреть соцсети. Вдруг кто-то ещё выжил?

Об Ирине, журналистке «АиФ», точно знаю, что она выжила, как и Валентина игравшая Жозефину. Ещё выжили Инна и Светлана, игравшие посетительниц паноптикума, а также Антон Гаврилов, игравший Морриса. Они так и остались в гримёрке, сидели там четверо суток, до тех пор, пока не пришли солдаты. Валентина писала, что они в Кронштадте, в лагере беженцев.

Менеджер, Владимир Пахомович, на связь не выходил, хоть я ему и написал. Он был онлайн вчера ночью, значит, как минимум, заряжает телефон и общается с кем-то по ватсап. Звонить я ему не стал.

Анфиса Демиденко, коллега по цеху, сейчас онлайн, значит, тоже выжила.

Тут телефон в моих руках зазвенел. Звонит Ани Паавола.

— Да? — принял я вызов.

— Дима! — воскликнула моя финская фанатка. — Ты живой!

— Привет, Ани, — с улыбкой поздоровался я. — Живой, да.

— Привѐт, Дима! — Ани была очень рада меня услышать, это чувствовалось по голосу и по тому, что пробился акцент. — Ты в безопасности?

— Можно и так сказать, — ответил я. — Как ты? Ты в безопасном месте?

— Да-да, ьа в безопасности, — сообщила Ани. — Почти в безопасности. Я хочу вылететь к тебе, Дима! У вас там всё хорошо?

— Это плохая идея, Ани, — вздохнул я. — У нас всё очень и очень плохо — мы теряем город, мертвецов слишком много, чтобы удалось их сдержать. Половина Питера не под нашим контролем, а ещё мертвецы перебираются через каналы.

— У меня йесть вертолѐт, Дима! — сказала Ани. — Я могу забрать тебя оттуда! Можно найти самолѐт и лететь в Исландию, там мой особняк! Вместе!

— Лучше лети туда сама, — ответил я на это. — Никто не знает, что будет, если ты прилетишь сюда. Тут слишком опасно.

— У нас тоже не всё в порядке! — парировала Ани. — Зомби взяли Хельсинки, я едва успела уехать! Сейчас я в загородном доме своего друга, на острове Петту. Давай я прилечу и заберу тебя, Дима!

— Не прилетай, — отказался я. — Я запрещаю тебе.

— Дима, без тебя у меня нет причин жить, — призналась Ани. — И пусть этот мир горит огнѐм, если в нём не будет тебя!

Та-а-ак...

— Ты применяла шарик сверхспособностей? — спросил я.

— Ты что-то знаешь о них? — резко заинтересовалась Ани. — Ты тоже принял сверхспособность?!

— Да, — ответил я. — Ты, наверное, не сможешь принять это, но хотя бы попробуй: оставайся в безопасном месте, сейчас самое худшее время для путешествий. Я выживу и в будущем, возможно, мы ещё встретимся. Сейчас я на службе, у меня есть обязательства, которые не позволят мне просто взять и сбежать. Не надо сюда лететь, Ани, я прошу тебя.

Тишина в ответ.

Вообще, ещё до всех этих событий, меня несколько напрягали наши с ней отношения. Нет, проблем не было, но то, что она решила основать хельсинское фанатское сообщество имени Дмитрия Верещагина — это определённо не норма. То есть я её очень сильно волновал задолго до получения ею сферы. Поэтому я даже не хочу думать о том, насколько я важен для неё сейчас...

— Я всё равно прилечу, — произнесла Ани. — И буду с тобой, что бы ты ни делал.

— Знай, что я не одобряю твоего решения, — вздохнул я. — Ты подвергнешь себя неоправданному риску.

— Тебе ведь не всё равно на меня? — спросила вдруг Ани.

— Не всё равно, — ответил я. — Именно поэтому я хочу, чтобы ты оставалась на острове и никуда не вылетала.

— Поговорим об этом после, — произнесла Ани и завершила вызов.

— Ох, твою ж дивизию... — пробормотал я и забрался в кровать. — У меня же нет больше никаких проблем...

Организм будто только и ждал этого. Я не успел даже полностью укрыться одеялом, как отключился.

Глава 13. Лабиринты

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Юсуповский сад/

«Боевая тревога! Боевая тревога!»

Разлепляю глаза и вижу, что на улице ещё ночь. На улице гудит какая-то сирена, а вместе с ней из динамика раздаётся этот механический голос, без конца повторяющий «Боевая тревога!»

Вскакиваю с кровати, после чего начинаю быстро облачаться в форму.

Берцы я так и не поносил нормально, только первый день, после чего понял, что это губительная практика и нужно что-то другое. Поэтому у меня сейчас удобные брендовые кроссовки, полученные у интенданта.

Запрыгиваю в штаны, затягиваю брючной ремень, застёгиваю китель, надеваю разгрузку, затем затягиваю поясной ремень, закидываю на спину рюкзак с боеприпасами, после чего надеваю маску.

Одежда метаморфирует, превращаясь в одеяние Наполеона Бонапарта. Наиболее дико в зеркале смотрелось преобразование кепи в бикорн. Всё-таки, исходное одеяние влияет, потому что бикорн получился менее габаритным, но так даже удобнее.

Проверяю магазин автомата и беру своё оружие на ремень.

Выглядываю в окно — горят прожекторы, внизу, на площади перед Мариинским дворцом, некая многолюдная суета, а ещё я вижу вспышки выстрелов, ненадолго перекрывающие рёв сирены.

— Нападение! Наверное, проклятые англичане или австрияки! — воскликнул я, открывая дверь номера. — Ха-ха, Франция ждёт моего появления! И император явится! Вива ля Франс!

По коридору бегут самые оперативные солдаты, уже вооружённые и готовые к бою — присоединяюсь к ним.

Лифтом пользоваться было бы глупо, поэтому бегу по лестнице.

Время четыре часа ночи, будто атакующие специально подгадали, поэтому на улице кромешная тьма. Везде, кроме очень ограниченных зон под прожекторами.

Я, честно сказать, даже не ожидал, что такое нападение возможно. Это удар в самое сердце нашей территории, поэтому я почти уверен, что атакуют не зомби. Слишком уж они тупы для такого.

Это контра.

И подтверждением послужила вспышка молнии, ударившая в здание отеля со стороны Мариинского дворца. Я уже был на улице, поэтому отчётливо увидел источник молнии, оказавшийся человеком, стоящим на крыше дворца. Это точно был контра, не вооружённый ничем, кроме своей сверхспособности.

Вскидываю автомат и открываю огонь. Две длинные очереди, но слишком поздно и, соответственно, слишком мимо. Контра успел отпрыгнуть и упасть, а я рванул в сторону, потому что из тьмы в меня кто-то выстрелил.

Закатываюсь за каменную урну, которую начали решетить из чего-то автоматического.

Но как они сумели подобраться к нам так близко?! Я точно знаю, что у нас охранение максимальной боевой готовности!

Ладно, выясним сразу же, как переживём этот бой...

Кто-то из командования взял оборону под личный контроль и это проявилось в виде стрелков, открывших огонь из окон отеля.

Это ненадолго отвлекло внимание нападающих, вынужденных искать укрытия, поэтому я вскочил и пробежал к более выгодной позиции — корпусу дымящей БМП-3М.

По машине шарахнуло ледяным валуном, разбившимся на крыше боевого отделения и осыпавшим меня ледяной крошкой.

В такие моменты, когда у противника есть метатели молний и крупногабаритных ледышек, чувствуешь себя беззащитным...

К счастью, это ложное чувство, потому что автомат в твоих руках — это свидетельство того, что ты можешь изменить очень многое. Как минимум, в паскудных организмах своих врагов.

Аккуратно выглядываю из-за корпуса БМП и слежу за крышей. Ублюдок, мечущий молнии — это очень опасно и требует немедленного разбирательства. Хочется, конечно, убить как можно больше контр, потому что я не могу терпеть их паскудную и подлую натуру, но сейчас важнее самые опасные из них.

Терпеливо жду, пока электрогадённыш вновь не почувствует себя в безопасности. Гражданские тем и отличаются от военных, что чуть более беспечны. И действительно, контра подумал, что раз по нему не стреляют, значит, о нём забыли и никто не ждёт повторной атаки. Но надо отдать должное его интеллекту, потому что он сместился по крыше метров на восемь левее, посчитав, что этого будет достаточно.

Вышел этот тип в сером худи с уже заготовленными электрическими разрядами на руках, демаскирующими бедолагу надёжнее яркой стрелочки-указателя в видеоигре.

Перевожу на него прицел и даю короткую очередь.

Легло кучно, из четырёх попало три, но ублюдок успел выпустить обе молнии, одна из которых врезалась в здание отеля, а другая стремительным росчерком шарахнула в случайный фонарный столб.

Никакого прироста могущества я не ощутил, хоть и ожидал. Никогда до этого не убивал контр. Имею в виду, напрямую, с помощью личного оружия. Так-то, я убил их навалом, если считать всех, кто умер от разрывов артиллерийских снарядов.

Тело контры сделало один шаг и рухнуло с крыши, упав на голову и расплескав свою требуху по потресканному асфальту.

По парковке, расположенной перед дворцом, наступали приспешники контр, то есть обычные люди, вооружённые разношёрстным оружием, совершенно не умеющие и не желающие воевать. Они здесь не добровольно, но сейчас они враги.

Падаю на брюхо и открываю огонь из-под БМП.

Магазин быстро опустел, но я вытаскиваю из подсумка новый и быстро перезаряжаю оружие. Росчерки трассеров выдают меня с головой, впрочем, как и вспышки выстрелов. По БМП начали долбить ледяным градом и ещё чем-то непонятным, но создающим каменную крошку. Возможно, кто-то из контр умеет метать магические камни или что-то вроде того.

— Эпический потенциал, энфан де пют... — пробормотал я и прострелил ноги очередного неудачника.

Да, не похоже, что от образа Наполеона много толку, но я ведь не раскрыл и части его потенциала, а то, что раскрыл, надо быть честным, оказало очень весомое значение. Например, отличное владение шпагой — это буквально спасло мне жизнь. Артиллерийские

навыки позволили с высочайшей точностью наводить оружие, а способность принуждать слабовольных к выполнению приказов — это способность с невероятным потенциалом.

— А-а-а!!! Б№%&ь!!! — завалился на спину очередной нападающий.

Сейчас просто время неудачное. В прямое противостояние с контрами вступать нежелательно, но, в отдалённой перспективе, если у меня будет достаточно людей, я возьму над ними верх. Если со временем из сточных канав не вылезут какие-нибудь Супермены с Чудо-Женщинами и Флэшами...

Канавы.

Точно!

Контры, как я полагаю, подобрались к нам так близко благодаря канализации. Метро отбрасывается, потому что достаточно далеко отсюда, а ещё каждая станция забаррикадирована и перекрыта корпусами легковушек — это самый доступный материал для строительства.

Это не метро, поэтому остаётся только канализация, о которой, скорее всего, никто из военных не подумал, а контры подумали. Да, они гражданские, но не идиоты, а считать иначе — это идиотизм.

Боекомплект тает на глазах, хоть я и вношу свой вклад в отражение атаки — уже человек восемь лежат и истекают кровью. Надо сменить позицию.

Единственный путь — вернуться обратно к каменной урне.

Внимательно изучаю диспозицию на поле боя, аккуратно выглядывая из-за бортов уничтоженной БМП. Полагаю, что машину спалил электрогадённыш с крыши.

Ещё есть метатель ледышек, один камнеметатель, а также некий тип, бросающий светящиеся шары, взрывающиеся при ударе. Взрываются они мощно, с небольшими воронками, но далеко бросать их контра не может.

И это только трое, которые проявили себя. Сколько их ещё?

Тут со стороны памятника Николаю I раздался громкий рёв какого-то животного, после чего до меня начал доноситься топот чьих-то очень тяжёлых ног.

План с возвращением за массивную урну отменяется. Выглядываю из-за БМП и вижу что прямо на меня несётся минотавр!

Вскидываю АК и открываю непрерывный огонь. Пули врезаются в густой мех трёхметровой твари, но без видимого результата.

Понимаю, что занимаюсь ерундой и бросаю себя влево, поближе к урне.

Из-за огромной туши минотавра или подобной минотавру твари, невольники контры не стреляли, я даже услышал краем уха что-то вроде «Не стрелять!», поэтому положительным моментом стало то, что меня теперь не пристрелят, как собаку.

Тварюга зацепила борт БМП боком и оттолкнула его в сторону, после чего развернулась ко мне и пошла на второй заход.

Вскидываю автомат и открываю огонь. Вижу, что в минотавра полетели зелёные трассеры, подряд.

— Мьерде! — бросаю себя в очередной рывок и отстёгиваю магазин от автомата.

Минотавр, вооружённый только своими объёмными мускулами и титаническим размером, врезаётся в урну, перед которой я был буквально только что, и разрушает её в разлетающиеся обломки.

— Ан гард! — извлекаю я шпагу из ножен.

Пока яростно ревущая тварь разворачивается, я закидываю автомат за спину и готовлюсь к схватке, исход которой предрешён. Мне крышка, потому что права на ошибку

нет. Одно касание такой лапищи — я труп. Одна запинка слишком близко к этой твари — я труп. Расклад трагический, но сдаваться я не собираюсь.

Минотавр показал, что разумен — он остановился и с пренебрежением оскалился.

Тут из окна отеля выглядывает солдат с гранатомётом. Вспышка.

Реактивная граната не попадает в минотавра, но взрывается рядом с ним. Не повезло, что я тоже оказался достаточно близко.

Разрыв был оглушительным, в бицепсе левой руки ослепительно вспышкой сверкнула боль.

— А-а-а, пютэ... — процедил я, стиснув зубы. — Иди сюда, бычара!

Боль придала озлобленности, поэтому я пошёл на минотавра.

Сама эта тварюга была ошеломлена близким разрывом и осколочным поражением, поэтому трясла рогатой мордой и гладила свой левый бок.

Тварь действительно, при внимательном рассмотрении, была ростом около трёх метров. И это был не какой-то тощий бычок, а крепкая и тяжёлая махина, развивающая неплохую скорость в рывке. Шерсть коричневая, монотонная, но с многочисленными рубцами шрамов — этот ублюдок часто дрался, причём с кем-то, кто способен пробивать его шкуру.

— Ты не выше меня, ты — длиннее! — воскликнул я и бросился в решительную атаку.

Шпага 18 брюмера не предназначена для схваток с минотаврами, но это лучшее, что у меня есть. Автомат показал бесполезность, но только потому, что шкура этой твари непробиваема. Надо бить в уязвимые места и так удачно совпало, что бью я точнее, чем стреляю. Этим надо пользоваться.

Минотавр встал на оба копыта и ждал моей атаки. Это чертовски напрягало меня, но отказаться от задуманного я уже не мог.

Делаю ложный выпад, практически театрально изображая всецелый уход тела в удар. Минотавр решил применить прямой удар своим кулачищем, но я ждал чего-то подобного, поэтому легко ушёл от незамысловатой контратаки, после чего нанёс средней мощности укол в локоть атакующей руки минотавра. Метил я в сустав, но попал в шкуру, что не принесло вообще никакого результата, кроме, разве что, неуверенного взмаха тяжёлым хвостом.

Уклоняюсь от слабосильного удара неожиданной конечностью, после чего принимаюсь обходить минотавра с фланга. Эта тварь уже показала себя неповоротливой, поэтому у меня должно получиться.

Противник понимал, что нельзя позволять мне заходить в тыл, поэтому начал поворачиваться вслед за мной.

Я оказался гораздо быстрее, благодаря чему уколол минотавра в гипотетическое уязвимое место — подколенную ямку.

— Аха! — с удовлетворением воскликнул я, когда почувствовал, как лезвие с сопротивлением проходит через хрящевую ткань.

Минотавр проревел что-то болезненно-яростное и взмахнул своими лапищами, пытаясь меня достать, но я отступил на пару шагов и ждал реакции на травму.

Противник шагнул ко мне, но завалился на колени, уже не способное удерживать такую тушу.

Кто-то видит только успех, а я вижу шанс. Быстро бегу к БМП и становлюсь за его корпусом.

Снимаю с плеча АК и перезаряжаю его.

Вокруг грохот, стрельба, но наши, вроде бы, побеждают, а минотавр занят собственной ногой, которая перестала его слушать.

Вскидываю автомат к плечу и выцеливаю голову эпической твари.

Характерный щёлкающий звук на фоне — заработал АГС-17, установленный в одном из окон отеля.

Разрывы мелкокалиберных гранат затрещали по всей площади, поражая наступающих подневольных и рассекая их хаотичную формацию на части.

Я же открываю огонь прямо в морду минотавра. Тварь поднимает левую лапу и закрывает глаза — значит, знает, паскуда, что его физиономия уязвима для пуль.

Отстреливаю первый магазин и слышу, как тварь ревет от боли, после чего бросается в рывок на меня.

Тут стрелок с АГС-17 переводит огонь на минотавра и отоваривает его спину серией разрывов. Да, мать твою, да!!!

Зверюга падает на четыре кости, после чего я отстреливаю остаток магазина ей прямо в лоб.

Пули не пробили череп, но вызвали что-то, похожее на контузию, потому что минотавр, что называется, «поплыл». Это шанс!

Бегу к ублюдку, наплевав на риск пули в спину, после чего заносу шпагу для укола и попадаю метко в левую глазницу, здоровенную, с налитым кровью глазом.

Через рукоять ощущаю слабое сопротивление плоти, а затем и этакую запинку, которая была вызвана преодолением тонкой кости, защищающей головной мозг.

Оружие прошло на четверть длины клинка, но этого хватило, с запасом, для убийства твари.

Тяну шпагу из головы минотавра, но тварь начала опадать, поэтому шпага просто звякает ломающимся металлом и у меня в руках остаётся рукоять каминной кочерги. Вот незадача...

Роняю кусок железа и бегу к парадному входу отеля. Хватит с меня приключений. Вообще не понимаю, что именно толкнуло меня выбегать наружу и принимать неравный бой.

Вслед мне засвистели пули, но как-то невнятно, потому что противников прижало к земле интенсивным обстрелом из автоматов и гранатомёта.

Прыжками преодолев дистанцию, я влетаю в отель и без остановки пробегаю до лифтов.

— Ух, это, определённо, было вредно для сердца... — произнёс я, уперев руки в колени и часто задышав.

— Боец, ты какого хрена туда попёрся?! — насел на меня некий майор в растрёпанной форме, а затем узнал. — А-а-а, это ты...

Я стал довольно известной личностью в наших малочисленных войсках, потому что, во-первых, обладаю некой непонятной сверхспособностью, во-вторых, одеваюсь как Наполеон Бонапарт, а в-третьих, куча народу обязана мне жизнью, ведь я стрелял из орудия чаще остальных и мало было среди нас людей, кто отправлял снаряды точнее. Правда, профессиональные артиллеристы всё равно были лучше, потому что им давали полные расчёты, но тем не менее...

— Мне нужно на верхние этажи, мон мажёр, (1) — произнёс я и побежал к лестницам.

— Как-как ты меня назвал?! — возмутился майор.

— Нет времени! — отмахнулся я и исчез в двери, ведущей к лестницам.

В отеле всего четыре этажа, поэтому я взлетел по ступеням как испуганный бельчонок по дереву, после чего упёрся в спины солдат, затаскивающих на четвёртый этаж некую тяжёлую конструкцию.

— О, Илюха! — увидел я своего соратника по расчёту. — Что происходит?

— Пытаемся пропихнуть сюда эту бандурину, — ответил Илья. — Как её там...

— ДШК, со станиной сучьей, — подсказал один из солдат. — Ты тоже помогай давай, нехрен стоять как хер молодожёна...

Грубо, конечно, но суть верна — нехрен стоять.

Только вот пытаться протолкнуть пулемёт я не стал, а обошёл всех собравшихся и шарахнул ногой по дверной коробке.

— Ты чего творишь?! — возмутился один из стоявших рядом солдат.

— Верь мне, я знаю, что делаю, — заверил я его, отходя для разбега.

Второй удар ногой переломил дверную коробку пополам, а потом я понял, что эта дверь не в несущей стене, а в межкомнатной. Вообще-то, это можно было понять сразу, а не только после того, как сломавшаяся дверная коробка обнажила галимый гипсокартон.

Серия ударов в стиле Джета Ли освободила пространство для беспрепятственной доставки станкового пулемёта к месту назначения.

— Надо думать головой, чтобы не делать лишнюю работу, — наставительно произнёс я.

Беда людей в том, что в изменившейся обстановке они продолжают думать старыми понятиями. Никому не пришло в голову буквально пробить себе путь через непокорный дверной косяк, потому что в мирное время это привело бы к неприятным последствиям для всех участников. Материальная ответственность, проблемы с владельцами здания и всё такое...

ДШК, крупнокалиберный пулемёт, изначально предназначенный конструкторами для противовоздушной обороны, отлично подходил для решения, скажем так, более приземлённых задач.

И когда из окна четвёртого этажа по наступающему противнику открыл огонь ДШК, штурм был полностью провален — наша резко возросшая огневая мощь поставила точку на любых предпосылках к успеху контры.

— Я за ними! — воскликнул я, когда увидел, что контры, обстреливавшие отель своими способностями, начали уходить.

— Да забей, это слишком рискованно! — сказал на это Илья.

— Я просто прослежу, куда именно они пошли! — ответил я и побежал на выход.

Быстро спускаюсь на первый этаж и бегу по Большой Морской улице, по которой стелются многочисленные пятна свежей крови. Никто, кроме приспешников контр, оставить таких следов не мог, поэтому логично предположить, что я иду в верном направлении.

Пока остальные военные пытаются прийти в себя и наладить порядок, я займусь поиском пути отхода контр.

Один кровавый след, самый обильный, вдруг свернул к ближайшему подъезду. Хотя нет, это не подъезд, а настоящий парадный — с аркой, лепниной и дубовой двустворчатой дверью с бронзовыми ручками.

Оставлять за спиной недобитков — это плохой тон, поэтому я замедляю шаг и тихо подхожу к приоткрытой двери, под которой лежит порция свежей крови. Но больше всего демаскирует противника мерцающий в остеклении свет.

Беру автомат наизготовку и вхожу.

Кровь ведёт по полу в помещение консьержа, дверь тоже приоткрыта.

Врываюсь внутрь с автоматом наготове и сразу же даю короткую очередь в подсвеченного фонариком человека. Наповал положил.

Больше никого нет, значит, они каждый сам за себя — подонки остаются подонками.

Включаю свой фонарик и вижу, что бедолага, которому на вид лет двадцать, пытался перетянуть простреленную или посечённую осколками руку самодельным жгутом из лоскута ткани от матраса.

— Неправильно ты, Дядя Фёдор, жгут накладываешь... — проворчал я, склоняясь к пожиткам покойника.

Оружием этого бледного черноволосого паренька был АК74, старенький, с потрёпанным деревянным прикладом и поцарапанной ствольной коробкой. Такой ожидаешь увидеть в фильмах об Африке и детях-солдатах, но не у нас.

Одет он был в четырёхцветную цифру, совсем как мы, но у него не было красной ленточки на левой руке, как у нас — так мы легко отличаем своих во время боя.

В нагрудном кармане кителя трупа обнаруживаю дой-пак (2) с дозатором, содержащий в себе сгущённое молоко.

— А это прямо к месту, — улыбнулся я, скручивая крышку и начав всасывать сгущёнку.

Захотелось пить, но воды у покойника не было, а в рюкзак лезть было лень. Огляделся и увидел маленький холодильник, вероятно, принадлежавший ранее местному консьержу, как и старенький японский телевизор, стоящий на совдеповской тумбочке, изготовленной из морёной и лакированной ДСП.

Открываю холодильник и морщусь от резкого запаха, нанёсшего увесистую пощёчину моему обонянию. Быстро выхватываю из холодильника стеклянную бутылку, предположительно, с водой, после чего захлопываю дверцу.

Скручиваю металлическую крышечку и прикладываюсь к живительной влаге. Это оказалось нечто подслащённое, кажется, с лимонным вкусом. Отстраняю от себя бутылку и вижу, что это лимонад заводского производства, от фирмы, название которой мне ни о чём не говорит. Но это было неплохо.

Выпив лимонад до дна, отчуждаю у покойника бакелитовые магазины и боеприпасы в бумажных пачках.

— Мьёрде, эти бесчестные мерзавцы имеют снабжение не хуже, чем мы! — возмущённо проговорил я, складывая боеприпасы в рюкзак.

Рации не было, зато обнаружился мобильник, Айфон Тринадцатый. Не похож этот парень на того, кто может позволить себе такую дорогую штуковину, стоящую три средние месячные зарплаты. Впрочем, он может происходить из зажиточной семьи, но я больше склоняюсь к версии, что это «трофей» из фирменного магазина.

Сажусь на корточки перед телом и разблокирую телефон с помощью мёртвого лица, которому пришлось открыть глаза.

Так-с, что у нас тут есть? В «Телеге» сотни сообщений, но самые свежие в одной группе, подписанной как «Отряд-Сокол» — оригинально, модно, молодёжно.

Администратор, некий «Буйный», пишет об отходе на исходные позиции, а также требует, чтобы командиры десятков доложились о потерях и не позволяли подчинённым разбредаться — это ещё не конец.

И тут на телефон пришло сообщение: «Самойлов, живой?»

Ничего отвечать не стал, поместив телефон обратно в карман трупа, и пошёл дальше по следу. Надо узнать об ублюдках как можно больше, а ещё взять кого-нибудь ценного, чтобы было, с кем поговорить...

Покидаю парадный выход и вновь выхожу на кровавый след. Метров через пятьдесят вижу тело, лежащее прямо посреди дороги.

Вооружённое тело, но безнадёжно мёртвое. Каска лежит рядом, а под туловищем лужа крови. Именно от этого мужика исходил наиболее кровавый след, поэтому мне было немного жаль, что я лишился такого невооружённым взглядом видного маркера передвижения сил противника. Но идти долго бедняга не смог, поэтому вконец выбился из сил и потерял сознание, после чего истёк кровью.

Остальные следили не так сильно, поэтому приходилось вглядываться, но, благо, далеко идти не пришлось.

Рядом с двухэтажным жёлтым зданием в дореволюционном стиле, особняком Половцова, обнаружился открытый люк, к которому ползли двое недобитков, не истекающие кровью, но, всё же, очень паршиво себя чувствующие. Каждый сам за себя, вот такие правила.

— Ни с места, мерзкие трусы! — навёл я на них автомат. — Отбросить оружие в сторону, иначе я наделаю в вас новых дыр!

— Начальник, я сдаюсь! — сообщил мне самый близкий к люку тип.

— Оружие отбросить, — приказал я ему. — Я считаю, три, два, раз...

Два моих будущих пленника откинули автоматы в стороны.

— Будете шутить со мной шутки, отправитесь прямиком в ад, — предупредил я, подходя поближе. — Руки в стороны, лежать неподвижно!

Обследую пленных на предмет оружия, удостоверяюсь, что, кроме автоматов и ножей, у них ничего нет, после чего начинаю смотреть, кого из них действительно стоит тащить с собой.

Тот, что болтал, получил ранения нижних конечностей, но лёгкие, а также что-то проткнуло ему кишки, но это точно была не пуля, поэтому грешу на осколки. Сдохнет, но не сразу.

А вот второй, который сильно отставал от предыдущего, имел ранения грудной клетки и сильно хрипел.

— Ты мне, увы, не нужен, — навёл я автомат на поднявшего руки приспешника суперов и выстрелил.

Смотрю на бедолагу, признавшего меня начальником.

— А тебе повезло, мон ами, — максимально доброжелательно улыбнулся я ему, пусть за маской не видно. — И мы с тобой немножко погуляем.

Вешаю автоматы и рюкзаки своих жертв на плечи, хватаю пленного за ворот кителя и ташу за собой.

Сегодняшний бой закончился полным поражением контры.

— Замахнулись, подонки проклятые, на святое — на ночной бой! — посетовал я. — Люди годами отрабатывают, тренируются, учатся на ошибках, а вы, бесталанные потаскухи, решили, что вам всё по плечу!

Пленный никак не прокомментировал мою реплику, потому что ему было больно. А больно ему было из-за того, что я ташу его по асфальту прямо ранеными ногами. Горе побеждённым.

Надо менять отношение к контре. Сегодня, как мне кажется, мы отделались малой кровью, но это нападение застало нас врасплох. Никто не подумал о канализации — это недоработка командующего состава. И я о таком не подумал, но я и не отвечаю за нашу общую безопасность. Отвечал бы, обязательно рассмотрел бы все возможные способы атаки на наши позиции! От кого угодно!

— Стой! Кто идёт?! — остановил меня часовой.

Прожектор ослепил меня своим лучом, заставив прикрыть глаза рукой.

— Дмитрий Верещагин, также известен как «Карамба-4», мон ами, — представился я. — У меня с собой пленный, с которым я очень хочу поговорить. Но ещё я не отказался бы доспать положенное мне время.

Примечания:

1 — Мажёр — от фр. *major* — майор, а не представитель класса богатеньких бездельников, старательно блистающих формой, но не содержанием.

2 — Дой-пак — мягкая герметичная упаковка, представляющая собой пластиковый пакет с донышком. Изобретена Луи Дуайеном в 1963 году и название получила в честь создателя — DOYen PACKaging.

Глава 14. Эпос и старина

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Юсуповский сад/

Мрачно пью кофе.

Ресторан у этого отеля шикарный, но здесь больше нет шеф-повара, су-шефа и кто там ещё всем заправляет на кухне...

Сижу, в компании Ильи, за круглым столом с белой скатертью, на красном кресле, в помещении с десятками вычурных ламп под потолком. Роскошно, но бессмысленно.

— Ты чего такой недобрый? — поинтересовался Илья, тоже попивающий кофеёк.

— Никакого смысла от ночного боя, — произнёс я. — Вообще никакого прироста сил. Людей убивать бессмысленно.

— А ты бы хотел, чтобы было наоборот? — спросил ополченец.

— Не хотел бы, — покачал я головой. — Но я выкладывался вчера на все сто, бился против настоящего, мать его корова, минотавра! Это точно не человек, уж за него-то должны были хоть что-то дать, ведь так?!

— Вообще-то... — к нам подошёл какой-то пехотный капитан с подносом.

— С кем имею честь? — недовольно поинтересовался я.

— Капитан Цыганков, — представился тот, садясь за наш стол. — Дмитрий Верещагин и...

— Это Илья, — представил я ополченца. — Кстати, как у тебя фамилия, Илюха?

— Николаев, — ответил тот. — Как Игорь Николаев, но только Илья.

— Рад знакомству, товарищи, — улыбнулся капитан, поставив поднос. — Можете звать меня Артёмом.

— Взаимно, — кивнул я.

— Ага, тоже рад знакомству, — без особой радости в голосе произнёс Илья.

— Так что там насчёт «вообще-то»? — поинтересовался я.

— Этот, кхм-кхм, минотавр — человек, — ответил капитан. — Вскрытие показало, что он уже начал обращаться назад в человека, но не успел, потому что ты убил его.

— Хочешь сказать, что это сверхспособность? — уточнил я.

— Да, именно так и хочу сказать, — ответил Артём. — Наши медики отмечают, что посмертно обращения обратно в человека не происходит, поэтому покойник сейчас отчасти минотавр, отчасти человек.

— Енотовидная собака и горностаевая моль, — произнёс я задумчиво, — изгой в мире горностаев, молей, енотов и собак.

— Ирония тут неуместна, — сказал Артём. — Это чудовище способно было скрутить башню с БМП или даже с танка, а ты пошёл на него с автоматом и рапирой.

Он одет в повседневную форму сухопутных войск, с фуражкой и планкой для орденских и медальных лент — видимо, довелось этому Цыганкову повоевать. Коротко стриженный, черноволосый, взгляд карих глаз бодрый, несмотря на беспокойную ночку, ростом где-то около метра семидесяти пяти, комплекции спортивной, но без лишних мускулов, а, скорее, функционально-спортивной комплекции. Квадратная челюсть и несколько шрамов на лице, невольно вызывают ассоциации с военным направлением деятельности, то есть даже если обрядить его в гражданку, всё равно будет видно, что это военный.

Чего-то подобного добивался и я, когда готовился к роли Кая Марция в пьесе «Трагедия о Кориолане». Чтобы мой персонаж выглядел, как настоящий военный, причём всё осложнялось тем, что нужно было выглядеть военным даже в гражданской тоге.

Правда, постановку запарол сам Иван Абрамович, наш худрук, не сумевший договориться с протеже аж самого Хабенского, Вячеславом Борисовым, об исполнении последним роли вождя вольсков, Тулла Авфидия. Всё накрылось медным тазом и выходит, что я напрасно оттачивал образ Кориолана долгих два месяца, в перерывах между съёмками фильма «Бес 2».

— Проникни эта тварь в отель, мы бы сейчас не разговаривали, — произнёс я, после чего отпил кофе из кружки. — Так что, можно сказать, что нам всем повезло.

— Это достойно очередной медали, несомненно, — улыбнулся капитан.

У меня на груди постоянно висит вручённая относительно недавно, но, по ощущениям, прорву времени назад, медаль, которую я получил за жестокое убийство тигра Амадея. Зелёные всего мира должны были ополчиться на меня всем кагалом, но, к счастью, на камеру моя схватка с тигром не попала.

Честно сказать, я опасался, что, при надевании маски, медаль будет преобразовываться во французский аналог, что было бы оскорблением наших вооружённых сил, но маска уважает чужие медали и ордена, поэтому «За боевые отличия» продолжает висеть на наполеоновском кителе.

— Что там мой голубчик? — поинтересовался я, меняя тему.

— Допрашивают, — пожал плечами капитан. — Но говорят, что ночью взяли живьём кое-кого и поценнее.

— А что контры? — спросил я. — Слышал с утра, что они унесли трупы своих, даже того ушлёпка с молниями.

— Да, к сожалению, контр не получилось взять ни живыми, ни мёртвыми, — покивал Артём. — Всё же, очень хорошо, что тебе удалось срезать того молниеметателя. Он сжёт БМПшку со всем экипажем, одной молнией, сукин сын...

— И сколько таких у них? — задал я риторический вопрос. — Как вообще обстановка? Чего ждать от командования?

— Не буду скрывать, всё плохо, — ответил капитан. — Мы поджали контр на Петроградской набережной, прямо хорошо поджали, но они взорвали несколько грузовиков с взрывчаткой.

— Шахиды, что ли? — уточнил я.

— Нет, — покачал головой Артём. — Очевидцы говорят, что грузовиками управляли зомби или кто-то, сильно похожий на зомби.

— Некромант, — констатировал я.

— Именно, — кивнул кэп. — И это большая проблема. Благодаря этому подрыву они отвоевали плацдарм на набережной и сейчас копят силы для наступления. У них во главе кто-то, кто понимает в нашей тактике, возможно, один из предателей.

— М-да, — произнёс я. — Это значит, что спасение гражданских отложат и бросят нас на усиление контингента Петроградского острова. А это уже значит, что мне нужно торопиться.

Я встал из-за стола.

— Ты куда? — недоуменно спросил Илья.

— Мне срочно нужно посетить Эрмитаж.

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж/

Моя ласточка, пыхтя дымом, промчалась по пустым улицам, где ныне можно встретить разве только бронетехнику и военные грузовики, по мостам, подготовленным для подрыва особо мощной взрывчаткой, доставив меня напрямиком к Эрмитажу.

Бывал тут всего пару раз: в первый раз на экскурсии, с бабушкой, а во второй раз водил сюда друзей, приехавших из Казахстана. Я видел там много очень интересных вещей, которые помогут мне придать образу Наполеона нужную полноту.

На пассажирском сиденье лежит двухствольное ружьё, а также некоторые инструменты, что позволят модернизировать этот девайс до нужной мне кондиции.

Оставляю свою Тойоту на Дворцовой площади, вытаскиваю из салона ружьё с инструментами, и иду к парадному входу.

Эрмитаж не зачищен, но его никто не охраняет, потому что решено было ограничиться лишь закрытием входов. Зомби слишком тупы, чтобы лезть через окна, как считалось, но я вижу, что некоторые окна на разных этажах разбиты, а на тротуарах видны пятна гнилой крови. Значит, самые умные из них уже вышли.

Цепь, блокирующая центральные ворота, скреплялась стальной проволокой, но я её размотал, проник во внутренний двор и закрыл ворота за собой. Всегда есть риск, что ты споткнёшься и сдохнешь бесславно, поэтому я не хочу, чтобы прошедшие через меня мертвецы покинули Эрмитаж.

— План, план, план... — бормотал я, двигаясь к плану-схеме.

Доска была прикреплена к стене, причём на ней был кровавый отпечаток руки, сползающий прямо к изорванному и обгрызенному костяку человека, скорее всего, женщины или ребёнка.

— Так, — произнёс я, надев маску и начав изучать план-схему. — Посмотрим.

Первый этаж: Эпоха бронзы, Зал Юпитера, искусство времён неолита, кочевники, древние греки... Не то. М-м-м, Оружейное искусство Ближнего Востока XV–XIX веков! То что надо, но не всё.

Второй этаж: Великое французское искусство, искусство подлых англичашек, что сложно назвать искусством, золотая гостиная, малиновая гостиная, фламандская живопись, искусство презренных бошей, (1) хотя какое у них может быть искусство, господи... и-и-и... Бинго! Рыцарский зал — второй этаж, побежали!

Кроме автомата у меня ничего нет, но я всерьёз рассчитываю обзавестись чем-нибудь колюще-режущим прямо на первом этаже.

Оставляю инструменты с ружьём у схемы и забегаю в левое крыло первого этажа, где должен быть зал восточного оружия.

Вижу мертвецов, обладающих самым чутким слухом. Насчёт видеть точно неизвестно, но слышат они все превосходно. И есть среди них уникалы, которые могут верно интерпретировать даже шорохи одежды в тишине — это было установлено военными опытным путём. То есть мертвецы слышат как обычные люди, правда, сильно тупее обычных людей. Не всех, но тем не менее.

Работники Эрмитажа и посетители — неважно, ведь время превратило их во что-то, сильно напоминающее окровавленных мёртвых бомжей.

Слышал я, что мертвецы, когда им совсем неважно, начинают долбиться в двери и

стены, особенно, когда они слышали за ними что-то подозрительное. Так умирали люди, прятаясь за гипсокартонными стенами или деревянными дверями в офисах и торговых развлекательных центрах.

Убить даже одного мертвеца, если ты обычный человек без оружия — задача не из лёгких, потому что защищаться мертвец не станет, а начнёт непрерывно и неустанно атаковать. И если тебе недостаёт решительности противостоять неживому натиску, воин, то будь готов присоединиться к разношёрстному воинству мертвецов.

Решительность? У меня этого добра навалом...

— Умрите, нечистые!!! — закричал я и открыл огонь.

Короткие, дозированные очереди. Первая, вторая, третья — мертвецы получают пули в грудь и в голову, сваливаясь на каменный пол.

Тут их было всего шестеро, поэтому мне хватило магазина, чтобы положить всех.

Ребята, сражающиеся против мертвецов с первых дней, уже приловчились раздавать «хэдшоты», как они это называют, но мне нужно немножко практики.

Шесть мертвецов полегли как один, я замер и прислушался. Шарканья не слышно, значит, это были все. Остальные придут чуть позже, я даже не сомневаюсь, что они уже в пути, поэтому надо поторопиться с выбором оружия и экипировки.

Как же приятно ощущать рост могущества! Я буквально чувствую, что что-то близится!

Оглядываюсь и вижу роскошное многообразие образцов инструментов, предназначенных для убийства ближнего своего. Тут сабли, сабли с елманями, топоры, булавы, прямые мечи, щиты и кольчуги со шлемами.

Несколько стендов было разбито, а оружие с них отсутствовало, поэтому я делаю смелый вывод, что кто-то из работников или посетителей вооружился экспонатами и дал мертвецам бой.

Кольчуги меня очень интересуют, поэтому я ломаю замок неповреждённого стенда с любопытным образчиком кольчуги, после чего аккуратно извлекаю кольчужную рубашку и прямой меч с красным рубином на позолоченной гарде. Красиво, изысканно, под стать императору Франции.

Снимаю сюртук, рюкзак и разгрузку, надеваю кольчужную рубашку поверх кителя. Тяжесть ощущается, но бегать помешает лишь незначительно. Зато прокусить меня теперь очень сложно. Нужно достать наручи и бронерукавицы, чтобы смело блокировать атаки и разбивать мёртвые черепашки кулаками.

Попрыгал — не гремит. Вешаю меч с рубином на спину, рядом с АК74М. Время первого ещё не пришло, а второго уже прошло. Нужно что-то более подходящее для рубки...

Слышу шарканье с западной части зала — гости пришли, но время ещё есть.

Разбиваю витрину стенда и беру в руки длинную кривую саблю восточного типа.

Тут я ощущаю, как эта штука становится чуть легче, её лезвие и рукоять с гардой видоизменяются. Половина лезвия покрывается позолотой с приятным глазу и сердцу орнаментом, откуда-то поразительно знакомым мне, а рукоять покрывается чёрной кожей.

— Вот бы ты навсегда осталась со мной... — произнёс я с неподдельной любовью в голосе.

Резко становится дурно, будто я напился сильно просроченного сока. Возникает непомерная тяжесть в кишках, а сердце словно серийно пропускает удары.

В глазах помутнело и окружающие меня стенды с экспонатами поплыли. Всецело осознаю, что теряю равновесие вместе с сознанием.

Сильный удар об каменный пол возвращает меня в некоторый тонус, поэтому я вскакиваю на дрожащие ноги и вижу, что мертвецы уже очень близко, в четырёх-пяти метрах. Надо сражаться.

— Меня так просто не возьмёшь, мерзавцы... — притушенным голосом произнёс я, подбирая саблю. — Вива ля Франс...

Мертвецов тут около десяти, но может и меньше, потому что у меня всё ещё двоится в глазах. Движения мои неверны и заторможены. Проклятое оружие? Проклятая кольчуга? Кофе был отравлен?

Нет времени на размышления!

— Ан гард... — рубанул я саблей и распорол воздух.

Удар увлёк меня за собой, поэтому я врезался в мертвеца, который оказался правее места, по которому я ударил.

Хилая пожилая женщина в женском официальном костюме, скорее всего, работавшая здесь экскурсоводом, была погребена под моей увеличенной массой, но тут ко мне склонился другой мертвец, мужчина в истерзанном деловом костюме и вцепился в моё плечо зубами. Успехов усопшим, конечно, но там, под сюртуком, кольчуга.

Отталкиваюсь от хрустнувшей груди старушки-зомби, отпихиваю грызущего мне плечо мертвеца, обхватившего, для пущего удобства, мою руку, после чего делаю взмахивающее движение правой рукой, позволившее нанести рубящий удар по шее лежащей подо мной мёртвой женщине.

Голову не отрубил, но позвоночник задел, потому что её руки ослабленно поникли.

Это слегка взбудрило меня микроскопическим всплеском прибавившегося могущества.

Перекат влево, нечаянный удар своим телом в стенд, оказавшийся на пути, после чего я понимаю, что если сейчас же не окажусь на своих двоих, то меня сомнут наступающие мертвецы.

— Подождите, бесы... — пополз я на четвереньках назад.

До сих пор мутило, этаким двойственным ощущением — хотелось блевать и, в то же время, очень сильно не хотелось блевать. В детстве я, чисто по дурости, объелся белены, потом лежал в райбольнице. Вот такие же ощущения, если примерно.

Мертвецы шли ко мне, выставив свои ручонки перед собой, как в классических фильмах о зомби.

Кольчуга оказалась тяжеловатой, это я отчётливо понимаю только сейчас, но надо вставать и принимать бой.

Продолжаю отступать к выходу из крыла, а затем, когда дистанция между мной и противниками стала больше, поднимаюсь на ноги. Стою нетвёрдо, неуверенно, но, если буду атаковать осторожно и вдумчиво, можно победить без потерь.

— Идите ко мне, экьюмс... — поманил я двоих зомби в идентичных костюмах и с идентичными лицами.

Трясу головой. А, это, на самом деле, один зомби, тот самый, что уже успел послунывить мне сюртук.

Двоится в глазах перестало, ну, почти, поэтому я отчётливо вижу, что это один мертвец. Вертикальный рубящий удар по супостату — голова его с характерным звуком разрубаемой кости делится пополам.

Зомби, безусловно, нейтрализован, это я понял по малюсенькому приливу могущества.

Невольно улыбаюсь, потому что чувствую, что ощущение отравления беленой отступает

на задний план.

— Отдавай, тварь! — тяну на себя саблю, застрявшую в кости черепа.

Пинком правой ноги отталкиваю мертвеца и высвобождаю оружие.

Четыре зомби движутся на меня всем скопом, который возник из-за запинки двоих на теле пожилой женщины.

Отступаю назад, уже быстрее, чем до этого, в итоге выйдя в узкий входной коридор.

Помещаю омытую гнилой кровью саблю на плечо, чтобы ударить следующего мертвеца как можно качественнее, от всей моей солдатской души...

Мертвецы не видят никакого подвоха, поэтому упорно идут ко мне.

С усилием взмахиваю саблей и наношу удар по шее самого расторопного мертвеца, одетого в рваный шерстяной свитер с шарфом и чёрные брюки. А ещё у него, из-под свитера, свисает надкушенная кишка. И лицо у него погрызено так, что его можно опознать исключительно по отпечаткам. Губ нет, поэтому он постоянно «улыбается».

Сабля вошла в шею наискосок, разрубив ключицу и позвоночный столб. Отступаю на шаг и слышу за спиной шарканье и звуки падений. Пороги и валяющиеся прямо под ногами коробки, стулья и прочее — это серьёзное препятствие для услышавших аппетитные звуки мертвецов.

Пытаюсь проигнорировать ощущение прироста могущества, но понимаю, что это ощущение пытается донести до меня мысль, что я крайне близок к чему-то. Это радует и придаёт дополнительных сил.

Словно сражаюсь против живых, делаю ложный выпад саблей, не вызвавший у мертвецов никакой реакции, после чего одёргиваю себя и наношу предельно незамысловатый колющий удар прямо в правую глазницу подростку-зомби, одетому в лицейскую униформу. В глаз не попал, зато попал в нос и этого хватило, чтобы пробить кость, достав до мозга.

Оставшиеся двое, не извлёкшие из участи соратников никакого урока, продолжили переть на меня, за что поплатились своими жалкими нежизнями.

Разворачиваюсь к спешащим ко мне мертвецам, кое-как преодолевшим две ступеньки крыльца, после чего наношу стремительный колющий удар в лицо самому первому из зомби-подкрепления.

Самочувствие моё улучшалось по мере убийства противников, а когда я убил предпоследнего, мир на мгновение померк и раздался двукратный звук удара дерева о камень.

Не понимаю, что случилось, но я ощутил, будто с меня спала тяжесть, а ощущение близящегося нечто полностью пропало.

Как ни в чём не бывало, взмахиваю саблей, но понимаю, что удар вышел крайне неудачным — попал я в плечо мертвеца, слишком далеко от шеи. С усилием выдёргиваю саблю и наношу второй удар. Но снова не совсем туда, куда хотел.

— Впрочем, пойдёт, — произнёс я, увидев, что мертвец отправился к праотцам, с застрявшей в черепе саблей.

Спохватываюсь оттого, что не слышу в своём голосе характерного корсиканского акцента.

Опускаю взгляд на пол у своих ног и вижу две маски. Две!

А-а-а, теперь мне всё понятно! Значит наступление некоего нечто, о котором невнятно бубнили мне мои чувства, это вторая маска. Только вот какая?

Поднимаю обе маски.

Первая маска, изображающая озорное выражение лица, принадлежала образу Наполеона, а вторая, с пока неизвестным образом, изображала недовольство или холодную сосредоточенность.

Поднимаю маску Наполеона и вижу, что на ней, в верхнем левом углу, появился круг с символами, которые, внезапно, стали мне абсолютно понятны. Как и в том случае, с шариком сверхспособностей.

Написано, что это «I — Наполеон Бонапарт».

Вторую маску, точно также белую, я поднимал куда осторожнее. На ней, тоже в левом верхнем углу, аналогично, были символы.

Написано, что это «II — Тесей, сын Посейдона (не активировано)».

Юху! Если это тот Тесей, о котором я думаю, то это джекпот! Только почему «не активировано»?

Надо надевать, чтобы прояснить, я буквально чувствую это.

Аккуратно приближаю новую маску к лицу и...

Стоп. Почему именно Тесей?

Что я вообще знаю о Тесее?

Это персонаж из древнегреческих мифов, он сын Посейдона... Кого-то убил ещё он. Медузу Горгону вроде бы?

Достаю телефон и открываю браузер. Так-с, Тесей...

— Персонаж греческой мифологии, центральная фигура аттического мифологического цикла, пока ничего нового. Троянская царица родила его сразу от двоих отцов — Эгея и Посейдона, последний бог, — читал я статью в электронной энциклопедии. — ... отправился на Крит и убил... А-а-а, вот оно что!

Буквально сегодня в ночь я завалил почти настоящего минотавра!

— Но какого хрена не сам Посейдон?! — спросил я, воздев очи к потолку. — Ладно, всё ещё впереди...

Надеваю маску и чувствую, что она не прилегает к лицу, а в голове появляется новая информация. Нужно поставить спектакль, любой, но непосредственно связанный с Тесеем.

Хоть адаптацию, хоть построчное воспроизводство древнегреческих трагедий.

Эх, ладно, придётся надеть маску Наполеона, хоть мне и нестерпимо хочется испытать новую, но это сейчас невозможно, увы.

Так, всё ещё стоит вопрос о том, что мне нужна экипировка. Надо зачищать второй этаж и побыстрее.

Прячу новую маску в рюкзак.

— Этот прекрасный день определённо войдёт в мою славную биографию, — произнёс я, поправив автомат и меч на плече.

Пройдя зал восточного оружия насквозь, я, держащий саблю наготове, поднялся по лестнице и оказался в зале дворцового интерьера.

Иду на северо-восток, но по пути встречаю только экспонаты и произведения искусства. Ни одного мертвеца, никого живого. Видимо, из-за того, что двери на лестницы были открыты, зомби, естественным путём, оказались на первом этаже.

Невольно начал гулять по Эрмитажу, читая подписи к каждому интересному экспонату, но затем одёрнул себя и решительно зашагал к рыцарскому залу.

Минуты три спустя, я прибыл на место и обомлел. Как-то раньше даже не акцентировал

своего внимания на то, насколько круты местные экспонаты.

Четыре рыцаря на конях, в полных латных доспехах, стенды с сияющими доспехами и грозным оружием — если где-то и должно было зародиться питерское реконструкторское движение, то именно здесь. Бабушка провела меня через этот зал очень быстро, как я теперь понимаю, опасаясь, что я буду умолять её купить мне меч или доспехи, а когда был тут с друзьями, мы больше болтали и делились впечатлениями о предыдущих залах. Но теперь...

«Это „Зоопарк“, всем подразделениям!» — зашипела рация на общем канале женским голосом. — «Максимальный приоритет! „Буераку-3“ необходима поддержка на Дельте! Превосходящие силы противника! Повторяю, „Буераку-3“ необходима поддержка на Дельте! Превосходящие силы противника!»

Дельта — это Летний остров. Значит, атака контр... Нет, контра так далеко зайти не могла, ведь там прорывались мертвецы. Значит, зомби сказали своё мёртвое слово.

«Буерак-3» — это мотопехота, усиленная ротой десантников. У них много офицеров, есть миномёты и, вроде бы, крупнокалиберные пулемёты. Если им сейчас тяжело, то я не знаю, чем мы им можем помочь. Но приказы обсуждают только трусы.

Бросаю долгий взгляд сожаления на все эти доспехи и оружие...

— Нет, что-то я прихвачу! — решил я, разбивая замок на витрине с германским полудоспехом.

Открываю дверцу и хватаю добычу. По дороге закину в номер, а потом пойду отражать атаку.

Броня эта чёрного цвета, с красивой золотой гравировкой в виде корон, львов и роз. Таковую точно не прокусить зубами. Там был ещё щит, но щит мне не нуж... А, знаете, хрен с ним, беру и его!

Гружённый отнюдь не лёгкими доспехами, бегу на первый этаж. Учинённый мной бардак, в виде трупов и автоматных гильз, ничто, если смотреть на него на фоне общего хаоса, в который погружён город, но, тем не менее, надо бы прибраться тут потом, из уважения к истории.

И вообще, военным следовало бы задуматься о том, что оружие прошлого не всегда бесполезно. Будь на ребятах с передовой латы, может, они погибали бы не так часто?

— Прощай, дворец истории... — изобразил я полупоклон Эрмитажу. — До новых встреч!

Теперь заскочу в отель, а оттуда уж поеду на подмогу «Буераку-3».

День сегодня, с самого раннего утра, полное дерьмо, но было и что-то хорошее.

— Определённо было, ник та мэр! (2)

Примечания:

1 — Бош — фр. *boche* — оскорбительное национальное прозвище германцев. Происходит от фр. *alboche*, то есть соединения *allemand* (германец) с *saboche* (башка). Это значит «немецкая башка» и это слово сильно задевало ранимую душевную организацию немцев.

2 — Ник та мэр! — фр. *nique ta mère* — с чьей-то конкретной мамкой сделать что-то нехорошее, если говорить иносказательно.

Выражение на маске Наполеона:

Выражение на маске Тесея:

Сабля Наполеона™:

Глава 15. Победа и смерть

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Юсуповский сад/

Не успел я войти в лобби отеля, как наткнулся на Илью, поправляющего рюкзак. Оружия при нём нет, поэтому я удивлён.

— Ты куда, мон ами? — поинтересовался я.

— Я валю! — решил Илья и начал разворачиваться к выходу.

— Но почему? — удивлённо спросил я. — Там же наши стоят, им нужна помощь!

— Невозможно им помочь! — вскинулся ополченец. — Ты не слышал, что там происходит?!

— Невозможность — слово из словаря глупцов, — сказал я на это. — Впрочем, можешь идти куда хочешь. Но, раз пришло время для расставания, прими от меня дар — один из шариков сверхспособностей, на выбор.

Я достал из кармана две сферы, всегда носимые с собой: «Физическое усиление» и «Магия левитации».

— Это откуда? — удивлённо спросил Илья.

— Там где взял, там больше нет, — ответил я. — Выбирай быстрее, мне нужно спешить.

— Что бы ты посоветовал? — спросил ополченец.

— Ты читай и думай сам, чтобы потом не было обидно на меня, — покачал я головой. — И хорошо подумай над тем, готов ли ты рисковать психическим здоровьем ради мнимой силы.

— Ай, да что тут думать! — махнул рукой Илья. — Физическое усиление беру!

— Думаю, мы больше не увидимся, — произнёс я, передавая ему нужный шарик. — Рад был служить с тобой. А где эти двое?

Имею в виду Игоря и Вадима, нашу «подмогу».

— Не знаю, — ответил ополченец. — Спасибо тебе, Дим. И за то, что был рядом, и за шарик.

— Арёвуар, мон ами, — коснулся я бикорна и обозначил полупоклон. — Пойду, поищу этих двоих.

Надо бы мне найти их, ведь вместе всегда веселее. Ну и пара надёжных людей, для прикрытия флангов, лишними не будут. Если они, конечно же, не решили смотать удочки, как Илья.

Я не осуждаю, потому что звездец вокруг нас как происходил, так и не собирается прекращаться. Этого слишком много для психики простого человека. С другой стороны, другие же идут в бой... А, ладно, я не такой уж моральный ориентир, чтобы судить других.

— Живи долго, Илья, — пожелал я ополченцу.

Уже выходя из отеля, увидел Вадима и Игоря, вооружённых и забирающихся в военный КамАЗ.

— Друзья, подкинете до линии фронта?! — побежал я к грузовику, собирающемуся трогаться.

— О, Дмитрий Ибрагимович! — обрадованно воскликнул Игорь. — А мы уже подумали, что вы... это...

— Трусливо сбежал, как последняя австрийская шавка?! — возмущённым тоном

продолжил я за него. — Никогда! Мне нужно немного времени, чтобы привести себя в порядок, товарищи! Дайте мне несколько минут!

— Давай поедешь вторым грузиком? — предложил выглянувший из кузова старлей. — Там парни гибнут!

— Всё, понял, — кивнул я. — Тогда поеду вслед за вами! Езжайте!

Грузовик тронулся сразу же, как в него загрузили дополнительные три ящика с патронами и два с выстрелами к РПГ-7.

Бегу к своей ласточке и достаю полудоспехи.

С сюртуком такое не поносишь, как и с кольчугой, поэтому снимаю всё, вместе с кителем, и остаюсь в одной рубашке. Рубашка едва ли способна гасить удары, поэтому вытаскиваю из багажника выданный мне в первые дни бушлат. Стопроцентный полиэстер, должен гасить удары даже лучше, чем тканый поддоспешник. А если речь пойдёт о теплообмене, то бушлат выигрывает в три-четыре раза.

Достаю из ящика с инструментами нож и пропарываю в бушлате дополнительные вентиляционные отверстия. Жалко хорошую вещь, конечно, но будет глупо, если я сварюсь в этой конструкции ещё до вступления в бой.

Пришлось выдирать внутренний каркас из стальных прутьев, чтобы вернуть полудоспеху функциональность, но это не отняло слишком много времени. Ремни и крепления были аутентичными, я разобрался с ними довольно быстро, поэтому уже через несколько минут регулировал натяжение надетого полудоспеха, который не спешил видоизменяться во что-то более подходящее эпохе Наполеона.

Броня оказалась на размер-два больше, чем мне нужно, но бушлат всё компенсировал.

Сразу стало как-то тепло, хотя апрель, середина весны...

Фиксирую ремни наплечников и наручей, затем поправляю бронеюбку, давившую на пояс, а затем обнаруживаю, что потерял где-то правую бронерукавицу. Иду к машине и начинаю поиск. Рукавица обнаружилась под ветошью, используемой мною для нежной протирки моей ласточки от пыли и грязи.

Заканчиваю с подгонкой брони, надеваю поверх кирасы разгрузку с боекомплектom, что добавляет к моему облику дополнительный градус неадекватa, со вздохом сожаления помещаю бикорн на заднее пассажирское сиденье и сажусь за руль. Шлем я надену чуть позже, поэтому пусть полежит на переднем пассажирском.

Машина ревет движком, после чего я еду вдогонку за военным грузовиком.

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Михайловский парк/

Врубаю радио.

«... на сегодня ты киллер! Убей их за мой счёт, отправь их за мой стол...»

— ... пока салоп (1) втихаря в уборной делят колесо! — начал я подпевать, а затем с недовольством посмотрел на радиоприёмник. — Вы плохо на меня влияете, энкюль мьёрде!

Грузовик я догнал быстро, но ехать нам было недалеко, километр, если примерно.

На улице Инженерной грузовик остановился, а я припарковал свою ласточку за давно стоящим тут китайским минивэном.

Странно, что он тут стоит, потому что всё, что может перевозить больше четырёх человек, уже давно угнано и оставлено в пригороде, где, как говорят, настоящее кладбище из разношёрстных машин. И костей там... Эх...

— А-а-а, вот оно что... — увидел я серию пулевых отверстий в лобовом стекле и в области капота.

Из грузовика высыпались солдаты, выгрузили ящики и построились. Я не преминул присоединиться к строю.

— Не будет никакого инструктажа, — сообщил уже виденный мною старлей. — Сейчас идём в Михайловский замок и занимаем оборону там, где скажут. Противник уже преодолел оборону, поэтому с минуты на минуту будет здесь. Выстоим — будем жить дальше. Не выстоим — что ж...

Повисла гнетущая пауза. Разные мыслишки в головах солдат...

— Задача ясна, — нарушил я молчание. — За работу!

Сам я сбегал в машину, чтобы забрать ружьё и инструменты.

На фоне грохотали выстрелы и взрывы. Нормальной артиллерии у нас, де-факто, нет, поэтому справляемся тем, что имеем — танками, миномётами, АГС и так далее. Вижу, что на крыше замка установили зенитки ЗУ-23-2, а ещё во дворе стоят зенитные самоходные установки «Шилка» с экипажами, получающими инструктаж от командиров. Повоюем мы ещё, нечего зазря нас списывать.

— Вы с отеля?! — крикнул нам некий полковник, вышедший из ворот замка. — На третий! Живее, они уже рядом!

Быстро забегаем в инженерный замок, как часто называют Михайловский, после чего поднимаемся, миновав красивые внутренние интерьеры, на третий этаж. Амфир, мой любимый стиль. То есть не мой, а Наполеона, но сейчас я нахожу в этом оформлении нечто привлекательное.

— Окна смело выбивайте, — сказал нам, уже находящийся на позиции, пулемётчик. — Потом осколками посечёт, если в ответку будут стрелять!

Усатый рыжеволосый дядька, одетый в форму паттерна «флора», давно снятую с вооружения, стоял за баррикадой из кирпичей, выкорчеванных из камина, который мы видели по пути сюда. На баррикаде стоял станковый НСВ-12,7. Также эта штука известна под названием «Утёс» — насколько я знаю, эта штука пришла на замену ДШК и отличается существенно большей надёжностью в условиях жидких говн или сухих песков.

Огневая мощь нам в поддержку достойная, но я думаю, что ключевое слово скажут зенитки, будто специально предназначенные для разрубания орд зомби. Слышал, что кое-где удалось полностью обезопасить районы парой «Шилок». Впрочем, сегодня всё увидим.

Занимаю удобное окошко и ставлю под подоконник ящик с патронами.

Пока тихо, надо заняться модернизацией двустволки.

— Зачем тебе этот карамульдук? (2) — усмехнулся старлей.

Выглядит он как типичный Ванька-ротный: квадратная челюсть, нос картошкой, с горбинкой, серые глаза, не лишённые света интеллекта, каштановые волосы, коротко остриженные. Форма, паттерна «цифра», сидит как влитая. Ростом что-то около метра восьмидесяти, телосложение обычное, не сказать, что спортивное, но видно, что парень подтянутый и лёгкой атлетикой не пренебрегает. Внешность располагающая и почему-то верится, что он знает, как воевать.

— Мы не представлены, — напомнил я. — Я — Дмитрий Верещагин.

— Наслышан о тебе, — усмехнулся старлей. — Старший лейтенант Анатолий Ивин. 359-й отдельный батальон охраны и обслуживания. Не кадровый?

— Нет, — ответил я. — Но срочную служил в артиллерии. «Карамба-4», если тебе это о

чём-то говорит.

— А-а-а, знаменитый артиллерист, что не успел прийти, а уже медаль получил? — заулыбался Ивин.

— Он самый, — улыбнулся я.

— Так зачем тебе ружьё? — спросил старлей.

— Хочу сделать обрез, — ответил я. — На случаи близкого общения с противником.

— Ну, делай, — кивнул старлей и пошёл проверять остальных.

Пилить ствол лобзиком — это оставьте мазохистам, а у меня с собой болгарка.

Вставляю вилку в ближайшую розетку и приспособливаю резной письменный стол, изготовленный из дорогих пород дерева, под верстак.

Аккуратным движением болгарки 720 миллиметров длины ствола ТОЗ-54 превратились в 500 миллиметров. Приклад я тоже обрезал, затем сменил диск на шлифовальный и сгладил резкие углы.

Я загуллил, во время завтрака, как это делается. Примечательно, что нашёл информацию на сайте Минобороны РФ, где кто-то завёл рубрику с типичными способами изготовления оружия из подручных средств или модернизации привычного оружия под особые обстоятельства. Неожиданно, но приятно, потому что чувствуется, что, несмотря на все предпосылки, население не бросили.

Все манипуляции заняли у меня минут семь, после чего я примерился к обрезаю и покрутил его в руках. Нормально.

Отрезав от ближайшей портьеры несколько кусков недешёвой ткани, я достал из кармана швейный набор и начал быстро верстать себе кобуру для обреза.

Пришлось повозиться минут десять, но получилось некое ненадёжное дерьмо, потому что я не швея. Главное — не сильно мешает выхватыванию оружия, а это единственное моё требование.

— Снимите окно, — велел я Игорю и Вадиму. — Прав ведь полковник.

— Сделаем, Дмитрий Ибрагимович, — кивнул Игорь.

Посмотрев в окно, я увидел бронзовую жопу коня Петра I, расположенную в отдалении, а также открытые пространства за памятником. Деревья, на которых раскрылись почки и начала разрастаться свежая листва, мелкая трава, уличные лавки, урны, а также едущий к нам военный грузовик.

Раз ещё есть время, то лучше распахать красные патроны к дробовику по карманам. Надо держать их в ближайшем доступе, потому что предстоящий бой может пойти по весьма вариативному сценарию.

— А кто против нас-то? — спросил я у старлея, быстрыми движениями чистящего свой АК74М.

— Зомби, — ответил он. — Но есть сведения, что это какие-то другие зомби.

— Некромант, значит... — хмыкнул я.

— Нет, некрмант в той области не водится, — покачал головой Ивин. — Это что-то другое.

— Увидим, — заключил я.

— Увидим, — улыбнулся старлей, а затем показал на мою броню. — Где достал такую махину?

— В Эрмитаж сходил, — ответил я. — В рыцарский зал. Там ещё много таких же.

— А чего ещё не принёс? — поинтересовался Ивин.

— Так выдернули всех сюда, а я как раз там, — пожал я плечами. — Давно надо было сходить.

— Надо было, но не подумали, — вздохнул старлей. — Ладно, занимайся, а я пойду, попрошу медика нам в подмогу.

Не дадут, скорее всего. Медиков в городе сильно не хватает. В соцсетях люди ищут медиков, санитаров, хоть кого-то, но тщетно. Их никогда не было с запасом, а сейчас, когда особо мощный удар в первые часы пришёлся прямо на медиков...

Размышляя над печальными перспективами мира, где практически не осталось врачей, я быстро чистил автомат, готовя его к сложному бою. Маслёнка у меня с собой, в одном из кармашков разгрузки, а принадлежности в пенале, всегда с автоматом.

Спустя минуты, автомат уже сиял чистотой и оставалось лишь собрать его.

— Здорова, бойцы! — поднялся на этаж уже виденный сегодня капитан Артём Цыганков. — Мы сегодня с вами, но ещё с вами вот этот вот товарищ...

Солдаты, поднявшиеся вслед за ним, несли АГС-17.

— Боеприпасов к нему мало, но поддержка будет достойной, если прижмёт, — сообщил кэп, а затем увидел меня. — И ты тут, Дмитрий!

— Так уж получилось, — пожал я плечами. — Сколько вас?

— Сорок человек, — ответил капитан, обернувшись на своих бойцов, заходящих на этаж. — Повоюем.

— Повоюем, — кивнул я.

— С нами ещё один супер, кстати, — капитан указал на девушку в военной форме. — Она не контра, поэтому прошу стыдливо и виновато отвести взгляды. Быстро!

Прекратившие любую деятельность солдаты резко отвернулись.

— Наша Маша — телекинетик, — сообщил Цыганков. — Она способна поднять валун весом в четыре сотни килограмм и метнуть его на дистанцию до сотни метров. Что-то полегче бросит подальше.

— О-о-о, круто, — без особого восторга произнёс я. — Меня зовут Дмитрий, рад знакомству, Мария.

— Я тоже, — улыбнулась девушка.

Она русоволосая, причёска короткая, а-ля даму кто-то бросил — каре. Глаза голубые, черты лица тонкие, нос узкий и прямой, подбородок острый, чистая светлая кожа, макияж минимум, но он есть. Роста в ней где-то метр шестьдесят, а комплекция субтильная. Я бы, чисто прикидочно, оценил её вес где-то в сорок пять килограмм, может, чуть меньше. Тошная, в общем.

Сложно поверить словам кэпа, но сейчас такое время, что не знаешь, чего ожидать от внешне безобидных людей.

— Она будет орудовать отсюда, теми камнями, что мы привезли с собой, — сообщил Артём Цыганков. — Лояльных суперов у нас мало, поэтому требую беречь барышню пуще зеницы ока. Все всё поняли?

— Так точно! — раздалось слитное многоголосое согласие.

Я посмотрел в окно и увидел, что на брусчатке площади лежат четыре валуна, каждый весит по сто кило, если на вид.

— Мне бы ещё пушечные ядра, — произнесла Мария. — Я видела, где-то по дороге была старинная пушка — её бы тоже.

— Сделаем, — кивнул Артём, а затем посмотрел на своих подчинённых. — Ребята,

физкульт-привет!

— В чём смысл оборонять этот замок? — спросила вдруг лояльная супер.

— Мы не можем позволить себе, чтобы зомби осквернили статую славному Чижику-Пыжику, — с серьёзным выражением лица ответил Цыганков.

Ха-ха, а ведь действительно, статуэтка Чижики-Пыжика располагается на Первом Инженерном мосте, метрах в двухстах отсюда.

— Серьёзно? — недоуменно спросила Мария.

— Капитан Цыганков изволит шутить, миледи, — улыбнулся я. — На самом деле, оборона Инженерного замка преследует стратегическую цель не допустить мертвецов к Троицкому мосту, который ещё не разведён, а также к остальной части Летнего острова, контролируемой нами.

Мария улыбнулась мне, а затем недовольно посмотрела на Артёма. Тот виновато развёл руками.

— Есть какие-нибудь сведения о мертвецах? — поинтересовался я.

— На Ютуб давно заходил? — вместо ответа спросил меня капитан.

— Да как-то нет, — покачал я головой. — У меня была очень напряжённая неделя, и я не хотел нагружать себя негативом, изливаемым в каждом ролике.

Поначалу я ещё смотрел, на диковинные аномалии, которые некоторыми считаются причиной зомби-апокалипсиса, на участь других стран, где всё лучше или хуже, чем у нас, но потом, увидев, что модерацию совершенно упразднили и люди начали заливать откровенный шок-контент, я максимум на пару минут заглядывал в «Телегу» и ряд других соцсетей.

— А стоило бы следить за, скажем так, трендами, — укорил меня кэп. — Будто у нас сейчас служба — мёд, мертвецы начинают мутировать. В Москве уже четыре дня как начали отмечать особо быстрых или особо сильных мертвецов, но кадров видео мало, поэтому я сам не особо верил в то, что пишут люди...

Не припоминаю ничего такого в обсуждениях в «Телеге».

— И что? — спросил я. — Сильно опасны?

— Скоро узнаем, — вздохнул Артём. — Дроноводы говорят, что наблюдается некая нездоровая активность в толщах наступающих на нас мертвецов. Возможно, это они и есть.

Это очень полезная информация, которую следовало бы изучить поподробнее.

— Установлено, что за мутации и почему они возникают? — поинтересовался я.

— Почти ничего не знаем, — пожал плечами капитан. — Есть теория от московских эскулапов, тесно взаимодействующих с суперами, что скорость мутации напрямую зависит от количества заражённых на территории, но это выводы, сделанные на основе противоречивых данных из Китая, Индии и с Ближнего Востока. Косвенно это подтверждается тем, что в Москве дня три-четыре ходят и бегают особые мертвецы.

Бегающие мертвецы? Мне даже ходячие мертвецы не кажутся достаточно безопасными, чтобы пренебрегать ими, а если они ещё и бегать начнут...

— А у нас, выходит, только сейчас? — уточнил я.

— Контру потрепало сегодня ночью — они тоже не ждали ничего такого, — вздохнул Цыганков. — Есть свидетельства того, что несколько живых анклавов, сидящих под пятой контры, больше не живые. Женщин, детей, всех сожрали...

Печально слышать такое. Наша главная цель — спасение гражданских. Но как быть, если гражданские не доверяют нам?

— Это всё потому, что вы просрали пропаганду, — вздохнул я, а затем опомнился,

посмотрев на девушку. — Миледи, прошу прощения за мой язык. Я старший и неотёсанный солдат, не знающий такта и вежливости...

— За последние дни я и не такое слышала, — улыбнулась Мария.

— Гражданские уже привыкли не верить властям, — произнёс капитан Цыганков. — Поэтому не все спешат идти к нам, а некоторые просто не могут преодолеть линию фронта, даже если очень хотят. И контры, как я слышал, стараются не обижать себе подобных. Ходят слухи, что у них там где-то даже рабство завелось...

— О рабстве — это правда, — кивнула Мария. — До того, как я добралась до вас, мне пришлось проходить через весь Адмиралтейский. Там я видела такое... Здесь и близко нет ничего подобного.

«Говорит „Зоопарк“! „Баррикада“! Противник на подходе! Двигается очень быстро! Всем приготовиться!»

«Баррикада» — это очень ёмкое описание нашей сути и единственной функции в этом месте. Никто даже не надеется на то, что мы сможем кого-то победить или обратить в бегство. Задержать настолько, насколько это возможно.

— Между теми, кто ищет смерти, — произнёс я глубокомысленно, — мало тех, кто находит ее в то самое время, когда она была бы им на пользу.

— По местам все! — выкрикнул команду капитан Цыганков.

Я посчитал, что самое время для охрнительно вдохновляющей речи.

— Кхм-кхм, — откашлялся я и вышел в центр помещения, привлекая внимание всех. — Кавалеры и леди! Сегодня тот самый момент, когда за нашими спинами стоит наша Родина! Тот день, когда её судьба в наших руках! Так пусть эти руки будут мужественными! Так пусть ваши сердца забудут страх! Так пусть обратятся в прах и пепел те, кто посмел выступить сегодня против нас! Я приказываю вам сражаться доблестно, я запрещаю вам умирать напрасно, я повелеваю вам победить сегодня! Сегодня все вы станете героями! По местам!!! Ан гард!!!

Я почувствовал приток воодушевления, потому что моя же речь подействовала на меня же. Слегка приглушенные и подавленные солдаты выпрямились и с отчаяньем заулыбались, даже Вадим и Игорь, пареньки, до этого полностью осознавшие, на что именно подписались, сейчас дерзко улыбались, готовясь принять бой.

Связь между нами всеми — мы единый организм войны.

Сегодня мы умрём или победим.

— Умрём и победим! — выкрикнул я более точную формулировку и подошёл к окну.

Примечания:

1 — Салоп — фр. *salope* — в переводе означает «женщина крайне низкой социальной ответственности», причём в грубой форме. Также может обозначать подлого человека. Вообще, французский славится количеством слов, которыми можно обозвать женщину лёгкого поведения: *prostituée, pute, cocotte, femme légère, demi-mondaine, tapineuse, racoleuse, poule, gourgandine, fille légère, femme de mauvaise vie, courtisane, professionnelle, pouffiasse, pierreuse, peau, ménesse, moukère, morue, michetonneuse, marmite, péripatéticienne, pétasse, turfeuse, trimardeuse, traînée, tapin, taxi, souris, sirène, roulure, ribaude, raccrocheuse, marchande d'amour, maquerelle, femme publique, femme galante, croqueuse, coureuse, catin, béguineuse, boucanière, belle-de-nuit, bagasse, fille de joie, fille des rues, hétaïre, horizontale, grue, goton, geisha, gaupe, garce, femme vénale, fleur de macadam, asphalteuse. Да-да, это всё имеет*

примерно одно значение, хотя часть из этих слов можно воспроизвести и на русском языке, но я не буду.

2 — Карамультук — с тюркских языков «кара» означает чёрный, а «мылтык» — винтовка, ружьё — длинноствольное фитильное ружьё у азиатских народов. В современном русском языке так пренебрежительно и насмешливо называют старинное оружие, явно потерявшее актуальность.

"Экспропрированный" в Эрмитаже полудоспех:

Глава 16. Императорская битва

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Михайловский замок/

Отправляю длинную очередь в толпу мертвецов, но пули бесследно тонут в этой толще. Кого-то да, достал, конечно, но когда не видишь зримых результатов стрельбы, это деморализует. Слегка.

Зато я отлично вижу, как хорошо работают ЗУ-23-2, размещённые на крыше. Они привязаны к крыше стальными тросами, под углом, чтобы компенсировать плохие вертикальные углы наведения. Имею в виду известную проблему любой зенитки — конструкторы просто недоумевают, зачем солдатам нужно опускать стволы настолько низко?!

Благодаря элегантному решению, наши зенитки имеют сравнительно малую «мёртвую зону», обстреливая орду практически непрерывно.

Единственным недостатком было то, что снаряжали ленты стандартно, то есть четыре осколочно-фугасных зажигательных и один бронебойно-зажигательный. То есть, пробой насквозь целой толщи возможен только каждый пятый выстрел, а остальные подрываются при контакте с телом мертвеца.

Зенитчики поливают нетипичные для них цели с азартным отчаяньем, а я вижу, как среди толщи тел, упорно прущих к нам, разрываются каскады снарядов, надёжно уничтожая десятки мертвецов за раз. Но пришло их от пятидесяти до ста тысяч, мне сложно сказать даже примерно.

«Шилки» (1) грохочут счетверенными 23-миллиметрового калибра пушками, не позволяя мертвецам пройти в «мёртвую зону» ЗУшек. А те, кто проходит, получают пули от ребят с первого и второго этажей. А мы сидим на третьем этаже для того, чтобы дожидаться особых зомби и отстрелить им всё, до чего достанем.

Постреливать по обычным зомби не возбраняется, ведь каждый должен вносить свою лепту, но без фанатизма, придерживав боеприпасы для самых важных целей.

Разочарованно вздохнув, я перезарядил автомат и продолжил внимательно глядеть на бесчисленную орду мертвецов, пытаюсь вычленить среди них кого-нибудь особенного.

Страшно? Не особо.

Когда ты солдат, отношение к смерти, держащей руку на твоём левом плече, становится несколько равнодушным. Потому что неожиданная смерть в случайный момент — это единственное, что тебя ждёт, раз уж ты стал солдатом.

Как бы ни была высока наша огневая мощь, её всё равно не хватило на то, чтобы удержать свободный периметр. Но усугублено всё было тем, что «Шилки» постепенно перестали стрелять. Боекомплект снарядов ограничен, его и так не очень много, если в целом по гарнизону, но к баррикадам мертвецов подпускать нельзя.

Мертвецы быстро облепили замок со всех сторон, проникнув в мёртвую зону зениток на крышах. Заполнив телами и преодолев декоративный ров, представленный только на парадной части замка, зомби упёрлись в металлические баррикады, устроенные перед «Шилками».

Зенитчики торопливо затаскивали во все доступные люки снарядные ленты, ящики с которыми были в обилии расставлены по крыше и над двигательным отделением.

Перезарядка — это небыстрое дело, поэтому мертвецы нанизались на острые шипы баррикад до отказа, после чего начали выдавливать самых ближних «счастливиц» наверх, а те уже переваливались через баррикаду и упорно ползли к машинам.

Пулемётчик за «Утёсом» перевёл огонь на баррикады, чтобы снизить напор и уничтожить перебравшихся зомби, а я поддержал его из своего АК.

— Маша! — крикнул капитан Цыганков. — Бей по дохлым за баррикадой!

Мне стало интересно, как именно выглядит применение её сверхсил, а я и так стреляю по мертвецам у баррикад.

Стокилограммовый булыжник, лежащий среди собратьев в груди за баррикадой, быстро взлетел в воздух и замер над головами мертвецов. Мария сконцентрировалась и вздёрнула свою правую руку, отправив камень далеко в небеса.

Я сначала не понял, а потом снова не понял. Разумнее было бросить его вниз, с приданием энергии, а не отдавать всё на откуп ускорению свободного падения.

Высоту, на которую она отправила камень, определить не удастся, но, если верить словам Цыганкова, она может метнуть пятисоткилограммовый камень на сотню метров.

Пока я отстреливал самых ретивых мертвецов у баррикад, камень преодолел свой путь и рухнул в толпу мертвецов, причинив незначительный ущерб. М-да, я переоценил способности Марии...

Она сама поняла, что выбранная тактика просто курам на смех, поэтому следующий камень уже не взмыл в небеса, а сразу полетел в толпу зомби, замерев где-то на уровне головы среднего человека. И тут Мария показала, за что её следует уважать — камень перевернулся и принял положение острой кромкой под углом, после чего начал скользить вперёд и назад, калеча головы мертвецов.

Внешний эффект был не очень нагляден, потому что мертвецы стоят плотно и не дают телам собратьев упасть, но зато камень покрывался гнилой кровью, мозгами и ошмётками кожи с волосами, что свидетельствовало, как минимум, о том, что кому-то он головы разбивает.

Правда, долго супер поддерживать такой темп не смогла, неизбежно ослабнув и уронив камень в толпу. Осев на пол, Мария тяжело задышала и устало прикрыла глаза. Это её предел — меньше трёх минут вождения камнем по воздуху? Я ожидал, что она будет неистово раскидывать мертвецов, превращая их в труху, но её сверхспособность вела себя как-то скромно и не особо зрелищно.

Тем временем, зенитчики на «Шилках» перезарядили орудия и возобновили огонь.

Облако крови и кровавых ошмётков — вот во что превратились передние ряды орды мертвецов, причём некоторые из зомби даже загорались, но быстро тухли под оседающей кровью взвесью. Баррикады были частично разрушены бронебойными снарядами, но они и не предполагались для долговременного удержания противника.

То, что потребовало достаточно долгой перезарядки, было завершено за считанные минуты — «Шилки» снова израсходовали боекомплект, но зато натворили делов.

«Общий приказ! Огонь на подавление!» — донеслось из рации капитана Цыганкова. — «Отсечь противника от баррикад!»

Заработал АГС-17, «Утёс» перешёл в режим непрерывной стрельбы, а ещё загрохотали миномётные разрывы.

Я продолжил вдумчиво отстреливать мертвецов, получая лишь незначительные всплески могущества. После получения второй маски наращивание могущества происходит

всё медленнее и медленнее, поэтому, если всё будет идти именно так, как идёт сейчас, третью маску мне доведётся увидеть ещё нескоро...

Полная фокусировка огня на баррикадах позволила ненадолго заменить две «Шилки» и пресечь любые попытки мертвецов перебраться на другую сторону, что позволило открыть зенитчикам возможность загнать свои машины в распахнутые ворота замка.

Вообще, можно было не трогать боеприпасы и просто сидеть за стенами, как может показаться, но уже не один раз наблюдается ситуация, когда мертвецы дохнут у стен от давления толпы и падают под ноги соратникам, постепенно формируя «трупную лестницу». По этой «лестнице» они поднимаются даже к достаточно высоко расположенным окнам и тогда обороняющиеся теряют этаж. Единственный способ, чтобы не допустить такого — сидеть тихо и не отвечивать. Но мы не можем позволить такой гигантской орде мертвецов пройти дальше, потому что мы «Баррикада».

Пока я расходовал отнюдь не бесконечные боеприпасы, впрочем, как и все остальные бойцы, зенитчики спешно загоняли боевые машины во внутренний двор замка, а рядовые солдаты не менее спешно запирали за ними ворота.

«Все в укрытия!» — раздался из радиации приказ.

Это могло значить только одно — решено применить что-то из остатков артиллерии.

Разворачиваюсь и бросаю себя вперёд, ко внутренним помещениям.

Спустя секунд тридцать зазвучали достаточно громкие разрывы.

Если судить по характерным хлопкам, то бьют шрапнелью, то есть снарядами со стреловидными поражающими элементами. Это такие стрелки, именуемые флешеттами.

Вообще, моя оценка этим штукам варьируется в диапазоне от «неэффективное дерьмо» до «если нет ничего лучше, то пойдёт».

Потому что главной проблемой стреловидных поражающих элементов было то, что их в снаряде слишком мало. И раскидывает их так, что мама забирай меня домой — хорошо если половину постелет по противнику, а остальное улетит в небеса или в прилегающие здания. А так как поражающих элементов мало, то вероятность поразить противника именно в голову гораздо ниже, чем куда-то ещё.

У осколочно-фугасных снарядов же есть зона сплошного поражения, когда вообще ничего не выживает. Это достигается за счёт ударной волны, образующейся при взрыве. И эта ударная волна, резко меняющая давление с одной атмосферы на десять-двенадцать атмосфер или даже выше, качественно выдавливает мозги мертвецов через все доступные отверстия.

Поэтому мы предпочитали дубасить орды мертвецов фугасами, но даже с ними, помня о численности противника, наши действия не имели особого смысла. Мертвецов надо бомбить, скидывая на них тонны авиационных бомб и кассетных зарядов. Их надо сжигать, применяя огнемётные системы.

Только вот авиация уже исчерпала наличные боеприпасы, а РАВ-склады, большей частью, уже недоступны. Где-то лежат сейчас десятки тысяч тонн бомб, которые никто уже не использует...

Тяжёлых огнемётных систем «Солнцепёк» никогда не было особо много, а в Питере их, насколько я знаю, вообще нет. Вот такими штуками можно жарить мертвецов особо крупными партиями, вычищая площади залпами.

«Сколько не говори „халва“ — во рту сладко не станет», — подумал я, забравшись под дубовый письменный стол.

Долгая канонада свидетельствовала о том, что оставшиеся на острове пушки-гаубицы нацелены потратить всё, что есть.

Звенит стекло, разбиваемое шальными флешеттами, а я сижу тихо, потому что словить поражающий элемент сейчас легче лёгкого. И никто тебе не поможет.

«Всем вернуться на исходные!»

Слышу, что разрывы звучат всё реже, а затем и вовсе прекращаются — значит, посчитали обстрел мёртвой орды неэффективным.

Вылезаю из-под стола и возвращаюсь на своё место у окна. Остальные, чуть подуставшие от почти непрерывной стрельбы, но всё ещё готовые решительно продолжать бой, вылезали из укрытий и возвращались на свои позиции. Не успел я взять автомат наизготовку, как загрохотал «Утёс»: грохот и звон гильз, падающих на паркет.

Оценивающим взглядом рассматриваю площадь перед замком: с противником визуально ничего радикально не изменилось, потому что мертвецы как пёрли, так и прут. Памятник Петру I весь испещрен сколами и дырками, что является следствием нашего отчаяния, а не злого умысла.

На мертвецов опадают срезанные ветви деревьев, но мне резко стало не до философского созерцания окружения, когда я увидел их.

Очень необычные мертвецы, активные и деятельные, бегут сплочёнными группами, расталкивая своих более медленных соратников. Внешне они похожи на обычных зомби, такие же грязные и истерзанные, но они бегут и явно неслучайно собраны в группы.

Пробиваться через сплошную толпу зомби тяжело не только людям, но и самим зомби, надо сказать. У нас ещё есть время до прибытия этих особых мертвецов...

— «Карамба-4» у микрофона, — активировал я рацию. — Вижу группы аномальных заражённых. Количество — не менее сотни.

А на фоне, в дымке, оставшейся после разрывавшихся в небе снарядов, к замку ползли очень стрёмного вида создания, мало похожие на людей.

— Дай-ка мне бинокль, мон ами, — попросил я недоуменно вглядывающегося вдаль солдата.

Тот вспомнил, что у него есть бинокль, но только после того, как я ему об этом сказал. Стянув с себя ремень, он передал мне эту штуку в камуфляжной раскраске.

Увеличиваю кратность и смотрю на тварей, ползущих вдалеке. Уродливые создания возвышались над обычными мертвецами, так как были раза в два выше среднего человека. Туши эти, иначе и не назвать, были похожи на кентавров или что-то вроде того, потому что походили они на двух соединённых людей, как человеческая многоножка или что-то вроде того. И в месте соединения виделся толстый кожаный пузырь, натянутый и покрытый чёрными прожилками сосудов. Глаза у этих чудовищ большие, абсолютно чёрные, а вместо ртов некое подобие короткого хобота большого размера. Мой воспалённый разум нарисовал картину, где этот хобот обхватывает человеческую голову и высасывает из неё мозг. Нет, бред какой-то. Тут должно быть что-то другое...

Новые твари были у западного павильона, то есть на перекрёстке Кленовой и Инженерной улиц. Полагаю, уже можно по ним стрелять. Но сначала нужно сообщить остальным.

— Это снова «Карамба-4» на связи, — активировал я рацию. — Новый вид противника — некие странные существа с хоботами и большими шарообразными пузами. Идут к нам, но никак себя не проявляют.

Обычные мертвецы, к слову, расталкивались ещё одним особым видом — здоровенными бугаями, даже на вид физически сильными. Лапища расталкивали обычных зомби в стороны, освобождая дорогу остальным «спецам».

Это всё, в совокупности, очень плохо пахнет.

— Огонь по ним! — закричал я. — Стреляйте, стреляйте!

И я сам начал стрелять, но не по здоровякам, а по толстопузым хоботосцам, потому что чувствовал, что с ними что-то сильно не так.

По здоровякам открыли огонь «Утёс» и АГС-17. Я эффекта стрельбы не видел, лишь мельком посмотрел, потому что всё моё внимание было нацелено на толстопузых...

Трассеры показали мне, что я попадаю по этим тварям, но им будто бы всё равно, потому что они продолжают идти.

А потом обстреливаемая мною тварь остановилась, подняла свой хоботок и плюнула чем-то белым в мою сторону.

Оставляющая в воздухе слабый дымный или паровой след субстанция, двигаясь по очень предсказуемой баллистической траектории, не долетела до замка метров тридцати, упав на толпу мертвецов. До меня донеслось громкое шипение, будто в воду добавили соды и уксуса. Поражённые этой субстанцией мертвецы задёргались как ужи на сковородке, но дёргались они недолго, потому что их очень быстро растворило до костей, а затем и кости развалились в жидкий бульон.

Это какая-то особо активная кислота, раз так быстро превращает плоть в стекающее под ноги идущих мертвецов ничто.

Продолжаю стрелять по выбранной цели, но понимаю, что пули не причиняют уродцу достаточно ущерба.

— «Утёс»! — крикнул я пулемётчику. — Шарахни по той твари! Сейчас помечу!

Даю очередь на остаток магазина, чтобы последние пять патронов пришлись прямо в кислотного.

— Понял, щас! — ответил пулемётчик.

Очередь крупнокалиберных пуль переломила торс плевуна пополам, он опал в толпу и больше не подавал признаков активности.

Пулемётчик, посчитавший, что здоровяки представляют для нас куда большую опасность, вновь переключился на них, а я почему-то не верил, что всё будет так просто.

Остальные плевуны приблизились к замку на дистанцию около ста метров, после чего «возбудили» свои хоботки и начали плевать кислотой.

Белая субстанция врезалась в стены, бесполезно расплёскиваясь и шипя, но один из «снарядов» попал в правое от меня окно.

— А-а-а!!! — завопил солдат с ПКМ. — А-а-а!!!

Но долго кричать ему не пришлось, потому что кислота сработала быстро и прервала его вопль. Плоть растворилась в полупрозрачный красноватый бульон с включениями, а оружие покорежило так, что уже больше не используешь. Но хуже всего было то, что кислота попала и на коробку с пулемётной лентой, из-за чего у нас началось световое шоу.

Я рухнул на пол и прикрыл голову руками. Пули, детонирующие от контакта с кислотой, разлетались по всему помещению, ранив и даже убивая.

Когда всё это прекратилось, я увидел, что пулемётчик убит попаданием в голову, а ещё пара человек ранена.

— Я за пулёмёт! — сообщил я всем присутствующим.

Оттащив тело усатого пулемётчика, имени которого я так и не узнал, к противоположной окнам стене, я встал за «Утёс». Тут есть оптика, поэтому прицеливание — это дело тривиальное, особенно, когда у нас почти детская дистанция. Навожу пулемёт на ближайшего плевуну и зажимаю спусковой крючок.

Пытаюсь попасть в голову, но выходит только в грудь и шею, чего, в принципе, хватает, чтобы вывести тварь из строя.

Но тут у меня в голове появилась гипотеза, что кислота у этих плевунуов хранится в этом здоровенном и натянутом шаре, на самом деле являющимся не брюхом, а резервуаром. И если порвать этот шар, то кислота разольётся в стороны, а вокруг этих плевунуов полно обычных зомби...

Решаю сразу подтвердить или опровергнуть свою гипотезу, открыв интенсивный огонь по брюху сражённого плевунуа.

Кислотного взрыва, как в лучших голливудских фильмах, увы, не произошло. Но я, уже переводящий прицел на нового плевунуа, отметил, что кислота из резервуара вышла, что сказалось на ближайших к жертве мертвецах, начавших проседать, вероятно, от потери ног.

Нехилый такой прилив могущества заставил волосы на моих руках и на голове шевелиться, а кожу покрыться мурашками. Значит, плевуну ещё был жив после попадания пули в область шеи, но сдох от разрушения кислотного пузыря. Учтём.

Перевожу прицел на нового, но вижу летящий в меня сгусток кислоты.

Бросаюсь вправо и сбиваю с ног раненого солдата.

Кислота попадает прямо на пулемёт, а также в само помещение, вызвав у меня приступ омерзения от резкого и тошнотворного запаха, ворвался новый аромат — воняло лежалой падалью с примесью очень горького миндаля, тухлой капусты и ещё чего-то неопределимого. Мне в нос шарахнуло этим букетом при первом же вдохе, глаза заслезились и начало драть горло, словно наждачкой.

Новая линия парфюма от "Живанши", иначе и не скажешь...

— Кха! — сдавленно кашлянул я и вытащил из подсумка покрытую машинным маслом ветошь.

Вслед за тряпкой выпала маслѐнка, но сейчас не до учёта личного имущества. Пусть лежит.

Закрыв ветошью лицо, я отступил на несколько шагов назад и оценил ущерб пулемѐту. А нет больше никакого пулемѐта. Ещё секунды назад капитальный и массивный ствол, сейчас выглядел как жертва безумного соседа с перфоратором, а ствольная коробка обнажила подплавленный ударно-спусковой механизм.

— Мьерда! — в сердцах пробурчал я через ветошь.

ЗУшки на крышах уже минут десять не стреляют — вероятно, кончились боеприпасы.

Ах, как бы хорошо было сейчас расстрелять из них кислотных тварей...

Перестав мечтать о несбыточном, я вернулся к своему окну и выбрал новую цель — плевунуа, стоящего за изрезанным осколками и пулями деревом. Оно его совершенно не прячет, поэтому я думаю, что это просто случайность, а не разумная попытка найти укрытие.

Если у них есть развитые мозги, то наше и без того безнадежное дело лишается последних шансов на успех.

Результативность моей стрельбы — это притча во языцах. Если из чего-то тяжѐлого и артиллерийского калибра я стреляю как снайпер, десятки тысяч зомби, если бы могли, не дали бы соврать, то вот из лёгкого ручного всё обстоит не так уж и хорошо. Видимо, поэтому

мне так захотелось занять ружейный обрез — свинцовая дробь не очень требовательна к меткости стрелка...

Но я готов поставить собственную задницу, что попал в хобот плевуна, минимум, два раза. Правда, этот ублюдок ничего не почувствовал и плюнул куда-то на этаж ниже.

В этот момент с крыши упало несколько тел. Я был ошеломлён, потому что не ожидал ничего подобного. Уж за зенитчиков на крыше я был спокоен.

— Что за херня происходит?! — спросил я у окружающих.

На мой вопрос никто не ответил, потому что все были заняты борьбой с атакующими мертвецами.

С улицы доносилась эта отвратительная вонь, едва-едва перебиваемая запахом пороха. Смотрю на улицу и вижу, что откуда-то со стороны Михайловского сада по мертвецам бьют из танковых пушек и автоматических орудий БМП.

Осколочно-фугасные снаряды к танкам были полностью исчерпаны ещё дня три назад, поэтому били они БОПСами (2) и кумулятивными снарядами. БОПСы, как показала практика, отлично пробивают толщу некогда человеческих тел и не особо меняют при этом траекторию. И из-за их чудовищной скорости образуется ударная волна, которая причиняет дополнительный урон. Не такого применения своих изобретений ожидали конструкторы, ох, не такого...

Кумулятивных снарядов тоже мало, насколько я знаю, потому что они, всё-таки, взрываются и наносят неплохой урон по площади. Возможно, сегодня последний бой, когда активно применяются танки.

Вижу в окно, что группы особых зомби приближаются. Открываю по ним огонь и срезаю одного, облачённого в серые остатки шерстяного плаща с некогда ярким оранжевым шарфом. Возможно, этот мертвец был художником или поэтом...

— Как от пчёл, от чебуреков, раздувает человек! — продекламировал я и дал длинную очередь в прыгнувшую на здание тварь в изорванной розовой куртке и с крашенными в блонд волосами.

Тошная мертвячка, яростно хрипя, зацепилась за оконный отлив и попыталась проникнуть внутрь, но мешала решётка, которую неизвестный сумрачный гений решил разместить на окнах третьего этажа, а не второго или первого. Моё сердечное спасибо ему.

Приставляю автомат к голове остервенело дёргающей решётку твари и даю короткую очередь. Малоимпульсные пули сделали маленькие входные отверстия, но на выходе вырвались вместе с ошметками мозга и осколками костей черепа. Жутковато до сих пор, но уже привыкаю, постепенно.

Вот тут-то меня и охватила лёгкая эйфория. Прилив могущества был даже сильнее, чем от убийства плевуна. Оскаливаюсь в ожесточённой ухмылке и начинаю стрелять по остальным тварям из группы особых.

Они кидаются к стенам, взбираются по крутой горке из трупов и прыгают в окна. На первом этаже, наверное, настоящий кошмар.

Продолжаю стрелять, спокойно, вдумчиво, потому что иначе не убить как можно больше тварей.

Слышу знакомый рокот, но не реагирую на него, хотя мне следовало бы соображать лучше.

Вспышки разрывов неуправляемых авиационных ракет, врезающихся в орду зомби, отпечатываются на сетчатке.

Ракеты с неба — это хорошо, но плохо, что шквал ракет движется прямо на инженерный замок.

По-хорошему, надо бы бежать, но в окне, как назло, появился особый мертвец, зыркнувший на меня своими непроглядно-чёрными глазами. И АК пуст, сука...

Бью кулаком в оскаленную морду мертвеца, после чего выхватываю обрез и даю ему дуллетом прямо в рот.

Нижняя часть головы зомби дезинтегрируется, а верхняя часть отлетает в сторону.

Разворачиваюсь и бегу, но взрывы оказываются быстрее.

Чувствую острую боль в пояснице и врезаюсь в капитальную стену.

И темнота.

Примечания:

1 — ЗСУ 23-4 «Шилка» — зенитная самоходная установка, разработанная в СССР. Используемые боеприпасы — 23×152 мм, ОЗ — осколочные зажигательные и БЗТ — бронебойные зажигательные трассирующие. Энергия снаряда — 90 кДж. Для сравнения — у патрона 5,45 энергия пули что-то около 1,1 кДж. Производство «Шилки» было начато в 1964 году. Скорострельность счетверенных орудий — 3400 выстрелов в минуту. Если предположить, что в ленте исключительно 190-граммовые бронебойно-зажигательные снаряды, то вес секундного залпа — 10,7 килограмм. То есть десять кило стали и зажигательной смеси, изрыгаемые из четырёх 23-мм пушек, каждую секунду. Если каким-то образом сделать настолько длинную ленту, чтобы зенитка могла отстреляться в течение минуты, то суммарный шквал отправленных во врага снарядов весил бы шестьсот сорок два килограмма. Математика простая, конечно, но вы вдумайтесь — шестьсот сорок два килограмма за минуту! Впрочем, всего у зенитки возимый боекомплект составляет две-три тысячи снарядов, что зависит от модификации машины. Задачей «Шилки» изначально являлось уничтожение низколетящих целей, но время прошло и она устарела. Впрочем, с вооружения её никто снимать не спешит, ведь оказалось, внезапно, что эта штука отлично работает по живой силе и легкобронированной технике противника.

2 — БОПС — бронебойный оперённый подкалиберный снаряд — это тип снарядов для ствольного оружия, стабилизируемых в полёте за счёт аэродинамических сил. Ещё там обязательно должен быть отделяемый поддон, отваливающийся в процессе полёта снаряда. Идея не новая, ведь подкалиберные снаряды разработали ещё в период Второй мировой, но первые прототипы отличаются от современных аналогов как небо от земли. Вот возьмём примером снаряд «Вакуум-1» для танковой 125-мм пушки 2А82. Если первые поколения подкалиберных снарядов редко достигали скорости полёта 900–950 метров в секунду и пробивали броню не прямо-таки сильно лучше, чем калиберные снаряды, особенно, когда дистанция приличная, то на 2А82 подкалиберные снаряды «Вакуум-1» развивают скорость что-то около 2000 метров в секунду, а пробивают броню в интервале 850-1000 миллиметров на дистанции до трёх-четырёх километров.

Глава 17. Падение небес

/8 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Михайловский замок/

В себя я пришёл от острой боли в спине.

— Мьёрде... — прошипел я, когда попытался шевельнуться.

Прострелило болью вообще через всё тело.

Открываю глаза и вижу, что всё в дыму, что-то горит, воняет этой говённой кислотой и кровью. Я лежу на полу, а ноги мои накрыты здоровенным письменным столом, перевёрнутым вверх тормашками.

Пытаюсь сдвинуть стол, но куда там...

Паркет у двери в кабинет горит, мать его пютэ, чадит чёрным дымом, а внешней стены, которая раньше точно была, теперь нет.

Значит, НАРами прошлись основательно. Ракетчики хреновы...

Снова предпринимаю попытку высвободиться, но снова без толку. Автомат неизвестно где, но зато обрез со мной.

Аккуратно, стараясь не задействовать мышцы спины, стреляющие острой болью при любом неловком или слишком резком движении, достаю из под сумка разгрузки четыре патрона к обреза.

Медленно, стараясь не шуметь, переламываю обрез и извлекаю отстрелянные патроны, сразу поместив на посадочные места новые два. С тихим щелчком затвор закрывается и я начинаю чувствовать, что теперь уже не так беззащитен.

Теперь решаю пойти от обратного — если гора не двигается, то надо двигаться Магомеду.

Упираясь в стол, толкаю себя, но снова безрезультатно. Слишком тяжёлая, зараза, а я слишком ранен и слаб.

— О, живой... — прохрипел чем-то знакомый голос. — Щас, браток, подож...

Раздался яростный рёв, звуки ударов, испуганный вопль, а потом и влажный хрип. После этого только звуки разрывания плоти и чавканье.

Значит, безопасностью тут больше не пахнет. Кругом враги, а я лишён мобильности и холодного оружия — я вижу, что от перевязи меча остался только обрывок дублёной кожи. Ну и ладно, всё равно, из-под стола я могу, разве что, только угрожать саблей.

Главное, что нужно знать — обрез со мной, поэтому пристрелю любого ле кона...

Где-то за головой раздаются нетвёрдые шаги, затем частое шарканье откуда-то со стороны моих ног, а затем тяжёлый письменный стол взмывает к потолку и летит куда-то в дым. Треск и грохот.

Приподнимаю голову и смотрю, что же там произошло. А там из-под стола торчат ноги в красных сапогах со сломанными каблуками.

— Ты живой? — раздалось откуда-то сзади.

— Да, — честно ответил я. — Пока что. Мария?

— Надо уходить, — вижу, как надо мною нависает супер-лоялистка. — Не знаю, что у вас за тёрки, но ваш вертолёт обстрелял замок.

Это очень непонятная история, но прояснить всё я буду только после того, как выберусь из кишашего зомби замка.

Из дыма выскакивает здоровенный мужчина в самодельной броне. Естественно, он немёртвый и алкающий плоти.

Самодельная броня сделана из нарезанной лоскутами покрышки и металлических фрагментов. Защищала она почти всё тело, кроме лица. И именно лицо этому бывшему человеку и обгрызли.

До того, как Мария успела что-то предпринять, приподнимаю обрез и стреляю. Дробь щедро усеяла тело мертвеца, большей частью придясь на голову. Зомби рухнул, а я почувствовал прилив силы, что чуть-чуть уллучило моё настроение.

— Быстрее! — супер подхватила меня под плечи, чем вызвала острый приступ боли. — Надо уходить!

— Брось меня, — потребовал я. — Похоже, я отбежался. Спасайся сама.

Меня посекло осколками, поэтому, даже если она потратит все силы, чтобы дотащить меня до безопасного места, я истеку там кровью.

— Я не бросаю своих, — покачала головой Мария и поволокла меня куда-то.

— М-м-м, мьёрде... — прохрипел я. — А когда я стал для тебя своим?

— Ты же тоже супер, — ответила она.

А, тогда ясно.

Жаль, что теперь есть одна радикальная черта, которая уже разделила общество тех, кто ещё не сдох.

По дороге, видя, как за мной стелется слабенький шлейф из крови, я размышлял о концепции ницшеанского уберменьша.

Сверхчеловек вне человеческой морали, поэтому на первый взгляд, контры и иные суперы вписываются в эту концепцию. Только вот Ницше имел в виду, что у сверхчеловека должна быть сверхчеловеческая мораль. То есть «утративший человеческую мораль человек» не равно «сверхчеловек». Как если бы у сверхчеловека, вместо рук были крылья, а человек отрубил бы себе руки и объявил себя сверхчеловеком.

Пересиливаю себя и перезаряжаю обрез. Больно, хреново, но надо. Мария тащит меня быстро — мой вес не создаёт ей затруднений, потому что за сегодня она стала гораздо сильнее и быстрее. Как и я.

Доспехи не удержали осколков, поэтому я истекаю кровью. Не очень быстро, но непрерывно. Впрочем, можно надеяться на запас прочности, ха-ха, сверхчеловека...

Когда-то давно, будучи подростком, я увлекался сеттингом «Warhammer 40 000». Увлечение, со временем, прошло, но вновь я вспомнил об этом уже в институте, на занятиях по философии, конкретно при изучении философии Ницше.

Разработчики ведь, продумывая концепт космодесантников, примархов и Бога-Императора, использовали идею сверхчеловека. Об этом нигде напрямую не пишется, но есть отсылки.

Бог-Император — это настоящий сверхчеловек, со своей сверхчеловеческой моралью. И он принципиально выше простых людей, причём разработчики поставили его так высоко, что его мотивы непознаваемы не только подданными, но и нами.

А вот его примархи — это ошибка. Сверхчеловеческие тела с человеческой ментальностью. Форму сверхчеловека завезли, а содержание сверхчеловека забыли. Естественно, Бог-Император был ими разочарован. Нет, это человеческое качество — разочарование. Бог-Император не был разочарован, последнечеловеческие качества ему не присущи, но навсегда изменил отношение к своим «детям». А у «детей», почти у всех,

полезли вполне себе человеческие комплексы. Будь они сверхлюдьми по содержанию, как того ожидал Бог-Император, их бы не колебало его отношение. Мы вообще не в состоянии познать особенности взаимоотношений сверхлюдей, но просто людское знаем хорошо, ведь это присуще нам. И мы видим, что кто-то из них увлекается стяжанием славы, кто-то стяжанием богатства, кто-то чрезмерно горд, а кто-то просто любит убивать. Это не поведение сверхлюдей.

В каждом примархе можно увидеть что-то человеческое, а это было бы невозможно, являйся они истинными сверхлюдьми, как Бог-Император.

Собственно, к чему это я? Я это к тому, что контры и суперы — это некий аналог примархов. Сверхчеловеческие качества + человеческая мораль. Они обречены обсираться и портить всё. И я обречён поступать так же.

Несколько раз Мария останавливалась, чтобы прикончить встречающихся зомби подручными средствами. Боль и кровопотеря ослабляли моё сознание, поэтому я и сам не заметил, как вновь отключился.

Следующее пробуждение было менее болезненным, чем предыдущее.

Я лежал на чём-то мягком, в темноте, пропахшей лекарствами и пластиком.

Пошевелив рукой, я зацепил некий провод. Пощупав его, я понял, что это шнур капельницы. Кто-то поставил мне систему, скорее всего, с физраствором. Поясница не болела, но в теле чувствовалась некоторая ватность и заторможенность. Только предполагаю, что я обколот обезболивающими, а это значит, что раны тоже обработаны и прямой угрозы жизни нет.

Я нащупал в кармане штанов свой телефон. Вытаскиваю его и ввожу пароль. Время — четыре утра, дата — девятое апреля. Значит, я пробыл в отрубке меньше десяти часов. Если бы не ранения, сошло бы за полноценный сон.

Но я чувствую, что разбит и хочу спать.

Единственное, что я заставил себя сделать — посветил экраном телефона и увидел, что нахожусь в маленькой комнатухе, на матрасе без простыни. Окно занавешано плотной коричневой шторой, а деревянная дверь закрыта. В принципе можно смело отключаться.

/9 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Михайловский замок/

На этот раз пробуждение было связано с Марией.

— ... военных штучек, поэтому говорю, как привыкла, — она стояла в двери и говорила в рацию. — Я не знаю, что это за вертолёт, потому что я его не видела. Всё, что я видела — это какие-то ракеты, шквалом обрушившиеся на зомби, а потом и на нас. У меня тут раненый, один из ваших.

«Кто именно?» — раздался голос из динамика.

— Дмитрий Верещагин, который актёр, — ответила Мария. — Его ещё по телевизору недавно показывали и на ютубе пара роликов есть.

«Ещё кто-то?» — спросил голос.

Я узнал этого человека — полковник Краснодубов. Значит, «Зоопарк» ещё существует. А это значит, что есть надежда на то, что мы ещё повоюем.

— Больше никого нет, — спокойно ответила Мария, а затем заговорила с раздражением. — Ну или я не знаю. У меня, вообще-то, не было возможности походить по замку и поискать выживших!

«Спокойно», — попросил её Краснодубов. — «Ваша задача — добраться до виллеостровского морского вокзала. Там будет дежурить катер — он заберёт вас и доставит в Кронштадт».

— То есть, в городе никого нет?! — возмущённо воскликнула Мария. — Вы обещали, что вытащите меня отсюда!

«Обстоятельства резко изменились», — сообщил полковник. — «Нам пришлось срочно эвакуироваться, потому что мертвецы прорвали все оборонительные линии и, каким-то образом, сумели опустить мосты через Неву».

Последнее — лютый бред. Особые зомби, конечно, быстрее и сильнее, чем обычные, может, чуть умнее, но не настолько.

— Я тебе не верю, — процедила Мария в рацию. — Они не способны на такое, я точно знаю.

«Мы не знаем точно, кто это сделал, но вынуждены констатировать — мосты опущены», — сказал на это полковник. — «Мне очень жаль, что всё получилось именно так, но вам придётся выбираться самостоятельно».

— Сука, как всегда... — прошептала Мария, а затем бросила в меня рацию. — Эй, Наполеон, подслушивать — нехорошо!

— Какая интересная беседа, — посмотрел я на неё.

— А ты симпатичнее в жизни, — сказала супер, подошла ко мне и села на корточки. — В «Бесе» ты этакий самовлюблённый мудака и хозяин жизни, которому все должны, а в жизни у тебя даже взгляд и походка другие. Долго готовился?

— Не очень долго, — ответил я. — У нас всё плохо?

— У тебя — да, — Мария вытащила мобилу и открыла галерею. — Смотри.

На фото была, судя по всему, моя спина, в которой имелось, минимум, четыре кровоточащих отверстия.

— Осколки всё ещё внутри, — сообщила супер. — Так что, в отдалённой перспективе, тебе конец, Наполеон.

— Умеешь радовать новостями, — усмехнулся я. — Но рано ещё меня хоронить. А у тебя как дела?

— Нормально, — ответила Мария. — Посижу, подожду, пока разбредутся мертвецы, а потом уйду отсюда.

По крайней мере, это честно. Уважаю честных людей.

— Ты медик? — поинтересовался я, бросив взгляд на систему, закреплённую на напольной вешалке.

— Неа, — ответила Мария. — Пришлось гуглить и звонить одному человеку. Зато теперь я знаю, как оказывать помощь в случае осколочных ранений. Век живи — век учись.

— Приятно слышать, что в наше беспокойное время ты находишь возможность для самообразования, — усмехнулся я. — Мы ещё в инженерном замке?

— Да, — кивнула она. — На третьем этаже. Тут безопасно, но нечего есть. И воды тоже нет — думаю, канонадой перебило водопровод.

— Канонадой? Ты о вертолёте? — не совсем понял я.

— Ты пропустил эту часть фестиваля, — грустно усмехнулась Мария. — После того, как вертолёт улетел, сообщили, что нас решил поддержать флот на Балтике. По скверу отработали с кораблей. Тогда-то и выбилась основная масса зомби, окружавших замок. Но уцелевших хватит на нас с лихвой. Ты ранен, от тебя мало толку, поэтому, уж извини, мне

придётся тебя оставить. Ты ведь не обижаешься?

Кажется, она получает некое нездоровое удовольствие от этой ситуации. Примеряет на себя роль антагонистки, живущей в мире трудных решений? Или у неё просто съехала крыша от того, что сфера слишком сильно надавила на её мозги? Как бы знать...

— Как говорил мне дед, — произнёс я. — Если будут обижать — ты не обижайся. Можешь уходить смело и решительно. Я как-нибудь выкарабкаюсь. Тем более, что тебе следовало сделать это с самого начала.

Вспомнил о своём импульсивном поступке и сильно напрягся. Это не моё решение. Я хочу жить, это факт, поэтому это не в моей психологии — решить, что всё кончено и остаться, чтобы... чтобы что?

Умереть как солдат, в бою. Может, Наполеон мечтал о такой смерти?

— Спасибо, что избавил меня от необходимости выслушивать жалкие мольбы и обвинения, — поблагодарила Мария.

А в тот раз говорила, что не бросает своих. Хотя, её мотивация, говорить те слова, мне предельно понятна: тогда не было известно, что «Зоопарк» уже свалил на Кронштадт. Она зарабатывала дополнительные очки, которые, увы, не пошли в зачёт. Больше смысла меня спасти у неё нет и очень повезло, что ей стало известно об уходе военных ПОСЛЕ того, как она уже потратила время на штопанье моих ран.

— Не за что, — улыбнулся я. — Но спасибо, что подлатала меня и поставила систему.

— Не за что, — махнула рукой Мария.

— Чего это моряки вдруг решили поучаствовать в нашей беде? — задался я вопросом.

— Понятия не имею, — ответила она. — Может, договорились.

Может и так, а может и нет. Может, генерал-лейтенанта убили или сместили, а остальные сухопутные согласились пойти под командование адмирала.

Что бы ни происходило, какие бы беды и катаклизмы ни случались со всеми нами, мы всегда найдём время и место для конфликтов на почве борьбы за власть. Потому что мы люди, с человеческой моралью.

— Ты говорила, что видела какие-то ролики обо мне, — вспомнил я разговор Марии с полковником. — Что-то не припомню, чтобы где-то снимался в последние дни.

— Тебя записывали, когда ты рубил мертвецов своим мечом, ещё в самом начале, — ответила Мария. — Ролик набрал девятнадцать миллионов просмотров. Можно сказать, что ты завирусился.

Точно ведь. Припоминаю, что ехал куда-то, вроде бы, но потом чуть не сбил бегущего от зомби курьера, после чего решил остановиться и завалить эту группу мертвецов. И да, тогда была куча людей в окнах, записывающих происходящее на видео. Кто-то выложил видео на Ютуб, чтобы заработать дешёвой и кратковременной славы. Или зачем ещё люди выкладывают видео на Ютуб?

— Да, хорошее было время, — улыбнулся я. — Лучше, чем вчера и сегодня.

— Как бы не пришлось в будущем вспоминать нынешние деньки с сожалением о хороших временах, — загрустила Мария. — Ладно, отдыхай, а я попробую отжать ещё одну комнату у мертвецов...

Дёрнув рукой, она подняла в воздух кусок окровавленной арматуры и покинула помещение, ведя оружие перед собой.

Я поднял лежащий на полу мобильник и разблокировал его лицом.

«Телега» светилась 99+ сообщениями, но я даже не стал туда заходить.

Открыл Ютуб, чтобы поискать ролик о себе любимом.

И он обнаружился довольно быстро, рядом с моим интервью тому странному типу, Богдану. Менеджер сказал, что будет хорошо для имиджа поучаствовать в этом проекте, где ведущий задаёт тупые и нетипичные вопросы, нацеленные на создание у тебя чувства неловкости и дискомфорта. М-да, воспоминание из жизни, которой больше никогда не будет.

Не знаю, кто до сих пор поддерживает Ютуб, но эта штука всё ещё работает, хотя иногда сильно тупит и прогружает далеко не все ролики.

В ролике я не увидел ничего нового, кроме забавной штормки со Спанчбобом и Патриком. Хотя, видеть со стороны такую блестящую схватку, когда я прокалывал головы зомби шпагой, это, конечно, приятно и любопытно.

Посмотрел, поставил лайк, подписался, хотя вряд ли этот парень будет выпускать новые ролики...

Зашёл в ватсап, спросить, как там дела у остальных и проверить онлайн у пары людей. Но не успел я зайти в приложение, как поступил звонок.

— Алло, Дима? — раздался голос Ани.

— Привет, — ответил я.

— С тобой всё хорошо? — спросила она.

— Сейчас ни с кем не хорошо, — ответил я. — Надеюсь, ты послушала меня и не совершаешь сейчас опрометчивых поступков?

— Я уже в Петербурге, — сообщила Ани.

Озадаченно молчу секунд десять.

Вот же дура...

— Дима? — обеспокоенно спросила она.

— Зря, — сказал я.

— Где ты находишься? — задала она вопрос.

Теперь, раз уж она здесь... Нет.

— Возвращайся обратно, — потребовал я. — В городе очень опасно.

— Скажи мне, где ты находишься. Дима, — попросила Ани. — Я приду.

— Эх... — вздохнул я. — Я в Михайловском замке. Но тут полчища зомби, поэтому не лезь.

— Я придумаю что-нибудь, — заверила Ани. — Никуда не уходи. До связи.

Она завершила вызов, а я решил, что надо позвонить бабушке. Но телефон её оказался отключен, поэтому я написал СМС, что нахожусь в безопасности и всё нормально.

У матраса стоит бутылка с газировкой и гранёный стакан. Сервис, мать-перемать...

Приподнимаюсь, беру бутылку и пью с горла. Газировка синего цвета, как силикатный антифриз. Понюхав, я не получил убедительных сведений о том, что это не антифриз. Вот такая у нас жизнь нонче — даже по запаху не поймёшь, это для тебя или для машины. Понаизобретают всякого...

Но пить мне хотелось сильно, поэтому я решил рискнуть.

Напившись, я уснул и проспал неизвестно сколько времени.

— Проснись и попей, — раздалось у меня над ухом.

Открываю глаза и вижу Марию, довольно улыбающуюся.

— Хочешь сюрприз? — спросила она.

— Нет, — признался я.

Супер вытащила из-за спины несколько колец.

— Так, — произнёс я. — Кольца прикольные, но я не понимаю, зачем ты...

— Посмотри сюда, — ткнула она пальцем в шинку серебряного кольца с зелёным рубином.

Вглядываюсь в указанное место и вижу символы.

Тип: среднее кольцо силы

Потенциал: необычный

Краткое описание: увеличивает физическую силу. Подстраивается под палец носителя.

И опять эта невероятная передача цвета символами, но так, чтобы было понятно любому. Читывал я в интернете, что символы понятны всем, независимо от пола, возраста и родного языка. Учёные называют эти символы неким дальнейшим развитием идеограммы.

Идеограмма, как я узнал из статьи в интернете — это знак, соответствующим образом изображающий некое понятие или конкретную идею, а не звук, как у нас в алфавите. Примером идеограммы может служить иероглиф, фактически состоящий из идеограмм. Правда, иероглифы склонны довольно быстро пересекать черту универсальности и начинают формировать запутанные связи, которые недоступны пониманию человека, не владеющего этим типом письма. Но неизвестные создатели шариков сверхспособностей и, как оказалось, явно магических колец, каким-то образом решили проблему недоступности от усложнения и сделали вот такие идеограммы, которые наш мозг конвертирует в знакомый язык. Дичь, конечно, но факт.

Само кольцо... Среднее кольцо силы — это, конечно, круто. Не знаю как это должно работать, но прибавка к физической силе — это настоящее конкурентное преимущество.

— Неплохо, — кивнул я. — Где нашла?

— Выбила из мертвяка, — улыбнулась Мария. — Блин, как же редко выпадают настолько хорошие!

— Они выпадают? — удивился я.

— А ты не знал? — ещё больше, чем я, удивилась супер.

— Честно сказать, впервые вижу что-то такое, — признался я.

— Это потому, что водишься среди простокваш, — неодобрительно высказала мне Мария. — Слышала, что пока все нормальные люди качались, ты тратил время среди солдатни.

Простокваши — это, наверное, их разговорное обозначение людей без сверхспособностей.

— Кто ты такая, Маша? — спросил я.

— Я просто супер, — усмехнулась она. — Если бы мне не предложили билет на Готланд, ты бы меня даже рядом с этим местом не увидел.

— М-хм, — произнёс я задумчиво. — Значит, ты обреталась среди контры?

— Что ты понимаешь под «контрой»? — уточнила она.

— Суперов, которые воевали против армии и меня, — объяснился я.

— Ну, неправильную тактику ты выбрал, Наполеон, — ответила на это Мария. — Надс было как все, выживать самостоятельно, а не идти к военным. Конечно, был риск сдохнуть нечаянно, но не сильно выше, чем вместе с военными. Зато теперь ты не знаешь целую прорву полезной информации.

— Ты не собираешься отвечать? — усмехнулся я.

— Контра — это очень обобщённое понятие, — ответила Мария. — Я недолго была с ребятами, которые потом присоединились к группировке, считающей, что от военных больше проблем, чем пользы. Так что нет, я не убивала военных, если тебе это так важно.

Она может и лгать, но зачем ей это? От меня никакой пользы, поэтому втираться ко мне в доверие нет никакого смысла. А если она захочет меня прикончить, то сейчас это сделать очень легко.

— А что там за второе колечко? — спросил я.

— Посмотри, — усмехнулась Мария.

Тип: сильное кольцо реакции

Потенциал: редкий

Краткое описание: значительно увеличивает общую скорость реакции. Подстраивается под палец носителя.

Потенциал обозначается цветом. Когда я принимал сверхспособность «Магии проклятых масок», потенциал был «эпический», фиолетовыми буквами. До этого я встречал серые, зелёные, синие. «Простые», «необычные» и «редкие» соответственно.

Эпический, по идее, должен быть лучше, но я, пока что, не вижу особых преимуществ.

Надо будет обдумать вопрос обозначений потенциала на масках. Наполеон был «простым», то есть серого цвета, а Тесей уже «необычный», то есть зелёного цвета, что обещает некоторую перспективу. Кого же мне выдаст судьба как «редкого»? Хотя, посмотрим, что может Тесей, которого нужно ещё как-то и с кем-то активировать...

А кольцо реакции — это, наверное, вообще круто. Ведь, как известно, реакция — это та вещь, которую очень сложно развить и вообще, свой врождённый предел никак не повысить. Именно поэтому легенды бокса — это биологические уникамы, ведь в них природа успешно сочетала физическую мощь, высокую реакцию и выдающуюся выносливость. Для такого боксёра подобная финтифлюшка пришлась бы ко двору.

— Уважаемо, — усмехнулся я. — Покупаю за сто тысяч рублей.

— Хорошая шутка, — улыбнулась Мария. — Мне приятно, что, несмотря на отчаянную ситуацию, ты сохраняешь чувство юмора.

— Всегда славился этим, — сказал я. — Так, говоришь, коллективы контр сами по себе? Никаких альянсов, крупных объединений?

— Ничего такого, — ответила она. — Думаю, все понимают, что надо объединяться, но никто не хочет уходить под чью-то руку. Пока что.

Как в случае с генерал-лейтенантом и адмиралом, каждый считает себя главным, поэтому поступиться своей властью — это выше их сил. Если даже у военных так, то что говорить о гражданских?

Раздробленность в стане вероятного противника — это хорошо.

— Выпадают только кольца? — спросил я.

— Нет, — покачала головой Мария. — Ещё, бывает, выпадают амулеты, оружие и броня. В основном, доспехи с некими свойствами, а иногда и что-то проклятое.

— «Проклятое»? — переспросил я.

— Да, — кивнула супер. — Негативные свойства, которые портят жизнь, идущие в комплекте с чем-то мощным и соблазнительным. Предупреждения же туманны и редко

раскрывают всю подоплёку.

— Ясно, — кивнул я.

Видимо, убивал недостаточно мертвецов, чтобы мне выпадало хоть что-то. Или, что более вероятно, выпадало всё, но я не мог этого увидеть.

— Статистика какая-нибудь есть? — поинтересовался я.

— Нет никакой статистики, — вздохнула Мария. — Но известно точно, что последнюю неделю сферы сверхспособностей у простокваш выпадают очень редко. Поговаривают, что выдача вообще скоро прекратится.

А фигли нам, суперкам?

— Ясно-понятно, — произнёс я. — Зачем ты показала мне эти кольца?

— Похвастаться хотела, — ответила Мария. — И да, я уйду. Поправляйся.

— Ну, спасибо за помощь, — поблагодарил я её, после чего полез в лежащую на полу разгрузку, за шоколадками. — Береги себя и своих близких, а я перекушу и на боковую.

Надо выспаться и дожидаться Ани. Если она супер с какой-нибудь весёлой сверхспособностью, то у нас есть шансы вырваться отсюда. А там в Финляндию или ещё куда-нибудь, где было мало населения...

Пока что — спать и надеяться, что какой-нибудь мелкий осколок не движется по моему кровотоку прямо в сердце, как у Тони Старка.

Да, будем надеяться.

Глава 18. Грандиозный эскапизм

/10 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Михайловский замок/

— М-хм... — изрёк я, глядя на большие картины Петра I и Екатерины I.

Картины изрезаны осколками и частично сожжены, потому что обстрел пришёлся по всему замку, что нанесло историческому памятнику непоправимые разрушения. И это постарался не вертолёт, а балтийские моряки, обстрелявшие инженерный сквер недостаточно точно. Ну или им не ставили цели сохранить замок...

Хожу я, опираясь на костыль, изготовленный мною из куска витрины, пары гвоздей и подушечки для короны.

Мария зачистила все этажи и перекрыла главные ворота с помощью расплавленной «Шилки», притянутой сверхспособностью и поставленной на корму — её силы значительно возросли за прошедший бой. Хотя, надо сказать, что Цыганков говорил о её способности бросить пятисоткилограммовый валун на сотню метров, но не о её неспособности волочить двадцатитонные боевые машины на небольшие расстояния...

Впрочем, перекрытие ворот ни на что не влияет — первый и второй этажи раздолбаны ракетами и артиллерией, поэтому мертвецы имеют свободный проход, но на второй этаж могут попасть только самые ловкие из них, те, которых я решил называть «спецами». Я думал об этом с утра, поэтому создал свою классификацию, обозвав классы просто и понятно.

Первый класс спецов, точно установленный мною — шмыгуны. Ловкие и чуть более умные, чем "простые" мертвецы, эти твари, благодаря когтям, карабкаются по стенам, пусть и не очень умело. А ещё они физически сильнее и быстрее обычного человека, даже убившего много зомби. Если бы такая погань медленно ходила среди обычных мертвецов, хрен бы ты понял, что с ней что-то не так, но когда они увидели, что впереди огрызающаяся огнём жратва, рванули вперёд, выдав себя с головой. А так, у них есть остатки одежды, надёжно стирающей разницу между простым мертвецом и шмыгуном.

Второй класс спецов — рамы. Одежды на них я не увидел, зато увидел крепкую серую кожу и развитую мускулатуру. Ростом они заметно выше серой массы, поэтому о скрытности передвижения в толпе речи не идёт, но зато у них нет особых проблем с продвижением в толпе, так как они давят или сдвигают своих простых соратников. Я не видел их в деле, потому что как-то резко стало не до того, но полагаю, что вмятины на стенах и разрушенная в хлам стальная баррикада — это их работа. Вероятно, за размеры и силу они платят подвижностью и скоростью, что косвенно подтверждается фактом их отставания от шмыгунов в толпе мертвецов.

Третий класс — токсики. Эти вообще будто родом с картин Ханса Гигера, потому что их внешность как бы противоестественна, но, в то же время, будто бы и нельзя было иначе. Не знаю, как это передать и объяснить. Просто... эти твари словно логическое развитие человеческой многоножки, органичное и жизнеспособное. Правда, не живое, это уж точно.

Не думаю, что есть кто-то ещё, но если и будут, то мы об этом обязательно узнаем. Бой был скоротечным, а ещё меня ранило задолго до окончания сражения.

По всему замку кровавые пятна, обгрызенные кости, остатки экипировки и порядочно огнестрельного оружия. Мария пыталась утащить с собой побольше стволов, но поняла, что

не сможет уйти далеко и бросила связку окровавленных автоматов на полу второго этажа. Вероятно, на том самом месте, где поняла, что не выберется с грузом.

Но не могли погибнуть все. Просто не могли.

— «Карамба-4» на связи, — зажал я тангенту рации. — В городе есть кто живой? Приём.

И тишина в ответ.

Повздыхав горестно и закулив сигарету из пачки, найденной на столике в зале гардемаринов, я пошаркал собирать боеприпасы и хоть что-то полезное.

С боеприпасами было не густо, потому что все найденные ящики были безнадежно пусты. Нашёл несколько брикетов тротила, со вставленными запалами от гранат Ф-1. Их явно хотели использовать по назначению, как эрзац-гранаты, но не суждено. Бросил брикеты в рюкзак. Пригодится.

Мария смылась каким-то своим способом. Но у неё нет осколков в тушке, а ещё она всем суперам супер — каменюками и арматурами бросается на загляденье. А я ранен, ходить мне позволяет только маска Наполеона, которая, непонятно как, но помогает гораздо легче переносить боль. Я гуглил биографию императора — ранений в его жизни было достаточно, поэтому он умеет держать себя в руках, даже когда его протыкают штыком.

Надо думать головой. Ведь только это мне остаётся.

Что подсказывает мне голова?

А подсказывает мне она, что нужно копать в направлении того, не как прорваться через порядочную численность зомби на улице, а вспомнить, где я нахожусь.

Это замок. Крепостных стен тут нет, бастионов и донжона тоже, а ещё тут больше нет гарнизона, который его охраняет. Но это замок.

Что должно быть у каждого замка, на случай осады?

Зацепившись за мысль, я зашаркал быстрее и добрался до комнаты, где пролежал уже много времени. Аккуратно провалившись в притараненное утром мягкое кресло, я достал телефон и принялся гуглить.

Я искал любую доступную информацию о тайных ходах, которые просто должны быть, но большая часть открываемых мною сайтов уже упала и прекратила своё существование. Терабайты информационных потерь — вот что несёт сейчас человечество. Наша история гибнет вместе с серверами...

То, что до сих пор работало, представляло собой всякие тупые мистификации, о призраке Павла I, который бродит по замку, а также рассуждения о том, что он мог, но не сбежал от своих убийц через тайный ход. Ещё сведения о столетней давности пожаре в библиотеке Генерального Штаба, сжёгшем некие чертежи и схемы, свидетельствующие о том, что тайные ходы были на самом деле. Брехня, как я полагаю, причём бесполезная. Михайловский замок оказался обычным зданием, которое не несёт в себе главного атрибута любого древнего замка — тайных ходов, выводящих подальше отсюда. Это прискорбно и обидно.

Нет, не отрицаю — что-то вроде катакомб, ведущих из замка, могло быть, но сейчас это заколочено и забетонировано, а пробивать стены в тщетных поисках ходов — это не то, чем следует заниматься в моём состоянии.

Открываю баночку с обезболивающими и съедаю две таблетки. Каждый час, что я провожу тут — это приближение моей смерти. Пусть я заштопан, хоть как-то, но осколки внутри и убьют меня, рано или поздно.

— А мне ведь и не нужны именно катакомбы, энфан де пютэ! — воскликнул я. — Кто в этом городе отменил канализацию?!

Опираюсь на костыль и встаю на ноги. Надо собираться и валить отсюда. Пусть измажусь в дерьме, пусть надышусь всяких запахов, но оба варианта лучше, чем стать содержимым не менее вонючих желудков зомби.

Проверяю автомат и досылаю патрон в ствол. Нежелательно, конечно, наводить шум, но если не будет другого выхода, то я пушу свой АК в ход. Пока же помашу саблей, хоть это и будет выглядеть нелепо, учитывая костыль.

С кряхтением натягиваю на спину свой рюкзак, вешаю на плечо ремень автомата и двигаюсь на первый этаж.

Подвал тут есть, это я точно знаю из схемы здания, а в подвале канализация, причём точно не новая. А если новая, то я попал. Ну или посмотрим, что можно будет сделать из подвала.

Подвал обнаружился под главной лестницей, рядом с выходом во внутренний двор.

Во дворе так и стояла «Шилка», вся помятая и с погнутыми стволами. Вокруг лежали уже обглоданные костяки защитников и атакующих. Ходячих мертвецов во дворе не было, но я не стал задерживаться и начал спуск в подвал, не забыв включить фонарик.

Но это оказался не подвал, а цокольный этаж, в котором я увидел своё спасение.

Открываю приложение на телефоне и вижу, что моя ласточка стоит на юго-западном углу замка, прямо на газоне. Вероятно, её вытолкнуло туда ордой немертвых тел. Надеюсь, не перевернули...

В цоколе никого нет, ведь мертвецы не умеют открывать двери и вообще, с цоколя никто не оборонялся, потому что при обороне против зомби ключевое значение имеет высота. Это даёт некоторое пространство для манёвра, без необходимости вступать в бой и напрасно рисковать. Этим я и воспользуюсь.

Подхожу к окну, откуда должно быть видно мою ласточку и, действительно, она стоит на газоне, не перевернута и готова к отъезду. То, что нужно. Правда, возле неё стоит около десятка мертвецов...

Нужен план, а значит, снова нужно думать головой. Обезболивающее, циркулирующее в моей крови, в этом не помогает, совсем.

Самый гениальный план, до которого я смог дойти за несколько минут размышлений — взорвать одну из тротильных шашек с другой стороны здания, чтобы мертвецы направились туда, а самому проковылять к окну и выбраться наружу, после чего сесть в машину и уехать отсюда куда подальше.

Не став тянуть почём зря, я пошёл на северо-восток и на ходу приготовил шашку. Времени будет мало, где-то три-четыре секунды до взрыва, поэтому надо бросить шашку так, чтобы меня не добил. Жалкий недобиток, существующий по попущению судьбы — вот кто я сейчас. Поэтому надо постараться не угробить себя взрывом.

Нахожу окошко, вынесенное близким разрывом артиллерийского снаряда, после чего выдёргиваю предохранительную чеку и бросаю, что есть силы, брикетик тротила на набережную Фонтанки. Эрзац-граната пролетает существенно дальше, чем я ожидал, где-то метров на пятьдесят, то есть прямо в реку. Ну, так безопаснее...

Взрыв был громким, резонансным. Это обязательно привлечёт внимание мертвецов.

Суетливо переставляя костыль, снимающий часть нагрузки с мышц спины и поясницы, добираюсь до юго-западного угла замка и внимательно смотрю за поведением мертвецов.

Громкий звук действительно привлёк их внимание и они поплелись к источнику, чтобы засвидетельствовать виновника нежданного торжественного обеда. То, что виновник всё это подстроил, чтобы отвлечь внимание — маловажный факт.

Когда последний из совсем недавно безучастно стоявших мертвецов прошёл за угол, я открыл окно и начал самый напряжённый этап — выбраться из окна так, чтобы не потерять сознание или не привлечь внимания мертвецов.

Решётка оказалась крепкой, но не для меня. Я открыл окно и вырвал её из весьма хлипких креплений. Рывок решётки вызвал у меня острую вспышку боли, перехлестнувшую через обезболивающий барьер, но я устоял и продолжил делать то, что делаю.

Можно было, конечно, разобрать баррикаду на двери, представляющую собой связанные многочисленными стальными цепями ящики с хламом, но это громко и хлопотно. А мы ищем только тихие и необременительные пути, но только из-за ранений.

Вылезание из окна оказалось делом менее болезненным, чем мне казалось изначально. Мышцы спины я старался не задействовать, поэтому, уже спустя десяток секунд, брёл к своей верной ласточке, которая сейчас, буквально, спасает мне жизнь.

Некоторые мертвецы, услышавшие невнятную возню за спиной, начали возвращаться, но даже раненым я был быстрее, чем они.

Отключаю сигнализацию и забираюсь в свою ненаглядную Тойоту Камри. Вот единственная моя машина, которой я горжусь и не могу нарадоваться.

Завожу двигатель и без разогрева срываюсь прочь.

— Выбрался, ник та мэр! — воскликнул я и свернул в Михайловский сад.

Мост через Мойку однозначно подорван, поэтому даже не пытаюсь проверять, что там и как.

Непривычно, балясина винтажная, ехать по пешеходным дорожкам общественного парка на машине! Но ГАИ меня не остановит, а добропорядочные граждане, скорее, откусят от меня что-нибудь, чем накачают заявление!

Тележки с мороженым и фастфудом гнили себе спокойно с самого первого дня апокалипсиса, но тут их было немного — весна всё-таки. И теперь, когда всё уже случилось, появиться новым тележкам не суждено. Дети сюда тоже больше ходить не будут, а если и будут, то точно не ради мороженого или хот-догов с кетчупом и майонезом...

Выезжаю через открытые ворота парка прямо на набережную канала Грибоедова и вижу перед собой величественный Спас на Крови.

Александр II, если смотреть непредвзято, один из немногих хороших императоров Российской империи. Реформы у него были масштабными, в чём-то правильными, но главное — нацеленными на изменение отчаянной ситуации, всё отчаянье которой император прекрасно осознавал. Но народники взорвали его, уничтожив последнюю надежду на избежание революции.

Александр III и Николай II, реакционеры и контрреформисты, сын и отец, зарубили все либеральные реформы на корню и обрекли империю на закономерную гибель.

Одного хорошего императора не хватило, чтобы империя смогла свернуть с пути к верной гибели.

Я не монархист, не считаю, что при империи жилось лучше, потому что коммунистам не пришлось бы спешно затыкать дыры вообще во всех отраслях, возникшие там задолго до Гражданской войны. Кто-то поёт красивые песни о том, как же там было хорошо, в этой России, которую мы потеряли, но мне верится в это с трудом. Потому что революции на

ровном месте не случаются. Даже моя бабуля, хоть и идейная марксистка, признавала, что будь в Российской империи всё так, как описывают краснобаи из телевизора, ни о какой революции не могло бы идти и речи.

Моё личное мнение, как человека, ознакомившегося с рядом позиций по вопросу — Александр II мог бы стать тем человеком, который спас империю, но его взорвали.

Не став любоваться на шедевр русской архитектуры, коим, безусловно, является Спас на Крови, поворачиваю направо и оказываюсь на Конюшенной площади.

Тут куча мертвецов, бредёт по парковке и проезжей трассе, но звук двигателя привлёк всё их внимание и они направились напрямиком ко мне.

Даю задний ход и сворачиваю на набережную канала Грибоедова. Тут мертвецов практически нет, но набережка намного уже, чем обычные улицы, поэтому, если из-за угла выйдет мертвецкая толпа, мне останется только разворачиваться и ехать в объятия толпы с Конюшенной площади. Но мы давим педаль в пол, пролетаем через набережную и лихим разворотом выкруливаем на Невский проспект.

Следы отступления наших ребят, до конца пытавшихся удержать район, видны повсюду — гильзы хрустят под колёсами и разлетаются в стороны, как и человеческие кости. По такому ехать очень неприятно, меня одолевает мысль о кощунстве, издевательствах над покойниками, но иначе тут не проехать...

Доезжаю до Дворцового моста и вижу, что ехал зря.

— Ну да, ну да, пошёл я нахрен... — произнёс я, увидев разведённый мост.

Со всех сторон мертвецы, вылезают из дворовых арок, из парковой зоны, бредут с дворцовой площади, все на звук двигателя, аномально звучащего в этом нездорово тихом городе.

Не став ждать, пока меня обложат со всех сторон, поворачиваю на Адмиралтейский проспект и мчу к Благовещенскому мосту. Если полковник Краснодубов не соврал, один из мостов был опущен, что открыло мертвецам путь на Васильевский остров. Если не тот мост, то я покойник.

Резкая вибрация телефона в районе бедра заставила меня отвлечься от мрачных мыслей.

— Алло, — принял я вызов.

— Дима, ты где? — спросила Ани.

— Я еду к себе домой, — ответил я. — На машине.

— Ты с ума сошёл?! — воскликнула моя финская фанатка. — Ты соберёшь за собой большое скопление! Они не остановятся, Дима! Они будут идти до тех пор, пока не найдут тебя!

— А что мне делать предлагаешь, миледи?! — спросил я раздражённо. — Я ранен, пешком не пройду и километра!

— Где именно ты? — обеспокоенно спросила она после недолгой паузы.

— Еду на Благовещенский мост, — ответил я. — Почти там. А ты где?

— Я на Смоленском, — ответила Ани.

Что она забыла на кладбище?

— Что ты там забыла? — спросил я, резко дёрнув машину в сторону, чтобы избежать столкновения с мертвецом.

— Мне надо было посетить одну могилу, — ответила она. — Приезжай сюда!

— Сначала удостоверюсь, что мост не поднят, — произнёс я, прикидывая маршрут к кладбищу. — Всё, конец связи, миледи.

— Твой акцент... — произнесла Ани с лукавыми интонациями. — Скоро увидимся!

Завершаю вызов и еду на площадь Труда. Тут полно мертвецов, но они держатся тротуаров и зданий, потому что на дороге ловить совершенно нечего. Ну, так было до того, как приехал я.

Давлю педаль в пол и мчусь к мосту. Мост опущен, полковник не лгал, поэтому есть шансы, что я прорвусь.

Тут на крыше здания, расположенного по левую сторону улицы, показался токсик.

— Ох, мьёрде! — осознал я, чем всё это мне грозит. — Быстрее, ласточка моя!

Топливо почти на исходе, если верить датчику, но километров на двадцать пути хватит.

Надо отказываться от передвижения на машине, раз пошла такая пьянка, поэтому думать о бензине больше не придётся. Но не сегодня.

Пересекаю мост со скоростью пули, лишь краешком зацепив самого неудачливого мертвеца, отлетевшего от столкновения в фигурную ограду моста. Мне это могло показаться, потому что видел я его долю секунды, но, кажется, сила удара была настолько велика, что мертвеца размазало по ограде в фарш.

Но других столкновений я больше не допустил, свернул с моста и пересёк набережную лейтенанта Шмидта, выехав на восьмую линию, но был вынужден свернуть на Большой проспект, потому что крупное скопление мертвецов двигалось с девятой линии, возможно, по мою душу.

По Большому ехал долго, около четырёх минут — это, в наши скорбные времена, считается долго.

— А что там по радио? — включил я приёмник.

Волна с музыкой шипела помехами, то есть ребят, транслировавших разнородные треки, уже прикончили или они смылись со станции, чтобы заниматься вопросами выживания.

Не глядя, переключая волны, но большая часть сохранённых радиостанций уже не работала.

«... утверждал и утверждаю — это всё большевики! Неужели вам до сих пор не понятно, что всё это обрушилось на наши грешные головы только потому, что мы предали Царя, продали Отечество и отвернулись от Бога?!»

Вырубая радио. Почему ребята с музыкой погибли или сбежали, а всякие бесы продолжают вещать на весь город? Этот мир так несправедлив...

— Алло, Ани? — дозвонился я до финской фанатки. — Ты где?

— Я слышу твою машину, — ответила та. — Езжай в сторону дома, но медленно.

Пожав плечами, я повернул налево и медленно покатил на запад.

Мертвецы, оккупировавшие Васильевский остров, начали собираться в интересное место, что меня очень напрягало.

Ани всё ещё не видно, хотя я минуты три плетусь вдоль ограды. Видна заправка, скоро надо поворачивать...

Оглядываюсь по сторонам, чтобы найти Ани, но вокруг пусто.

— Открой, — постучала она в окно переднего пассажирского.

— Открыто, — ответил я.

Женщина забралась в машину и с удивлением рассмотрела мой наряд. Местные уже привыкли, а для приезжих этот эпатаж, видимо, кажется диким и неуместным. Но это они просто не разбираются в мужиках в фор-р-рме!!

— Поехали, — произнёс я и рванул по Малому проспекту.

Ехать до бабулиного дома недалеко, поэтому домчим меньше, чем за пять минут.

— Я и не надеялась... — заговорила Ани.

— Не сейчас, — бросил я на неё короткий взгляд. — Нужно добраться до безопасного места.

— Да-да, хорошо, — одёрнула себя женщина.

Я вновь посмотрел на неё, но уже чуть подольше.

Одета она в странный костюм, вроде бы национальная финская одежда: клетчатое тёмно-красное платье с фартуком в горизонтальную красно-белую полосу, белая блузка с тёмно-синим жилетом и довольно практичные кожаные ботинки. На голове у неё красная лента, а вся одежда украшается некими амулетами из кости и дерева.

Внешне Ани было лет тридцать, хотя я точно знаю, что ей тридцать пять. Хорошее питание, регулярный фитнес, омолаживающие лосьоны или что там ещё применяют женщины — в таких условиях нетрудно выглядеть моложе, чем ты есть.

Глаза у неё голубые, волосы цвета пепельный блонд, а черты лица, ну, такие, финно-угорские, скажем так. Короткий и маленький нос, лицо белое, брови тонкие, подбородок квадратный, слегка маскулинный, скулы по-азиатски выражены. Взгляд простоватый, способный вызвать обманчивое впечатление, что перед тобой простоватая женщина. Я тоже так подумал в первую встречу, но очень быстро понял, что Ани не так проста и не зря владеет успешным бизнесом в рыбном промысле. Ну, владела.

— Надо оставить машину подальше от дома, Дмитрий, — произнесла она. — Мертвецы не прекратят идти.

— Да и хрен бы с ними, миледи, — махнул я рукой. — Потому что прекратить идти могу я, если сдохну от ран.

— Ты тяжело ранен?! — всполошилась Ани.

— Несколько осколочных ранений в спину, — ответил я ей. — На месте разберёмся.

— Почему ты не сказал?! — спросила она.

— А это помогло бы? — спросил я. — Ты бы прислала ко мне могущественную финскую армию, с вертолётами, танками и истребителями?

— Почему ты так плохо со мной говоришь? — начала обижаться Ани.

Я недовольно сжал челюсть. Да что она себе позволяет вообще?

— Извини, — взял я себя в руки. — Стресс, гибель товарищей, потеря города, ранение...

— Это ты меня извини, Дима, — сразу оставила обиду Ани. — Мы приехали?

У моей бабушки она бывала лишь несколько раз, поэтому не сразу смогла опознать дом.

— Да, приехали, — кивнул я и припарковал машину на Карташихина.

Я вышел из машины, вытащил из салона автомат и рюкзак, после чего направился к дворовой арке.

— Это ещё что за... — увидел я каменное ограждение, надёжно блокирующее въезд во двор.

— Ты кто такой?! — донеслось до меня из окна третьего этажа.

Голос женский, сварливый, но обладательницу его не видно.

— Дмитрий Верещагин, живу тут! — ответил я.

— У нас все свои уже внутри! — ответила невидимая собеседница. — А это кто такая?

— Агата Петровна всё ещё здесь? — спросил я.

— Здесь, — ответила неизвестная. — А тебе она зачем?

— Это бабушка моя, — ответил я. — Зови её!

— Указывает он мне... — донеслось до меня едва слышное.

— Что происходит? — спросила подошедшая Ани.

— Что-то странное, — пожал я плечами. — Хотя, это похоже на районную самооборону. Сейчас бабушка выйдет и нас запустят.

Если она не чокнулась на почве сферы сверхспособностей, конечно...

Глава 19. Руины Старого порядка

/10 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

Чтобы попасть во двор пришлось обходить здание, чтобы выйти ко второй арке.

Там тоже была бетонная баррикада, собранная из десятков тяжелых бетонных труб для колодцев. Видимо, работали с тем, что сумели достать, но у меня есть сильные сомнения насчёт того, что пенсионеры и матери-одиночки сумели использовать строительную технику и построить всё это.

Между четырьмя колоннами из бетонных труб находился проход, закрытый бетонной же плитой, висящей на толстых стальных тросах. Железобетонная плита, скорее всего, панель, выдранная из жилого дома, поднималась и опускалась неким механизмом, а выбить её очень сложно, потому что этому препятствуют колонны из бетонных труб, как я полагаю, залитых внутри бетоном с армированием. Гораздо проще выбить какую-нибудь стену, чем вход в арку.

Обитатели огороженного пространства это понимали, поэтому видны следы работы — бетонируют окна первых этажей, а второй и третий этажи заколочены досками, но это, явно, временное решение, с перспективой замены на бетон. Пока не знаю, сколько людей здесь задействовано, но их всех надо как-то кормить. Как это решается — понятия не имею. Пока что.

Чувствую, по нарастающей боли, что обезболивающие прекращают своё действие. Каждый шаг даётся всё труднее и труднее, а сознание, постепенно, затухает.

С хрустом поднимается бетонная стена. В проходе стоят вооружённые дяди и тёти. Пожилые, но видно, что они решительно настроены противостоять любым посягательствам.

Меня ведёт под руку Ани, поэтому она успевает удержать меня, когда я делаю неловкий шаг и начинаю падать.

Резкое движение вызвало вспышку острой боли, которую моё сознание уже не перенесло. Изматывающий образ жизни, усталость, напряжение последних часов — наложилось всё.

В себя прихожу уже ночью, голый, с туго перемотанным бинтами туловищем.

Горит тусклый светильник на тумбочке, поэтому я понимаю, что нахожусь у себя в комнате, дома.

Ощущение такое, будто я не был здесь уже очень и очень давно. Словно год прошёл, хотя я понимаю, что, с момента начала зомби-апокалипсиса, не прошло и десяти дней.

Время субъективно, поэтому пережитое ощущается как нечто продолжительное.

На тумбочке, рядом со светильником, лежит мой телефон, в который вставлена фирменная зарядка. Во время службы в городском ополчении заряжал я его редко, но всегда на максимум. Повезло, что его не разбило осколками или ударной волной от ракеты.

Самое печальное в ситуации с мобильниками — это постепенное «окирпичивание», которое ждёт любую модель, кроме той, которая и так кирпич.

Несомненно, интернет, рано или поздно, отвалится, потому что некому скоро будет поддерживать инфраструктуру, а она не умеет работать самостоятельно. После интернета, а может и до него, отвалится мобильная связь, сделав единственной доступной связью только рации и почтовых, мать их, голубей. Ещё телеграф или что там было в прошлом веке?

— Ты проснулся! — вскинулась Ани, как оказалось, сидевшая в кресле-вертушке у моего мощнейшего персонального компьютера.

— Тише, — попросил я её. — Что произошло?

Ани выпрыгнула из кресла и подбежала ко мне, взяв мою руку.

— Ты потерял сознание до того, как мы прошли в арку, — ответила она. — Твоя бабушка была обеспокоена и ругалась, что ты ничего не сообщил.

— Да, надо было предупредить, что я приеду... — покивал я. — Дальше что было?

— Потом тебя доставили к врачу, он прооперировал тебя и извлёк осколки, — ответила Ани. — Он предупредил, что мог пропустить что-то, но они вылезут по мере выздоровления...

— Я не медик ни разу, — произнёс я. — Но даже я знаю, что это работает не так.

— У них есть человек со сверхспособностью, — сообщила Ани. — Его сверхспособность позволяет ускорить регенерацию — он ручается, что всё будет хорошо.

— Будем надеяться, — улыбнулся я. — Что здесь вообще творится?

— Я не знаю, — призналась Ани. — Я всё время была с тобой.

— Но здесь всё нормально? — уточнил я. — Никаких орд зомби и всего такого?

— Нет, тут спокойно, — ответила Ани. — Твоя бабушка точно знает, что делает, поэтому угрозы зомби тут нет. Это настоящая крепость, Дима!

— Она дома? — спросил я.

— Дома, но спит, — ответила она. — Сейчас три часа ночи.

— Ты тоже иди спать, — попросил я её. — Предложил бы свою кровать, но...

— Я согласна! — перебила меня Ани. — Подвинься, я сейчас!

Вообще-то, я хотел посетовать о невозможности положить её на кровать, а самому пойти на диван, как бывало, когда она гостила у нас, но она поняла всё так, как хотела.

Финская поклонница сняла с себя одежду, оставшись в нижнем белье, после чего осторожно легла рядом.

— Как Ильмари? — спросил я её.

Ильмари — это её муж, бывший. Общих детей нет, но после развода они остались близкими друзьями и партнёрами по бизнесу.

— Он не выжил, — ответила Ани, ненавязчиво пододвигаясь ближе. — Ну, насколько я знаю. Последний раз я связывалась с ним больше недели назад, а после его телефон был выключен или в Таиланде отключилась мобильная связь.

— Он был в Таиланде? — удивился я.

Если так, то ему не повезло. Хуже Таиланда в зомби-апокалипсис только Китай, но ненамного. Населения там, если мне не изменяет эрудиция, много, ведь в тропиках всегда живёт много людей, живёт это население, то есть жило, плотно. Это ключевые составляющие катастрофы.

— Да, деловая поездка, — ответила Ани, потянувшаяся и аккуратно положившая руку мне на грудь.

Тело не отзывалось болью на любое движение, а самочувствие, на удивление, было отличным. Правда, хотелось спать.

— Думаю, будет лучше поспать, — сказал я. — Завтра поговорим обстоятельно.

У Ани, видимо, были другие планы, но им не суждено было исполниться, так как я уснул почти сразу после того, как закрыл глаза.

/11 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

Проснулся я где-то к десяти утра.

Удивительно, но раны почти не беспокоили, а причиной тому было то, что они выглядели гораздо лучше, чем вчера. Ранее я настроился, если уж не найду хорошего лекаря-супера, на медицинскую помощь от врача, а затем на медленное восстановление после ран и операции. Теперь же раны быстро регенерируют, что снимает множество проблем.

И вот, почти сразу после пробуждения, я сидел на кухне с бабушкой и Ани, пытаюсь навязать единственному родному человеку, оставшемуся в этом мире, свою точку зрения.

— Ты меня, бабушка, правильно пойми, — попросил я Агату Петровну Верещагину. — Здесь не будет жизни, пока есть особые мертвецы. Вы с ними уже сталкивались?

— Сними эту проклятую маску, — потребовала бабушка.

Маска-то, действительно, проклятая... Только я не знаю, как именно проклята и не имею сформированного представления о последствиях её ношения.

— Вы уже сталкивались с новыми мертвецами? — спросил я, с неохотой сняв маску.

Роскошная форма Наполеона преобразовалась в мою потрёпанную форму, пережившую за прошедшие дни очень многое.

Вообще, это похоже на эффект военной формы Дориана Грея: ущерб наносится по красивой форме Наполеона, а последствия разгребает моя родная «цифра».

— Столкнулись вчера, — кивнула бабушка. — Ничего особенного.

Ничего особенного? Это что у них тут за суперы засели, раз твари, опрокинувшие нас, стоявших на заранее подготовленных позициях, не смогли показать бабушкам и дедушкам ничего особенного?

— Мы полегли полным составом, чтобы удержать эту волну мертвецов, — произнёс я напряжённо.

— И мы благодарны вам за это, Дима, — спокойно ответила бабушка. — Возможно, не будь этого боя, мы бы не выдержали натиска и погибли. Но маловероятно, что будет ещё одна такая же волна. Когда наши укрепления будут завершены, никто не сможет выбить нас из этого города.

— А как быть с едой? — поинтересовался я.

— Там, думаешь, будет лучше? — усмехнулась Агата Петровна. — Скольких перевезли на остров? Десятки тысяч? Думаешь, запасов еды у готландцев хватит на прокорм всех?

— Военные что-нибудь придумают, — парировал я.

— Вверять свою судьбу в руки людей, не сумевших удержать город? — спросила бабушка.

— Легко судить, когда тебя там не было, — вздохнул я, после чего ожесточился. — А я там был. Удержать город было невозможно. Вы, как ты правильно заметила, живы только потому, что большая часть мертвецов просто не дошла досюда. Мы убили их.

— И погибли почти полностью, — резонно отметила бабушка. — А дальше что? Кто будет защищать гражданских дальше? И что будет, если на острове что-то случится?

— А здесь, ты думаешь, ничего не случится? — спросил я.

— Здесь уже всё случилось, — ответила на это бабушка. — Мы точно выживем и построим своё общество. Без оглядки на военных, на олигархов и прочих буржуев.

Вот этого я и опасался. Огонёк в глазах, когда она говорит о своём обществе. Нет, это не

жажда власти, а что-то другое. Идея.

В отличие от подавляющего большинства советских граждан, уверовавших в светлое капиталистическое будущее, моя бабушка продолжала придерживаться марксистской идеологии. Она была слишком стара, чтобы перестраиваться, так бы ей и умереть, оставшись верной своим принципам, но новые реалии дали ей новые возможности.

Сейчас она уже выглядит не так старо, как раньше — сгорбленность под тяжестью прожитых лет куда-то пропала, кожа на лице посвежела, а с рук куда-то исчезли старческие пятна. Судя по всему, она не тратила время напрасно и убивала зомби без усталости и с энтузиазмом. Увеличение мощности сверхспособностей соседствовало с общим увеличением физических способностей её организма, а также здоровья.

Как я точно знаю от медиков, даже пожилые военные, убившие очень много зомби, лишались различных возрастных болячек и, в целом, чувствовали себя так, словно стремительно скидывают лишние годы. Хочешь быть успешным и сильным — уничтожай ходячих мертвецов. Только так это работает.

Я тоже стал сильнее и быстрее, но у меня и без этого всё было не так уж и плохо, поэтому положительное изменение здоровья не так заметно.

Но главным и наиболее наглядным доказательством служила моя бабушка, которая сейчас выглядит лет на шестьдесят. И не скажешь теперь, что её детство и молодость пришлись на эпоху Сталина...

— Будете строить тут постапокалиптическое коммунистическое будущее? — поинтересовался я, доставая из кармана пачку сигарет.

— Ани, открой окно, — попросила бабушка и достала свои сигареты. — Кстати, как так получилось, что ты здесь?

Из окна пахло лёгким запахом гари. Это город пылает огнём и утопает в нём до самой макушки. Руку помощи никто, даже если бы захотел, подать не может. Я пытался, но потерпел провал, а кого-то, из поверивших мне, даже в боевой обстановке, похоронят ещё нескоро, если вообще похоронят.

— Я приехала за Димой, — ответила моя фанатка.

— Он этого не заслужил, — вздохнула бабушка, закурив.

— Я так не считаю, — ответила Ани.

Закуриваю.

— Как знаешь, — пожала плечами бабушка. — Хотя то, что Дима защищал город — это достойно уважения. Можно сказать, что почти положил на это жизнь.

— Ага, почти, — согласился я. — А остальные положили.

— Это выбор каждого — ради чего умереть, — вздохнула бабушка. — Если мы выпутаемся из всего этого, надо учредить мемориал павшим защитникам инженерного замка. Они настоящие герои.

Какое-то будущее планирует ещё... Какое будущее теперь?

— Значит, от взглядов своих ты не отказываешься? — спросил я.

— А что такого изменилось, чтобы я отказывалась от своих взглядов? — возразила бабушка. — Сначала я ждала, пока буржуи похоронят себя в Третьей мировой, которая была практически неизбежна, но судьба распорядилась иначе. И кто я такая, чтобы отказываться от такой возможности?

— Метишь на место Ленина? — усмехнулся я грустно.

— Я не верю в то, что удастся объединить Россию, — вздохнула Агата Петровна. — Но

город мы освободим. От заразы, от тех, кто хочет возвращения Старого порядка. Вернём всё, очистим сначала Васильевский остров, а потом и весь Ленинград. Там и область...

Теперь я понял, что бабушка не хочет на Готланд не только потому, что ей не нравятся военные. Бегство на Готланд препятствует её амбициозным планам по освобождению города и установлению в нём своей власти.

— Идея-то хорошая, — произнёс я, — но как кормить всю эту прорву людей?

Это опасная иллюзия — считать, что, в свете нынешних обстоятельств удастся быстро найти способ прокорма даже не десятков человек, а десятков тысяч. Живых людей.

— Мы уже захватили склады супермаркетов, — ответила бабушка. — Те, которые не сумели вывезти и бросили военные. Потихоньку доставим их сюда, а потом будем распределять. На крышах будут круглогодичные теплицы, генераторы к ним уже есть, но стоит вопрос топлива. Очень плохо, что военные забрали с собой топливозаправщики, но я уверена, что выстояли не все города. В будущем мы снарядим экспедиции в города на побережья, как только раздобудем катера. Пара-тройка топливозаправщиков удовлетворит наши скромные запросы, а дальше посмотрим. ТЭС скоро исчерпают запасы топлива, но есть АЭС, но на остатки энергетической инфраструктуры надеяться не стоит, поэтому мы позаботимся об энергетической независимости.

План выглядит как единственно верный и разумный, поэтому не вижу причин или поводов докапываться и придирааться.

— Да у тебя всё продумано, — хмыкнул я.

Знали бы вы мою бабушку так, как её знаю я...

— А у тебя какие планы, внучок? — поинтересовалась бабушка. — Или теперь, когда военные кончились, совсем не знаешь, куда идти и что делать?

— Вот как-то не до долгосрочного планирования было, — ответил я на это. — Больше беспокоило то, как бы мне выжить.

— Теперь у тебя есть время, чтобы как следует всё обдумать, — улыбнулась бабушка.

Обдумать всё, конечно, следовало, но у меня есть стойкое желание свалить куда-нибудь в безопасное место. Сначала в Кронштадт, а затем на Готланд. Таков был изначальный план.

— Думаю, я воспользуюсь предложением военных и рвану морем, — произнёс я. — Здесь, как я уже говорил, жизни нет. Реки недостаточно надёжная преграда для мертвецов, а ещё есть суперы, которым я не доверяю. Мало ли что им в голову придёт?

— Так стань сильнее, чем они, — предложила бабушка. — Это ведь так просто сейчас!

Ага-ага, если бы...

— Мне нужна театральная постановка, — произнёс я. — Таково требование второй маски.

— Покажи, — потребовала бабушка.

Я сходил в свою спальню и вытащил из рюкзака маску Тесея.

— М-хм... — посмотрела на неё Агата Петровна. — Любопытная у тебя сверхспособность.

— И чем же? — поинтересовался я.

— Тем, что я не вижу пределов её потенциала, — пояснила бабушка. — Если сейчас уже Тесей, полубог, то кто следующий? Зевс? Хронос? Может, Атлас? Что, если маска Атласа позволит тебе быть размером с титана? Как противостоять такой силе?

— Нет, потенциал моей сверхспособности «эпический», — покачал я головой. — Думаю, тут всё ограничится чем-нибудь попроще.

— Если сила эпической маски будет сопоставима с моей, то ты, потенциально, очень опасный противник, — сказала на это бабушка. — О ком ещё писали пьесы? Гай Юлий Цезарь? Он просто человек. М-м-м... Морфей, а там Зевс, Аид — что, если ты получишь такие способности? Повелитель мёртвых...

Я содрогнулся, вспомнив, сколько проблем нашим доставил некромант, который ещё жив и деятелен, к слову.

— Гадать можно долго, но есть некая связь между тем, что я делаю и какую маску получаю, — произнёс я. — Накануне, перед получением маски Тесея, я зарезал существо, сильно похожее на Минотавра. Медики военных сказали, что это человек, но со сверхспособностью. Эту скотину было тяжело убивать, но я смог. За это меня наградили маской с образом персонажа, убившего Минотавра. Может, это совпадение, но я так не думаю.

— Это всё усложняет, — покивала бабушка. — Но и так, твой потенциал очень вариативен. Ты можешь стать кем угодно, с самыми неожиданными способностями. Остальные этого лишены. Ты вновь случайно получил то, чего не могут получить остальные.

Это она намекает на то, что я достиг успехов в театре и в кино, получая «незаслуженно» шикарные гонорары. В этом её не переубедить и она, как бы ни относилась ко мне, считает, что я просто ловко устроился в нише развлечения огульного телевизором и интернетом плебса, а также забавы для правящего класса. Я же считаю, что добился этого сам, оттачиванием образов и мастерством. Если бы это мог каждый, то почему актёр не каждый?

— Я думаю, что Дима заслужил эту способность, бабушка, — заговорила Ани.

— А у тебя какая способность? — спросила Агата Петровна.

— Хранительница курганов, — ответила Ани. — Могу призвать двух косторезов, то есть духов, вселяющихся в давно мёртвые кости и защищающих меня от всех недоброжелателей.

Очень интересно. Нет, случаются всякие способности, но это звучит как-то таинственно и несколько пугающе.

— И эти духи сейчас тут? — сдержанно поинтересовалась бабушка.

Меня тоже интересовал этот вопрос. Очень интересовал. Даже как-то жутковато стало, что вокруг нас могут кружиться потусторонние твари, ждущие только сигнала от своей хозяйки.

— Нет, но я могу призвать их, — покачала головой Ани. — И лучше не делать этого.

Любопытно осознавать, что все платят какую-то свою цену, а затем ещё и наценку за эксклюзивность приобретаемого товара. Хочешь стать супером — будь готов, что шарик прожарит тебе мозги до состояния «вэл-дан». Уже являешься супером — жди, какое ещё колечко выкинет незадокументированное проклятие писателя.

— Ясно, — кивнула Агата Петровна. — Но какова цена?

— Уничтожение духа влечёт за собой причинение мне некоторого ущерба, — пожалала плечами финка. — Не убьёт, но это больно и кровоточит. Кровь привлекает зомби, я вызываю ещё духов, их уничтожают, а я получаю ещё больше ран... В такие ситуации лучше не попадать.

— Насколько сильны твои духи? — спросила бабушка.

— Я не хотела бы об этом говорить, — ответила Ани.

Догадываюсь, что на кладбище она направилась не просто так. Не слышал никогда, чтобы на Смоленском был кто-то из её близких или родных. Я не Шерлок Холмс, но полагаю, что ей там что-то было надо. И очень высока вероятность, что там ей было нужно

нечто, накрепко связанное с её сверхспособностью.

Все эти выводы я сделал на основе названия её магии — «Хранительница курганов». Курганы — это могилы, а значит, она хранит могилы. Национальная одежда, увешанная костяными и деревянными амулетами, тоже, вроде как, о чём-то да говорит. Шаманизм, грибы и веселуха...

— Что ж, разумная тактика, — хмыкнула бабушка. — Ладно, достаточно с меня чая. Пойду поработаю.

Она встала, убрала посуду в раковину и вышла в прихожую, где накинула на себя дедовскую шинель. Вот делали раньше вещи — эта шинель пережила Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко, моего деда, а теперь ещё и Горбачёва, судя по всему. Будет жаль, если этот меченый подонок пережил зомби-апокалипсис. Но ещё больше будет жаль, если не пережил и сожрал кого-нибудь напоследок... Слишком многого я хочу — чтобы он сдох, но сделал это безопасно для окружающих. Не-е-ет, такие поднаsrут окружающим даже своей смертью.

Сосредоточенно курю, представляя картину, как Горбачёв, вооружённый британской или американской винтовкой, отстреливается от идущих на него зомби, а затем патрон закусывает затвором и зомби сжимают ублюдка в тиски и выдавливают из него жизнь своей массой, а потом жрут его останки.

Я не марксист, не приверженец левых идеологий, я, можно сказать, где-то по центру, но к Горбачёву у меня вполне определённое негативное отношение. Хуже злонамеренного врага только наивный дурак, считающий, что делает всем только лучше.

— Знаешь, Дима... — заговорила вдруг Ани. — А мы ведь с тобой единственные осколки нашей прошлой жизни. Помнишь те тёплые и хорошие времена?

— Помню, — ответил я и задумался.

А ведь действительно — кроме Ани мало кто сохранил ко мне былое отношение. Менеджер забыл обо мне сразу же после начала апокалипсиса, коллеги, наверное, даже не вспоминают, а если и вспоминают, то как хладнокровного убийцу, истреблявшего зомби в театре.

Единственный настоящий друг, Гриша Сёмин, сейчас шаркает по своей квартире, пытаюсь найти выход, а приятели и подружки — это не то.

У меня осталась только Ани, способная напомнить о моей актёрской карьере в театре и кино...

Говорил или нет, но у нас в семье было как-то не принято демонстрировать свои чувства даже членам семьи. Просто не принято и всё. И я не буду.

— Надо помыть посуду, пока есть вода, — произнёс я и пошёл к кухонной раковине.

Ани подошла ко мне и положила руку на левое плечо.

— Дима, я знаю, что ты хочешь сказать, — произнесла она. — Спасибо, что ты выжил.

— Спасибо тебе, что выжила, Ани, — улыбнулся я ей.

Глава 20. Безбольный покой

/13 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

— Наш царь идет — Тесей, Эгея отпрыск! — воскликнул Антон Борисович, играющий сейчас Корифея. — Твоя, знать, просьба вызвала его.

Выхожу из-за кулис и становлюсь на отмеченное место. На лице моём маска Тесея, но не слившаяся с лицом, а закреплённая кожаной лентой. Благодаря маске, нет смысла в гриме, поэтому я внутренне радуюсь, что не придётся потом смывать явно не предназначенную для грима краску.

— Сын Лаия, — заговорил я, — и раньше много раз весть о твоём кровавом ослеплении, мне приходилось слышать. Уж по ней догадался, кто ты. Вид твой ныне у всех сомнений отнимает почву: одежда жалкая, несчастный лик — тебя бесспорно выдают, и сердце мне заливают жалости волной...

Одетый в рубище, буквально мешок из-под картошки с прорезями для головы и рук, на ноги поднялся наш Эдип, Михаил Михайлович Бродов, пожилой и седовласый профессор субтильного телосложения. Аккуратная «преображенская» борода, на фоне рубища, смотрелась неуместно, но зато общая сухопарость Бродова роднила его с образом Эдипа, годами подверженного бедствиям.

— Тесей, ты кратким, благородным словом, мне длинной речи тягость отпустил, — произнёс «Эдип», глядя в никуда. — Ты сам сказал, кто я, кто мой родитель, какой земли я гражданином был. Одно осталось: моего желанья предмет назвать — и речи всей конец.

— Ты прав, — произнёс я, — его услышать жажду я.

Актёров для нашего погорелого театра я собирал и готовил двое суток. Очень повезло, что Михаил Михайлович, профессор СПбГУ в отставке, увлекался классикой и когда-то давно, ещё при Хрущёве, выступал в любительском театре.

Надевать на кого-то маску Наполеона я не стал, лишь бы не испортить постановку, ну ещё я не знал, работают ли маски на ком-то ещё. Дополнительный Наполеон, отказывающийся снимать маску и отмачивающий социально-опасные действия — это не то, что нам сейчас нужно. Но сегодня, если всё пройдёт успешно, надо будет проверить маску на ком-нибудь.

Тем временем, спектакль продолжался.

Каждый из участников, в том числе хор из шести добровольцев, старательно выдавал свои реплики, как бы глупо для них это не ощущалось.

— О вы, богини грозные! — воскликнул Михаил Михайлович. — С молитвой взываю к вам: заступницами будьте моими! Пусть узнает нечестивец, в каких мужей охране этот град!

Грим на его лице уже слегка смазался от пота и активной мимики, но это не страшно, ведь мы тут даём не многочасовое представление. Изображал этот грим отчаянное выражение и полнейшую запущенность. Эдип изгнан, он скитается уже очень долго, у него нет средств к существованию, а пришёл в Афины лишь потому, что ему больше некуда идти. Он слеп и проклят, за отцеубийство и брак с собственной матерью. И Михаил Михайлович в образе. Зря он бросил театр — вижу, что, даже несмотря на возраст, в нём есть большой актёрский потенциал.

— Наш гость оправдан, государь, — сказал мне Антон Борисович, — несчастьем

погублен он — помочь ему твой долг.

У него на лице тоже грим, призванный изобразить равнодушие. Но беда в том, что из меня так себе художник, поэтому получилось невнятно и неубедительно.

— Довольно слов, обидчики спешат, — произнёс я. — А мы, их жертвы, здесь стоим и спорим!

Далее были реплики Корифея и Креонта, после чего начался стасим (1) второй, описывающий битву. Я стоял и нервно курил за самодельной кулисой, потому что мне было непонятно, как так получается — мы уже дали половину постановки, люди устали, а ещё нет никакого результата...

Хор уже закруглялся, поэтому надо спешить.

— Ладно, пляшем дальше... — произнёс я, бросая окурок в урну.

Шуршали листы, вздыхали ничего не понимающие зрители, но надо продолжать. И мы продолжали.

— О наследник Эгея, мы молим тебя! — воскликнула Антигона, то есть Ани.

— Что заботит вас? — спросил я. — Чем вам могу угодить?

— О, дозвожь нам взглянуть на могилу отца! — довольно реалистично взмолилась Ани.

— Я не властен, родные, ее указать. — покачал я головой.

— Что ты молвишь, державный владыка Афин? — почти достоверно спросила Ани.

Выдерживаю паузу, истинно театральную.

— Ваш отец наказал: не давать никому, — заговорил я, — ни коснуться стопой заповедной земли, ни нарушить приветом святой тишины, что страдальца могилу навеки блюдет. Мне за верность награда — счастливая жизнь и безбольный покой для любимой страны. Наши речи услышал всевнемлющий бог и прислужница Зевсова — Клятва.

— Если так заповедал он волю свою, мы смириться должны, — склонила голову начавшая переигрывать Ани. — Но на родину нас, в древлезданные Фивы, отправь, чтобы там увели бы мы прочь со смертельной тропы наших братьев, единых по крови.

Я и в этом служить вам готов, и во всем, что полезно для вас и отрадно ему, — ответил я ей. — Новозванному гостю подземных глубин. Моё рвенье не знает отказа.

— Да умолкнет же плач ваш, да станет слеза, — возгласил хор. — Есть для смертных закон: что случилось, того не избежать.

И мы уходим со сцены.

За кулисами, я пощупал маску, а затем ощутил чувство, будто моё лицо щекочут тысячи пальцев.

— Ах, твою мать! — воскликнул я, когда моё тело будто бы начало ломать под разными углами.

Под взглядами участников постановки, я завалился на спину и издал что-то вроде хрипа или всхлипа.

Тело моё нагрелось, я чувствовал, как теплеет деревянный пол под моей спиной, а конечности подвергаются спазмам, заставляющим их изгибаться под разными углами.

Ослеплённый калейдоскопом крайне неприятных ощущений, я не увидел, как кто-то подошёл ко мне и попытался снять с меня маску. Раньше маску можно было снять, но сейчас она прилипла к моему лицу намертво.

— Я не могу её снять! — воскликнула Ани.

Собираю остатки своей воли и перебарываю хаотичные конвульсии рук, после чего крепко хватаюсь за маску и сдираю её с себя. Чувствую, как по коже потекла тёплая кровь.

Выдыхаю облегчённо, потому что спазмы и болевые ощущения резко прекратились, ровно в тот момент, когда я сорвал с себя маску.

Поднимаю маску и вижу, что символы в верхнем левом углу изменились, точнее, стали короче.

«П — Тесей, сын Посейдона» — это всё, что там было написано. Снова зелёным цветом, что должно свидетельствовать о «необычном» потенциале.

— Ещё бы, сука... — тихо произнёс я и начал подниматься на ноги.

— Лежи, пока не придёт врач! — придержала меня Ани.

— Я в порядке, — встаю на ноги. — Но масочку надо придержать...

Ажиотаж не укрылся от немногочисленной публики, которая взволнованно переговаривалась где-то на фоне.

— Я верила, что у тебя всё получится, — зашла за занавеску бабушка. — Только, как всегда у тебя бывает, через жопу.

— Кто же, кроме бабушки, поддержит в такие моменты? — патетическим тоном спросил я.

— Я это говорю к тому, чтобы ты завершил дело, а не «придержал маску», — произнесла Агата Петровна. — Надевай. Маска Тесея — это то, что твоё по праву. Ты должен это сделать.

Так-то она права. Легче всего мне было бы ждать непонятно чего, собираться с духом, обдумывать и взвешивать риски, терзать себя до тех пор, пока не прижмёт по-настоящему... Она меня знает лучше, чем остальные.

Делаю глубокий вдох и надеваю маску.

Только сейчас понимаю, что маска Тесея холодная, потому что изготовлена из серого цвета металла. Это не дерево, как было в случае с маской Наполеона. Это бронза или медь.

Маска жадно впилась в мою кожу, после чего вновь начался нестерпимый зуд.

— Смотрите! — поражённо воскликнул Михаил Михайлович, невежливо тыкая в мою сторону указательным пальцем.

На этот раз, я сумел устоять на ногах, потому что в тот раз упал больше от неожиданности. Ноги, упирающиеся в пол, не подвергались конвульсиям, а руки, как оказалось, взять под контроль довольно не трудно.

Разворачиваюсь и смотрю в зеркало, находящееся здесь специально, чтобы поправлять костюмы и грим. И вижу я некоторые метаморфозы, происходящие с моим телом.

Зуд вызывало преобразование мышц: я никогда не был прямо крепкого телосложения, поэтому сейчас, с большим удивлением, видел, как надуваются объёмные бицепсы, трицепсы, грудная клетка раздаётся вширь, а где-то внутри нарастает ощущение всемогущества.

Туника, в первом приближении походившая на нечто античное, лопнула и открыла вид на бугрящиеся мышцы торса.

— Смотреть здесь не на что, почтенные мужи, — произнёс я и сам удивился.

Удивился я тому, что голос стал заметно ниже и бархатнее. А ещё я, явно, потяжелел килограмм на тридцать и прибавил в росте сантиметров на восемь-десять. Ни капли лишнего жира, роскошная мускулатура, достойная аттических героев — вот это мне нравится в себе.

— Ты в порядке, Дима? — обеспокоенно спросила Ани.

— Раскрывает рот в присутствии мужей, — огорчённо покачал я головой. — Забыла ты,

чему учил тебя отец?

— Что ты такое говоришь, Дима? — спросила Ани недоуменно.

— Продолжает рот держать открытым, дерзновенная... — продолжил я. — Ещё одно лишь слово — с тобою сделаю, чего не сделал отец твой, на чьи седины позор ты навлекаешь.

— Это, как я понимаю, образ Тесея, — произнесла бабушка задумчиво.

— Лишь престарелый возраст с уваженьем, стоят между тобой и образцовой поркой, — предупредил я её.

— Дмитрий, снимите маску, — попросил Михаил Михайлович.

— Указывать не смей мне, старче, — покачал я головой.

— Пожалуйста, Дмитрий, — перешёл на более вежливые слова и интонации профессор. — Умоляю — снимите маску.

Я оценивающе рассмотрел его. Он говорит правду — умоляет.

— Тому быть так, — изрёк я и решительно снял маску.

Вопреки опасениям, мышечная масса не стала стремительно таять, но я отметил про себя, что этот процесс начинается и завершится ближе к обеду. Вещи, не успевшие преобразоваться в нечто иное, более подходящее образу, превратились в рванину, но это был временный реквизит, поэтому не жалко.

— Теперь можешь нормально говорить? — поинтересовалась бабушка.

— Могу, — ответил я. — Но чувство всемогущества подевалось куда-то...

— Туда ему и дорога — к остальным ложным ощущениям, — махнула рукой бабушка.

— Оно не ложное, — вздохнул я. — Но не суть. Теперь мы счастливы?

— Не знаю, каково нам будет уживаться с мужикастым сексистом в одной квартире, — произнесла бабушка. — Но если твои силы будут достаточны для противостояния мертвецам, то сексизм — это малая цена.

— Всё было настолько плохо? — не совсем понял я. — Мне казалось, что я говорю правильные и разумные вещи...

— То есть ты действительно считаешь, что Ани запрещено говорить без твоего разрешения? — уточнила Агата Петровна.

— Нет, я так не считаю, но... — заговорил я.

— Ты вёл себя как какой-то чрезмерно уверенный в себе самец... — перебила меня Ани.

В её голосе было невнятное осуждение и... нечто непонятное. Ей что, понравилось такое обращение?

— Ладно, спектакль окончен тотальным успехом! — хлопнула в ладони бабушка. — Расходимся по своим местам — у нас уйма работы!

— Да, пойду-ка я концевники вытаскивать... — пробормотал Антон Борисович и направился к выходу.

Насколько я знаю, община моей бабушки не стала старательно искать огнестрел, которого в городе хоть и полно, но патронов к нему кот наплакал, а совершила незначительный дауншифтинг, то есть возврат к истокам — в ходу теперь копья, топоры, а у кого-то даже мечи.

Копья они делают из прутьев арматуры, обтачивая их до четырёхгранной формы с игольчатым концевником. Логика здесь в том, чтобы создать как можно меньшую площадь соприкосновения концевника с плотью — расширение раны для большего поражающего

эффекта не нужно, ведь зомби не чувствуют боли и не истекают кровью. Но кое у кого я видел копы из черенка от лопаты и кухонного ножа. В самом начале, пока я задыхался в пороховом дыму, они извращались и экспериментировали с холодным оружием.

Топоры у них тоже мало напоминают плотницкие. То есть это и есть некогда плотницкие топоры, но их обрезают от лишней массы болгаркой или на станке, оставляя лишь узкое лезвие, превращающее инструмент в специализированное оружие. Когда головка топора малоразмерна и легка, махать таким топором гораздо легче.

Мечи тут тоже есть, но у единиц — во-первых, подходящего материала мало, а во-вторых, никто не умеет делать нормальные мечи. Гораздо перспективнее выглядит поиск чего-нибудь уже существующего, например, наградных сабель и шашек. Маловероятно, конечно, найти такое, но всё же, это лучше, чем пытаться фрезеровать болванки и выпускать жалкие подобию настоящего оружия. А ещё у нас куча музеев. Даже я, мельком оглядевший Эрмитаж, был впечатлён количеством сабель, мечей и доспехов. И это, я считаю, веский повод сходить туда ещё разок, но уже с группой носильщиков.

— Бабуль, нам надо поговорить, — сказал я.

— Идём на улицу, перекурим и переговорим, — предложила Агата Петровна.

— Ани, ты не обижаешься на меня? — повернулся я к своей фанатке.

— Нет, что ты, — заулыбалась она. — Я ведь знаю, что это был совсем не ты.

— Я бы не была в этом настолько уверена, — сказала своё слово бабушка.

Вот всегда она так. Но что поделать? Такой она человек...

— Идём, — позвал я Ани.

Выходим на улицу и наблюдаем, как члены свежееобразованной общины расходятся по своим рабочим местам. Кто-то двор мести, кто-то на склады, кантовать провизию и материальные ресурсы, а кто-то на крышу, охранять.

— Кто же у вас такой предприимчивый, что аж бетонные трубы так ловко расставил? — поинтересовался я, приняв из рук бабушки пачку сигарет.

У меня даже руки стали больше — тонкие кисти бабушки выглядели крошечными, если сравнивать. И это только «необычный» потенциал... А что будет при «редком» или «эпическом»?

Невольно веришь в то, что можно будет метать молнии из рук и лазеры из глаз... А из задницы раскаты грома, ха-ха!

— Это у нас Павлик постарался, — ответила Агата Петровна. — Помнишь того милого мальчугана из первого подъезда?

Это для неё он мальчуган, а для меня это сверстник, правда, он умственно отсталый. Приобрёл он эту отсталость в результате травмы головного мозга, полученной на стройке стадиона в четырнадцатом году.

Его мама, Марина Игоревна, регулярно выводила его гулять, мне его было безумно жалко, поэтому, как только у меня стало очень хорошо с деньгами, я начал им помогать, где-то продукты прикуплю и занесу, где-то медицинские расходы покрою...

— Помню, — ответил я.

— Возможно, один из немногих людей, кому ты реально помог, — произнесла бабушка. — Павлик сумел забить напавшего на его мать мертвеца табуреткой, за что был вознаграждён сверхспособностью «Физическое усиление» с «редким» потенциалом. Маришка похвасталась накануне, что Павлик начал лучше разговаривать, но это, я думаю, следствие того, что он не устаёт биться с мертвецами.

— Значит, он просто брал и тягал здоровенные бетонные трубы? — недоверчивым тоном спросил я.

— Тогда ему такое было тяжело, но по силам, — предельно серьёзно ответила Агата Петровна. — Сейчас он очень силён и умнеет с каждым днём — хороший мальчик, способный.

Не ожидал вот, что сыном бабушкиной подруги для меня когда-нибудь станет Павлик...

— Ага, — кивнул я. — Итак, перейдём к обсуждению интересующего меня вопроса.

— Давай, — согласилась бабушка.

Ани внимательно слушала и жадным взглядом рассматривала моё тело. Хоть на улице прохладно, но мне, почему-то, было тепло. Видимо, в образе Тесея мне никогда не будет холодно.

— Я посмотрел на ваше оружие — это какой-то несмешной анекдот, — начал я. — Надо обзавестись чем-нибудь приличным и я знаю такое место.

— Эрмитаж, — догадалась бабушка.

— Не слишком ли далеко? — обеспокоенно спросила Ани.

— Другие музеи, где можно достать оружие, увы, ещё дальше вглубь территории зомби, — вздохнул я с сожалением. — Музей военного костюма на 3-й Советской, а больше я музеев, где есть хоть что-то, похожее на оружие, не знаю.

— Нет, только Эрмитаж, — вздохнула Агата Петровна. — Выходить надо сегодня.

— Кстати, вам не попадалось особое оружие? — поинтересовался я. — Ну, такое, выпадающее будто бы из мертвецов?

— Попадалось, но очень редко, — ответила бабушка.

Ани загадочно промолчала.

— И что, стоит ли овчина выделки? — спросил я.

— Определённо, стоит, — кивнула бабушка. — Кое-кто уже обзавёлся хорошими вещами, например, у Василия, который из третьего подъезда, есть стальной шестопёр, который имеет некую предысторию и как бы фокусирующий всю энергию удара в одной точке. Даже одного не слишком сильного удара хватает, чтобы проломить череп мертвеца. Правда, взамен этот шестопёр забирает... волосы.

— Волосы? — не понял я.

— Да, Васька наш теряет волосы при использовании шестопёра, — улыбнулась бабушка. — Жаловался, что на груди и на ногах почти не осталось волос.

— Я бы радовалась, — произнесла Ани.

— А когда до головы очередь дойдёт? — спросила бабушка. — Тоже радоваться будешь?

— М-хм, любопытно, — хмыкнул я. — Надо бы обзавестись чем-то особо мощным... Так когда выходим?

— Да хоть сейчас, — пожала плечами бабушка. — У нас все знают свою работу, поэтому я свободна до вечера.

— Тогда выдвигаемся, — решил я. — Надо будет заглянуть в машину, за парочкой вещей.

— Пойдём, — кивнула бабушка. — Ани, ты с нами?

— Да, — ответила моя финская фанатка.

— Ах, вещички надо надеть какие-нибудь... — вспомнил я об одежде. — Я мигом!

Преодолев двор, забегаю в открытый подъезд и поднимаюсь в квартиру. В своей

комнате начал шерстить гардероб, чтобы найти хоть какие-то подходящие вещи. Надо найти нетронутый никем военторг, выбрать форму по размеру, а то я привык уже ходить в «цифре», в ней как-то поспокойнее, что ли...

Надеть пришлось чёрный худи, который всё равно был слегка в натяг, а также спортивные штаны, когда-то давно переданные родителями, с досадной ошибкой в размерах.

Родители...

До сих пор не могу поверить. Ощущение такое, словно вот сейчас можно позвонить и поговорить...

Но нельзя. Они мертвы. И с этим уже ничего не поделаешь.

Волевым усилием заставив себя не думать, ищу себе подходящую обувь.

Моя обычная обувь стала не по размеру, потому что ноги увеличились размера на два. Решение нашёл быстро — вспомнил о кирзачах, лежащих на балконе. Гришка Сёмин издавна пытался пристрастить меня к рыбалке, но безуспешно. От этих попыток остался спиннинг, палатка, садок из ПВХ, а также резиновые сапоги на пару размеров больше.

Выглядеть я начал странно, но имидж — ничто, комфорт — всё.

— Василий, открывай ворота! — кликнула бабушка.

Бетонная плита, при помощи электрического подъёмника, быстро поехала вверх. Я бы поставил что-то дизельное или бензиновое, но тут не дураки сидят, поэтому ставят то, что могут.

Надеваю маску, чувствую лёгкий зуд, связанный с «доработкой» организма. Зуд прекратился быстро, но зато началось преобразование одежды: худи и спортивные штаны быстро преобразовались в короткий хитон, а резиновые сапоги, после незначительной паузы, преобразовались в эндромиды, то есть высокие сапоги с открытыми пальцами и войлочной подошвой. Выглядит не очень практично, учитывая сложную шнуровку, но чувствовалось, что моим ногам в них удобнее.

Бабушка и Ани смотрят на меня удивлённо, но от комментариев воздерживаются.

Огибаю жилое здание и подхожу к своей ласточке.

— Прелестная, прости, не виделась давно... — прошептал я, погладив капот своей Тойоты.

Извлекаю из багажника прямой меч, добытый в Эрмитаже. Рубин на гарде блеснул от луча Солнца, не столь уж частого в этом городе гостя.

Смотрю на меч и желаю, чтобы он стал удобнее. Но этого и не потребовалось, потому что не успел я сформулировать мысль, как оружие начало стремительно укорачиваться и изгибаться. Спустя десяток секунд, в руках у меня был классический копис, предназначенный для интенсивной рубки. Рукоять золочёная, ножны стали простыми, но зато сразу с перевязью для ношения на ремне. Отлично!

Закрепляю свой новый меч на поясе и произношу:

— Хотел бы я, чтобы ты всегда был со мной.

Подкрепляю слова искренним желанием, поэтому в следующий миг ноги мои подкашиваются и я едва успеваю опереться на кузов машины.

Слабость проходит довольно быстро, минуты две-три помутнения в глазах, ещё минут пять слабости, а потом отпустило.

Неприятные ощущения, зато теперь у меня есть постоянный копис. Вот бы к нему ещё и щит...

Об огнестрельном оружии даже думать не хочется. Ведь теперь, когда мы одни,

стрелять — это звать окрестных мертвецов на обед.

— Не вздумай даже, разрешения не спросив, заговорить, — предупредил я Ани.

Она сильно хотела что-то сказать, но сумела сдержаться. Взгляд её стал недовольным. Пусть терпит. Отца забывать не следует, а особенно того, чему любой отец должен был научить всякую благообразную деву...

— А вот теперь можешь говорить, — разрешил я ей. — И ты тоже, старая женщина.

— Вот уж спасибо, — недобро улыбнулась бабушка. — Если от тебя окажется мало толку в бою, то лучше тебя убить, чем позволять носить эту маску...

— Усомниться во мне — отчасти усомниться в древних и истинных богах, — сказал я на это, сдерживая раздражение. — За мной идите, коль желаете снискать вечной славы и щедрых даров!

Примечания:

1 — Стасим — от др. — греч. *στάσιμος* — стоячий, неподвижный — хоровая песня, которая исполнялась хором не в движении. Исполняется стасим в центральной части пьесы, когда хор находится в оркестре, то есть на круглой площадке театра, располагающейся перед проскеной, месте, где выступали актёры. За проскеной была сцена, помещение или палатка, где актёры переодевались и наносили грим. От оркестры пошло название «оркестр», от сцены слово «сцена», а проскена пошла нахрен. Обычно хор в древнегреческом театре не только пел, но ещё и танцевал, поэтому оркестра была круглой, ведь в круге легче хороводить, но потом пришли римляне и всё опошили, сделав оркестру полукруглой, чтобы было удобнее давать гладиаторские бои.

Вот так выглядит схема древнегреческого театра:

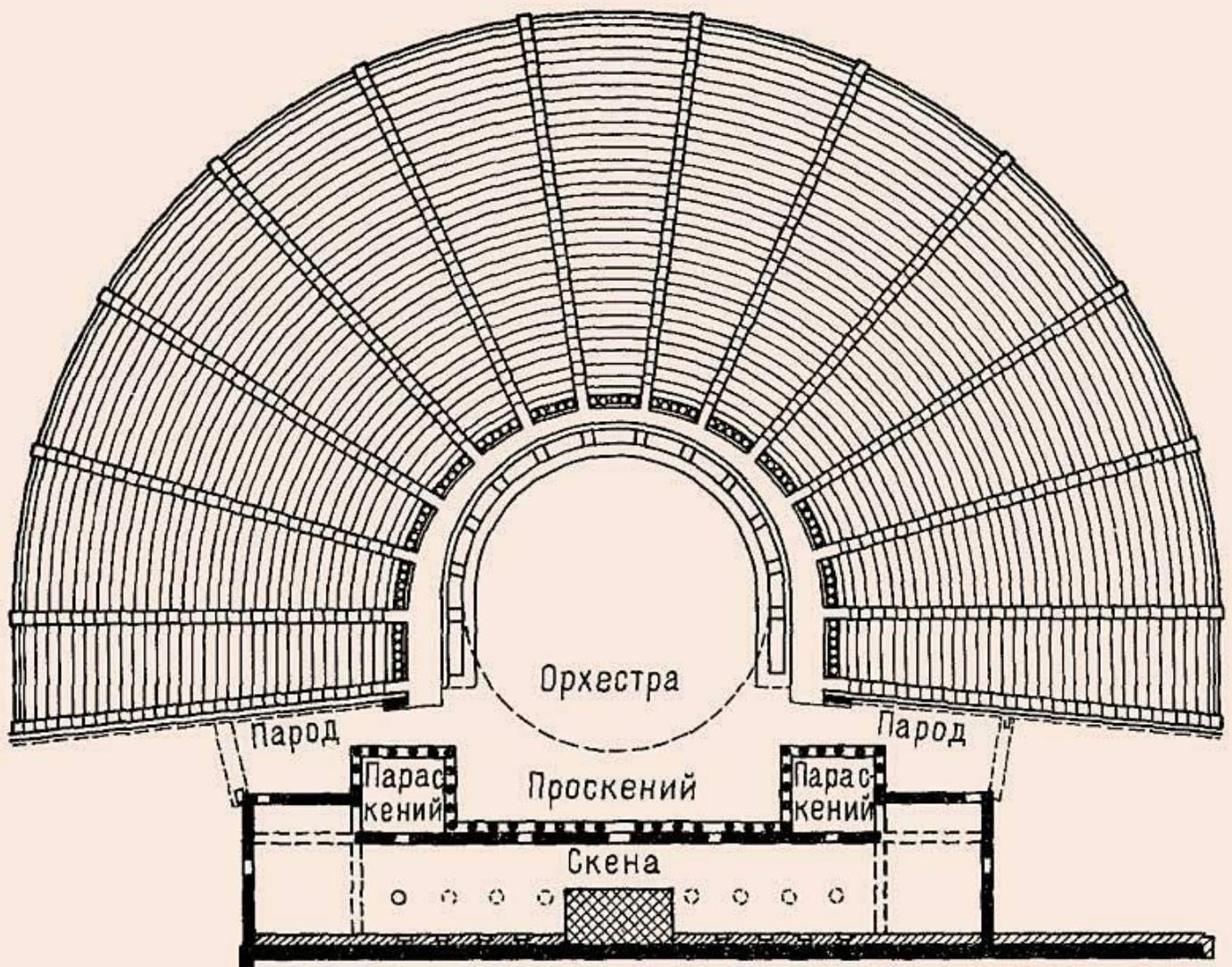

Рис. 26. План греческого театра.

А это копис:

Прямой меч с рубином на гарде:

Глава 21. Власть роли

/13 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Дворцовый мост/

— Если я это сделаю, то мы схватим летальную дозу, когда пойдём по мосту, — сообщила мне бабушка. — Но лучше решать быстрее.

— Действуй, старуха, — дал я разрешение.

Мы стояли у Дворцового моста, который сейчас, как раз, решили пересечь мертвецы. Было их что-то около пяти-семи тысяч, может, чуть больше. Особых зомби не видно, но это только пока.

Бабушка, как оказалось, сильно развила свою сверхспособность, поэтому сейчас бьёт очень жёстким гамма-излучением на приличную дистанцию в пятьдесят-шестьдесят метров, в течение, максимум, десяти секунд, а потом надо ждать, пока силы восстановятся. На меньшую дистанцию она может бить заметно дольше, но мощность излучения тоже меньше.

Она может легко снести эту толпу, если там не будет особых зомби, но пройти через мост мы не сможем, потому что облучённые тела будут фонить так сильно, что можно схлопотать острую лучевую болезнь прямо на месте.

Впрочем, тащить всю эту толпу на Васильевский остров было бы нежелательно, поэтому мертвецы должны быть уничтожены.

— Сейчас ты поймёшь, почему очень опасно мне грубить, сопляк, — произнесла бабушка и пошла вперёд.

Она подняла руки перед собой и раскрыла ладони, как Железный человек, собирающийся дать по супостату разрядом из своих репульсоров. Только сейчас не будет никаких диснеевских спецэффектов, а будет сугубо практичная разрушительная мощь...

И Агата Петровна не подвела, что проявилось в виде скашиваемых, как пшеница под комбайном, мертвецов, падающих с обугленными разрезами. Экстремальный уровень гамма-излучения, сфокусированный в двух очень узких лучах, надёжно пережигал головы мертвецов, поджигая их тела и расплавляя мозги.

Ультимативное оружие, но, к сожалению, работающее очень недолго. Впрочем, около пары тысяч мертвецов уже лежат и едва ли смогут снова встать.

Подхватываю ослабевшую бабушку и оттаскиваю назад.

Ани вызвала своих косторезов. Это было два противоестественных существа, даже на вид неприятных, представляющих собой костяки, собранные из старых костей, вооружённые костяным оружием. На них ещё были элементы ржавой брони. И эта броня была изготовлена не людьми, а природой — ржавый металл раньше был чем угодно, но не бронёй. Я сумел разглядеть куски арматуры, дверные петли, гвозди и так далее. Вероятно, косторезы получили всё это прямо на кладбище, из могил. Кощунственно, сильно пахнет некромантией, но Ани уверяет меня, что к некромантии это отношения не имеет, а мертвецам сгнившие железяки всё равно не нужны.

Пока я укладывал ослабшую бабушку на асфальт, косторезы бросились к толпе мертвецов и начали хладнокровное боестолкновение. Костяные мечи, безумно острые, рассекали тела зомби, отрубая головы, конечности и выпуская гнилые кишки.

Приятным постэффектом было то, что мертвецы, переступающие через своих павших соратников, иногда тоже падали, но не из-за спотыкания, а из-за действия экстремально

повышенной фоновой радиации. Заражённая зона касалась всего начала моста, причём источником излучения теперь являлись лежащие тела.

Косторезы удерживали самых расторопных мертвецов, которые выделялись из толпы меньшей скованностью движений, а я ждал, пока бабушка отойдёт от истощения внутренних сил.

— Жаль, что засчитывают не всех... — прошептала бабушка. — Это такая сила...

Достоверно установлено, что «в зачёт» идут только те мертвецы, которых ты убил с намерением. То есть ты выстрелил в голову зомби — за него тебе и будет прирост могущества. Если пуля полетела дальше и прикончила кого-то ещё, то это было зря. Поэтому из зенитчиков с «Шилок» не получилось олимпийских богов, способных хлопком одной ладони опрокидывать стада бизонов. Нет, прирост могущества у них был, но не такой сильный, как можно было подумать. А вот я, отстреливая многие сотни артиллерийских снарядов и накрывая многие тысячи целей, не получил вообще ничего, кроме болей в спине и усталости.

— Твои мысли мне понятны, — усмехнулся я, посмотрев на бабушку. — Боги дают и силу, и насилие.

— Дай мне только оклематься, — произнесла бабушка. — Я и остальных добью.

— Придётся путь другой искать нам, — перевёл я взгляд на гибнущих от фоновой радиации зомби. — Тут не пройти ни богу, ни человеку.

Одного костореза, несмотря на всё его мастерство боя, повалили и начали рвать на части. Ани вскрикнула и схватилась за левое предплечье. Из-под ладони была видна кровь.

— Как понимать мне это? — спросил я озадаченно.

— Гибель косторезов не бесплатна, — ответила Ани, уже доставшая бинт для перевязки. — Отложенная оплата, если это можно так назвать...

— Тогда отойди, женщина, — велел я ей. — Война — дело мужей. За старухой пригляди.

Извлекаю копис из ножен и решительно двигаюсь к приближающимся мертвецам.

Дозиметр ДКГ-03Д «Грач», прикреплённый к поясу, панически запиликал, поэтому я отступил назад. Впрочем, если не схлопотать сразу летальную дозу, то лекарь в общине поможет.

Роман Юрьевич Хитров, получивший сверхспособность, связанную с ускорением регенерации у всех, кроме себя, был обычным инженером-проектировщиком, как и его жена, Татьяна Ивановна Хитрова, обретшая сверхспособность долгого полёта. Теперь они крайне ценные члены общины, полезность которых сложно принизить. Бабушка, думаю, решительно пожертвует мной, если будет выбор между внуком с непонятной способностью, и целителем, уже поставившим многих на ноги.

Общине очень повезло, что им выпала такая сфера, содержащая в себе сверхспособность «редкого» потенциала.

Я с целителем ещё не общался, хотя это именно он помог мне быстро восстановиться.

— Ко мне идите, мерзкие созданья! — прорычал я и поманил мертвецов кописом.

Дозиметр встревоженно пиликает, предупреждая, что у нас тут радиационный фон... смотрю на дисплей — 53 микрозиверт/час. Много, конечно, но терпимо. Будь значение в два раза больше, пришлось бы срочно уходить. Думаю, на мосту фон гораздо жёстче, раз даже довольно крепкие к физическим воздействиям зомби сейчас падают и больше не шевелятся. Радиация — это спасение от зомби... и людей, ха-ха-ха!

Что толку от очищенной Земли, если очистили её радиацией?

Наконец, самые расторопные приблизились на дистанцию удара. Мертвец в истерзанной военной форме, некогда бывший моим соратником, поднял руки перед собой и с хриплым рычанием двинулся на меня.

— Воин, обрети покой... — произнёс я и ударил кописом по шее мертвеца.

Лезвие прошло через плоть и кость как раскалённый нож сквозь масло, а я даже не приложил к удару особых усилий.

Дозиметр взвизгнул, когда тело мертвеца начало заваливаться на меня, поэтому я отскочил назад и перевёл свой взгляд на следующего противника.

Под мерное пиликанье, прерываемое ожидаемыми частыми трелями, я методично истреблял разрозненных мертвецов, наступающих хаотично, группками, редко превышающими численностью три-четыре зомби.

— Коль столь проста борьба с некросами, (1) не будем медлить! — решил я и перешёл в атаку.

Радиационный фон подскочил, о чём меня уведомил дозиметр, но враги были столь медлительны, что ждать их мне стало невмоготу.

Раздавая рубящие удары и уклоняясь от неумелых и слишком медленных попыток ухватиться за меня, я за несколько минут истребил тридцать три некроса, после чего отступил в условно-безопасную зону.

— Что ими движет? Что заставляет двигаться сюда? — задал я актуальные вопросы. — Ужель учуяли они наш робкий признак жизни? Ужель ли боги даровали им сие чутьё?

Смахиваю с кописа гнилую кровь и с улыбкой смотрю на свой меч.

— Всё так же жажду крови, — прочитал я надпись на не заточенном ребре меча.

Написано не на русском, что меня сильно удивило, а на архаическом греческом, но я прекрасно понял её смысл. Причём это письмо было даже древнее, чем древнегреческий и имело с ним мало общего.

Всех мертвецов радиация убить не могла, поэтому они, наконец-то, пересекли поле трупов и начали создавать нешуточную угрозу.

Но бабушка встала на ноги и решительно направилась к ним.

Она уничтожила ближайших двадцать-тридцать мертвецов одним взмахом правой руки, после чего подняла и левую руку, начав поистине массовое истребление.

Без каких-либо видимых эффектов, без искр, молний и грохота, тихо, но неотвратимо — окончательно мёртвые тела падали, чуть дымясь.

Судя по глубине воздействия на толпу, Агата Петровна была дозировано, но даже так это было слишком много для тухлых мёртвых головушек.

Действо заняло меньше трёх минут, но бабушка упала на колени, после чего сделала последний «залп», самый мощный. Опустив руки, она бессильно прикрыла глаза.

От внушительной орды мертвецов остались сотни, которые продолжали облучаться и подыхать. Даже если они сейчас развернутся назад, уже будет слишком поздно.

Подхватываю заваливающуюся на спину бабушку и беру её на руки. Она не весит практически ничего, но это лишь мои ощущения.

— Не попасть нам в храм древностей, — посетовал я и понёс бабушку к машине.

— Зато мы отвели угрозу от острова... — прошептала бабушка. — Сегодняшний день прожит не зря.

— Коль хочешь моего уважения, знай, ты выбрала праведный путь, — улыбнулся я

ей. — Доблесть ценна не только среди мужей, но и жён.

От бабушки сильно фонит радиацией, о чём меня уведомляет дозиметр на поясе. Нужно срочно возвращаться и получать помощь от Романа Хитрова.

— Не отстань от нас, женщина, — предупредил я Ани.

/13 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

— Окажи же помощь сей доблестной жене, почтенный целитель, — аккуратно положил я бабушку на медицинскую кровать.

— Ох, опять доза... — недовольно пробурчал Роман Хитров. — Впрочем, ничего нового.

— Нам тоже потребно твоё врачеванье, — добавил я. — Достоинно будет оплачен твой труд, о целитель.

— У нас тут другие порядки, Дима, — улыбнулся тот. — Никаких денег или благ за услуги — каждый работает на благо общины. Мы же теперь не высокоразвитое общество, а, считай, первобытное стадо.

— Ваша община отвергнет и благодарность? — лукавым тоном поинтересовался я.

— Нет, благодарности никто не отменял, — почесал затылок целитель. — Но главное, что нужно знать — здесь все свои. Все мы помогаем друг другу и не требуем за это что-то взамен. Прямо по Марксу. Коллективная собственность, коллективный труд, коллективные решения и, соответственно, коллективная ответственность.

— И женщины, стало быть, общие? — спросил я.

— Мы же не стали варварами какими-то, — снисходительным тоном ответил на это Роман. — Общие женщины — это признак того, что женщина — это вещь, а у нас же...

— Но женщина — вещь! — воскликнул я с негодованием.

— Будь добр,ними-ка ты маску, — попросил Роман.

— Лишь когда нужным сочту, — покачал я головой. — Мне лестно и благоприятно узнать, что в ваши умы демократия корни пустила... Но неприятно узнать, о неслыханность, что жёны — не вещи! Хорошенько подумай, целитель. Я же покинуть тебя принуждён.

Нет, подумать только... Женщина, равная в правах с мужчиной! Пха!

— Постой! Дай я усилю тебе регенерацию! — придержал меня Роман, после чего посмотрел на дверь. — Ани, ты следующая!

— Хорошо! — донеслось оттуда.

Роман положил ладони мне на грудь, после чего закрыл глаза. В грудной клетке зародилась теплота, стремительно распространившаяся оттуда во все стороны, до макушки и до пяток.

Не почувствовал особой разницы, но стало приятно осознавать, что теперь мой организм даже не почувствует последствий радиационного облучения.

— Вечером ещё раз зайдёшь, надо усилить эффект, — произнёс Роман, отступая на шаг. — И спасибо тебе за то, что ты делаешь ради нас.

— То есть несусветная мелочь, — пожал я плечами. — Достоинно ли мужа принять благодарность за то, что стезя его?

Роман не ответил, лишь подошёл к бабушке и приложил к её голове обе ладони.

Без разрешения, зашла Ани, я хотел было высказать ей за это, но сдержался. Не стоит портить отношения с ней только за то, что её отец не уделял достаточно времени

воспитанию.

Молча выхожу из лечебно-профилактического кабинета и иду на улицу.

— Воин, будь добр, угости сигаретой, — попросил я стоящего у урны дядьку с ружьём-вертикалкой.

Мелкашка, тридцать второй калибр, что не совсем серьёзно. Если, конечно, не стреляют тебе в лицо.

— Угощайся, — протянул дядька пачку «Беломорканала».

— Благодарю, — взял я сигарету и закурил.

Табак крепкий, забористый — не для каждого лёгких.

— Слышал, что ходили в Эрмитаж, — произнёс дядька. — Ты же Дмитрий?

— Я, — киваю, делая затяжку. — А тебя мне как величать?

— Аркадием зови, — ответил дядька. — Так что там было-то? Агату Петровну в медпункт — это дело привычное, но больно лихо вы возвратились.

— Орда мертвецов, бескрайняя, на мост посягнула Дворцовый, — ответил я. — Пришлось нам вступить в неравную схватку. Победа достойна короткой легенды. Засим мы доставили старую взад.

— Может, ты попроще как-то будешь говорить? — попросил Аркадий. — Вроде на русском говоришь, но у меня уже мозг коротить начинает.

Не понимаю, чем им не нравится мой слог? Но, так уж и быть, сниму.

— Так, говоришь, орда мертвецов? — довольно улыбнулся Аркадий, когда я снял маску.

— Да, тысяч восемь голов, — кивнул я. — Если бы не бабушка, не знаю, как бы дело повернулось. Ещё повезло, что не было особых мертвецов.

— В интернете пишут, что для специализированных зомби более приоритетны суперы, — поделился сведениями Аркадий. — Поэтому в наших краях их особо-то и не видели. Юг Питера, восток и север — вот где до жопы суперсов и много специализированных зомби.

— Думаешь? — спросил я.

— Не думаю, а говорю то, что прочитал в интернете, — ответил на это Аркадий. — Суперы, как я думаю, вкуснее, но кусаются больно.

— М-да, любопытно... — произнёс я.

— А, вот что ещё читал, — решил поговорить Аркадий. — Есть теория, очень популярная в рунете: говорят, что мертвецы — это единый организм, который реагирует на угрозу.

— На чью угрозу? — поинтересовался я.

— На нашу, — усмехнулся охранник. — Чем мы сильнее, тем больше специализированных мертвецов, тем сильнее эти мертвецы.

— Это не отвечает на главный вопрос — нахрена?

— Так ради выживания же! — парировал Аркадий.

— Чьего выживания? Мертвецов? — усмехнулся я, делая очередную затяжку. — Они же мертвы, о каком выживании идёт речь?

— Ну, я имею в виду, ради существования, а не выживания, — поправил формулировку он.

— Эта теория не бьётся с тем, что особые мертвецы стали появляться по мере увеличения количества мертвецов обычных, — покачал я головой. — Ведь в Москве особые мертвецы вылезли на пару дней раньше — не забывай этот факт. И вот тебе моя теория: чем

больше обычных зомби, тем выше скорость появления особых. Думаю, это что-то вроде мутаций, как лотерея. Чем больше число «играющих в лотерею» особей, тем больше среди них «выигравших».

— Давай-ка я тебе статью скину, — предложил Аркадий. — Там убедительно написано.

— Не нужно мне ничего читать, — махнул я рукой. — Люди склонны искать глубинный смысл там, где его нет. Какие основания считать, что у зомби есть единый разум? Никаких. Зачем пытаться объяснить неким коллективным разумом то, что можно объяснить чем-то более простым и более вероятным?

— А суперы тогда как? — нашёлся Аркадий. — Мы ведь, в самом начале, и гражданские, и военные, были слишком уязвимы даже перед обычными мертвецами. Но нам дали суперов, чтобы эффективно бороться против орд. А орды, в ответ, породили специализированных зомби.

Хочется верить, что во всём происходящем есть некий высший смысл, но моё нутро подсказывает мне, что нет никакого высшего смысла.

— Это всё проклятое роковое стечение обстоятельств, — вздохнул я. — Не надо искать того, чего нет. Просто со всеми нами случилось плохое, поэтому надо просто это плохое пережить и не позволить ему превратиться в нечто худшее. Додумки и необоснованное присвоение мертвецам новых качеств — это скользкая дорожка. Пока не будет убедительно доказано, что у них есть какие-то мозги или некое подобие коллективного разума, рекомендую считать, что это лишь жадные до плоти твари, которые эволюционируют путём мутаций.

Некое зерно рациональности в теории есть, но я буквально чувствую, что неизвестный автор-теоретик, наткнувшись на что-то дельное, вдруг взял и ушёл куда-то не в ту степь. Надо думать более приземлённо и опираться на то, что мы имеем — этот принцип помогал и помогает мне всю мою жизнь.

Возможно, истина где-то посередине, возможно, прав я, а может быть и так, что нужным образом сошлись вероятности невероятностей и прав окажется этот доморощенный теоретик зомби-апокалипсиса. Я не знаю, не знает и Аркадий, но я склоняюсь к мысли, что тут нужно последовать старинной американской поговорке: Когда слышишь стук копыт, думай, что это лошади, а не зебры.

— Что ж, пойду я отдыхать, — сказал я, потушив окурок о край урны. — Счастливого караула.

— Шутник, — пробормотал Аркадий.

У бабушки всё строго: караулы и дежурные группы, чтобы быть готовыми к отражению нападения в любой момент. Есть планы на постоянные дозоры на крышах отдалённых домов, но это только когда людей станет побольше. В наши прискорбные времена, я считаю, это очень рациональный подход, ведь только забота о собственной безопасности, граничащая с параноидальной, может дать некоторые шансы на продолжительное выживание.

Иду по внутреннему двору, условно-безопасной зоне, где можно перемещаться без опасения, что из-за угла тихо выползет зомби и вцепится тебе в лодыжку...

— Дима, подожди! — догнала меня Ани.

До дома дошли вместе.

— Ничего же, что я у вас ночую? — поинтересовалась финка, когда мы вошли в дом.

— Раз уже ночуешь, то чего уж, — пожал я плечами.

— Можно же лечь с тобой? — осторожно спросила она.

— Если тебе так удобнее, — пожал я плечами.

Кровать двуспальная, пространства на ней много.

— Но только без всякого двойного, — произнёс я. — Я знаю, что у тебя есть парень.

— Нет у меня никакого парня, — легкомысленно ответила Ани.

— Погиб? — спросил я.

— Нет, — покачала она головой. — Мы расстались за пару недель до всего этого. Так что я свободна и готова к приключениям.

Она улыбнулась с неким оттенком похотливости.

— Не говори такого, когда я надену маску, — вздохнул я. — В лучшем случае отделаешься поркой.

Мне лично не понравилось, как она это сказала. Это роняет её честь и бросает тень на её отца...

Да какого хрена?!

Маска ещё продолжает действовать?!

— На мне же нет маски? — обеспокоенно спросил я.

— Не... — повернулась ко мне Ани, а потом осеклась. — Ой...

— Что за взгляд затравленный, словно у лани, волка узревшей? — спросил я.

— Маска, Дима... — прошептала Ани и отступила на шаг.

— В твоих словах не слышу уваженья, — недовольно покачал я головой. — Такая дерзость достойна наказания. За мною следуй.

Ани не посмела ослушаться, и пошла следом, в спальню.

Я достал из шкафа кожаный ремень, сел на кровать и похлопал по колену.

— Моё терпенье не пытай, бесчестная, — предупредил я её.

Она с опаской подошла поближе, а затем я схватил её и уложил животом на свои колени. Задрвав хлопковое платье, я стянул с её задницы трусы и начал порку.

— Ай! — воскликнула Ани.

Удар. Ещё удар.

— Я сам не рад, но делать вынужден, — произнёс я, нанося очередной удар. — Ибо отец твой не уделял в достатке времени для порки!

— Ай! — взвизгнула Ани.

Ещё один удар. И ещё.

— Ох... — просипела Ани с непонятной интонацией. — Сильнее...

— Что? — придержал я очередной удар.

— Что? — переспросила Ани, а затем тряхнула головой. — Ай! Пожалуйста, не надо!

В раздражении бросаю ремень в шкаф.

— Бесстыдников колена, вам позор... — пробурчал я, сдвигая Ани в сторону.

Пошёл в ванную и посмотрел в зеркало. Маска.

Но я точно помню, что не надевал её, ведь она должна была висеть на поясе — я точно помню.

Хватаюсь ногтями в стык маски и лица, после чего с силой дёргаю. Маска не поддаётся.

Откуда-то из подсознания возникает ощущение, что незачем снимать маску, ведь нормально и так...

— Ах так?! — воскликнул я. — Ну, держись покрепче!

Хватаю маску обеими руками и пытаюсь сорвать. Не поддаётся, будто приклеена

эпоксидным клеем.

— Терпение моё пытаться не вздумай! — прорычал я в ярости. — И волю диктовать ты мне не смей! Я царь, хозяин и герой! Ты лишь кусок чёрной бронзы! Покорись!

Но маска никак не желала слезать с моего лица, поэтому я пошёл на крайние меры.

— Не доброй волею, так силой! — вынул я из ножен копис. — Сойдётся с моим лицом!

Как только я приставил копис к собственному лицу, к мерцающей в электрическом свете бронзовой маске, сопротивление исчезло, а маска легко снялась.

— Ещё один такой фокус — навсегда станешь настенным декором в моей комнате, — пригрозил я маске кописом.

Не думаю, конечно, что у маски есть своя воля, но только что она попыталась проверить меня на прочность. Это не воля, а, скорее, испытание. Маски-то проклятые...

Это следовало проанализировать и основательно обдумать.

Умылся и почистил зубы.

Когда вернулся в спальню, Ани уже лежала в кровати.

— А, уже снял... — неопределённым тоном произнесла она.

Я слышу сожаление?

Раздеваюсь и ложусь в кровать. После произошедшего нам не о чем говорить.

Испытывала ли меня маска Наполеона? Не припомню такого...

А вообще-то, было!

Буквально в первый день, когда передавали по радио, что всё под контролем и не надо бежать из города, маска начала диктовать мне мысли образа. Что-то о надёжных батальонах Старой гвардии, которые я бы ввёл в город, случись такое в моей державе. Да, точно. И этот ненавязчивый мозготрах мне надоел, потому что это были слишком чуждые мне мысли, и я снял с себя маску. Небольшое затруднение, этакое ментальное сопротивление действию — это была попытка маски воспрепятствовать снятию.

Но если бы я поддался? Что бы было?

А что бывает, когда роль владеет актёром? Ничего хорошего и точка.

Переворачиваюсь на другой бок и вижу, что Ани активно мастурбирует, накрывшись одеялом. Лицо покрасневшее, кончик языка торчит, а глаза зажмурены.

— Ты окончательно долбанулась?! — воскликнул я и вскочил с кровати. — Я на диван.

Примечания:

1 — Некрос — от греч. νεκρός — мёртвый.

Глава 22. Уши — достойный трофей

/14 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

— Больше так не делай, — потребовал я.

— Но ты сам начал шлёпать меня ремнём! — возмутилась Ани. — Я и подумала, что...

— Прекратите! — воскликнула бабушка, поперхнувшись чаем. — Не за столом же!

Мы пили утренний чай, с печеньками и сухофруктами. Вчера я проспал всю ночь, очень паршиво, на диване, потому что Ани исполнила то, что исполнила. Но паршивым сон был не из-за этого, а из-за того, что я узнал о своих проклятых масках.

Образ Тесея пытался взять меня за задницу и диктовать свои условия, но теперь, я думаю, мы с ним определились с тем, кто здесь главный, что, впрочем, не отменяет возможности попыток реванша.

— Совсем стыд потеряли... — процедила бабушка, взяв тряпку и стерев брызги чая со стола. — Сегодня опять попробуем добраться до Эрмитажа, но по Троицкому мосту. На Благовещенском и за ним слишком много мертвецов — дозорные докладывают о нескольких ордах численностью не меньше десяти тысяч каждая. Не пройдем.

— Но ведь Троицкий разведён, — сказал я на это.

— Больше нет, — покачала головой бабушка. — Кто-то опускает мосты. Видимо, этому кому-то совсем плевать на остальных жителей, ну или он хочет убить всех.

Почему-то первая возможная кандидатура, пришедшая мне в голову — Некромант. Этот ублюдок совсем отбитый, потому что с первых дней воевал против военных, мешая эвакуации жителей и устраивая нам проблемы. Он умеет контролировать мертвецов, поэтому я не удивлюсь, если это именно он направляет своих прихвостней, чтобы они опускали мосты, пока есть электричество.

Вопрос с электричеством становится всё более и более актуальным. Причина в том, что я точно знаю об уходе персонала и защитников электростанций. А ещё топливо отнюдь не бесконечно. Неизвестно, когда перестанет поступать газ, ну и ещё предельно ясно, что подвоза мазута больше не будет.

И пусть мощность поставлена на предельно низкую, потому что промышленность больше ничего не потребляет, а жители стали потреблять электроэнергию радикально мало, технический расход топлива всё равно очень высокий.

Мы не знаем, что стало с ТЭЦ в других частях города, после того, как военные перестали держать оборону, но Василеостровская ТЭЦ обслуживается лишь 5–6% штатного персонала, потому что подавляющее большинство сотрудников предпочло эвакуироваться на Кронштадт, а оттуда на Готланд.

В интернете пишут, что несколько районов уже обесточены, следовательно, воды там тоже больше нет. Настоящий апокалипсис только начинается, м-да...

— Значит, пойдём через Троицкий, — вздохнул я. — Нам обязательно нужно в Эрмитаж.

— Тогда не будем задерживаться, — встала бабушка из-за стола. — Ты с нами, Ани?

— Да-да, я с вами! — закивала моя финская фанатка.

— Поесть бы чего на дорожку... — огляделся я.

Завтрак, представлявший собой варёную гречку с тушёной говядиной, прошёл через

пищевод незамеченным, поэтому чувство голода никуда не делось. Это неожиданное последствие прироста мышечной массы и размеров моего тела. Тесей, как древнегреческий герой, наверное, очень хорошо питался...

— Копчёное мясо в холодильнике, — указала бабушка. — Можешь съесть хоть весь окорок, всё равно скоро испортится.

Я подошёл к холодильнику, вытащил из него здоровенный копчёный окорок. Ставлю его на стол, вооружаюсь ножом и начинаю есть. Всухомятку кушать вредно, поэтому достаю из холодильника бутылку чёрной газировки. Бабушка, хоть и осуждает почти всё западное, но не отказывает себе в порции разбавленных в воде кукурузного сиропа, подсластителей, комбинации ароматических масел и кофеина. Раскрываю бутылку и наливаю шипучий напиток в фирменный стакан.

Под взглядами бабушки и Ани я быстро, активно пережёвывая, заставил окорок исчезнуть.

— Вот теперь можно и повоевать, — встал я из-за стола. — За мной!

/14 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Троицкий мост/

Двигались мы пешком, по пути истребляя всех встреченных мертвецов. Убитые сегодня не станут чьей-то проблемой завтра.

— Почему твоя радиация усиливает фон на местности? — поинтересовался я, когда услышал писк дозиметра.

Бабушка мазнула минимальным лучом радиации по стоящим у окон прибрежной кафешки мертвецам, что вызвало резкий скачок радиоактивного фона. Так-то я далёк от ядерных технологий, но гугл, местами, всё ещё работает, поэтому я быстро понял, что бабуля, если верно утверждение о том, что она направляет чистые гамма-лучи, просто не может заражать местность. Отсюда у меня и возник вопрос.

— Дальнейшее развитие сверхспособности, — пожалала плечами бабушка. — Появилась где-то на пятисотых мертвецах. Именно свойство наводит долговременный фон.

— А ты можешь это как-то поубавить? — поинтересовался я.

— Нельзя, — недовольно произнесла Агата Петровна. — Стала бы я заражать радиацией самый короткий путь к Эрмитажу, будь у меня иной выход?

Логично.

Так и гниют, небось, мертвецы. Обычно, загнить они не успевают, потому что соратники не дадут павшим пропасть зря. Но сейчас ситуация особая — радиация никуда не делась, поэтому бабушка создала долговременную ловушку, где есть и приманка, и поражающий фактор.

— И как долго этот фон будет таким? — спросила Ани.

Это хороший вопрос. Видимо, она думала об этом в том же ключе, что и я.

— Примерно через пять лет, если не убрать тела с моста, фон там станет в два раза слабее, — ответила бабушка.

— Откуда такие сведения? — спросил я.

— Откуда-то, — пожалала плечами бабушка. — Просто я точно знаю. Помимо гамма-частиц в поток излучения добавляются атомы кобальта-60. Моё знание моей

сверхспособности убеждает меня, что это именно кобальт-60. Он и раньше служил источником излучения, но этим обусловлена изначально малая дальность действия. Увеличение дальности стало возможным только благодаря способности генерировать атомы кобальта-60 и направлять их в желаемую сторону. И, в отличие от тех, которые генерировались в начале и куда-то потом исчезали, отправленные во врагов частицы никуда не деваются, продолжая существовать во внешней среде, конкретно в телах зомби.

Я достал телефон и начал гуглить.

Радиоактивный изотоп обычного Кобальта, источник гамма-излучения, период полураспада — 5,27 лет, поэтому бабушка права, когда говорит, что через пять с лишним лет на мосте будет в два раза менее высокий фон. Но, думаю, проще как-то убрать тела или сбросить их в реку. Бессовестно, если смотреть с точки зрения экологии, но единственно верно, если не хочется, чтобы люди, пересекающие мост, умирали на месте.

— Я специально стараюсь не бить по местности, — сообщила бабушка. — Но такое возможно не всегда.

Её сверхспособность — такое же спасение, как и проклятье. Трагично, что она, если достигнет своего пика развития, сможет очистить город в одиночку, но ценой того, что люди в этом городе жить не смогут.

Зато это ультимативное оружие, старый-добрый ядерный фактор сдерживания, который может выселить любых суперов с любой местности. Бабушка — сложный человек, тяжёлый в общении, но теперь с ней буду вынужден считаться не только я, ха-ха...

Оглядываюсь назад, на Кронверкскую набережную и на Военно-исторический музей артиллерии. Вообще-то, надо заглянуть и туда тоже, потому что там тоже есть оружие и, как говорит бабушка, рыцарский зал, но там не так много оружия и брони, как в Эрмитаже. В артиллерийском музее больше архаичного огнестрела, который работает на чёрном порохе, чем холодного оружия. Но главный фактор — военно-исторический музей артиллерии находится в зоне нашего влияния, а вот Эрмитаж в зоне контроля суперов. И если мы не успеем вовремя, то там всё будет украдено до нас.

Эх, а ведь там, за зданием, находится наша позиция, где, теперь уже навсегда, застыли «Коалиция-СВ» и «Мста-Б». Богини войны...

А ещё дальше на северо-запад расположен Ленинградский зоопарк, где мы дислоцировались. Сейчас там полно пустых ящиков, брошенная экипировка, снаряжение и прочие атрибуты, которые не удалось вывезти. Возможно, если покопаться, можно найти боеприпасы и ещё чего-нибудь полезного, но сейчас нет времени.

— Надо идти, — вздохнул я.

— Скучаешь по своей временной службе? — усмехнулась бабушка.

— Не то чтобы скучаю, — протянул я. — Скорее, ностальгирую. Пусть было тяжело, зато мы занимались полезным делом, а не думали исключительно о своих задницах, как сейчас...

— Лучше было бы, если бы вы победили... — сокрушённо произнесла бабушка. — Действительно, чего мы стоим? За мной. Внучок, надевай маску и сразу же закрывай рот. Не хочу слышать твои разглагольствования о правах мужчин и женщин.

— Не обещаю, — усмехнулся я и снял с пояса маску, но не надел.

Троицкий мост оказался до омерзения пуст — некого рубить, не на ком наращивать могущество...

Вообще ничего нет, потому что всё, что на нём было раньше, заблаговременно убрано

или вытолкнуто в реку военными, которые хотели поскорее развести мост. Чувства у меня, на этот счёт, двойственные: хорошо, что не подорвали и можно пройти, но плохо, что не подорвали, потому что по нему могут пройти мертвецы. И обязательно пройдут.

— Нужна машина, блиндированная свинцом, чтобы очистить мост, — вдруг произнесла бабушка, когда мы пересекли мост. — Возможно, подойдёт танк с отвалом для самоочапывания. Умеешь управлять танком, внучок?

— Если он хотя бы чуть-чуть похож на «Мсту-С», то умею, — ответил я. — Откуда знаешь, что на танках бывают отвалы?

— Аркаша вчера подсказал, — сказала на это Агата Петровна.

Аркаша — это, как я понимаю, мой вчерашний знакомец. Видимо, из танкистов или хорошо разбирается в бронетехнике. Я о бульдозерных отвалах на танках только слышал, но ни разу не видел. А вообще-то, на танках стоит противорадиационная защита, предназначенная для защиты от экстремального радиоактивного облучения, поэтому это похоже на выход. Только вот непонятно, как можно вытолкнуть многотысячную толпу одним танком...

— Может, лучше поставить таблички с предупреждением? — спросил я. — И вообще, как-то само собой понятно, что куча мертвецов, лежащая на мосте, появилась совершенно не просто так и лучше бы туда не ходить...

— Я должна разгрести последствия своих действий, — вздохнула бабушка. — Хочешь помочь — помоги, не хочешь — я найду кого-нибудь другого.

— Ладно, посмотрим, — не стал я давать однозначного ответа. — Давай-ка, лучше, разберёмся с актуальными задачами.

Вышли на Дворцовую набережную и направились в сторону Эрмитажа.

На набережной было пусто, что очень подозрительно. Пусть основная масса мертвецов склонна сколачиваться в орды, но есть индивидуалисты, отстоящие от всех остальных, не такие как все, уникальные личности, непонятые гении... Шучу. На самом деле, есть достаточно тупые зомби, которые не могут или не хотят вливаться в трендовое движение, поэтому ходят сами по себе. Их мало, но они есть. И именно они создают ощущение, что мертвецы буквально повсюду в больших количествах.

Но правда такова, что да, зомби действительно огромное количество, но они ходят ордами, поэтому они отнюдь не повсюду. Есть места, которые абсолютно свободны от мертвецов, но не всегда. Орды ходят везде, но без какой-либо видимой системы. А индивидуалисты шарят по городу вообще случайно, просто реагируют на звуки, движение и так далее.

И их здесь нет.

— Не нравится всё это мне, — произнёс я, надевая маску. — Уж больно тихо тут, пустынно...

Маска, будто бы в благодарность, насытила мои мышцы невероятной силой. Появилось ощущение, что я могу порвать зомби на два куска голыми руками. Возможно, так оно и есть.

— Может, тут просто не рыбное место? — предположила Ани.

Я посмотрел на неё осуждающим взглядом. Она сделала виноватое лицо и отвела взор.

— К оружию, — произнёс я и извлёк копис.

По пути я подхватил меловую доску у ближайшего кафе. А, нет, это винный бар.

Вытаскиваю из подсумка красный маркер и пишу:

«Радиоактивная зона. Смертельно опасно. Настолько, что зомби гибнут. Не входи, коли

жизнь дорога».

— Что ты тут накарябал? — недоуменно спросила бабушка.

— О радиации сии слова, о смертной опасности, о губительности для некросов, — ответил я.

— Это точно не на русском, — покачала головой Ани. — Давай я.

Недовольно поджав губы, я передал ей доску и маркер.

Ани перевернула доску и написала слова о радиоактивной опасности, а также навела читателя на мысль, что зомби там лежат не просто так, после чего передала доску мне.

Я сличил две стороны и только тогда увидел разницу. Текст, написанный мною, был не на русском. А сразу и не заметно.

Архаичные буквы занимали куда больше места на доске, потому что Ани потребовалось лишь четыре строки, а я занял целых шесть.

Возможно, я первый в истории человек, который написал какое-либо осмысленное сообщение на этом языке маркером на меловой доске.

Смотрю на Троицкий мост, точнее, на ту его часть, где мы вчера накуролесили. Мертвецы упорно прут туда, ими заполнен мост на всём протяжении, но мы их не волнуем, потому что впереди отличненькая горка из трупов. Зомби упорно лезут на горку, грызут всё, что можно грызть, но затем умирают от радиации.

— Пара десятков таких ловушек, Агата Петровна, — произнесла Ани. — И можно очистить город за неделю-две.

— Я не получаю за это ничего, — покачала головой бабушка. — Поэтому этого не будет.

— Твои слова духом коммунизма исполнены и сквозят им изо всех отверстий, старуха, — усмехнулся я.

Но бабушка ничего не ответила, лишь направилась в сторону Эрмитажа.

К мосту идти опасно, поэтому я поставил табличку на видном месте. В принципе, теперь я понимаю, что в этой табличке нет никакого смысла, потому что пока там столько зомби, ни один здравомыслящий человек туда не пойдёт.

Внутри мы проникли через парадный со стороны набережной. Двустворчатая дверь была стянута цепями, но могут ли остановить меня какие-то там цепи? Я порвал их руками, что вызвало удивление и Ани, и бабушки. Полагаю, ожидали от меня человеческих сил, а не мощи истинного полубога.

— Направо надобно идти, — произнёс я и устремился в указанном направлении.

Миновав гардероб и кассы, мы прошли через зал с камешками родом из палеолита, зал с керамикой из неолита, а затем оказались в зале, где представлялись экспонаты из века бронзового. Меня заинтересовала экспозиция изделий андроновской культуры, что было мне близко, так как я со школьной скамьи помню, что андроновцы — это мои земели, жившие на территории Казахстана за четыре тысячи лет до меня. Жили они оседло, что не очень характерно для тех времён, особенно зная, что андроновцы были индоиранцами. А индоиранцы, в те времена, предпочитали не задерживаться где-то слишком надолго, потому что дух экспансии был им близок и понятен.

Но это лишь любопытные древние артефакты, а нас интересовало что-то более практичное и не столь отдалённое по эпохе.

— Здесь тупик, надо идти к Салтыковской лестнице и сразу дуть в рыцарский зал, — озвучила план дальнейших действий бабушка. — За мной!

Мы поднялись на второй этаж — иконы, гобелены, картины, фрески, вазы, ничего ценного.

А вот на переходе между Малым и Большим Эрмитажем стало интересно...

— Хыс-с-с... — прошипела ушастая тварь гуманоидного вида, принявшая защитную позу.

Кожа у этого гуманоида была серой, глаза подслеповато щурились, а общая subtilность сложения не создавала видимость особо большой угрозы. Правда, имелись у этой твари длинные трубчатые когти на пальцах и шипы на локтевых сгибах. И зубки у неё были хищные, с развитыми клыками.

Тварь, даже несмотря на наше численное превосходство, кинулась прямо на нас, конкретно на меня, как на самого опасного.

Делаю молниеносный взмах кописом и отсекаю этому агрессивному самоубийце его буйную головушку.

Прозрачная жидкость, заменяющая кровь, расплескалась по красивой напольной мозаике, а тело, исторгающее эту самую жидкость, боролось за жизнь и прерывисто конвульсировало. Сложнее всего организму принять собственную гибель.

Прирост могущества был незначительным, потому что тварь оказалась недостаточно сильной, чтобы на что-то повлиять.

— Что это такое? — спросила Ани озадаченно.

За спиной её уже стояло двое косторезов, вооружённых костяными топорами из заточенных человеческих лопаток.

— То мне неизвестно, — пожал я плечами. — Но это ведь не всё.

Из следующего зала доносились скрипы, обычно возникающие тогда, когда многочисленные ноги, снабжённые когтями, стремительно несут своих хозяев к нарушителям периметра.

Смахиваю с меча прозрачную жидкость, назовём её ихором, после чего готовлюсь встречать новых противников.

И противники, собратья первой жертвы, врезались в дубовую дверь, открыв мне Эпоху Возрождения, с христианской тематикой в произведениях искусства, а также на украшенный беломраморными панелями зал.

Косторезы попытались атаковать противников первыми, но куда им до меня?

Ударом кулака, обмотанного лентой из бычьей кожи, проламываю череп самому шустрому, кописом вскрываю второго ушастого от паха до шеи, после чего наношу быстрые рубящие удары по остальным, оказавшимся слишком медленными для меня.

— Ваша смерть будет напрасной! — пообещал я странным тварям, продолжая натиск.

Меня одного хватило, чтобы сбить запал ушастых и начать теснить их в Эпоху Возрождения.

Вокруг разлетались отрубленные конечности, головы, брызги ихора, а также оружие, которым эти твари вооружились.

Это доказывает, что они не подобны зомби, раз у них хватает мозгов использовать мечи и топоры. Но им недостаёт мозгов, чтобы понять тщетность битвы со мной и бежать.

Чтобы истреблять этих тварей, мне не нужен даже щит, потому что они просто не успевают за мной. Реакция их лишь гораздо лучше, чем у мертвецов, даже чем у обычных людей, но этого всё равно недостаточно, чтобы превзойти мою. Не помню, чтобы я был когда-то настолько быстр...

Вокруг разливается скользкий иخور, а также расползаются выпущенные кишки, но я постоянно на сухом, потому что стремительно продвигаюсь вперед.

Прошло, по ощущениям, несколько минут, а в зале Эпохи Возрождения на ногах стою только я. И ведь даже не вспотел!

Живых ушастых не осталось, все лежат неподвижно, как им и положено. На некоторых, как вижу, есть одежда, а один ухарь даже кольчугу надел. Видимо, решили вооружиться в Эрмитаже, бесплатно и эффективно.

Склоняюсь к одному из ушастых, самому крупному, и отрезаю ему его ушки кописом. Уши, кстати, заострённые, но торчат практически горизонтально, как у овец. Впрочем, это трофеей и символ моей пусть и лёгкой, но всё равно славной победы.

Вытаскиваю из подсумка металлическую цепочку и нанизываю на неё уши.

— Ты собираешься носить это на шее? — с нескрываемой брезгливостью спросила бабушка.

— Трофеей с врага носить почётно, — ответил я на это.

— Тогда почему не яйца? — усмехнулась бабушка.

Я посмотрел на половые органы своих жертв.

— Нет уж, больно мелковаты, — разочарованно покачал я головой. — Уж лучше уши, чем столь невзрачные уды...

Бабушка вытаскивает из клетчатой сумки шерстяное одеяло и ещё одну клетчатую сумку. Сумки такие ещё называют мечтой оккупанта или сумкой челнока, потому что именно в таких, в девяностые годы, возили разные товары в страны новорожденного и с детства хворого СНГ.

Принимаю одеяло, расстилаю его на полу и начинаю складывать трофейное оружие. Издалека доносятся скрипы, а значит...

Из следующего зала выпрыгивает целый шквал ушастых и мчит к нам, жажда уничтожить, разорвать, сожрать.

Косторезы принимают удар на себя, вступив в ихоропролитную схватку. Опускаю взгляд на боевой индейский топор, который держу в руках.

По вскрику Ани я сразу понял, что одного из косторезов прикончили, а затем, по повторному вскрику, понимаю, что и второй отправился вслед за ним.

Вскидываюсь и бегу на рассредоточивающихся по залу противников.

На этот раз враги действуют осторожнее и как-то организованнее. На переднем плане вооружённые алебардами, а на заднем с короткими копьями. Словно эти твари заведомо имели представление о том, с кем им предстоит сражаться и чего от меня следует ждать. Нехорошо и подозрительно.

Бросаю индейский топор, украшенный красными перьями, прямо в лоб центральному алебардщику и врываюсь в неуверенную формацию, раздавая удары кописом и левым кулаком.

Удары мои сокрушительны, а противники, несмотря на подготовку, не могут предложить мне никаких испытаний. Алебарды, когда я настолько близко, скорее мешают, а копьё...

Пропускаю неуверенный укол в бедро. Лезвие пропарывает кожу, но я почувствовал лишь укол, будто у меня берут кровь на анализ.

Срезаю часть черепушки удачливого копейщика кописом и ударом ребром ладони наотмашь деформирую лицо кинувшегося на меня ушастика, решившего заманить меня в

партер.

Ихор забрызгал произведения искусства, мраморные панели, лепнину, мою одежду и тела врагов.

Хватаю следующего атаковавшего меня ушастика за необычайно чистую чёрную рубашку и подбрасываю. После удара головой об потолок он ломает себе шею и падает уже мёртвый. Я перехватываю его за ногу и начинаю размахивать трупом, сбивая окружающих ушастых с ног.

И, вооружённый итальянским дробовиком, ушастый недоносок выбирает именно этот момент наиболее благоприятным, чтобы войти в зал. Естественно, что я бросаю уже изрядно поломанное тело прямо в него.

Грохот выстрела, но вся дробь улетает в потолок.

Прорываюсь вперёд, оставив поднимающихся на ноги ушастых новому косторезу Ани.

В коридоре, ведущем в зал Эпохи Возрождения, натываюсь на семерых ушастых и начинаю бойню. В замкнутом пространстве их рубить ещё легче, потому что они растеряны и не знают, как мне противостоят.

Полностью покрытый ихором, я вбегаю в зал с иконами и красивым бронзовым крестом с распятым. Тут обнаруживается обычный человек с блондинистыми волосами и голубыми глазами, облачённый в чёрный латный доспех, но без шлема.

Мужчина, вооружённый очень непрактичным в замкнутых помещениях, полутораручным мечом, испуганно пятится назад, как и его соратники, ушастые твари в латах разного качества. Это враги и они заодно.

— Убейте его! Убейте! — взвизгнул мужчина.

Я, с недоброй ухмылкой, пошёл на них, но группа бронированных испуганно попятилась.

— Сдавайтесь, глупые, коль жизни дороги, — произнёс я.

— Убейте его! Чего вы медлите?! — вещал мужчина в чёрных доспехах.

Моё терпение иссякло, поэтому я бросился в атаку и сразу же срезал верхнюю часть черепа ушастому, одетому в готические латы и вооружённому стальным шестопёром.

Ударом кулака я проломил череп второму ушастому, одетому в миланский доспех, прямиком из экспозиции «четыре рыцаря», вооружённому казацкой шашкой. Странный выбор оружия, но и пусть...

Чернодоспешный попытался сбежать, пока я убиваю последних троих бронированных ушастых, попытавшихся оказать сопротивление, но расправа была быстра, поэтому легко догоняю мужичка и пинаю его под правое колено.

— Уж больно битвы время хорошо, чтобы его тратить на бегство постыдное, — наставительно пригрозил я чернодоспешному пальцем. — Кто ты таков? И как ты посмел владенья мои разграблять?

Глава 23. Острова

/14 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж/

— Ох! Тяжело! — страдальчески воскликнул черnodоспешный, на поверку оказавшийся Олегом.

Он поднял клетчатую сумку и водрузил её себе на спину. В сумке лежат обёрнутые одеялом образцы холодного оружия, заляпанные в ихоре и ошмётках плоти ушастых, на поверку оказавшихся вампирами.

— Ничего, привыкнешь, — сказала ему Агата Петровна. — Идти недалеко.

Я же легко поднял связку из пяти сумок, трещащих от непредусмотренных конструкцией нагрузок, поместив этот груз на тележку для уборки. Тележку я нашёл в служебном помещении музея, после чего ободрал с неё всё лишнее, оставив лишь несущий каркас с колёсиками.

Олег же, заявивший, что является всамделишным вампиром, тащил грузы на спине, потому что ему не положено никакой механизации труда.

Вообще, произошедшее сегодня дало мне много пищи для размышлений.

Например, можно хорошо обдумать этих вампиров, прислуживавших Олегу.

Это ведь некогда обычные люди, которых Олег отловил в городе и покусал своими острыми зубками. Превращение в вампира занимало шесть-восемь часов, после чего жертва больше не хотела сопротивляться и начинала служить своему владыке.

Вампир Олег утверждал, что всё это было добровольно, но потом я сломал ему три пальца на левой руке, большой, указательный и средний, а затем услышал истинную версию происходивших событий.

Захваченные прямо в своих домах, голодные, ослабленные, пойманные во дворах, на крышах, везде, где только могут быть люди — вампир Олег не брезговал никем, обращая обычных людей в покорных прислужников. Он собирал армию, чтобы захватить какой-нибудь небольшой район и создать там своё мини-королевство, с амбициями на расширение.

Но потом появился поручик и всё опошил.

Кстати, сломанные пальцы у него уже срослись, поэтому он действительно вампир или что-то вроде того. Но клыки я ему вырвал, чтобы не наглел. И да, клыки ещё не отросли.

На улице нас ждал небольшой китайский грузовичок, найденный мною во дворах за Главным штабом. Он, вроде бы, на ходу, но проверять мы не будем, потому что я обнаружил, что легко могу дотолкать его куда нужно.

Абсолютно экологичное решение было обусловлено необходимостью соблюдать тишину, ну и ещё я сам хотел пробежаться, чтобы привыкнуть к доспехам. Доспехи, к слову, сейчас предстояло надеть и подогнать. Собственно, сейчас самое время.

Мы добрались до лестниц, которые были проблемой лишь для Олега. Я взял тележку более удобным хватом и спокойно спустился, а военнопленный начал кряхтеть и стенать, стараясь не шуметь.

— Стоять, — приказал я вампиру Олегу, когда мы оказались на первом этаже.

Я не слышал ничего нелепее, чем словосочетание «вампир Олег». Оборотень Пётр, минотавр Семён, гарпия Снежана... Хотя последнее я где-то уже встречал.

Вытаскиваю из сумки полудоспехи и начинаю примеряться к ним. Можно было бы

подобрать и что-то более защищённое, но хотелось именно эти, уж больно красивая на нём чеканка... а ещё они единственные из всех подходили мне по размеру. То есть с учётом того, что можно надеть под них поддоспешник.

Развязываю ремни и накидываю на себя кирасу — легла как родная. Закрепляю наплечники, наручи, бронерукавицы, после чего позволяю Ани стянуть ремни.

Чувствую некоторую скованность в груди, потому что делалась эта броня не под меня, но затем эта скованность начала куда-то пропадать. Ани охнула и прикрыла рот.

Недоуменно поворачиваюсь к ней и вижу в её глазах изумление. Опускаю взгляд и понимаю, что латный полудоспех медленно истаивает в некоторых местах и метаморфозирует в нечто вроде бронзовой античной кирасы, оборудованной наплечниками, налокотниками и красивым горжетом с узорной чеканкой.

Защита рук исчезла бесследно, но зато появились поножи с защитой колен до начала бёдер.

С руками надо что-то решать, но доспех мне нравится...

— Хотелось бы мне вечно видеть тебя, — произнёс я вслух.

Лёгкое ощущение пустоты в груди, неожиданная слабость, против моей воли поставившая меня на колени, после чего я осознал, что теперь эта броня со мной надолго.

— Невероятно... — прошептала Ани. — Ты можешь менять броню по своему желанию?

— Нет, — коротко ответил я, после чего вернулся к думам об усилении бронирования.

И идея посетила меня после недолгого раздумья.

Подхожу к тележке и снимаю с неё одну из сумок. Меня интересовала кольчуга, найденная нами в зале оружия Ближнего Востока. Вытащив аккуратно сложенную кольчугу из под связки булав, я положил её на пол и начал снимать броню.

Откуда-то у меня в голове были сведения о том, как обращаться с носимой на мне бронёй, чем совершенно точно не владел Наполеон, но должен был владеть Тесей.

Надеваю кольчугу, которую надо бы слегка расширить, после чего снова облачаюсь в античные доспехи. Теперь всё выглядит странно, но зато надёжно.

Теперь можно чувствовать себя более защищённым от укусов зомби, которые, как установила практика, не способны прокусывать что-то твёрже человеческой плоти.

— Идём дальше, — бросил я и покатил тележку к выходу.

В кузове грузовичка уже возилась бабушка, увязывающая образцы холодного оружия в связки и проматывая их коврами, срезанными в холле музея.

— Не будет более оружия и броней, — сообщил я ей. — Мы закончили.

— Вот и хорошо, — разогнулась бабушка. — Тогда грузите остатки и уходим. Мы и так слишком тут задержались.

Я закинул в кузов все пять сумок, после чего забрал у вампира Олега ещё одну и закинул туда же.

На площади вокруг пустынно, мертвецов не видать, что подозрительно.

— Олег, скажи мне, будь любезен: куда девались местные некроты? — поинтересовался я.

— А? — повернул голову доморощенный вампир.

— Ты меня слышал, — нахмурил я брови.

— Куда делись некроты? — недоуменно переспросил Олег. — Некроты — это мёртвые?

— Раздраженье моё — последнее, что нужно тебе, — вздохнул я.

— Мёртвых убили мы, когда только пришли сюда! — зачастил вампир. — Ради личного

развития!

— Залезай, — приказал я ему, указав на кузов.

Вампир залез в кузов, а я следом. Достав наручники, я приковал пленного к борту и уставился на него недоверчивым взглядом.

— Какой смысл тебе дало убийство мертвецов не лично? — спросил я.

— Я получаю часть сил от тех, что даются моим последователям за уничтожение мёртвых, — объяснил Олег. — Пожалуйста, я ведь ничего плохого не сделал...

«Не сделал ничего плохого» — это обратил в хилые подобия вампиров целую прорву людей. Лишённые свободы воли, алчущие людской крови — это даже хуже, чем смерть.

— То суд решит, — сказал я, после чего надел на его голову чёрный мешок. — Тебе же ждать судьбы решения, проклятый кровопийца.

Перепрыгнув через борт, я упёрся в кузов и приготовился толкать.

— Трогай! — донёсся до меня призыв от бабушки.

/14 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

— Приковать эту тварь цепями к стене, не кормить, не поить, следить всё время, — распорядилась бабушка. — Исполнять.

Смурного Олега, уже не сомневающегося в исходе суда, утащили к подвалу, что возле третьего подъезда. Трое вооружённых ружьями мужчин, с красными повязками на плечах, смотрели на Олега как на дерьмо. Авторитет Агаты Петровны, являющейся лидером общины и, параллельно, её главной огневой мощью, был непререкаем. Мужчины даже мимикой не выразили сомнения. А новый мир, где сила — закон, существует всего две недели...

Кто-то сдвигается по фазе из-за психоэмоциональных воздействий сверхспособностей, кто-то сходит с ума от отчаяния и скорби по старой жизни, а кто-то находит сильных лидеров и старается держаться их, надеясь, что лидер будет успешен и обеспечит приемлемую жизнь для своих последователей.

Там, куда повели нашего пленного, оборудована тюрьма, чтобы было, где содержать возможных безумцев и преступников. И вампир Олег станет первым заключённым.

Бабушка, посмотрев на меня неопределённым взглядом, направилась в штаб, чтобы принять рапорт о происшествиях и новостях от дежурного. У них тут всё буквально пронизано духом ополченческого милитаризма, что, как я догадываюсь, нужно для поддержания духа гражданских — когда всё выглядит так, будто руководство знает, что делает, как-то поспокойнее...

Достаю сигарету из пачки и направляюсь к лавкам у четвёртого подъезда.

Там сидели три пожилые женщины, тихо обсуждающие что-то. Если забыть, что вокруг зомби-апокалипсис, то картина выглядит обыденно.

Ани пошла вслед за мной. Когда я остановился у урны, фанатка встала рядом и ждала чего-то.

Я же молчу, затягиваюсь отравляющим дымом и думаю.

А подумать есть о чём. У Вампира Олега сверхспособность с «простым» потенциалом. Он адекватен, психоэмоциональное воздействие сферы сказалось на нём не сильно, но он, как человек, изначально был говно, потому от слабости воздействия стало не сильно лучше.

Но что будет, если встретится кто-то с такой же сверхспособностью, но «эпического» потенциала? Будет ли это означать, что эту тварь нельзя будет уничтожить просто так?

Олега я мог прикончить в любую секунду, но это только потому, что у меня сейчас маска «необычного» потенциала. Будь я в образе Наполеона, в схватке против вампирских прихвостней мне пришлось бы несладко. Возможно, меня бы ранили или даже убили.

Я, кстати, так и не узнал о сверхспособностях Ани.

— Какой у тебя потенциал? — поинтересовался я, посмотрев ей в глаза.

— Редкий, — тихо ответила она. — Но я бы не хотела обсуждать это здесь.

Ани бросила короткий взгляд на пожилых женщин, переставших беседовать и слушающих наш разговор. Я не считаю, что от старых женщин много толку и хоть сколько-нибудь опасности. С другой стороны, они треплются и могут разболтать всё, что услышат. Бесполезные создания...

О, чувствую, маска даёт о себе знать.

Это второй беспокоящий меня момент. Если маска с «необычным» потенциалом, вторая по счёту, настолько сильно бьёт по мозгам, то на что будут способны «редкая» и «эпическая»?

— Ты права, — вздохнул я и снял маску. — Идём домой.

У складской зоны происходил разбор грузов — оружие распределялось по категориям, потому что мы собирали всё, что увидим, с сортировкой исходя из логистической целесообразности, частично перекликающейся с типами оружия и брони, но далеко не всегда.

Дохожу до подъезда и вижу знакомое лицо.

— Да быть такого не может! — воскликнул я, выпучив глаза в удивлении.

— Я сам до сих пор не верю, — улыбнулся ополченец Илья.

Обнимаю своего боевого товарища. Он скинул порядочно веса, побледнел и изрядно потрепался.

— Как ты выживал всё это время? — спросил я и взял его под руку, чтобы повести домой. — Ани, это мой боевой товарищ, Илья Николаев, как Игорь Николаев, только Илья!

— Приятно познакомиться, — вежливо улыбнулась ему Ани.

— А ты, значит, Ани, — улыбнулся ей в ответ Илья. — Дима рассказывал. Спрашиваешь, как я выживал всё это время? Плохо.

— Расскажешь внутри, — произнёс я.

Вместе мы пошли в подъезд, поднялись на нужный этаж и оказались в бабушкиной квартире. Завожу Илью в гостиную, а Ани даю знак, чтобы поставила чай и принесла чего-нибудь перекусить.

— Садись, устраивайся поудобнее, — указал я бывшему ополченцу на кресло.

— А у тебя тут хоромы... — с уважением в голосе произнёс Илья, осматривая помещение.

У нас тут кремового цвета лепнина, светлые деревянные панели на стенах, белый итальянский паркет, чёрные диваны и кресла из натуральной кожи — я нанимал дизайнера, причём довольно-таки известного и дорогого, чтобы он сделал всё в том стиле, который считается приемлемым бабушкой. Было предложено четыре варианта, и бабушка выбрала именно этот стиль, оказавшийся сталинским ампиrom.

— Да, деньги были, — покивал я, доставая из серванта коробку с сигарами.

Сигар у меня много, в столовой выдавали порядочно, но они конечны. Впрочем, я больше предпочитаю обычные сигареты. Но и сигареты когда-нибудь закончатся...

— Ну, так как ты выживал? — вновь поднял я вопрос. — Как так получилось, что ты

ещё не в Кронштадте?

— История не будет долгой, — принял обрезанную сигару бывший ополченец. — Когда я смылся и добрался до морского порта, я не смог попасть на баржу, потому что гражданских было слишком много. Больше, чем могли вместить суда. Никто не знал, сколько вы продержитесь, поэтому на борт хотели попасть все и сразу. Одну баржу чуть не утопили, но лишних вовремя вытолкали на пирс, а потом кто-то из гражданских применил сверхспособность...

Илья раскурил сигару, прямо как я учил. В гостиной запахло табаком с дубовыми нотками, толикой кардамона и тмина. Дорого, роскошно и круто — даже мне не по карману курить настолько дорогие сигары. Было.

— И что, закончилось катастрофой? — поинтересовался я, выпуская серию дымных колец.

— Не знаю, — пожал плечами Илья. — Я сбежал сразу же, как почувствовал запах сожжённой плоти. Но, судя по тому, что утром, когда я вернулся в порт, никого уже не было, военные справились с ситуацией.

— Как ты дальше выживал? — спросил я.

— Нашёл пустую квартиру в высотке на Кораблестроителей, — ответил Илья. — Из еды у меня было кое-что, поэтому отлёживался и отсыпался. А потом вспомнил, что ты живёшь где-то неподалёку, решил заглянуть и узнать, выжил ли ты.

Ани принесла с кухни поднос, на котором стоял заварник, три пиалы, три ложки и тарелка с рахат-лукумом.

— Бля, Дим, — произнёс Илья. — Ты не представляешь даже, как я рад, что ты выжил!

— Это была случайность, потому что от меня там зависело мало, — вздохнул я. — Но я рад, что и ты выжил.

Рахат-лукум оказался подсушенным, потому что хранился неизвестное время в неизвестных условиях — я не знаю, где и когда его достала бабушка.

Пьём чай, курим сигары и молчим. Илья, расслабленно разлёгшийся на кресле, блаженно закатил глаза и пропитывался комфортом.

— Дима, надо подумать над тем, что делать дальше, — произнесла вдруг Ани.

— А что тут думать-то? — спросил я у неё. — Надо вычистить и обезопасить остров, решить проблему продовольственного обеспечения, а затем уже браться за освобождение города. Несмотря на то, что ситуация паршивая, я вижу, что есть пространство, где побарахтаться.

— Ничего не получится, — покачала головой Ани. — Надо уезжать или улетать.

— Почему ничего не получится? — поинтересовался я.

У меня есть убеждённость, что всё получится, но мне интересно узнать аргументацию альтернативной версии.

— Потому что дальше будет хуже, — ответила Ани. — Я видела много видео и читала много новостей из других стран — ни у кого не получается достаточно надолго сохранять порядок. Даже те, кто добился временного успеха, рано или поздно, но падают. Лондон пал практически сразу, но крупная группа столичных суперов сумела выбраться из города и закрепиться в Брайтоне, что на южном побережье Англии. Сегодня утром я прочитала в блоге, что их колония пала и больше не выходит на связь. Мертвецы пришли из Лондона, будто знали, где именно искать живых. У нас будет так же. Как бы мы ни держались за город, мертвецы неизбежно придут и всё порушат.

— Критикуешь — предлагай, — резонно отметил Илья.

— Я предлагаю улететь в Исландию, — сказала Ани. — Я узнала, что там что-то около трёхсот пятидесяти тысяч населения, то есть зомби-апокалипсис вполне может быть нейтрализован с минимумом последствий.

— Ты не читала об их «армии», — усмехнулся Илья. — Её фактически нет, поэтому просто некому было нейтрализовывать зомби-апокалипсис. А если учесть, что поначалу полиция пыталась задерживать мертвецов... Нет, у них всё было даже хуже, чем у нас.

Ани достала телефон и начала искать что-то в браузере.

— Шестьсот шестьдесят четыре полицейских на весь остров... — произнесла она, после чего ввела новый запрос. — А армия — сто двадцать человек и двести в резерве. Кошмар... Но так даже лучше. Если мы прилетим туда, то не будет проблем с местными. Истребим зомби, а затем начнём жить нормально...

— Циничненько, — усмехнулся я. — Но я не собираюсь никуда уходить. Питер — это мой дом. И вообще, если жизнь хоть немного наладится, мне надо слетать в Казахстан. В Астане мои родители, на могилах которых я должен побывать.

— Мне жаль, дружище, — со скорбным выражением лица произнёс Илья.

— О, боже... — прошептала Ани. — Они погибли?

— Да, в самом начале, — ответил я. — Водитель грузовика, судя по всему, обратился в зомби, поэтому уже ничем не управлял. Полицейский, с которым я поговорил, сообщил, что смерть была мгновенной.

Ох, хотел бы я, чтобы они были живы... Я бы уже давно слинял из Питера, любыми способами. В Астану, к родителям.

— Я соболезную тебе, Дима, — подошла Ани и положила руку мне на плечо.

— Спасибо, — грустно улыбнулся ей я. — Но этого уже не изменить, потому что мы властны лишь над своей судьбой. И мы ни к чему не пришли.

— Я без тебя никуда, — сказала Ани. — И я хочу, чтобы мы с тобой были в безопасности. Поэтому мы должны найти способ добраться до Исландии.

— Я никуда не полечу и не поплыву, — вздохнул я. — Не вижу в этом никакого смысла. Какая разница, где умирать?

— В Исландии можно выжить и прожить нормальную жизнь! — убеждённо заявила Ани. — Вместе.

— Ты всерьёз в это веришь? — усмехнулся я. — Сейчас время перемен, нет на планете места, где всё останется так, как было. Всё изменится и изменения принесут новые беды. Нельзя отсидеться в сторонке, потому что нет этой сторонки — ты везде в опасности, куда бы ни направился.

Залпом выпиваю чай и ставлю пиалу на поднос.

— Почему? — спросила Ани, обновив мне напиток.

— Потому что аномалии, — ответил за меня Илья, севший в кресле нормально.

— Не понимаю, — перевела на него взгляд Ани.

— Ютуб, — протянул он к ней руку.

Она открыла приложение и передала свой Айфон Тринадцатый. Илья набрал некий запрос, после чего выбрал первое видео и поставил телефон на поднос.

Я уставился на экран и даже успел прочитать название ролика: «¡Tipos como Alatríste matan zombies! ¡Crueldad! Gijón — 12.04.2022».

Первые кадры видеоролика показывали порт некоего города, месторасположение

которого невозможно определить сходу. Похоже, что это типа Испании, но это лишь предположение на основе того, что название на испанском. Ещё в пользу этой версии говорит характерная архитектура, свойственная латиноамериканским и иберийским странам.

Но главное в ролике было не это. Пирс был одновременно полон и пуст, не было тут подспудно ожидаемого скопления яхт, совсем как у нас, в Питере, но зато на каменных причалах было не протолкнуться от зомби.

А ещё был деревянный корабль со сложным парусом. Первая ассоциация — пираты Карибского моря, каравеллы, флейты, бриги и шхуны. Да, что-то вроде того.

И с палубы этого корабля валил белый дым и мерцали желтоватые вспышки. Неизвестный оператор, стоящий на крыше многоэтажки, о чём-то поражённо вещал на испанском. Наконец, ему хватило ума увеличить зум и дать нам возможность разглядеть подробности происходящего. А происходило сражение неких реконструкторов против орды зомби. Испанская армия, реально, будто прямиком из времён капитана Алатристе, стоит на конце причала и держит оборону от наступающей орды мертвецов. Причал узок, поэтому сотни с лишним людей, вооружённых пиками, мечами и топорами, достаточно, чтобы держать врага на дистанции, а ещё сильно помогает корабль, бьющий по зомби картечью из пушек и пулями из дульнозарядных мушкетов.

Оператор не стал задерживаться и побежал по крыше дальше, не переставая что-то темпераментно втирать. Он даже развернул камеру телефона к себе, из-за чего мы увидели, что оператор — это темнокожий парень лет двадцати, одетый в кожаные куртку и штаны, а на голове его мотоциклетный шлем. На куртку и штаны нашиты металлические пластинки, в основном на руках. Из-за плеча оператора виден пластиковый приклад штурмовой винтовки.

Показав знак «ок», темнокожий сказал что-то напоследок и закончил запись.

— Это, как я понимаю, не реконструкторы? — поинтересовался я.

— Таких видео уже достаточно, — вздохнул Илья. — Вы вообще не следите за трендами?

— Как-то не очень много времени на просмотр роликов, — развёл я руками, выпустив сигарный дым в потолок.

— Я не смотрю ленту предложенного, — сказала Ани. — Но об аномалиях я уже слышала. Танк как летающая тарелка на Аляске, немецкий танк в Польше, самолёт Первой мировой в Тунисе, ещё какая-то гигантская акула была...

— Да это всё фигня, если смотреть последние новинки, — невесело усмехнулся бывший ополченец. — Уже люди появляются, как эти испанские солдаты. Во Франции уже точно известно, минимум, о пяти случаях появления американских солдат и настоящих фашистов. У нас тоже, кстати, появляются свои аномалии... О Сосновке слышали?

— Не слышал, — ответил я. — А что там?

— Ребят, пока есть возможность, пока не отключился окончательно, старайтесь смотреть Ютуб почаще, — наставительно произнёс Илья. — Если его не станет, то потом больше не будет.

— Так что там с Сосновкой? — направил я его на более интересующий вопрос.

— Красноармейцы, — ответил бывший ополченец. — Непонятно как, но там появилась группа бойцов Красной Армии. Они вступили в схватку с зомби и даже добились некоторого успеха.

— Реально? — спросил я. — Когда это было?

— Вчера, — ответил Илья. — У них несколько пулемётов, один танк, только старый, а ещё что-то около двухсот бойцов.

— Погибли? — продолжил я опрос.

— Нет, насколько я знаю, — ответил на это Илья. — Автор ролика хотел пообщаться с ними, но они его чуть не пристрелили, велев валить от них подальше. Видимо, поняли, что уже не в родном мире.

— Дела... — произнёс я. — Если эта хрень будет продолжаться так же, то и в Исландии будет несладко. Теперь ты понимаешь, о чём я говорю, Ани?

Моя финская фанатка молчала, переваривая информацию.

А я вот думаю, что калейдоскоп событий ускоряет вращение: завтра обязательно будет хуже, чем вчера, поэтому нет особой разницы, где именно ты будешь встречать это завтра.

Глава 24. Фурин

/15 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

Мы сидели у подъезда и слушали радио. Солнышко светит, но на улице пять градусов тепла, а ещё есть неприятный ветерок.

"... против нас!" — доносилось из радиоприёмника. — «Соппротивление бесполезно! Опрокинем любого! „Бригада“ — это будущее!»

— И давно они так? — поинтересовался я.

— Вот, с утра начали, — пожал плечами Михаил Михайлович Бродов, бывший профессор СПбУ.

— М-да... — я почесал гладко выбритый подбородок.

Начинается то, чего все ждали уже очень давно: суперы, контры или не контры, достаточно централизовались, чтобы начать хотеть большего. «Бригада» — это, конечно, смешно, но только вне контекста. Вероятно, чоткие поцыки с раёна обзавелись сверхспособностями и почувствовали себя достаточно сильными, чтобы начать подминать под себя город.

Примечательно, что они догадались использовать радиовещание, чтобы манифестировать свою позицию по поводу остальных обитателей умершего города.

— В интернете тоже пишут, что «Бригада» серьёзно взялась за дело, — поделился сведениями Илья, оторвавшийся от телефона. — Зачистили Аптекарский остров и засели в ЛЭТИ. Их уже задеанонили (1) — это пацаны с шестой общаги СПбУ.

— И чего хотят? — поинтересовался я. — Уже десять минут слушаем, а ничего толкового, кроме угроз и распушения перьев.

— Да ясно, чего они хотят, — вздохнул Михаил Михайлович. — Власти.

— Нет, это-то понятно, — посмотрел я на него. — Имею в виду, конкретные требования, предложения, компромиссы — если ничего этого нет, то с ними просто невозможно иметь дело.

— В «Телеге», на канале «Живые», пишут, что это какие-то беспредельщики. Атакуют всех, кого увидят, сразу с суперских способностей, — ответил бывший ополченец. — Они хотят отжать себе Петроградский район, а там и до Васильевского острова дело дойдёт...

— Нельзя договориться с тем, кто хочет землю, на которой ты стоишь, — произнёс я.

— Нужно сообщить Агате Петровне, — сказал Михаил Михайлович и встал с лавки.

Он пошёл в сторону оперативного штаба, радиоприёмник продолжал вещать бред о том, как «Бригада» наведёт порядок в городе, а мы с Ильёй сидели и пытались получить хоть сколько-нибудь полезную информацию из этого потока сознания.

У меня в кармане завибрировал телефон. Рингтонов я уже давно не слышал, потому что сейчас у всех телефоны на вибрации или в беззвучном режиме.

Единственные, кто может «похвастаться» классными рингтонами — это зомби. Правда, телефоны уже давно должны разрядиться, потому что две недели без подзарядки — это срок, который может просуществовать только телефон класса «кирпич». Смартфоны же не рассчитаны на непрерывную работу без подзарядки более двух дней, но это только в лучшем случае. Поэтому сейчас, спустя две недели, толпы мертвецов больше не издают посторонних звуков, от вызовов до уведомлений или напоминаний.

— Не, тут ничего толкового, на цикл крутят, — выключил приёмник Илья. — Что делать будем?

— Пусть другие думают насчёт «Бригады», — пожал я плечами. — А лично я буду сегодня разбираться с масками. Ты, кстати, использовал сферу?

Илья полез во внутренний карман кителя и достал оттуда сферу.

— Нет, не рискнул, — сказал он. — Возвращаю.

— Не рискнул или не захотел? — уточнил я.

— Не захотел, — признался Илья после недолгой паузы. — Сначала хотел, но потом почитал один форум...

— Дай-ка мне адресок, — попросил я, вытаскивая смартфон.

— Мы так и не обменялись контактами, — произнёс Илья.

— Диктуй номер, — потребовал я.

Обменялись номерами, после чего я нашёл его в «Телеге» и в «ватсапе». Другие соцсети были не важны, потому что всё, что нужно людям сегодня, есть в «Телеге» и «ватсапе».

— Ссылку кидаю, — сообщил бывший ополченец. — Ничего не пиши там о себе, а то могут вычислить.

— Ты рассказываешь деду, как правильно кашлять, — поморщился я. — Разберусь.

— Ну, я так, на всякий случай, — зачем-то начал оправдываться Илья. — Так что ты хотел с масками?

— Надо проверить, работает ли маска на других людях, — сказал я. — У меня есть маска Наполеона, но я имею подозрение, что могу получить ещё больше масок, правда, это надо проверить. Сегодня и проверю.

Подозрение моё, о возможности получения дополнительных масок, базировалось на смутных ощущениях, исходящих непонятно откуда. Возможно, что из подсознания или от сверхспособности, которая не может делиться информацией о себе напрямую, но работает через подсознание. Не знаю, какой в этом смысл, но лучше так, чем никак.

— Будешь добровольцев искать? — спросил Илья. — Я подписываюсь.

Где-то в стороне временной мастерской грохнуло металлическим лязгом. Там кузница Антона Борисовича, игравшего в постановке Корифея. Он, вдохновлённый образцами латной и пластинчатой брони из Эрмитажа, решил освоить изготовление индивидуальной брони из современных материалов. Амбициозно, трудозатратно, но бабушка одобрила инициативу.

— Имей в виду, что это не так уж безопасно, — предупредил я бывшего ополченца. — Маска лезет в голову не хуже сфер. Если сработает, то будь готов к тому, что твои мысли будут ненавязчиво подменяться мыслями маски.

— Да уже не особо-то и важно, — махнул рукой бывший ополченец. — Главное — можно снять её и воздействие пропадёт. Ведь так?

— Так, — кивнул я. — Что ж, пошли обратно в квартиру.

Поднявшись на этаж, я отворил дверь. В прихожей Ани спешно обувалась.

— Ты куда? — спросил я.

— Прогуляться хочу, — ответила та. — Тут рядом нет кладбищ?

— Кроме Смоленского на острове нет никаких кладбищ, — покачал я головой. — Разувайся, поможешь нам с Ильёй.

— А что надо делать? — спросила она.

— Идём, — я разулся и пошёл в гостиную.

Под вторую маску у меня есть чехол, закреплённый на поясе. Вытаскиваю маску и

передаю её Илье. Тот смотрит на неё с сомнением.

— Давай, надевай, — потребовал я. — Ты уже подписался.

Илья тяжело вздохнул, посмотрел на Ани, стоящую в дверях, после чего надел маску на лицо и завязал ленту на затылке.

— Ну и... — начал он.

Но его прервал метаморфоз маски, впившейся в его лицо.

— Я ничего не понимаю... — пощупал Илья своё лицо. — Просто, будто, как-то иначе всё ощущается...

Одежда его начала видоизменяться, китель паттерна «цифра» изменился на красно-синий китель, а штаны стали монотонно белыми. Высокие сапоги и тёмно-серый сюртук появились последними. Бикорн появляться не пожелал, потому что на Илье не было головного убора.

— Сработало, — констатировал я, подходя поближе. — Снимай.

Илья подчинился, но с видимой в неуверенных движениях неохотой.

Принимаю маску и вижу, как одежда Ильи вновь возвращает себе исходный вид.

— Значит, ты можешь передавать часть своих сил другим? — спросила Ани.

— Всегда подозревал что-то такое, — произнёс я задумчиво. — Теперь твоя очередь, Ани.

— Но зачем? Я не хочу брать твою сверхспособность! — отступила она назад.

— Я хочу установить принцип, — ответил я. — Могут ли суперы принимать мою способность или нет. Смелее.

Вручаю ей маску и жду. Ани колеблется, смотрит на неё с недоверием и недоумением. Наконец, она решается и надевает её, завязав ленту.

— Ну, как ощущения? — спросил я.

— Никаких ощущений, — вздохнула Ани.

Ждём несколько минут, но ничего не происходит. Возможно, дело в том, что она женщина, а роль мужская? В наши просвещённые времена, конечно, по мнению всяких-разных особенных личностей, это не проблема, но маска может считать иначе.

— Ладно, ты можешь не подходить не только потому, что супер, — произнёс я. — Поэтому проверим на кое-ком другом.

Принимаю маску и направляюсь к выходу.

Любопытно, интересно, полезно. Надо было давно разбираться с этим вопросом, но как-то было всё недосуг.

Спускаюсь по лестнице и выхожу во двор. Ани и Илья пошли вслед за мной, очень желая узнать итоги испытаний.

Доносится звон металла в кузнице, где работает пневматический ковочный молот. Сейчас не Средневековье, чтобы долбить по заготовкам с помощью ручных молотов и мускульной силы, а ещё есть токарные и фрезеровочные станки, сварка, высококачественные инструменты и прочие вещи, позволяющие ускорять и облегчать традиционно время- и трудозатратные процессы. Но всё равно, изготовление индивидуальных доспехов — это нетехнологично и долго.

— Здравствуйте! — вошёл я в медпункт.

Роман Хитров, сидящий за партой, заполнял какие-то журналы.

— Дмитрий, — кивнул мне Роман.

— Окажите услугу, — попросил я. — Я выясняю потенциал своих масок, поэтому

прошу вас надеть вот эту маску.

— А зачем именно я? — не понял лекарь-регенератор, а затем указал на Ани и Илью. — У вас же есть, минимум, два объекта для исследования.

— Проверка действия маски на людях без сверхспособностей уже проведена, маски на них действуют, — объяснил я. — Но на Ани, имеющую сверхспособность, маска не действует, но я склоняюсь к мысли, что это из-за её пола. Чтобы удостовериться окончательно, мне нужен супер мужского пола. Вы.

— Тогда ясно, — кивнул Роман и встал. — Не будем тянуть, давайте свою маску.

Видно, что у него много дел, с которыми он хотел бы расправиться побыстрее. Передаю маску, после чего Роман решительно надевает её и завязывает ленту.

Ждём.

Если сработает, то надо проверить, как будет работать его сверхспособность с учётом сверхсил образа.

Но шли минуты, а ничего не менялось.

Только одна сверхспособность на человека, других вариантов нет. Ну, или мы ещё не встречали таких суперов.

— Думаю, мы установили всё однозначно? — поинтересовался Роман, снимая маску.

— Установили, большое спасибо, — кивнул я. — Мы пойдём...

— Всегда пожалуйста, — улыбнулся лекарь. — До встречи.

Покидаем медпункт и садимся на лавку у восьмого подъезда.

— Значит, ты в безопасности, — улыбнулась Ани. — Минус одна причина убить тебя ради твоей сверхсилы.

— Думаю, если меня грохнуть, то маски потеряют свои силы, — сказал я, доставая сигареты. — Теперь нужно проверить ещё кое-что. Нужна хорошая постановка, чтобы достать что-то хорошее.

— Слушай, а Супермена можешь? — загорелся Илья, также закуливший. — Или Флэша?

— По ним есть театральные постановки? — поинтересовался я.

— Ну, наверное, — не очень уверенно ответил бывший ополченец. — А какие ещё варианты есть? Железный Человек? Человек-Паук? Уверен, что по Железному должны быть постановки, он же очень популярен!

Что-то я сильно сомневаюсь, что получу сверхспособности Супермена на маске потенциала «простой» или «необычный». Даже сейчас, имея маску Тесея, есть ощущение, что «необычная» маска раскрывает его потенциал не в полной мере. А можно ли поменять образы на масках? Скоро узнаю.

— Ахиллес? — произнесла Ани.

— А вот это уже интересно, — достал я телефон.

Итак, Ахиллес, также известный как Ахилл. Что мы знаем? Неуязвимый для оружия, но с крайне слабой пяткой, через которую его убил Парис. Отец его Пелей, сын Эака, сына Зевса и Эгины, а мать Ахиллеса — морская нимфа Фетида. Неуязвимость объясняется двумя версиями. Первая версия, самая ранняя — Фетида пыталась выжечь из сына всё человеческое и сделать бессмертным, для чего помещала его в печь. Вторая версия, относительно поздняя — Фетида макнула сына в реку Стикс. В обоих случаях была упущена пятка, так и оставшаяся уязвимым местом.

Возможным и весьма вероятным сильным местом Ахиллеса являются его способности храброго и крайне опытного воина, которому нет равных. Добавь к этому неуязвимость —

увидишь машину смерти.

Из мифов известно, что Ахиллес замочил Гектора, который брат Париса. Вообще, если бы Парис не оказался слабым на передок, Менелаю пришлось бы искать другой повод для войны против Трои.

Так или иначе, Ахиллес один из лучших вариантов для образа маски.

Едва ли на «простом» потенциале можно добиться истинной неуязвимости, а также сверхъестественных боевых качеств, поэтому Ахиллеса лучше оставить на потом.

Там есть другие персонажи, обладавшие куда лучшими характеристиками, чем Ахиллес. Насколько вижу, в Троянской войне участвовали Одиссей, Атрей, Аяксы, Великий и Малый, Гектор, Парис, Агамемнон, Приам, Антилох, Патрокл и многие другие.

«Илиада» — это не театральная постановка, никогда такой не была, но я вижу, что среди материалов в браузере есть современный спектакль «Илиада» по Гомеру. Автор адаптации — некий Виктор Алексеевич Барсуковский.

Ищу материалы «Илиады» Барсуковского.

— Нет ничего, — с недовольством пробормотал я, натываясь на мёртвые ссылки.

У интернета свой зомби-апокалипсис...

— Может, Юлий Цезарь, там, не знаю... — заговорил Илья, подкуривший очередную сигарету. — Кто там ещё есть? Спартак?

— Это всё просто люди, — покачал я головой. — Нужен кто-то с сверхспособностями. Хотя... Что там по Юлию Цезарю?

/17 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

Двое суток — ровно столько потребовалось, чтобы всё подготовить и разучить роли.

Ставить решили произведение Вильяма «Наше всё» Шекспира, «Антоний и Клеопатра».

Я не знал наверняка, как всё это дело должно работать, но лично выточил из дуба театральную маску, вырезав на ней нейтральное выражение, потому что Октавиан Август был спокойным и рассудительным человеком, а также смотрится нейтральным персонажем. В этой шекспировской постановке он не антагонист, а, скорее, положительный персонаж. Это Антоний и Клеопатра сами себе враги, совершающие идиотские поступки.

— Нет, чересчур безумствует наш вождь: его глаза, блестящие, бывало, как Марс в броне, пред строем боевым, — возвестил Михаил Михайлович, играющий Филона, — забыл свой долг, с подобострастным взглядом устремлены на смуглое чело...

Нахожусь за кулисами, у меня выход только в четвёртой сцене. Если всё получится, придётся вплотную заниматься театральной деятельностью, давая частые постановки...

В этот раз собралась большая часть жителей нашей небольшой общины. Обстановка, несмотря на громкие радиообъявления «Бригады», в городе спокойная. Мертвецов на улицах полно, спецзомби лютуют, суперы решают межличностные конфликты, иногда доносится стрельба, но нас это не касается, поэтому мы продолжаем жить и крепить оборону.

В интернете пытался выяснить о судьбе защитников инженерного замка, может, кто-то сумел выкарабкаться, но я не нашёл ничего. Вообще, сейчас, как никогда, важна анонимность в интернете, потому что есть повышенный риск, что раскрытые сведения могут быть использованы против тебя. Пусть никто не знает, где ты, кто ты и как ты, так безопаснее. И даже если кто-то выжил, едва ли они будут писать об этом на весь интернет.

Стою, курю и думаю.

— О, лживая любовь! — плачущим голосом возвестила Ани. — Где урны те священные, которые бы должен наполнить ты слезами скорби?

— Довольно вздорить, — воскликнул Илья. — А выслушай намеренья мои — я их могу исполнить или оставить. Все дело в том, какой ты дашь совет. Клянусь огнём, живящим тину Нила, оставлю я Египет, как твой воин и твой слуга, чтобы упрочить мир или вести войну, как ты желаешь.

Эта болтология ещё надолго. Играют до крайности хреново, Ани ещё как-то, а вот Илья исполняет хуже актёров дошкольных постановок. Дошколята хотя бы не так стесняются, а Илья стесняется.

— Я абрикос, на юге рос... — пробормотал я, поправляя маску.

Побыстрее бы уже, не терпится узнать результаты эксперимента.

Наконец, подаётся знак от постановщика, коим выступает Роман Хитров, подписавшийся на это сомнительное мероприятие из научного интереса. Выхожу на сцену, а с другой стороны выходят Антон Борисович, играющий Лепида, а также свита из случайных людей, облачённых в простыни, изображающие тоги. Н-да, надо будет стогнать в Васильевский за реквизитом...

— Теперь, Лепид, ты можешь убедиться, что не в моей натуре ненавидеть великого соперника, — заговорил я. — Вот что мне пишут из Александрии: рыбачит, пьёт, пирует по ночам; в нем столько ж свойств мужских, как в Клеопатре подобно, как и женственности в ней не больше, чем в Антонии. Приёма посол с трудом добился у него, едва-едва он вспомнить удостоил товарищей; в нем виден человек, в котором все людские недостатки, как в перечне коротком, совместились.

— Едва ли в нем их столько, чтоб затмить все доброе, что есть в нем, — озвучил наизусть выученный текст «Лепид» Антон Борисович. — Недостатки Антония подобны звёздам в небе, сияющим тем ярче, чем черней ночная тьма; они в нем от природы скорее, чем от воли; бросить их скорее он не может, чем не хочет.

— Ты слишком добр, — продолжал я отыгрывать роль. — Допустим, что не грех покоиться на ложе Птолемея, за миг веселья царством заплатить, с рабами пить, или средь бела дня по улицам шататься в пьяном виде...

Надеюсь, одного моего мастерства хватит, чтобы вытянуть постановку...

Постановка продолжается своим чередом. Когда сцена с Октавианом и Лепидом была отыграна, ухожу за занавес и краем глаза отслеживаю реакцию зрителей. Кто-то крайне недоволен, потому что наше поделение на уровне детсада, а кому-то интересно, но главное — равнодушных нет. Это если давать такое дерьмо неделями подряд, будут равнодушные, которые не знают, зачем пришли, но сейчас, когда эта постановка впервые, внимание зала полностью на нас.

Время идёт, я, как вор в законе, иногда выхожу, а отдуваются Ани и Илья, обладающие здесь самыми большими ролями.

Публика не устала, потому что такого прочтения «Антония и Клеопатры» они ещё не видели — непрофессиональные актёры на главных ролях, более того, вообще не актёры, а профи на второстепенной роли, ещё и с усложнением в виде маски. Но играем с серьёзными лицами, потому что интенсивно готовились.

— ... Пусть войско всё при погребенье тела торжественно присутствует. Потом вернёмся в Рим. Иди же, Долабелла, распорядись печальным торжеством, — закончил я постановку.

Сразу же раздались аплодисменты, кто-то заулюлюкал, а затем до меня донеслись удивлённые возгласы. Я пощупал свою маску и понял, что она прильнула к моему лицу.

Бумажный «лавровый» венок потяжелел, как и бумажные доспехи.

— Спасибо вам, зрители, — улыбнулся я и покинул сцену.

Сработало...

— Сработало, о слава всем богам! — забежал я за кулисы и схватил Ани за плечи. — Вы понимаете, сограждане? Ты понимаешь ли меня, дева благородная?

— Понимаю, — улыбнулась Ани.

Смотрюсь в зеркало. Да, анатомическая кираса из стали, украшенная чеканкой с Марсом и волком, Гелиосом, Авророй, Селеной и прочими сюжетами, птеруги вместо наплечников, а также на бёдрах, но главное — палудаментум, то есть воинский плащ, подчёркивающий образ. На поясе никакого оружия, что предполагает самостоятельное нахождение онога и приобщение к образу.

— Вы знаете, что значит всё это? — спросил я.

— Понимаем, но ты всё равно скажи, — усмехнулся Илья.

— Это значит, что теперь наши дела пойдут лучше и веселее, — ответил я.

/18 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

— Информация точная? — спросил я.

— Жопу бы на это не поставил, — ответил Илья. — Но интересно было бы выяснить, что там да как.

— Выясним, — уверенно произнёс я. — Надо сходить и проверить.

У Ильи, плотно сидящего в интернете, есть сведения, что военные оставили некую артиллерийскую установку где-то во дворах то ли на пятой, то ли на шестой линии. Неизвестный источник утверждает, что рядом находятся закрытые ящики, скорее всего, с боеприпасами. Артиллерия сейчас — это стратегическое оружие.

— Не помнишь, там наши вообще были? — спросил я.

— Я те дни вообще не помню, — признался бывший ополченец. — Я даже пацанов остальных не помню, с кем вербовался. Всё будто в тумане...

— Я тоже не помню, — сказал я на это. — Проверить наводку надо, поэтому сейчас и пойдём. Вооружайся и надевай маску.

Решено, что Илюха будет носить маску Октавиана, уже проверенную мною. Потенциал у неё «простой», но всё равно это достаточно круто.

Проверка была комплексной и заключалась в испытаниях физических характеристик, а также боевых навыков.

Силу я проверял на тренажёрах, в зале, расположенном в подвале соседнего дома. В образе Тесея я могу жать пятьсот килограмм от груди, без каких-либо специальных приспособлений. Сверхчеловеческая сила, однозначно.

Реакцию я проверял с помощью пейнтбольного маркера, накачанного до максимума. Стрелял Илья, которому я сказал действовать максимально хитро и подло. Я поймал руками каждый шарик на дистанции пять метров, причём чувствовалось, что могу даже больше. Реакция тоже сверхчеловеческая.

Выносливость проверялась на беговой дорожке и с помощью других тренажёров. На максимальной скорости беговой дорожки, то есть восемнадцать километров в час, я бежал

три часа, параллельно просматривая фильмы на экране телевизора перед дорожкой. Даже не вспотел, а об усталости можно и не говорить. Тогда я вышел во двор и начал бегать на пределе скорости. Математические расчёты показали, что моя предельная скорость была около пятидесяти пяти километров в час. Это тоже за пределами человеческих возможностей.

Тесей — это полубог, а значит, обладатель сверхчеловеческих характеристик.

Без маски, на том, что осталось после снятия, характеристики существенно снижаются. Сила снижается в пять раз, реакция не лучше, чем моя исходная, то есть могу поймать парутройку шариков, а выносливость падает до человеческого уровня.

Замеры сил, даруемых маской Наполеона, проводились на мне же, показав, что Наполеон, конечно, лучше меня исходного, но всё равно в пределах силы человека. Впрочем, его навыки фехтования — это фактор выживания.

Маска Октавиана показала чуть более высокие, чем у Наполеона, физические характеристики, зато по фехтованию гладиусом, в который мы обратили самый паршивый меч из коллекции поделок Антона Борисовича, он превосходил французского императора наголову, а Наполеон лучше владел саблей, палашом или шпагой. То есть сравнивать их двоих — это как сравнивать тёплое с мягким. Бойцы совершенно разного назначения, что придаёт им оттенок специализации.

Илья, надевший маску Октавиана, испытываемый на беговой дорожке, показал хорошие результаты, гораздо выше, чем он мог без неё, а ещё ему импонировал образ Октавиана — я решил, что придержу Наполеона для себя, на случай особо важных переговоров, а Октавиана отдам Илье.

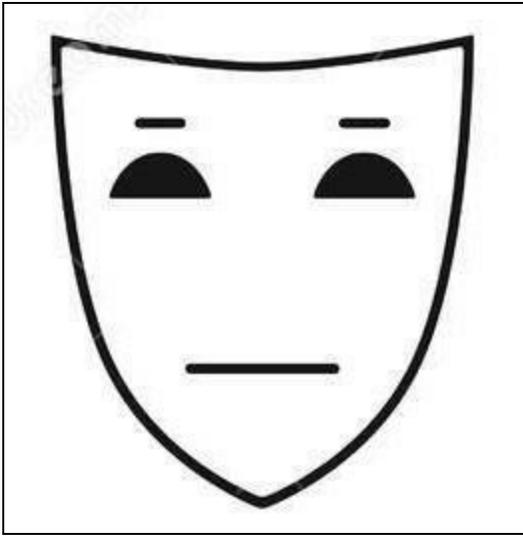
Поразительно то, как образ Октавиана влияет на Илью: известная нерешительность куда-то пропадает, он часто впадает в задумчивость и его начинают волновать очень дельные вопросы, касающиеся жизни нашей общины. В первую очередь, он невольно порывается проверять надёжность укреплений и охранения, а также запасы на чёрный день. Это в характере Октавиана, как я понимаю.

Илья с видимым удовольствием надел маску, в которой готов был хоть спать, после чего его броня, испанская кираса из Эрмитажа и лорика хамата оттуда же, преобразовались под стать образу. Неудачный фальшион превратился в удачный гладиус, а кусок двери в руке обратился в овальный щит с орлом. Средневековый шлем-бургиньот на его голове превратился в имперский, со стальной личиной, изображающей лицо Октавиана Августа. Образ аутентичный, с такой атмосферой роскошной античности.

— Я готов, мой друг, — поднял личину Илья.

— Тогда выходим, — сказал я, надевая маску Тесея. — Ко славным битвам и победам!

Маска Октавиана Августа:

Глава 25. К Меньшикову, с визитом

/18 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, 5-я линия/

Обычный питерский двор, с арками, с богато выглядящими парадными, парочкой машин, имеющих следы попыток взлома, крашенными и лакированными лавками, металлическими урнами с козырьками от затопления и раскрытыми почки деревьями. Один из тысяч подобных, ничего уникального. Кроме того, что тут обитает кто-то нехороший.

— Тишина... — повернул я голову к Илье. — Идём...

Вынимаю копис из ножен, перехватываю его поудобнее и двигаюсь через арку.

Нехорошие звуки, похожие на хруст осколков стекла под сапогами, но чуть-чуть отличающиеся.

Выглядываю из-за торца здания и вижу, что во дворе несколько десятков мертвецов, лежат длинной вереницей и не подают признаков нежизни. В начале этого трупного поезда стоит на четырёх коленях токсик, то есть специализированный зомби, плюющийся кислотой.

— Может, нам следует отступить? — тихо спросил Илья.

Я приложил палец к губам, но было поздно — мертвец отлично всё услышал.

— В атаку! — воскликнул я и побежал. — Ни дня без смерти злостной твари!

Токсик поднялся на все четыре и замогильно заурчал, начав надуть своё брюхо. Как понимаю, мы застigli его в момент приёма пищи из своих соратников. Ему нужно немного времени, чтобы приготовить смертельный плевок, ну, мне так кажется, поэтому надо поторопиться.

Я был в пяти метрах, когда короткий хобот надулся.

— Берегись! — предупредил я Илью.

Когда тварь плюнула, я бросился влево, пропустив сгусток кислоты рядом с собой. Единственное, что я получил — деморализующее действие отвратительной вони, окутывающей кислотный плевок.

На максимальной скорости прорываюсь в ближнюю дистанцию и наношу рубящий удар по передней ноге токсика.

Силы хватило, чтобы довольно крепкая конечность, которую не могли перебить попадания из АК74, развалилась на две части, выпустив густую тёмно-серую кровь.

Завоняло ещё хуже, чем от кислоты, но я не позволил себе прервать успешную атаку и отступить. Двигаюсь дальше, к следующей ноге, наношу ещё один удар, но уже не такой удачный — сустав разрушен, но конечность не отсечена.

Токсик начал заваливаться на бок, но тоже не остался в долгу, а раскрыл хоботок пошире и начал разбрызгивать кислоту вверх, каплями.

Капнуло на левую щеку шлема, на правое предплечье, а также куда-то на кирасу. Воняло, жгло, но я лишь процедил пару крепких ругательств и пошёл в наступление с фланга. Забираюсь на тварь по кормовой части, легко отражаю щитом невнятный плевок и попытки поцарапать меня лапками, после чего отрубая хобот и вбиваю копис прямо в лоб уродливой твари.

Прилив могущества был пусть и не самым большим, но ощутимым. Значит, тварь уничтожена, причём без разрыва брюха с кислотой.

Щит шипит, парит, нагревается — с сожалением отбрасываю его в сторону.

Спрыгиваю с трупа твари и смотрю на свою рану. Кислота нормально так обожгла плоть, даже небольшой каплей, причём ещё ничего не закончилось.

Я ожидал, что доведётся встретиться с токсиком, поэтому у меня в подсумке лежит коробочка соды. Зачем-то же она дома нужна, ведь так? Вот и пригодилась.

Сыплю соду на рану и ощущаю облегчение. Для лучшего эффекта надо носить с собой бутылочку с раствором соды, но мне было как-то лень заниматься бытовой химией, поэтому я просто взял красно-жёлтую коробочку с кухни. Да и сработало же, чего же боле?

Пинком ноги переворачиваю тело убитой мною твари.

— Баба была, — констатировал Илья, снявший маску.

Это можно было понять по остаткам длинных каштановых волос, обвислым серым сиськам, а также по большой вагине, сохранившейся в кормовой части.

— Красотка, да? — я тоже снял маску. — В твоём вкусе?

— Не, больно уж уродлива, — с усмешкой покачал головой Илья.

— Знаешь, как говорят в таких случаях? — спросил я с усмешкой.

— Как? — улыбнулся Илья.

— Я не из тех, кто ищет кралю покрасивше, нужны красавицы тому, кто духом слаб, — начал я пафосным тоном. — Я знаю: истинного воина призвание — бухать, махать мечом и трахать страшных баб!

— Дерзай, — указал Илья на тело токсичной мертвячки.

— Не дохлых же, — улыбнулся я. — Сможешь притаранить мне вот такую же, но не дохлую — вот тогда и обсудим.

— Хорошо устроился! — с притворным недовольством произнёс бывший ополченец. — Бабу ему притарань, а он ещё обсудит! Ничего не готов сделать ради большой и чистой любви!

Я огляделся.

— Не вижу здесь никаких артустановок, — вздохнул я. — Значит, не этот двор.

— Может, установки вообще нет, — сказал на это Илья. — Я бы не рассчитывал слишком сильно.

— Проверить мы должны, — я открыл на мобильнике карту. — Этот двор вычёркиваем... Тут всего восемь мест проверить — потом домой.

Это только кажется, что 5-я или 6-я линия — это слишком большое пространство для поисков. На самом деле, если знать, как именно думают артиллеристы, то поймёшь, что мест, пригодных для устройства артиллерийской позиции, не так уж и много. Я — артиллерист, я знаю, как думают другие артиллеристы.

Если наводка окажется верной, а мы не заберём артустановку, то это автоматически означает, что у кого-то появится новая артустанова. И мы не узнаем, верна ли наводка, пока не удостоверимся, что здесь точно нет никаких орудий.

Пусть компетентных артиллеристов сейчас, в наши скорбные времена, ещё меньше, чем компетентных медиков, но достаточно одного, чтобы устроить нам беспокойную жизнь. Так что наводку надо отрабатывать по максимуму.

— И ещё, — заговорил я, закуривая. — Попробивай в интернете, есть ли у кого-нибудь какая-нибудь артиллерия.

— Вот так мне расскажут, да? — усмехнулся Илья невесело.

— Имею в виду косвенные признаки, — уточнил я формулировку. — Взрывы какие-нибудь кто-нибудь слышал, видел что-то похожее на установку, ну, ты понимаешь. И вообще, ты же как-то получил наводку.

— Это-то я пробью, но что-то не верится мне, что у кого-то есть артиллерия, — вздохнул Илья. — А наводку я получил в «Телеге», где чего только не пишут. Говорю же, это легко может оказаться звездежом байкальской чистоты.

С артиллерией в городе дела обстоят очень плохо, но ещё хуже дела обстоят с боеприпасами. Ближайшие РАВ-склады либо опустошены нами, либо подорваны. Инструкции требуют уничтожать боеприпасы сразу же, как появляется риск их захвата противником, поэтому военные должны подойти к делу серьёзно и подорвать всё, что можно подорвать. Это и патронов к лёгкому ручному оружию касается. Монополия на артиллерию и автоматический огнестрел находится у военных, полиции и силовых структур и только у них — таков закон. Поэтому вооружаться самостоятельно, в глазах военных, гражданским запрещено. А где гражданские будут вооружаться? Правильно, на военных складах. Поэтому эти склады, если невозможен безопасный вывоз содержимого, должны быть подорваны. Боеприпасы очень хорошо и легко взрываются, поэтому двух высших для грамотного подрыва не нужно, а ещё персонал РАВ-складов имеет соответствующие инструкции на случай угрозы захвата.

Отсюда и проблема с боеприпасами к лёгкому огнестрелу, не говоря уже об артиллерии. Даже если мы найдём миномёт калибром меньше восьмидесяти миллиметров, это будет успешный успех, а если что-то вроде Мсты-Б, то вешайтесь все, в городе новый владыка...

— Ускоряемся, — сказал я и быстро пошёл по координатам следующей отличной позиции для артиллерии.

Пересекаем двор и выходим через арку, где натываемся на скопление мертвецов. Ублюдки, верно, прослышали о нашем появлении, потому что токсичная тварь верещала и хрипела.

— Руби-коли!!! — воскликнул я и кинулся в атаку.

Илья, в образе Октавиана Августа, чуть подотстал, поэтому я успел прикончить двоих, прежде чем он вступил в схватку.

Убивать простых мертвецов — это просто и скучно. Прироста могущества почти нет, лишь жалкие крохи...

Стоять. В момент уничтожения мертвеца Ильёй я почувствовал едва заметное ощущение прироста.

Чтобы удостовериться наверняка, прыжком с места отлетаю на три метра назад. Илья продолжает закалывать мертвецов, методично, спокойно, будто занимался этим всю жизнь. Причём любопытно, что он предпочитает «держаться» на шите одного, сражаясь с его соседом. Только вот смысла в этом особого нет, потому что они все атакуют только его.

И да, прирост могущества, после убийства Ильёй зомби, чувствуется, правда, где-то в десять раз слабее, чем тот, который я получаю за собственноручное убийство тухлых противников.

Значит, это как у вампира Олега, который получал часть могущества от своих, ныне покойных, прихвостней. Любопытно и интересно...

Вновь включаюсь в схватку, атакуя левым кулаком и кописом. Моей силы достаточно, чтобы отправлять зомби к праотцам даже не очень удачными ударами. Гнилая кровь

обагрила мою руку и меч, но я старался, чтобы она не попадала на броню и одежду.

Спустя время, меньшее, чем одна минута, с небольшим скоплением мертвецов было покончено.

— Странно, — произнёс Илья удивлённо, — но это легче, чем мне казалось.

— Это легче даже, чем кажется тебе и ныне, — сказал я на это, обтирая копием рубашку трупа. — Страх твой был внутри, но не снаружи. Маска не даёт страху выйти наружу.

— Страх никуда не делся, — покачал головой бывший ополченец. — Мне было страшно при каждом ударе, но это воспринималось как-то отстранённо... Не думаю, что когда-нибудь избавлюсь от него.

— Бояться — значит умереть, — заявил я. — Не умирай и не бойся.

— Буду стараться, — сказал на это Илья и в голосе его была усмешка.

Он вытер гладиус об одежду бывшей женщины в некогда белом деловом платье.

— Ступаем дальше, — поторопил я его.

Следующая точка нашего интереса находилась за баром «Мастер-Шейх». Странное название, как для Васильевского острова, но это дело вкуса владельца.

Это открытый двор, со свободным входом и отличным видом на него со стороны улицы. Деревья тут были повалены, что являлось отличным знаком — я бы, будь на месте артиллеристов, тоже срубил все дворовые деревья, чтобы они не мешали мне вести обстрел в любую из сторон. Сквозь крону стрелять, конечно, можно, но даже одного сдетонировавшего об ветки снаряда хватит, чтобы положить весь расчёт.

Дополнительным и, пожалуй, самым неоспоримым свидетельством пребывания тут артиллеристов служили многочисленные артиллерийские гильзы, рассыпанные небольшими кучками.

Ещё есть старые костяки в обрывках гражданской одежды, а также пустые ящики из-под снарядов. Костяки — это пытавшиеся пообедать мертвецы, а ящики — это свидетельство подвоза боеприпасов.

Что-то я ничего не слышал об этом расчёте. Возможно, морпехи — они же не такие, как все и выполняют свои задачи отдельно от нас. Хрен узнаешь теперь...

— Сто двадцать два миллиметра, — констатировал я, подняв одну из гильз. — Уменьшенным зарядом велась стрельба, что означает малую дистанцию до целей.

— Что то даёт нам? — спросил Илья, спародировав мою манеру речи.

— Не дерзи мне, энеево отродье, (1) — потребовал я. — Коль дороги тебе твои члены.

— Прошу прощения, — стусевался бывший ополченец.

— Уехали они уже давно, что значит то не наша цель, — продолжил я, осмотрев очень старые следы от колёс в грязи. — Поищем далее...

Следующий дворик, где можно было поставить пушку, встретил нас атмосферой разрухи и сожжённым БТР-80. По броневнику били чем-то тяжёлым, причём с разных сторон и даже сверху. Один из ударов пришёлся на двигательный отсек, что и, скорее всего, вызвало возгорание. Предмет, которым били по броневнику, являл собой вырванный с «корнем» фонарный столб, ныне воткнутый в стену стоящей к северу пятиэтажки.

— Сея тварюга зело сильна... — произнёс я. — Я жажду встречи с ней!

— С ума сошёл? — спросил Илья изумлённо. — Она же сильнее тебя!

— Тем слаще победа, — недобро усмехнулся я. — Здесь нет ничего, ступаем далее.

Четыреста с лишним метров спустя, мы оказались на внутриворотовом футбольном поле,

огороженном высокой сеткой-рабицей, призванной улавливать улетающие мячи.

— Вы чего тут забыли, болезные? — спросил мужской голос с крыши.

Поднимаю взгляд и вижу гражданского в дорогой демисезонной куртке, надетой поверх шерстяной клетчатой рубашки. В руках его некий АК «сотой» серии. Такое оружие в руках гражданских — это моветон.

Это мужчина средних лет, с, минимум, двухнедельной давности щетиной, грязный, ростом около метра восьмидесяти, без лишнего веса, но и без выраженных мышц. Похож на бомжа, но сейчас далеко не все могут похвастаться опрятным видом.

— Ищем кое-что, — ответил я. — Не скучно ли тебе одному на крыше?

— А я и не один, — усмехнулся он, взводя автомат. — Вываливайте всё, что у вас есть.

Или наделаю в вас лишних дыр.

Мы с Ильёй переглянулись.

Бросаюсь резко в правую сторону, а Илья в левую. Огнестрела у нас нет, но он необязателен, когда надо убить человека.

Незначительно прохлопав момент, бомжара с крыши открывает огонь одиночными — бережёт патроны.

Зря бережёт, потому что скоро они ему не понадобятся...

Молнией огибаю здание и начинаю карабкаться на стену, прыгая от отлива к отливу. Так можно, когда ты способен бросать своё тело на два-три метра вверх одними только руками. Но тут ещё сильно помогает декоративное оформление фасада здания, ну, знаете, пилястра в стиле «под античность». Это позволяет мне ненадолго почувствовать себя Эцио Аудиторе да Фиренце.

Подъём на третий этаж занял секунд десять, после чего я, без каких-либо пауз, помчался к противнику, пытающемуся пристрелить менее расторопного Илью.

Влетаю бомжу коленом в спину и понимаю, что убил его мгновенно, потому что настолько сочный хруст костей не оставляет и шанса на выживание. В последний момент перехватываю АК и не позволяю телу упасть.

От бомжа воняет тухлятиной и немывтым телом, что усиливает моё подозрение о доапокалиптическом образе жизни этого бедолаги. Но что заставило его обрести волю к жизни и вновь подняться на уровень остального общества, участвуя в общественной жизнедеятельности? Может то, что остальное общество, своим уровнем, слишком опасно приблизилось к нему? Как знать.

Не позволяя себе излишней брезгливости, лезу в самодельный патронташ, приспособленный под хранение магазинов к АК, если судить по форме ячеек. патронов у него было мало, лишь на один полный магазин, а остальные бакелитовые изделия, берущие род из СССР, были девственно чисты от латунных капсул смерти. Любопытно, что новых магазинов было только два, остальные от АК74. Не будет лишним.

Шарю по карманам и нахожу портмоне, набитое долларами и евро. Нынче это валюта дураков, иначе и не скажешь... Впрочем, бедолага мог и осознавать, что банкнотами сейчас выгоднее подтирать задницу, но не смог отказать себе в мнимом ощущении состоятельности, даруемом набитым хрустящими долларами и евро лопатником. Две недели назад за такое состояние могли и зарезать или даже пристрелить.

Больше ничего ценного у него нет, кроме начатой и обмотанной пищевой плёнкой банки свиной тушёнки, но брать её я не стал, дабы не подхватить какой-нибудь сифилис или гепатит...

М-да, вопрос нехватки еды в мёртвом городе уверенно поднимает голову. Те, кто позаботился о запасах или быстрее остальных ограбил ближайшие продмаги с супермаркетами, делиться едой не будут, поэтому остальные вынуждены урезать пайки и старательно искать крохи былой роскоши старого мира.

— У нас всё хорошо? — спросил Илья, стоящий под домом.

— Я более тебе скажу, ромей, — усмехнулся я и поднял в небо автомат. — Отлично всё у нас!

— О-о-о! — воскликнул бывший ополченец. — Пусть не лежит моя душа к огнестрельному оружию, но его ведь всегда можно обменять на что-нибудь иное!

— Так и поступим, друг мой! — заверил я его. — Спускаюсь!

На грешную землю я спускался тем же способом, что и поднимался, но уже со стороны внутреннего двора.

— Доверю боевой трофеей тебе, — передал я оружие Илье. — Но так и не увидел я искомого орудия...

— Найдём, если оно есть, — усмехнулся он. — Или узнаем, что его точно не было.

— Скорей уходим, ибо враг не дремлет! — поторопил я его.

С огнестрелом за плечом Илья шёл более уверенно, хотя, благодаря маске, он и так был вполне эффективен в бою.

Конечно, стрельба — это плохая практика в городе, кишашем зомби, но идиот с крыши уже достаточно нашумел, чтобы в этот двор сошлись все окрестные мертвецы, включая спецов, но теперь у нас есть средство на самый крайний случай, когда выучки и личной силы окажется недостаточно.

Смываемся с места преступления со скоростью молнии и мчимся в направлении следующей точки интереса.

Шестой дворик встретил нас запустением и унынием. На небольшой парковке догнивает четырнадцатая «Лада», которую кто-то освободил от колёс и поставил на кирпичи, судя по всему, задолго до апокалипсиса, у подъездов человеческие кости, пятна крови, клочки одежды, туристические сумки, обувь, игрушки...

— Эти бедные граждане пытались бежать из города, но слишком поздно... — произнёс Илья.

— И поделом, — отрезал я. — Для слабых — смерть, для сильных — слава!

— Увы, не разделяю эту точку зрения, — вздохнул Илья.

— Это не точка зрения, энеево отродье, — с раздражением оскалился я. — Это суровый и безжалостный, но факт.

— Не хочу верить, что живу в мире, где доминируют такие факты, — сказал на это бывший ополченец, поправляя маску.

Не считаю нужным что-то отвечать. Не хочет верить — пусть не верит. И я не верю. Я знаю.

Идём дальше, слушая всё и глядя повсюду.

— Вот здесь или нигде! — сообщил я, ткнув пальцем в экран смартфона.

GPS ещё даёт относительно точные координаты, но так будет не всегда. Нужно озаботиться обучением чтению карты — во мраке нашего будущего будут только бумажные карты. Никто не будет запускать новые спутники, никто не будет корректировать орбиты действующих.

Васильевский рынок — это место, где я бывал лишь изредка, до того как прославился и

разбогател.

— Держись за спиной, — приказал я Илье. — Нечисто здесь что-то...

Ворота рынка были закрыты на цепь с замком, а за ними виднелся кузов военного КамАЗа. Выглядит перспективно.

Подхожу к воротам и одним движением сворачиваю замок. На фоне, где-то там, откуда мы пришли, поднимается некий шум. В абсолютной тишине мёртвого города издали слышно даже топот множества ног.

— Внутрь, — произнёс я, заходя на территорию рынка.

Первое, что бросилось в глаза — прилавки пусты. Значит, эвакуировались местные без паники и визгов, а с вывозом товаров и персонала с рынка. И ворота на замок закрыли, видимо, рассчитывая на возвращение после окончания кризиса. Может, уже мертвы все эти люди, а может и сидят сейчас на Готланде, среди таких же беженцев. Тут пусто, хотя это отличная локация для устройства огневой позиции.

— Печально, — хмыкнул Илья. — Проверяем последнюю и идём домой?

— А есть ли дом? — спросил я его вместо ответа. — Но да, ты прав, надобно последнее место проверить.

Была ещё одна точка, где могла быть артиллерия, но я сильно сомневался, что нормальный артиллерист выберет её без крайней на то необходимости. Больно уж местечко незащищённое. К тому же, это здание находится не совсем на пятой линии, но близко.

— Артиллерии тут нет — таков вердикт, — вздохнул я, посмотрев на Илью. — Но есть локация, где я бы, в крайнем случае, поставил смертоносные орудья.

У дворца Меншикова есть открытое поле, где можно было бы поставить и что-то серьёзное, типа батареи 152-мм пушек или даже каких-нибудь РСЗО. Вряд ли, конечно, но чем чёрт не шутит?

— На меч их всех! — воскликнул я, когда мы вышли на перекрёсток Большого проспекта и 1-й линии.

Крупное скопление мертвецов двигалось по 1-й и Кадетской линиям, аккуратно в сторону Большого, по которому шли мы.

Трупы успели изрядно потрепаться в ходе странствий, одежда на них изорвалась, обувь стала пробитой формальностью, висящей на синюшных щиколотках. Тут их пара сотен, не меньше.

«Ерунда», — подумал я и размашистым ударом снёс башку первому мертвецу.

Мертвец, одетый в загрязнённую униформу полицейского, опал под ноги соратников, а голова его покатила по асфальту, разбрызгивая гнилую кровь.

Работаю как газонокосилка, активно двигаюсь и ощущаю крупницы могущества, даруемые за каждого уничтоженного врага.

Но внутреннее чутьё подсказывает мне, что до получения следующей маски мне предстоит убить очень много обычных мертвецов. Хотя надо понимать, что можно достигнуть всего этого, уничтожая спецов. Это смертельно опасно, но крайне выгодно.

Илья тоже рубит зомби гладиусом и отталкивает слишком ретивых щитом.

— Нам бы ещё пару манипул опытных легионеров! — поделился он мыслью.

— Могу я дать тебе лишь ещё больше врагов! — усмехнулся я. — Негоже натиск ослаблять, в атаку, друг мой!!!

С этими словами я врезаюсь в толпу и раздаю удары кулаком и копием. Щит мой, к сожалению, уже безнадежно испорчен кислотой, но так даже лучше, потому что кулаком в

бронеперчатке я орудию быстрее, а ущерб от него даже больше, чем от ударов щитом. Но надо будет, как вернусь в общину, обзавестись новым щитом, желательно чем-то потолще и потяжелее...

Копис полностью покрыт мертвецкой кровью, тошнотворно вонючей, но зато самих мертвцов очень быстро стало мало. Хватаю мелкого зомби, умудрившегося пролезть мне в ноги, за шкурку и бросаю в фонарный столб. Хруст ломающихся костей, брызги гнилой крови, а сам бывший мальчик «обхватывает» столб всем своим поломанным телом.

Потери никогда не останавливают мертвцов и ничуть не влияют на их боевой дух, потому что они слишком тупы для того, чтобы осознать что-то сложнее желания добраться до свежего и сочного мяса.

Остатки добиваю я, потому что Илья уже устал и отступил на несколько десятков метров назад. А я даже не вспотел и могу продолжать так хоть до глубокой ночи.

Когда последний мертвец из скопления лишился головы, останавливаюсь и оглядываюсь. «Контроль» не нужен, потому что мы бьём наверняка, поэтому вокруг лишь надёжно упокоенные мертвцы.

Вытираю копис о грязную сиреневую блузку «офисной мертвячки», после чего избавляюсь от крови с рук ветошью и достаю из кармана пачку сигарет. Воняет тут как в самом лучшем бомжатнике, обитатели которого давно уже умерли, но такие мелочи меня уже давно не волнуют.

Делаю глубокую затяжку и улыбаюсь.

— Ты — достойный воин, — подошёл Илья.

— Ты тоже держался отлично, — кивнул я ему и бросил на землю окровавленную ветошь. — Но некогда отдыхать, последнее место нас ждёт!

Оставляем после себя лишь изрезанные трупы и лужи крови — таков путь воина.

На Кадетской линии поворачиваем во дворы. И тут начинаются странности.

Ограда выбита грузовым автомобилем, врезавшимся в торец бежевого цвета здания, а газон усеян человеческими костями. В отличие от последствий деятельности обычных зомби, тут кости были тщательно обгрызены, даже хрящевой ткани нет. Будто сварили и очистили от плоти...

Идём дальше, к футбольному полю. Тут видятся следы активности военных — пустые ящики, сваленная в горку маскировочная сеть, ныне не особо-то и нужная, несколько военных грузовиков с раскрытыми капотами, а также передвижной генератор. А венец коллекции — 2Б9 «Василёк», стоящий у кустарника. С ним что-то не совсем так, но надо подходить поближе, чтобы разобраться...

— И снова я чувствую: не так что-то здесь... — произнёс я задумчиво, после чего посмотрел на Илью. — Держись близко.

Медленно и тихо, чтобы не спровоцировать кого-нибудь на что-нибудь, движемся к «Васильку». Его существование — это знак того, что наводка была верна. Правда, это не пушка-гаубица, как я надеялся, а лишь автоматический миномёт.

2Б9 «Василёк» — это буксируемый или самоходный гладкоствольный автоматический гранатомёт, принятый на вооружение ещё в СССР, в семидесятые годы. Лично не стрелял из него, меня не учили, но информацию по ТТХ и руководство по эксплуатации можно найти в интернете. Принципы у него те же, что и у классических миномётов, просто он стреляет со скоростью что-то около 100–120 выстрелов в минуту, что достигается применением кассет по четыре мины. Хорошая машинка, зарекомендовавшая себя в войсках весьма

положительно. Правда, жрёт боеприпасы как свинья, но зато не задарма, а с высокой эффективностью. Слышал я, что для полного обезлюдения указанного квадрата достаточно одного миномёта. Потому что один миномёт может заменить собой восемь 82-миллиметровых «Подносов», то есть классических миномётов с дульным зарядом.

В окнах дворца Меншикова мелькнул смутный силуэт. В призраков я не верю, поэтому надо полагать, что за футбольным полем кто-то постоянно следит. Из этого следует, что наводка из «Телеги» возникла не просто так, а с неким умыслом, возможно, что даже со злым.

— Следят за нами, друг мой, — поделился я наблюдениями с Ильёй. — Готовь оружие огнестрельное, но виду не подай.

Илья кивнул, а мы продолжили идти так, словно ничего не заметили.

На крышу дворца вдруг вылез некий парень в длиннополом кожаном плаще. Неопитерского разлива воздел руки к небу. Между кистями образовалась некая сфера из сгущающегося воздуха. Илье не надо было ничего говорить, поэтому он резко вскинул автомат и дал короткую очередь.

Пули врезались в некую невидимую глазу преграду, после чего я бросился в атаку.

Бывший ополченец кинулся в кусты, потому что противник со второго и третьего этажа дворца начал использовать дальнобойные сверхспособности, в виде ледяных игл, огненных шариков, сгустков искажённого воздуха и ещё чего-то, напоминающего пятна поглощающего свет мрака.

Уклоняюсь от всего, что в меня летит, благо, на пределе концентрации это нетрудно, после чего прыгаю на расположенный перпендикулярно к зданию забор, отталкиваюсь от него и цепляюсь за оконный отлив на втором этаже дворца. Вскарabкаться выше было тривиальной задачей. Три этажа — это совершенно несерьёзно.

На фоне раздаются хлопки и треск.

Бегу по крыше в сторону растерявшегося метателя, который начал пятиться и спешно формировать очередной сгусток искажения.

Он хочет что-то сказать, начинает отпускать сформированную сферу искажения, но я бросаю в него копис.

Меч преодолел оставшееся расстояние, после чего зацепил рукоятью сферу. Произошёл взрыв, напомнивший громкий петардный хлопок по звуку, но по действию близкий к разрыву гранаты. С тела сферометателя ободрало плащ, одежду, кожу, часть мяса, а также оторвало ему все конечности, включая голову. Копис улетел в неизвестном направлении, а я остановился в изумлении. В радиусе двух метров вокруг сферометателя всё было забрызгано кровью и фрагментами плоти. Страшная сверхспособность, опасная в умелых руках...

Вынимаю из ножен короткий кинжал и спрыгиваю со второго этажа.

Илью прижимают, не давая подняться сериями сверхъестественных залпов из огня, воды и мрака, но скоро ему будет гораздо легче...

Вхожу во дворец через окно первого этажа. В коридоре, устеленном старым и красивым паркетом, не было никого, поэтому я в два прыжка взбираюсь по лестнице и оказываюсь на втором этаже, где точно были противники.

— Он здесь!!! — крикнул кто-то. — Убейте его!

Зря он подал голос...

Теперь я точно знаю, где противник, поэтому бегу в верном направлении и в дверях натываюсь на пацана лет семнадцати, вооружённого палашом, лезвие которого

поблескивает особенным синеватым светом. Хватаю не успевшего среагировать на меня противника левой рукой за горло, сжимаю изо всех сил. Шея с хрустом ломается, тело обмякает, а я перехватываю падающий палаш.

В следующее помещение я врываюсь с выставленным перед собой телом. По мне стреляют из чего-то полуавтоматического, левое бедро болезненно царапает, но мне не до ран. Швыряю принявший на себя почти все пули труп во врага с полуавтоматическим оружием, после чего рвусь на сближение.

Рядом с правым ухом пролетает острый кусок льда, пущенный рыжеволосой девицей в синей мантии, чем-то напомнившей мне одеяние магов круга Воды из Готики. Странно, что я вспомнил об этой старинной и легендарной игре, но это была первая ассоциация.

Я действую быстрее простых людей, потому что моя реакция берёт истоки в полубожественной сути образа, но девица сумела меня удивить, когда начала грамотно брать упреждение. Со следующей ледяной стрелой я разминулся на миллиметры, после чего сделал правильный вывод и начал действовать менее предсказуемо.

У нас тут прогрессивное общество, истинное равноправие и эмансипация женщин, поэтому я не колебался и доли секунды, когда достиг магички и напорол её на палаш. Лезвие вышло из её спины, я увидел удивлённый голубоглазый взгляд, смотрящий в моё лицо с некой смесью обиды и непонимания. Этот жестокий мир построен сильными и жестокими мужчинами, девочка. Ты знала, на что шла, когда вступала в эту опасную игру...

С усилием смахиваю тело с меча и подбегаю к стрелку, пытающемуся скинуть с себя труп. Пронизываю оба тела, пока живое и уже мёртвое, палашом, издавшим некий инфразвуковой импульс, больно ударивший по ушам, после чего извлекаю палаш и бегу в следующее помещение.

Откуда-то сзади доносятся панические крики, озлобленные команды, но я последовательный человек, поэтому бегу вперёд, чтобы убить всех, кого увижу.

И у окон стоят трое, стреляющие по Илье.

Отрубаю ближайшему обе руки, следующему сношу голову, а третьего пинаю в бок ногой. Моя жертва, вооружённая винтовкой Мосина, отлетает в стену и разбивает своим телом красивую картину с Императрицей Всероссийской Екатериной I. Сколько ещё произведений искусства мы безвозвратно разрушим во имя своих шкурных интересов?

Добиваю ублюдка, лишившего нас картины, колющим ударом, после чего возвращаюсь к предыдущим телам и подхватываю самозарядный дробовик Вепрь-12 «Молот». С хрустом ткани срываю с тела предыдущего хозяина оружия разгрузку с боеприпасами, после чего перекидываю её через плечо.

Идти обратно тем же путём — это нарываться на лишние отверстия в теле, поэтому я выхожу через другую дверь и бегу вперёд, туда, где противник меня ещё не ждёт.

Стрельба прекращается по чьей-то команде, поэтому я останавливаюсь и внимательно слушаю.

Параллельно, пытаюсь определить местоположение противника по звуку, тихо извлекаю магазин и смотрю на тип боеприпаса. Пуля Бреннеке, 12 калибр. В магазине на восемь патронов, как видно через пластиковое окошко контроля расхода, осталось лишь четыре. Возвращаю магазин на положенное место и слушаю обстановку.

Раздался скрип половицы где-то на два часа от меня. Вскидываю самозарядный дробовик и открываю огонь. Оглушительный грохот закладывает уши, но я отстреливаю остаток магазина по направлению, после чего резко падаю на землю.

Слышны громкая ругань и болезненные крики. Значит, пули пришли адресату и моя тактика рабочая. Честно сказать, не был до конца уверен, что пули пройдут через стену. Хотя у них убойность дайте олимпийские боги каждому, поэтому убивать они должны наповал...

Противники открыли огонь через стены, поэтому в комнате очень быстро стало пыльно. Затопали сапоги, я перезарядил дробовик и отполз за резной лакированный комод из дуба.

Стрельба не утихала, древесная пыль из пробиваемых настенных панелей висела в воздухе, а громкие шаги приближались. Когда я был уверен, что противники уже перед входом в комнату, открыл беглый огонь. Две пули впустую, но третья попала куда надо и за дверным проёмом упал бедолага с развороченной свинцом головой. Вражеская стрельба стала чаще, но они стреляли не туда.

Бойким и отважным тараканчиком, вопреки естественным позывам инстинкта самосохранения, требующим убратся от источника проблем подальше, приближаюсь к двери и замираю с Вепрем-12 наизготовку.

Вновь очень близко скрипнула половица, после чего я разряжаю дробовик в межкомнатную стену, уповая на статистику.

Когда осталось два патрона, взлетаю на обе ноги и бегу вперёд. Первый встреченный враг, поджигавший бикфордов шнур на брикете тротила, получает пулю прямо в общевойсковой бронежилет. Подожжённый брикет падает на пол, пинком отправляю его между ног падающего противника, прямо в следующее помещение, после чего рывком возвращаюсь назад.

Взрыв, крики, а я снова иду в атаку, чтобы максимально реализовать возникшую неразбериху в свою пользу.

В помещении, где произошёл подрыв тротила, ничего не видно, кругом пыль и дым. Натыкаюсь на нетвёрдо стоящего парня в крутецкой косухе. Без раздумий протыкаю его палахом в глотку. Чтобы было наверняка, прокручиваю оружие и вывожу его из тела не обратным движением, а в сторону. Кровь брызнула вправо, а хрипящий бедняга осел на пол.

Теряю интерес к уже де-факто мёртвой жертве и ищу дальше.

Странно, что парень не был вооружён ничем, кроме пистолета в кобуре. Видимо, надеялся на свою сверхспособность.

Умудряюсь расслышать шипение бикфордова шнура. Рывок назад, но запоздалый. Вспышка.

По ушам будто ладонями дали, глаза заслезились, левую руку будто кипятком ошпарило. Сдавленным голосом выдаю матерную тираду и бегу в соседнюю дверь.

Всем телом выбив закрытую на ключ дверь, опрокидываю этот кусок дорогостоящей и древней фанеры на некоего мальчика, одетого в большой ему камуфляжный китель и армейское кепи. Дверью оказался прижат и автомат Калашникова образца 1974 года. Прыжком падаю на дверь и выпускаю из недоноска кишки. Контроль осуществляю уколом палаша.

Ублюдок, метнувший в комнату тротилую шашку, готовил ещё одну, поэтому мой молниеносный визит сквозь дверь застиг его в неловком положении с зажигалкой и тротилом в руках.

С недоброй улыбкой приближаюсь к нему и наношу тычковый удар стволом Вепря-12 в голову. Удар опрокидывает ублюдка на пол, после чего я забиваю ему ствол дробовика прямо в пасть, лишая белоснежных и здоровых зубов. Нажимаю на спусковой крючок.

Почему, когда я вступаю в схватку с любым противником, всё заканчивается кровавой баней?

«Ну, что поделаться?» — подумал я, усмехаясь и перезаряжая дробовик. — «Характер такой...»

В коридоре, куда я вышел вскоре, было целых пять человек, один из которых был со сверхспособностью.

Делаю три быстрых выстрела и заваливаюсь направо, за стену. Ответный огонь последовал незамедлительно, причём долбили по моему предполагаемому местоположению, где меня уже, разумеется, не было.

В ходе движения на четырёх костях вскакиваю и разбиваю телом окно. Ухватившись за детали фасада здания, перелезаю на балкон и возвращаюсь в здание через незапертую балконную дверь. Тут старинная голландская печь, стул для служащей музея, стены с картинами и дорогостоящая хрустальная люстра. Иду налево.

Суета и паника у противников, а я стою у закрытой ореховой двери и пытаюсь вычленивать из этого бардака ценную информацию. Понимаю, что в помещении передо мной кто-то есть.

Надо было взять тротилловые шашки у кого-нибудь... Вообще, надо озаботиться какой-нибудь взрывчаткой для личных нужд.

Откуда-то со стороны внутреннего двора доносится автоматическая стрельба. Это изменяет темп действий противников, а некто за дверью решил, что выжидать нечего и надо поскорее найти меня. Когда дёрнулась дверная ручка, я выстрелил три раза, после чего проломил дверь. Все три пули попали в брюхо невооружённого мужика в чёрном шерстяном свитере и чёрных джинсах. Он лежал на полу и сучил ножками, зажимая свой живот руками и пытаясь вдохнуть воздух. Подхожу и ударом ноги раздавливаю ему шею. Трахея сломана, а это значит, что мучиться ему уже недолго.

Противников всё меньше и меньше, это понимаю не только я, но и неизвестный вражеский командир, который решил дать приказ на отступление. То есть это я трактую его слова как приказ на отступление, но на деле он сказал что-то вроде «трахайтесь с этим сами, а я сваливаю». У паршивого командира и приказы паршивые...

Раз командование потеряно и каждый сам за себя, то считаю, что у меня есть право перехватывать инициативу и убить как можно больше противников.

Рвусь вперёд, встречаюсь с неким крепким мужиком, бегущим через коридор. Стреляю ему в грудь, но пуля напарывается на некую невидимую преграду, сплющивается и опадает. Небритый ублюдок довольно ухмыляется и начинает поднимать АКМ. С силой бросаю в него Вепрь-12 и кидаюсь в атаку.

Скорости полёта дробовика, к счастью, оказалось недостаточно, чтобы активировать сверхспособность противника, поэтому холодный металл врезался в уже почти поднятый автомат, а, спустя доли секунды, я уже был рядом. Вертикальный рубящий удар рассёк часть черепушки наглого мужика и открыл мне вид на аккуратный срез вражеского головного мозга.

Добивать его нет смысла, потому что он уже мёртв, поэтому я перешагиваю через опавший труп и бегу дальше.

Где-то на фоне разбиваются окна, раздаются панические возгласы, а откуда-то доносится непонятный звук, похожий на работу троящего двигателя. Иду на источник необычного звука.

Это оказался тот самый человек, пускавший сгустки мрака. Он, как и с самого начала, продолжал азартно слать в сторону Ильи свои сгустки, не обращая ни на что внимания.

Но когда я начал разгон, от стены отлип некий металлический конструкт гуманоидной формы, вооружённый бронзовым хопешем, то есть египетским серповидным мечом. Эти двое явно заодно, поэтому я наглухо блокирую ловкий удар лезвием, после чего хватаю конструкт за голову и отрываю её от крепления. Это было тяжело, почти на грани моих сил, хотя мне казалось, что это будет легко. С искрой голова конструкта отделилась от крепления, а рубинового цвета шарик в его глазницах погасли.

Метатель мрака уже понял, что что-то идёт не так, поэтому прекратил обстрел Ильи и повернулся ко мне. Но тут в окно прилетела короткая очередь от не тратящего время зря бывшего ополченца, поставившая точку в нынешнем противостоянии.

Противник завалился с простреленным в паре мест боком, причём, что любопытно, невидимое поле задержало целых три пули, пропустив четвёртую и пятую. Полагаю, это не какая-то удерживающая пули сверхспособность, а что-то ещё. Надо разбираться, что всё это значит...

Подхожу к беззвучно открывающему рот мракометателю и протыкаю его голову палашиком. Надо бы найти свой копис... или сделать новый, но уже из палаша.

Трофейное оружие оказалось отличным рабочим инструментом, с идеальным балансом и режущими свойствами. Нет, думаю, придержу этот палаш в неизменном виде, уж больно хорош...

Осмотр тела мракометателя показал, что у ублюдка есть на теле некие артефакты.

Один был в виде индейского ловца кошмаров, на котором есть идеограммы, быстро ставшие мне понятными.

Тип: Личный оберег «Защитник»

Потенциал: необычный

Заряд: 0/5

Краткое описание: Способен защищать от быстролетающих объектов (>90 м/с) ограниченное количество раз. Не перезаряжаемый.

Значит, отстрелявшись по мракометателю, Илья израсходовал заряд оберега и сделал его полностью бесполезным. А вообще, гарантированная защита от пяти выстрелов — это круто...

Было также серебряное колечко с идеограммами на шинке.

Тип: Среднее кольцо энергии

Потенциал: необычный

Краткое описание: увеличивает магическую энергию. Подстраивается под палец носителя.

Вот это мне надо, думаю. Кольцо не желало сниматься, поэтому пришлось сломать мракометателю безымянный палец левой руки. Надеваю увеличившееся кольцо на свой безымянный палец, после чего шинка начала сужаться, до тех пор, пока плотно не обжала мой палец.

Никаких новых ощущений я не испытал, но и хрен бы с ним. Подвернётся случай —

продам или обменяю на что-нибудь более полезное.

Больше у покойника ничего не было, поэтому я быстро пошёл осматривать другие трупы.

У ублюдка с АКМ обнаружился аналогичный личный оберег «Защитник» необычного потенциала, но с двумя зарядами из пяти. Снимаю и привязываю к лямке на боку кирасы. Есть защита от двух попаданий, но мне достаточно защититься только от одного, а второго просто не случится...

Вторым трофеем стал кинжал с интересным навершием в виде держателя для монеты или чего-то круглого.

Название: Кинжал Рагнара «Кровавого клинка»

Тип: проклятый ядовитый кинжал

Потенциал: редкий

Краткое описание: Этот кинжал принадлежал печально известному разбойнику Рагнару «Кровавому клинку». При ударах по ничего не подозревающим противникам или при ударах со спины клинок раскрывает внутренние пазы и выдвигает из них шипы, смазанные проклятым ядом мгновенного действия. Каждое полнолуние кинжал требует плату в виде одной золотой монеты. Неуплата приведёт к последствиям.

Оружие хитрого мокрушника, предпочитающего, чтобы враг видел его только когда станет слишком поздно.

Шарю по карманам покойника и обнаруживаю нейлоновый кошель с золотыми монетами. Видимо, давно уже носил с собой кинжал и не хотел проверять, что за последствия последуют за неуплатой.

Прибираю кошель в подсумок и закрепляю кинжал на поясе. Золота вокругдохрена и больше, оно уже никому не пригодится, поэтому «топлива» для кинжала Рагнара у меня будет в достатке. Надо будет, начну чеканить монеты самостоятельно.

В рюкзаке АКМщика обнаружилось пять банок с тушёной говядиной, а также общевоинская аптечка. Забираю также АКМ и боеприпасы.

Остальные тела в помещениях дворца практически ничего не принесли, никаких артефактов, но зато некоторое количество еды, оружия и патронов. У девицы в мантии обнаружилось вообще ничего полезного, только мантия, трусы, бюстгальтер, мобильник и ключи от дома и домофона.

Поднимаюсь на крышу, чтобы посмотреть на останки того неудачливого метателя сфер искажённого воздуха. Но там был сломанный личный оберег, искорёженный кинжал и помятый смартфон. Эх...

Вспоминаю о необычном палаше, что лежит у меня в руке. На нём есть надпись из идеограмм.

Название: Палаш Мученика Кассиана

Тип: освящённый палаш

Потенциал: редкий

Краткое описание: этот палаш принадлежал Мученику Кассиану. В эпоху Белой Чумы Кассиан отринул свою мирскую стезю и посвятил всего себя истреблению разносчиков Белой Чумы — арагонских крыс. Во время битвы против крысиного короля, в подземном

логове, Кассиан был лишён сознания, пленён и подвергнут публичным жестоким пыткам. Бог явился ему и предложил избавление от страданий, но Кассиан отказался, попросив лишь сил для битвы. Кассиан пожертвовал жизнью и убил короля арагонских крыс. Причислен к лику святости в статусе мученика, объявлен покровителем крысоловов. Палаш обладает способностью периодически испускать импульсы инфразвука, отпугивающего крыс и слабых духом. Для увеличения могущества палаша необходимо жертвовать.

Арагонские крысы? Нет, я слышал об Арагоне, допускаю существование там арагонских крыс, но сильно сомневаюсь, что они способны устраивать публичные пытки и ходить под властью крысиного короля. Этот палаш точно не из наших краёв...

Спускаюсь на площадку и иду искать Илью.

Завибрировал мобильник в кармане.

— Алё? — ответил я на вызов.

— Дим, меня пристрелили... — раздалось из динамика. — Я в кустах...

Срываюсь на бег и мчусь к нему.

Илья лежит за изрешеченным забором, прижимая к ране на груди окровавленный моток бинтов. Анатомическая кираса его лежит рядом, с зияющей дырой на месте попадания пули.

— Что же не сказал ты сразу? — спросил я, вытаскивая аптечку.

— Я потерял сознание и в себя пришёл лишь только сейчас... — ответил Илья.

Он тяжело дышал, с влажными хрипами — лёгкое точно задето.

Перебинтовываю ранение и колю ему обезболивающее. Некоторое время это нам выигрывает.

— Запрячу миномёт подальше — вместе побежим в общину коммунистов! — воскликнул я и заторопился.

Бегу к автоматическому миномёту и осматриваю окрестности. Здесь прятать нельзя, потому что сбежавшие подонки обязательно вернутся за своими, поэтому берусь за распорки орудия и начинаю укладывать их в походное положение. Рабочего грузовика нет, поэтому им буду я.

— Не умирай! — приказал я Илье и покатыл миномёт. — Оружие наготове!

Сойдёт любое место, расположенное подальше отсюда, и куда не ходят люди. В идеале надо создать такое впечатление, будто «Василёк» увезли далеко отсюда.

Выехал на Двинский переулок, пересёк его. Разогнался где-то до двадцати километров в час, лихорадочно изыскивая подходящее место.

— Здесь! — обнаружил я несколько частных гаражей.

Не постсоветские «ракушки», а построенные из кирпича вместительные коробки. Вскрываю ближайшие ворота и натываюсь на нагромождение всякого хлама. Посреди бардака стояло четыре табуретки и деревянный ящик. Местные алкаши, видимо, имели здесь явку, где пропивали остатки средств. Не трачу на это место слишком много времени и запираю его.

Второй гараж содержал в себе оранжевый ЗАЗ-968, полуразобранный и пыльный. Сиденья демонтированы, двигатель лежит рядом, стёкла тоже. Вытащить всё это не составит большого труда.

Вытаскиваю, как написано на шильдике, двигатель МеМЗ-968Г, бросаю его в траву у гаража, после чего начинаю вытягивать «Запорожец». Машина лёгкая, меньше девятисот килограмм, поэтому вытащить её было легче, чем волоочь сюда миномёт.

Быстро освобождаю гараж от всяческого мусора, оглядываюсь по сторонам, чтобы исключить возможность слежки, после чего закатываю в гараж автоматический миномёт. Запираю ворота с помощью куска арматуры, продетого через ушки замка и свёрнутого в букву Зю.

Теперь надо прибраться. Двигатель, стёкла, сиденья — всё в салон машины. Мусор смести, следы смести. После утаскиваю «Запорожец» к парковке и на этом заканчиваю маскировочные работы. Отныне надо точно знать, что «Василёк» в этом гараже, чтобы найти его. А так, я не думаю, что кто-то целенаправленно будет бомбить гаражи на предмет ценностей, потому что их там, по большому счёту, никто не хранит. Копошиться в мусоре, ради призрачного шанса найти что-то по-настоящему ценное?

Бегу к Илье, а тот лежит всё там же, в бессознательном состоянии. Проверяю пульс — ещё живой. Подхватываю его и срываюсь с места.

За спиной остались мертвецы, нагрянувшие к Меньшикову с визитом. И бог с ними, или чёрт. Мне всё равно.

/18 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, перекрёсток Шевченко и Малого проспекта Васильевского острова/

— Ты как, Илюха? — положил я друга на асфальт.

— Нормально... — ослабленный кровопотерей Илья улыбнулся. — Что происходит?..

— Нас преследуют, — ответил я. — Группа зомби особых. Они стремительны и целеустремленны.

— Уйти сможешь?.. — спросил бывший ополченец.

— Негоже бросать товарищей боевых, — заявил я. — Убью их всех, а после мы продолжим путь.

— Лучше убирайся... — попросил Илья. — Не подставляйся зря...

— Так не будет, — отрезал я. — Держи оружие наготове.

Вручаю ему приведённый к боеготовности автомат, беру щит-скутум и иду навстречу группе мертвецов.

Они не отличаются от обычных зомби ничем, кроме силы и скорости. А ещё они чуть лучше соображают, поэтому могут выбирать цели. Обычные просто прут напропалую, а у особых есть цель. Это не инстинкт самосохранения, вовсе нет, а просто целеустремлённость на результат. Да, как бы странно это ни звучало, но особые мертвецы хотят человечины даже сильнее, чем обычные, поэтому даже готовы учитывать риски неудачи. Но, если для достижения успеха надо будет потерять конечность или понести серьёзный урон, особый мертвец пойдёт на это. Потому что они не испытывают сомнений, они не могут думать и рефлексировать — чистый инстинкт, помогающий достигнуть успеха. Так пишут в интернете те, кто уже имел несчастье пересекаться со спецами.

Ещё говорят, что есть некие командиры среди зомби. Тоже тупые, не способные думать дальше одного хода, но ведущие спецов за собой. А за спецами идут обычные зомби, но не потому, что они чего-то хотят, а просто потому, что кто-то идёт в определённую сторону, что пробуждает стадный инстинкт. Совсем как люди.

Быстрые зомби двигались по Малому проспекту группой из четырнадцати особей. Одежда на них рваная, но кое-кто снаряжён элементами кустарной брони, сделанной ещё

при жизни. Оружия у них нет, потому что они слишком тупые для его использования, но им оно и не надо — есть острые когти на руках и ногах. Схватка будет горячей.

Сближение с самым быстрым мертвецом — он кидается в самоубийственную атаку и сразу же теряет голову. Ухожу в сторону, пропуская труп мимо.

Следующие двое кидаются вместе, учтя опыт первого неудачника. Одного отталкиваю в сторону щитом, а второму срезаю обе руки одним ударом. Сверхсила позволяет делать многое, но тут дело больше в особом палаше. Режущие свойства просто превосходные, лезвие не тупится даже после преодоления прочных костей, а совокупность прочностных характеристик превосходит даже быстрорежущие стали, ну, по моему мнению. Замечательная штука — я даже рад, что столкнулся с этими идиотами, решившими поживиться за мой счёт. Жаль только, что Илью подстрелили...

Приток могущества высокий, за каждого быстрого мертвеца отсыпаются щедрые порции, приближающие меня к следующей ступени развития масок.

— Ух! — отпрянул я от молниеносного выпада.

Одетый в остатки военной сапёрной брони мертвец оказался на удивление быстрым, но недостаточно, чтобы достать меня. Это игра с огнём, конечно, драться на столь неравных условиях. Одна царапина — я покойник, а вот мои удары по мертвецам не гарантируют мгновенного уничтожения. Поэтому надо бить наверняка.

Палаш выдал волну инфразвука, на которую мертвецам было всё равно, а мне неприятно. Рублю зомби-сапёра по левой руке, отсекая её напрочь, а затем закрываю левый бок щитом, принимая на него мощный удар двумя когтистыми ногами.

Отступаю и наношу колющий удар в лицо зомби-сапёра. Противник легко уклоняется, отводя голову с траектории, но не может сдержать себя и кидается в новую атаку. Тут-то я его и подлавливаю — удар сверху вниз насаживает подбородок мертвеца на острие и убивает тварь надёжнее выстрела в переносицу.

Выдёргиваю палаш, рывком отступаю назад, чтобы не позволить остальным тварям окружить меня, после чего вижу выходящего из северного переулка токсика. Эта тварь заставляет меня несколько изменить план.

Двигаюсь по большой дуге, пристально глядя на действия быстрых мертвецов, замедлившихся для выработки противодействия. Останавливаюсь я лишь тогда, когда быстрые мертвецы оказываются между мной и токсиком.

И токсик делает свой ход — плюёт в меня своей знаменитой в широких кругах кислотой. Уклоняюсь, пропуская сгусток кислоты слева, после чего наношу удар по прыгнувшему на меня быстрому. Голова рассечена, противник падает бессмысленным кулём из гнилого мяса и костей.

Следующий сгусток кислоты я принимаю на щит, не от безысходности, а со злым умыслом. Теперь щит превратился в оружие.

Перехватываю инициативу и атакую.

Когда все ждут ударов палашом, бью щитом. Кислота, пожирающая нижнюю часть щита-скутума, отлично перекидывается на кожу мертвецов, делая за меня мою работу.

Заруба была скоротечна, из четырнадцати быстрых зомби не выжил никто, я увернулся от очередного плевка кислотой и перешёл в стремительное наступление на токсика, бросая себя в интервальные рывки, чтобы затруднить прицеливание. Токсик к такому был не готов, поэтому безбожно мазал.

Подлетаю к нему и, согласно уже выработанной тактике, рассекаю переднюю левую

ногу врага. Тварь оседает, готовится расплескать кислоту по малому радиусу, но я немножко меняю план и прыжком кидаюсь прямо на токсика. Выставленные руки ему не помогли, потому что я отразил их движение оплавленным щитом, после чего вонзил острие в хоботок. Меч прошёл насквозь, выйдя из затылка.

Чувствую себя непобедимым, но это опасная иллюзия. Будь тут пятьдесят быстрых и хотя бы пять токсиков, бой прошёл бы совершенно иначе.

— А ты ещё не сдох... — прошептал я, глядя на завалившегося на спину токсика.

Подхожу к нему и срезаю голову начисто. Прилив могущества заставил меня ошеломлённо отпрянуть, после чего припасть на колени.

— Ох... — выдохнул я.

Это не новая ступень, но прирост мощи маски Тесея. Не следующая ступень потенциала, но некоторое приближение к ней. Теперь я понимаю, что можно развивать и другие маски...

Но главное — новые возможности для образа Тесея.

— Царство мёртвых? — спросил я себя. — Но зачем, если я и так в нём?

Нет времени размышлять, поэтому я прекращаю обдумывать новые грани развития и бегу к Илье.

/18 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Карташихина/

— Откройте проклятые ворота, идиоты! — прокричал я. — Быстрее!

Набираю бабушку.

— Скажи своим безумцам, что промедление для них равнозначно смерти, — сообщил я ей вместо приветствия. — Пусть скорее отпирают ворота!

Бабушка ничего не стала говорить, а положила трубку. Спустя десяток секунд, ворота поднялись и я забежал во двор.

Мчусь к медпункту, из которого выглянул обеспокоенный Роман Хитров.

— Окажите ему помощь! — потребовал я, заходя внутрь. — В него попали из ружья, пулевым патроном 12 калибра!

— На кушетку, — указал Роман. — Ничего не могу обещать, но поборюсь за его жизнь. Пожалуйста, покинь помещение.

— Маску не снимай, — попросил я. — Она дарует ему больше шансов.

Выйдя из медпункта, я снял маску и направился к дому. Теперь всё в руках целителя и судьбы, а мне нужно подумать о том, что делать дальше.

— Алё? — принял я вызов.

— Разобрался? — спросила бабушка. — Иди домой, у нас тут некоторые проблемы.

Собирался покурить, но бросаю пачку обратно в карман и двигаюсь к родному подъезду.

— Что случилось? — спросил я, входя в квартиру.

— Твоя ненаглядная устраивает скандал, — сообщила бабушка. — Сейчас не те времена, когда я готова была спускать подобное...

Я не помню времена, когда она вообще была готова спускать хоть что-то. Тяжёлый человек.

— Дима! — выбежала в коридор Ани. — Наконец-то ты пришёл!

— Что за скандал? — спросил я, удержав её от объятий движением руки.

— Скандал? Какой скандал? — не поняла она.

— Ани хочет, чтобы вы вдвоём уехали из Ленинграда, в какую-то там Исландию или на другой остров, — вздохнула бабушка. — У нас состоялся трудный разговор, который завершился ничем.

— Я не собираюсь никуда ехать, — сказал я. — Ани, мы это уже обсуждали. Хочешь ехать — езжай.

— Давай поговорим снаружи, без... — она посмотрела на Агату Петровну.

Бабушке не понравился такой пассаж, она поджала губу и отвернула голову.

— Давай поговорим снаружи, — вздохнул я. — Но это ни на что не повлияет.

Вышли во двор и отошли к перекрытой арке.

— Мы же уже обсуждали всё это, — сказал я. — Я никуда не поеду, а ты вольна уезжать, куда захочешь.

— Без тебя мне никуда не нужно, — произнесла Ани. — Но тут слишком опасно...

— Ты главное пойми — у нас ничего не получится, — сказал я. — Эти отношения бесплодны, потому что я не питаю к тебе никаких романтических чувств.

Мы уже это обсуждали когда-то давно, во времена, когда всё было хорошо и спокойно, когда не было зомби, апокалипсиса и дефицита всего, а были только съёмки, деньги, роскошь и слава. Ани попыталась ко мне подкатить, но я чётко обозначил пограничную линию наших взаимоотношений, а она сказала, что всё поняла. И вот мы вновь в той ситуации, когда ей нужно больше, чем я могу дать.

— Но я думала... — заговорила Ани нервно. — Ведь всё изменилось, я прилетела к тебе, Дима...

— Я просил тебя не делать этого, но ты проигнорировала мою просьбу, — сказал я. — Я просил тебя не искать меня, потому что это слишком опасно. Ты делаешь всё наперекор мне, а потом искренне удивляешься, что я не иду тебе на встречу?

— Но я думала, что ты наконец-то всё понял и теперь... — Ани была обескуражена.

— Ничего не изменилось, — покачал я головой.

— Всё изменилось, Дима! Всё! — воскликнула она. — Мир на пороге гибели, человечество вымирает, смерть кругом, а ты... Я ведь не прошу многого!

— Ты хочешь, чтобы мы, каким-то образом, убрались в Исландию и просуществовали там неопределённое количество времени, вдвоём, — напомнил я. — Зачем мне это?

— Так тебе нужны другие бабы?! — вскипела Ани. — Я так и знала!

— Я свободный человек, — вздохнул я. — Я сам решаю, с кем и как мне быть. Нас с тобой связывают только дружеские отношения, поэтому будь любезна, не ставь мне условий.

Неприятный разговор, но он должен был состояться уже давно. Возможно, в самом начале.

За спиной у Ани появились трое косторезов.

— Не делай того, о чём потом будешь жалеть, — попросил я её.

— Ты должен поехать со мной, Дима, — словно констатируя факт, произнесла Ани. — Иначе не будет.

— Уважаемые, у вас всё хорошо? — начал приближаться к нам один из вооружённых охранников.

— Уйди, — махнула Ани рукой.

Один из косторезов сделал несколько шагов к отпрянувшему охраннику.

— Ты потеряла над собой контроль, — произнёс я. — Отведи косторезов, Ани.

— Ничего я не теряла! — прокричала она. — Ты идёшь со мной, и мы уходим из этой дыры!

— Этого не будет, Ани, — покачал я головой. — Успокойся и отведи косторезов.

— Не буду я успокаиваться! — ещё громче, на истерическом уровне, прокричала Ани. — Хочешь или нет, но ты идёшь со мной, Дима!

— Он никуда не идёт, — из подъезда вышла бабушка. — Ты можешь катиться куда хочешь, а Дима останется дома.

Ох, какая неловкая ситуация. Дома я тоже не собираюсь оставаться, потому что наши взаимоотношения с бабулей очень далеки от здоровых. Как там это называют психологи из сети? Токсичные отношения? У деда с бабушкой были токсичные отношения, у отца с нею же, у меня тоже есть. Она тяжёлый человек, с которым тяжело жить, но уже пару дней как я осознаю, что жить-то мне с ней необязательно. Самое тупое — она сама говорила мне съезжать, рвать этот порочный круг и убираться подальше, чтобы не травить себе жизнь, но я тогда был слишком напуган перспективой самостоятельной жизни, без мамы и бабушки. Трусливый обсос... Стыдно за себя.

— Здесь я тоже не останусь, — вздохнул я. — Буду жить в Питере, но где-нибудь в другом месте. Без тебя, бабушка, как ты этого и хотела.

— Времена изменились, Дима, — произнесла бабушка. — Теперь ты нужен мне. Очень нужен.

— Мне это надоело! — воскликнула Ани. — Убейте её!

— Ани, нет! — попытался я её остановить, но было уже слишком поздно.

Бабушка среагировала моментально — я практически увидел поток радиации, хоть это и невозможно. Все три костореза осыпались на асфальт, а Ани встала на колени. Она мертва, это видно, но это трудно осознать и принять.

— Зачем? — спросил я, глядя на Ани.

— Потому что она собиралась убить меня, — спокойно ответила бабушка.

— Я бы остановил её, — произнёс я. — Зачем ты её убила?

— Она бы всё равно продолжила создавать проблемы всем нам, — ответила Агата Петровна.

— У тебя-то какие проблемы? Я всё равно уйду, — рука моя потянулась к маске на поясе.

— Внучок, у нас ведь сейчас не будет никаких сложностей? — холодным тоном поинтересовалась бабушка. — Ты ведь просто так опустил руку к маске, да?

— Просто так, — ответил я.

Не стал надевать маску, хоть и очень сильно хотелось. Никогда не проверял, но никогда не сомневался, что если на кону будет что-то важное, то бабушка пожертвует мной без особых сомнений. Такой уж она человек.

— Я уйду, — сказал я. — Давно надо было уходить...

— Да, надо было... — не стала спорить с очевидным бабушка. — Но теперь ты мне нужен, Дима.

— Только из-за того, что у меня есть полезная тебе сверхспособность, которая ещё не свела меня с ума, — грустно усмехнулся я.

— Нет, Дима, — покачала головой бабушка. — Ты нужен мне потому, что ты мой любимый внук.

Впервые слышу от неё что-то подобное. Может, раньше и было что-то вроде проявления тёплых чувств со стороны бабушки, но это легко могло мне просто показаться. Будучи ребёнком, я хотел верить, что меня любят, и родители с дедом меня любили, но вот насчёт бабушки я не очень-то уверен. И вот сейчас такое...

— Не верю, — отрезал я. — Хотел бы верить, но не верю. Поэтому я уйду. Не желаю иметь с тобой ничего общего.

— Уже имеешь, — вздохнула бабушка. — Ты — моя родная кровь.

— Я смогу с этим жить, но не с тобой, — сказал я и направился к медпункту.

Захожу в кабинет Романа и вижу, что он сидит и безучастно смотрит в окно.

— Илья в порядке? — спросил я.

Роман повернул ко мне голову.

— Вынужден сообщить, что он мёртв, — сказал он. — Я сделал всё, что мог, подстегнул регенерацию на максимум, израсходовал все свои силы, но слишком долго он был без помощи, слишком много крови потерял...

— Но почему? — спросил я с неверием. — Но почему? Я видел, он был жив!

— Это было ранение в печень, — ответил целитель. — Будь регенерация подстёгнута сразу, ещё можно было бы прогнозировать что-то благоприятное, но он слишком долго пробыл без помощи. Фактически его организм был отравлен самим собой.

В груди, как в генераторе вакуума, образовалась пустота.

— Илюха... — прошептал я потерянно.

— Мне жаль, — с искренним сожалением произнёс Роман. — Но такова жизнь...

— Жизнь у нас — полное дерьмо, это да... — кивнул я, положив руку на маску Тесея. — Где он?

— В морге, — ответил Роман. — Это двенадцатая квартира, что в соседнем подъезде, на первом этаже.

Иду туда.

Вася, парень, подрабатывающий санитаром у Романа, пропустил меня без лишних слов.

Илья лежал на банной лавке, принесённой сюда из ближайшей сауны, одежда и личные вещи его в подписанном пакете, лежащем под лавкой. На лице его маска Октавиана Августа. Это я виноват. Надо было идти одному.

Беру маску и поднимаю её. Глаза Ильи закрыты, а лицо умиротворённое.

— Не помог тебе Октавиан... — прошептал я. — Прости меня, друг...

Смотрю на идеограммы в левом верхнем углу маски.

«I — *пустая проклятая маска*»

— Чего?! — воскликнул я, после чего поднял свою маску.

«II — Тесей, сын Посейдона».

То есть выходит, что Илья забрал образ Октавиана Августа с собой, в могилу? Значит ли это, что если я умру, то заберу с собой образ носимой маски? Проверять не хочу. Могилу...

Могилу...

Блядь, царство мёртвых!

— Сука! — воскликнул я обрадованно.

Забрав пустую маску, я помчался наружу.

— Дима, нам надо поговорить... — встретила меня во дворе бабушка.

— Не о чем нам с тобой разговаривать, — пресёк я попытку завязать бесполезный разговор. — Мне надо спешить!

— Куда? — спросила она.

— В царство мёртвых, конечно же! — усмехнулся я. — Там Илюха и даже Ани! Пока, счастливо оставаться!

Надеваю маску и бегу прочь. Бабушка же осталась стоять с приоткрытым ртом. Надеюсь, она не создаст мне проблем.

/19 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище/

— Боги покарают за осквернение могил... — пробормотал я, работая лопатой.

Копая я уже давно, начал вчера вечером, а уже солнце взошло.

Попасть в Царство мёртвых можно двумя путями. Первый путь — прорваться в некие северные пределы, после чего найти там царство мёртвых. Второй путь — прорыть достаточно глубоко в месте соприкосновения царства мёртвых с царством живых.

Одиссей, как подсказывает мне акт ожесточённого гугления, пропутешествовал достаточно далеко на север, где и нашёл царство мёртвых. Теория, как подсказывает мне знание, дарованное образом Тесея, не лишена смысла, причём царство мёртвых должно быть где-то в наших краях, ну, по представлениям древних греков. Питер — это ведь север, так?

В местах соприкосновения двух царств, живого и мёртвого, обязательно плохая атмосфера, аура смерти и постоянно происходит всякая дичь. Да это полностью соответствует описанию Питера! Я уже на месте!

Надо прокопать достаточно глубоко, чтобы наткнуться на царство мёртвых, есть у меня такое ощущение...

Я прошёл уже метров десять вглубь, но скоро будет «неожиданная» проблема — землю уже не закинуть на такую высоту, поэтому надо срочно что-то придумывать. Азарт, охвативший меня после открытия, туманил рассудок и заставлял поступать опрометчиво.

Тут я слышу, что снаружи до меня доносятся странные и громкие звуки.

Бросаю лопату и начинаю карабкаться наружу. В прошлый раз такие звуки привели к яме группу мертвецов, которые упали прямо ко мне и обеспечили меня довольно неприятной схваткой в грязи. Я их убил, конечно, но теперь предпочитаю выходить наружу и встречать врагов на кладбищенской земле, а не в яме.

Выглядываю из ямы и осматриваюсь. Пусто, никого нет, но звуки доносятся откуда-то с юго-запада кладбища.

— Дело странное, — бормочу я.

Вооружаюсь палашом Мученика Кассиана и направляюсь навстречу звукам.

Мимо старых могил, украшенных надгробий, мраморных или гранитных, мимо чужих финалов жизненных историй...

— Вадик!!! — раздался знакомый голос. — Быстрее!!!

— Игорь? — озадаченно спрашиваю я.

Ускоряю шаг, а затем и вовсе перехожу на бег.

Неожиданная встреча, конечно, особенно на кладбище, но город маленький, если подумать...

Спустя метров триста, я вижу Игоря, бегущего на всех парах, а вслед за ним бежит Вадим, сжимающий в руках древко сломанного копья. За ними мчатся быстрые мертвецы, хрипящие и ревущие.

Улыбаюсь, потому что я не ожидал, что эти двое переживут битву за Инженерный замок. Глупо получилось, на самом деле — мы так и не обменялись контактами в «Телеге», хотя следовало бы. Может, будь мы вчетвером, Илюха сейчас был бы со мной...

— Дмитрий Ибрагимович?! — запыханно воскликнул Игорь.

— Ах-ха... Ах-ха... Ах-ха... — дышал, как загнанный пёс, Вадим.

Ну, глаза его выражали, помимо бешеной усталости, ещё и радость встречи.

— Бегите дальше, я разберусь, — сказал я ему, идя навстречу мертвецам.

/19 апреля 2022 года, Санкт-Петербург, ул. Беринга, кафе «Последнее прощай»/

— Почему вы в грязи? — спросил Вадим, перед этим жадно вылакавший полулитровую бутылку минералки.

— Копаю я тут, — пожал я плечами.

Курю сигару, откинувшись на кресло в VIP-ложе этого кафе. Местных мертвецов я истребил, поэтому тут относительно безопасно. Жаль только, что кафе уже разграбили мародёры и всё, что мы смогли найти — это бутилированную воду и то в незначительных количествах.

— А зачем? — спросил Игорь, пристально глядящий на сигару в моих руках.

— Курить хочешь? — поинтересовался я у него.

— Не откажусь, — ответил тот.

— А двадцать один тебе есть? — спросил я.

— Нет, но мне уже восемнадцать, — ответил он.

— Я всё ещё гражданин Казахстана, а в Казахстане сигареты и спиртное разрешено отпускать только лицам старше двадцати одного года, — усмехнулся я.

— Но мы же не в магазине, — нашёлся Игорь. — А ещё в России.

— Нечем крыть, — передал я ему сигару. — Только не взятяг, а то лёгкие угробишь.

Парень начал неумело курить, после чего допустил ошибку и затянулся. Он покраснел и закашлялся. Я лишь улыбнулся.

— Так зачем вам копать-то, Дмитрий Ибрагимович? — спросил Вадим.

— Царство мёртвых, дорогие мои, — ответил я. — Илью убили, но у меня есть уверенность, что он в подземном мире. И я знаю способы туда попасть. Осталось понять лишь одно...

— Что? — сразу спросил Вадим.

— Вы со мной или нет?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Примечания:

1 — Энеево отродье — Дмитрий, пребывающий в образе Тесея, намекает на официальную идеологию времён Октавиана Августа, гласящую, что римляне — это потомки легендарного Энея, обитателя Трои. После падения города-государства некоторые троянцы выжили, как оно и бывает обычно, но не сдались на милость победителей, а отправились в странствие, во главе с Энеем. Итогом странствия стало расселение троянцев на западном побережье Италии, где, по странному стечению обстоятельств, позднее был основан город Рим. Естественно, Эней прибыл в Италию не случайно, а благодаря прорицаниям Оракула.

Ещё он прибыл туда вопреки воле некоторых враждебных богов, ну и не обошлось без истории безответной любви Дидоны, правительницы зарождающегося Карфагена, к Энею, который не мог остаться, потому что его вела высшая цель. Согласно пророчествам, он должен был прибыть на территорию будущего Рима и жить там, чтобы своими потомками образовать великий и исключительный народ, коим считали себя римляне. Увы, это лишь обоссанная мистификация и настоящее притягивание сомнительных исходных данных за уши. Даже если бы Эней существовал в реальности, нахрена бы ему было отправляться во всеи олимпийскими богами забытую дыру на задворках цивилизованного мира? Тем не менее, римлянам, азартно мастурбирующим на Троянскую войну и события архаичного периода истории Древней Греции, надо было обосновать свою исконно-посконную исключительность и древность происхождения, поэтому они пропагандировали эту историю на все деньги.